

ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

1

2023

ВЕСТНИК
КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2023

Том 29

№ 1

Январь – Март

VESTNIK
OF KOSTROMA
STATE
UNIVERSITY

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2023

Volume 29

№ 1

January – March

**ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ
РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ (ПЕРЕЧЕНЬ ВАК),
В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК,
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК,
ПО СЛЕДУЮЩИМ ГРУППАМ НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ:
5.1. ПРАВО; 5.6. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ; 5.9. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ (РИНЦ) С 2003 ГОДА

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе,
Костромской государственной университет

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

ГОРЛОВА ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА
Костромской государственной университет

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Костромской государственной университет

БЕРЕЗОВИЧ ЕЛЕНА ЛЬВОВНА

доктор филологических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Институт русского языка им. В.В. Виноградова (г. Москва)
Уральский государственный университет (г. Екатеринбург)

БИБИКОВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

доктор юридических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

БОРОДКИН ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, председатель Научного
Совета РАН по проблемам российской и мировой
экономической теории (г. Москва), Московский
государственный университет им. М.В. Ломоносова

ВИШНЕВСКАЯ ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА

доктор филологических наук, профессор, действительный
член Российской Академии Естествознания (академик),
Ивановский государственный университет

ГАНЦОВСКАЯ НИНА СЕМЕНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственной университет

ГЛАДКОВ АЛЕКСАНДР КОНСТАНТИНОВИЧ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт Всеобщей истории РАН

ДЕФЬЕ ОЛЕГ ВИКТОРОВИЧ

доктор филологических наук, профессор, Московский педа-
гогический государственный университет (г. Москва)

ЕРМАКОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

доктор филологических наук, профессор,
Тюменский государственный университет (г. Тобольск)

ЗАХАРОВА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ИЗОТОВА НАТАЛЬЯ ВАЛЕРЬЯНОВНА

доктор филологических наук, профессор,
директор института филологии, журналистики
и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону)

КАПУСТИН НИКОЛАЙ ВЕНАЛЬЕВИЧ

доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF KOSTROMA STATE UNIVERSITY”**

EDITOR-IN-CHIEF

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor,
prorector of science
Kostroma State University

ASSOCIATE EDITOR-IN-CHIEF

VALERIYA GENNADIEVNA ANDREEVA
Doctor of Philology, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

EXECUTIVE SECRETARY

TATYANA VLADIMIROVNA GORLOVA
Kostroma State University

EDITORIAL BOARD STAFF

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kostroma State University

ELENA L'VOVNA BEREZOVICH

Doctor of Philological Sciences, Professor,
leading scientific associate
Vinogradov Russian Language Institute (Moscow)
State University of the Urals (Yekaterinburg)

ALEKSANDR IVANOVICH BIBIKOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

LEONID IOSIFOVICH BORODKIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Russian Natural Sciences Academy corresponding member,
chairman of scientific council of Russian Academy of Sciences
on the issues of Russian and world economics (Moscow),
Lomonosov Moscow State University

GALINA MIKHAILOVNA VISHNEVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Full Member of Russian
Academy of Natural History (academician),
Ivanovo State University

NINA SEMYONOVNA GANTSOVSKAYA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR KONSTANTINOVICH GLADKOV

Candidate of Historical Sciences, senior staff scientist,
Universal History Institute of the Russian Academy of Sciences

OLEG VIKTOROVICH DEFYE

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Moscow Pedagogic State University

ELENA NIKOLAEVNA ERMAKOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Tobolsk State University

NATALIYA VLADIMIROVNA ZAKHAROVA

Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

NATALIYA VALERIYANOVNA IZOTOVA

Doctor of Philological Sciences, Professor,
director of Philology, Journalism
and Intercultural Communication Institute,
Southern Federal University (Rostov-on-Don)

NIKOLAY VENALIYEVICH KAPUSTIN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

КАТЕРМИНА ВЕРОНИКА ВИКТОРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

КОМАРОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Москва)

КОПТЕЛОВА НАТАЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

КОЧЕШКОВ ГЕННАДИЙ НИКОЛАЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Почетный работник Высшего профессионального
образования РФ, Ярославский государственный педагогиче-
ский университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

КРЮКОВА ИРИНА ВАСИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет (г. Волгоград)

КУЧИНА ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ярославский государственный педагогический
университет имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

МАЛЬКО АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
директор Саратовского филиала Института государства
и права Российской академии наук (г. Саратов)

МАРКОВ АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ
доктор филологических наук, кандидат философских наук,
профессор, ведущий научный сотрудник
Российский государственный гуманитарный университет,
Московский государственный университет

МЫЗНИКОВ СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ
доктор филологических наук, главный научный сотрудник,
заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН
Институт лингвистических исследований
Российской Академии наук (г. Санкт-Петербург)

НЕНАРОКОВА МАРИЯ РАВИЛЬЕВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ПЕТРОВИЧЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор исторических наук, профессор,
директор Гуманитарного института,
Владимирский государственный университет
им. А.Г. и Н.Г. Столетовых (г. Владимир)

ПОЛИЩУК НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Академия права и управления Федеральной службы
исполнения наказаний России (г. Рязань)

ПОЛУБОЯРИНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории зарубежных литератур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ПОЛЫВЯННЫЙ ДМИТРИЙ ИГОРЕВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
почетный работник высшего образования,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

VERONIKA VIKTOROVNA KATERMINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kuban State University (Krasnodar)

SERGEY ALEKSANDROVICH KOMAROV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Russian Academy of National Economy
and Career Service under
the President of the Russian Federation (Moscow)

NATALIYA GENNADIEVNA KOPTILOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GENNADIY NIKOLAEVICH KOCHESHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

IRINA VASIL'EVNA KRYUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Volgograd State
Socio-Pedagogical University (Volgograd)

TATIANA GENNADIEVNA KUCHINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ushinsky Yaroslavl State
Pedagogic University

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ALEKSANDR VASILIEVICH MAL'KO
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
honoured science worker of the Russian Federation,
director of Saratov branch of State and Law Institute
of Russian Academy of Sciences

ALEKSANDR VIKTOROVICH MARKOV
Doctor of Philology, Candidate of Philosophic Sciences,
Professor, leading researcher,
Russian State University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University

SERGEY ALEKSEEVICH MYZNIKOV
Doctor of Philological Sciences, principal scientific associat,
head of Dictionary division,
Linguistic Investigations Institute
of Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg)

MARIYA RAVIL'YEVNA NENAROKOVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

ELENA MIKHAYLOVNA PETROVICHEVA
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Director of the Institute for the Humanities,
A.G. and N.G. Stoletovs
Vladimir State University

NIKOLAY IVANOVICH POLISHCHUK
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Academy of Federal
Penitentiary Service (Ryazan)

LARISA NIKOLAYEVNA POLUBOYARINOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of History of Foreign Literature,
Saint Petersburg State University

DMITRIY IGOREVICH POLYVYANNYY
Doctor of Historical Sciences, Professor,
honorary educationalist of higher education
of the Russian Federation, Ivanovo State University

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы РФ.,
Почетный работник сферы образования РФ,
действительный член Российской Академии
Естествознания (академик), Военный университет
Министерства обороны Российской Федерации (г. Москва)

РОМАНОВСКАЯ ВЕРА БОРИСОВНА
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

ТИХОМИРОВ ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТОКАРЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
Тульский государственный университет
им. Л.Н. Толстого (г. Тула)

ТОПОРОВА АННА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ТЮЛЕНЕВА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Ивановский государственный университет (г. Иваново)

УСМАНОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор,
Ивановский государственный университет

ФОКИНА МАДИНА АЛЕКСАНДРОВНА
доктор филологических наук, профессор,
Костромской государственный университет

ХАЛТРИН-ХАЛТУРИНА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА
доктор филологических наук,
доктор философии (PhD in English),
ведущий научный сотрудник, Институт мировой
литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕКАЛОВ КИРИЛЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ
доктор филологических наук,
заведующий отделом классических литератур Запада
и сравнительного литературоведения ИМЛИ РАН,
Институт мировой литературы
им. А.М. Горького РАН (г. Москва)

ЧЕРКАСОВ КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор,
судья Верховного суда Российской Федерации (г. Москва)

ЩЕРБАК АНТОНИНА СЕМЁНОВНА
доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
русского языка, Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина (г. Тамбов)

ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

ЙОСИФОВА ТАНЯ НИКОЛОВА
доктор права, Университет национального
и мирового хозяйства (г. София, Болгария)

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет, Сорбонна, (г. Париж, Франция)

TATIANA GEORGIYEVNA POPOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation,
honorary educationalist of education of the Russian Federation,
Russian Natural Sciences Academy full member (academician)
Military University of the Ministry of Defence
of the Russian Federation

VERA BORISOVNA ROMANOVSKAYA
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
Lobachevsky Nizhny Novgorod
State University

VLADIMIR VASILIEVICH TIKHOMIROV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

GRIGORIY VALERIEVICH TOKAREV
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Leo Tolstoy Tula
State University

ANNA VLADIMIROVNA TOPOROVA
Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

IRINA YURIEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA MIKHAYLOVNA TYULENEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Ivanovo State University

SERGEY MIKHAYLOVICH USMANOV
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Ivanovo State University

MADINA ALEKSANDROVNA FOKINA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Kostroma State University

ELENA VLADIMIROVNA HALTRIN-KHALTURINA
Doctor of Philological Sciences,
Doctor of Philosophy (the USA), leading scientific associate,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KIRILL ALEKSANDROVICH CHEKALOV
Doctor of Philological Sciences,
head of the Department of Western Classic Literature
and Comparative Litera Studies,
A.M. Gorky Institute of World Literature
the Russian Academy of Sciences (Moscow)

KONSTANTIN VALERIEVICH CHERKASOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor,
judge of Supreme Court of the Russian Federation

SHCHERBAK ANTONINA SEMYONOVNA
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Russian Language,
Derzhavin Tambov State University (Tambov)

EDITORIAL BOARD FOREIGN STAFF

TANYA NIKOLOVA JOSIFOVA
Doctor of Law, University of Economy for the Bulgarian Nation
and World, Sofia, Bulgaria

PHILIPPE COMTE
Professor of modern Russian language and literature
Pantheon-Sorbonne University, Paris, France

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- 7 **Околотин В.С., Сафолов Д.С.**
Меры Советского государства по укреплению трудовой дисциплины и их реализация на текстильных предприятиях Ивановской области (1939–1942 гг.)
- 15 **Волкова Е.Ю., Волков Г.Ю.**
Победа одна на всех:
Костромской край – для Сталинграда
- 22 **Моисеев А.Н.**
Формирование запасных частей и подразделений на территории Среднего Поволжья в годы Гражданской войны армейскими и местными органами военного управления
- 27 **Никифоров Ю.С.**
Функционал и ментальность руководителей советского производства Верхневолжских областей (1960–80-е гг.): потенциал источников и ключевые характеристики
- 34 **Алибеков С.Я., Кабатов С.А., Кабатова Е.А., Курочкина С.А.**
Анализ перстней из цветных металлов и металлических украшений селища Вёжи
- 49 **Виноградов А.Е.**
Готланд в контексте «варяжской легенды»
Повести временных лет
- 57 **Батунаев Э.В.**
«Монгольский вопрос» в советско-китайских отношениях (1921–1925 гг.)
- 62 **Сазонов Д.И.**
Вклад священника Павла Флоренского в идею обновления Церкви как историческая перспектива

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 68 **Андреева В.Г.**
Переписка Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова:
о первом и знаковом непонимании корреспондентов
- 73 **Коптелова Н.Г.**
Интерпретация образа сада в поэтическом сборнике Г.В. Иванова «Отплытие на о. Цитеру» (1911)
- 81 **Топорова А.В.**
О некоторых особенностях дантовского загробного мира
- 85 **Ненарокова М.Р.**
Образ толкователя и его «живые эмблемы» в книге «Путь паломника» Дж. Баньяна и ее адаптациях для современного читателя (XVII–XX вв.): к вопросу эволюции текста
- 93 **Овчаренко О.А.**
Особенности гетеронимии
в лирике Фернанду Пессоа
- 100 **Склизкова А.П.**
Проблема судьбы и свободы воли
в драме Г. Гауптмана «Ифигения в Дельфах»
- 110 **Королева В.В., Притомская А.Р.**
«Гофмановский комплекс»
в романе П. Зюкинда «Парфюмер»
- 117 **Дрейфельд О.В.**
Концепт *пустоты* в романе «Счастье Кандида»
С. Кругосветова (компаративный анализ)
- 123 **Ворожцова Н.А.**
Времена года в цикле К.К. Случевского «Из природы»:
авторская концепция мироздания

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 132 **Беднарская Л.Д.**
Синтаксические отношения – значения – функции
- 138 **Попова А.Р.**
Преобразование семантики фразеологизма в позиции заглавия (на примере текстов поэтического жанра стихофразы)
- 144 **Третьякова И.Ю., Кудрявцева Е.В.**
Фразеологические образы в условиях
окказиональной изменчивости фразеологизмов

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

- 7 **V.S. Okolotin, D.S. Safolov**
Measures of the Soviet State to strengthen labor discipline and their implementation at textile enterprises of the Ivanovo region (1939–1942)
- 15 **E.Yu. Volkova, G.Yu. Volkov**
One victory for all:
Kostroma Region – for Stalingrad
- 22 **A.N. Moiseev**
Formation of spare parts and units on the territory of the Middle Volga region during the civil war by army and local military administration bodies
- 27 **Yu.S. Nikiforov**
Functionality and mentality of the leaders of soviet production in the upper Volga regions (1960–80s): the potential of sources and key characteristics
- 34 **S.Y. Alibekov, S.A. Kabatov, E.A. Kabatova, S.A. Kurochkina**
Analysis of rings made of non-ferrous metals and metal ornaments of the village of Vezha
- 49 **A.E. Vinogradov**
Gotland in the context of the Varange legend of the Tale of Bygone years
- 57 **E.V. Batunaev**
The «Mongolian Question» in Soviet-Chinese Relations (1921–1925)
- 62 **D.I. Sazonov**
The contribution of Priest Pavel Florensky to the idea of the renewal of the Church as a historical perspective

SCIENCE OF LITERATURE

- 68 **V.G. Andreeva**
Correspondence between Leo Tolstoy and Nikolay Nekrasov: on the correspondents' first and significant misunderstanding
- 73 **N.G. Koptelova**
Interpretation of the image of garden in the collection of poems "Embarcation for Cythera" by Georgy Ivanov (1911)
- 81 **A.V. Toporova**
On Dante's Afterworld
- 85 **M.R. Nenarokova**
The image of the interpreter and his "Living Emblems" in "The Pilgrim's Progress" by John Bunyan and its adaptations for the contemporary readers (the 17th – the 20th centuries): on the issue of text evolution
- 93 **O.A. Ovcharenko**
Peculiarities of heteronymy in the lyrics by Fernando António Nogueira Pessoa
- 100 **A.P. Sklizkova**
Problems of fate and free will in Hauptmann's "Iphigenia in Delphi" drama
- 110 **V.V. Koroleva, A.R. Pritomskaya**
"E. T. A. Hoffmann complex" in the novel "Perfume" by Patrick Süskind
- 117 **O.V. Dreifeld**
The concept of "void" in the Sasha Krugosvetov's novel "Candide's Happiness" (comparative analysis)
- 123 **N.A. Vorozhtsova**
The seasons in the cycle of the poems "About Nature" by Konstantin Sluchevsky: the author's concept of the universe

SCIENCE OF LANGUAGE

- 132 **L.D. Bednarskaya**
Syntactic relations – values – functions
- 138 **A.R. Popova**
Transformation of phraseological semantics in the title position (in terms of the texts of the poetic genre of poemphrase)
- 144 **I.Yu. Tretyakova, E.V. Kudryavtseva**
Phraseological images in terms of occasional variability of idioms

151 Волкова Е.Б., Коротун В.Л.

Сложноподчинённые предложения неоднородного соподчинения с одним условным компонентом в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений)

157 Васильева Ю.А.

Структурно-семантические особенности эргонимов-реплик в городском ономастике Астрахани

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

162 Богданова Е.И., Бриль Г.Г., Мельников И.Н.

Этапы становления законодательства о нотариальной деятельности в России

171 Метельков А.Н.

Правопонимание законности обстрелов атомных электростанций в современной юридической науке

181 Усачёва А.А.

Историко-правовые особенности формирования государственного суверенитета в 1917–1919 гг. на современной территории Донецкой Народной Республики

189 Силантьева В.А.

Нормативно-правовое регулирование погребального процесса в России в период эпидемий XVIII–XIX вв.

196 Широкова П.В.

К вопросу о применении информационных систем в деятельности прокурора

201 Медведчук А.А.

СМИ как институт правового информирования населения России

206 Ахунзянова Ф.Т.

Фейковый характер информации: к вопросу о пределах компетенции эксперта-лингвиста

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

211 Хабибуллина Ф.Я., Иванова И.Г.

Марийский рассказ второй половины XX века в зеркале жанровой поэтики

215 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

151 E.B. Volkova, V.L. Korotun

Complex sentences of heterogeneous subordination with one conditional component in the scientific style of the Russian language (based on texts of mathematical works)

157 Ju.A. Vasileva

Structural and semantic characteristics of replica ergonyms in the onomasticon of the City of Astrakhan

JURAL SCIENCE

162 E.I. Bogdanova, G.G. Bril', I.N. Melnikov

Stages of formation of legislation on notary activity in Russia

171 A.N. Metelkov

Understanding the legality of nuclear facility shelling in contemporary legal scholarship

181 A.A. Usacheva

Historical and legal features of the formation of the state sovereignty of Donetsk People's Republic in 1917–1919

189 V.A. Silantjeva

Legal regulation of the funeral process in Russia during the 18th–19th centuries epidemics

196 P.V. Shirokova

On the issue of the use of information systems in the activities of the prosecutor

201 A.A. Medvedchuk

Media as an institution of legal informing the population of Russia

206 F.T. Akhunzianova

Fake nature of information: on the question of the limits of the competence of expert linguist

SCIENTIFIC LIFE

211 F.Ya. Khabibullina, I.G. Ivanova

Mari story of the second half of the XX century in the mirror of genre poetics

215 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF ARTICLES

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 7–14. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 7–14. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 677:94

EDN ICJDVD

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-7-14>

МЕРЫ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО УКРЕПЛЕНИЮ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ТЕКСТИЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1939–1942 ГГ.)

Околотин Владимир Сергеевич, доктор исторических наук, профессор, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Сафолов Диловар Санварович, Институт гуманитарных наук, Ивановский государственный университет, Иваново, Россия, ger.Safokl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6674-4091>

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию мер советского государства по укреплению трудовой дисциплины на текстильных предприятиях Ивановской области в предвоенный период и в первые годы Великой Отечественной войны. В предвоенный период эти меры были направлены на усиление эффективности текстильного производства, выполнение предприятиями плановых заданий. С началом войны во втором полугодии 1941 г. под воздействием мобилизации 27 призывных возрастов, практического отсутствия бронирования рабочих и инженерно-технических работников, отнесения области к прифронтовому региону ситуация значительно изменилась. Все это нашло отражение в ухудшении трудовой дисциплины на текстильных предприятиях. Несмотря на принимаемые Наркоматом текстильной промышленности и аппаратом ивановских текстильных главков усилия, наблюдался общий рост таких нарушений. Факты свидетельствуют, что директора фабрик, испытывая острый недостаток в рабочей силе, скрывали факты нарушений и сами нередко становились объектами дисциплинарного воздействия со стороны органов прокуратуры. В 1942 г. из-за остановки текстильных предприятий рабочие в массовом порядке были отправлены в коллективные отпуска. Восстановление работы текстильных предприятий не смогло снизить число нарушений трудовой дисциплины. Кроме карательного воздействия требовались меры трудового и социально-бытового мотивирования. В результате в октябре 1942 г. такие меры советским правительством и были приняты. Для раскрытия темы статьи были использованы не только материалы из периодических и научных изданий, но и архивные документы, значительная часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Государственный комитет обороны, Народный комиссариат текстильной промышленности, предприятия, трудовая дисциплина, правонарушения, рабочие и служащие, Ивановская область, постановления.

Для цитирования: Околотин В.С., Сафолов Д.С. Меры советского государства по укреплению трудовой дисциплины и их реализация на текстильных предприятиях Ивановской области (1939–1942 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 7–14. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-7-14>

Research Article

MEASURES OF THE SOVIET STATE TO STRENGTHEN LABOR DISCIPLINE AND THEIR IMPLEMENTATION AT TEXTILE ENTERPRISES OF THE IVANOVO REGION (1939–1942)

Vladimir S. Okolotin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, okolotin.vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9009-7752>

Dilovar S. Safolov, Institute of Humanities, Ivanovo State University, Ivanovo, Russia, ger.Safokl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6674-4091>

Abstract. This article is devoted to the study of measures taken by the Soviet state to strengthen labor discipline at textile enterprises of the Ivanovo region in the pre-war period and in the first years of the Great Patriotic War. In the pre-war period, these measures were aimed at strengthening the efficiency of textile production, the fulfillment of planned tasks by enterprises. With the outbreak of war in the second half of 1941 under the influence of the mobilization of 27 conscription ages, the practical lack of booking of workers and engineering and technical workers, the assignment of the region to the frontline region,

the situation has changed significantly. All this was reflected in the deterioration of labor discipline at textile enterprises. Despite the efforts made by the People's Commissariat of the Textile Industry and the apparatus of the Ivanovo textile glavkov, there was a general increase in such violations. The facts show that the factory directors, experiencing an acute shortage of labor, concealed the facts of violations and themselves often became the objects of disciplinary action by the prosecutor's office. In 1942, due to the shutdown of textile enterprises, workers were sent on collective leave en masse. The restoration of the work of textile enterprises could not reduce the number of violations of labor discipline. In addition to punitive effects, measures of labor and social motivation were required. As a result, in October 1942 such measures were taken by the Soviet government. To reveal the topic of the article, not only materials from periodicals and scientific publications were used, but also archival documents, a significant part of which is being introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Great Patriotic War, State Defense Committee, People's Commissariat of Textile Industry, enterprises, labor discipline, offenses, workers and employees, Ivanovo region, resolutions.

For citation: Okolotin V.S., Safolov D.S. Measures of the Soviet State to strengthen labor discipline and their implementation at textile enterprises of the Ivanovo Region (1939–1942). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 7–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-7-14>

Постановка проблемы и историография. Тема данной статьи не утрачивает своей актуальности, поскольку трудовая дисциплина являлась важным фактором в достижении государственных задач, поставленных перед промышленными предприятиями в предвоенный период и годы Великой Отечественной войны. В этой связи она по-прежнему находит освещение в трудах российских и региональных исследователей. Среди таких работ последнего десятилетия следует назвать многотомное издание «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.», седьмой том которого посвящен экономике и производству вооружения в годы войны [Великая 2013], а также ряд других исследований [Сомов; Скрипник; Тряхов]. Действительно, в целях укрепления трудовой дисциплины на предприятиях, мотивации труда рабочих и инженерно-технических работников советское правительство в указанный период приняло целый ряд постановлений. Однако их реализация в различных отраслях народного хозяйства и прежде всего в текстильной промышленности заметно отличалась от общей практики. Если в предвоенный период их проявления были минимальны, то в годы войны они получили более существенное звучание. Это было связано с целым рядом чрезвычайных обстоятельств. Во-первых, практическим отсутствием бронирования мужчин призывных возрастов на предприятиях текстильной промышленности в начальный период войны. Во-вторых, отнесением трудовых коллективов фабрик и заводов Народно-комиссариата текстильной промышленности (далее НКТП) СССР ко второй группе продовольственного снабжения. В-третьих, созданием приоритета военных перевозок перед другими хозяйственными грузами на железнодорожных коммуникациях страны и его перенесением на порядок снабжения электроэнергией, топливом и сырьем текстильных предприятий. В-четвертых, мобилизацией рабочих на строительство оборонительных сооружений, демонтажом оборудования, сложнейшей обстановкой

в регионе и, как следствие, остановкой большинства фабрик в условиях зимы 1941–1942 гг. Все это привело к значительному ослаблению трудовой дисциплины и в совокупности с другими обстоятельствами – к невыполнению производственных планов. А ведь именно на текстильные предприятия Ивановской области в первые годы Великой Отечественной войны выпала основная задача по снабжению фронта и тыла военной и гражданской продукцией. Данная особенность не нашла отражение в перечисленных исследованиях. На преодоление этого пробела в исторических знаниях, отражение специфики реализации указанных государственных мер на территории Ивановской области и направлена данная статья.

Предвоенный период. В 1939–1941 гг. советское государство приняло ряд правовых и организационных мер по укреплению трудовой дисциплины в народном хозяйстве страны. Среди них – совместное постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г., указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня и 10 июля 1940 г., а также от 10 февраля 1941 года.

Постановление от 28 декабря 1938 г. «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению практики государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле» стало первым шагом в реализации указанных мер на предприятиях страны. В нем подчеркивалось, что даже «малейшее нарушение установленной продолжительности рабочего дня есть нарушение закона» и «влечет за собой подрыв хозяйственной и оборонной мощи советского государства и благосостояния народа»¹. Во исполнение данного постановления нарком текстильной промышленности А.Н. Косыгин 19 января 1939 г. издал приказ «О немедленной передаче в органы прокуратуры материалов на лиц, злостно уклоняющихся от проведения мер по укреплению трудовой дисциплины». Он обязал начальников главных управлений, руководителей предприятий, учреждений и организаций Наркомата

текстильной промышленности (НКТП СССР) немедленно передавать материалы на таких лиц, а также тех, кто бездействовал при их выявлении, органам прокуратуры².

13 февраля 1939 г. состоялось заседание коллегии НКТП СССР по вопросу «О выполнении постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1939 г. о труддисциплине». При его обсуждении было отмечено, что, несмотря на значительное улучшение ситуации, количество лиц, уволенных за прогулы и опоздания, на текстильных предприятиях по-прежнему велико. Так, по состоянию на 1 января 1939 г. за указанные нарушения были уволены 5 787 человек и наложено административное взыскание еще на 7 628 работников. Среди причин нарушений трудовой дисциплины были названы: недостаточное развертывание политической работы среди рабочих, слабое выполнение постановления СНК СССР от 28 декабря и соответствующих приказов НКТП СССР, несвоевременное представление главными управлениями сводок по пятидневкам и т. д. Для выявления других причин было решено командировать в Иваново, Серпухов, Ногинск и Орехово ответственных работников. Исходя из ситуации на местах, совместно с начальниками московских и ивановских главков им предстояло разработать конкретные меры для улучшения трудовой дисциплины. В этой связи им было рекомендовано обратить внимание на работу детских яслей и садов, больниц, транспорта, буфетов, столовых и других учреждений, от которых во многом зависело состояние трудовой дисциплины на текстильных предприятиях. Собранный материал и предложения по улучшению обстановки надлежало представить на заседание коллегии наркомата 1 марта 1939 года³.

Несомненно, неурегулированность социальной инфраструктуры в городах и рабочих поселках оказывала значительное воздействие на состояние трудовой дисциплины на предприятиях НКТП СССР. Вместе с тем были и иные причины текучести рабочей силы. Так, по утверждению Севрюгова, начальника сектора рабочих кадров и зарплаты 3-го Ивановского главного управления хлопчатобумажной промышленности (далее – Главивхлоппром), процесс найма и увольнения рабочих в главке не был централизован, что нередко приводило к образованию излишков рабочей силы. В этой связи, утверждал он, необходимо сконцентрировать его в отделе рабочих кадров и зарплаты фабрик, осуществлять только по заявкам структурных подразделений и их сверки с плановой численностью работников⁴.

Реализация указа от 26 июня 1940 г. «О переходе на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений» привела к улучшению трудо-

вой дисциплины на предприятиях области⁵. Так, в 3-м Главивхлоппроме за 15 дней до издания указа с его предприятий были уволены 1 454 и приняты 1 484 человека. А за аналогичный период после указа из главка уволились 408, а трудоустроено 859 новых работников⁶. На предприятиях 2-го Главивхлоппрома за первую декаду июня уволились 2 259, а поступили 2 261 человек. В первой декаде июля, то есть после указа, уволились 332 работника, а зачислены 961, что позволило выйти на положительную динамику в наборе рабочей силы. Одновременно снизилось число опозданий на работу. Если за декаду июня на работу опоздали 1 669 человек, то за первую декаду июля было выявлено лишь 406 таких работников. В итоге в прокуратуру были переданы дела на 389 лиц, опоздавших на работу, и на 42 прогульщиков. Из них были осуждены 31 работник и 1 оправдан⁷. Для нарушителей стали применяться различные меры наказания вплоть до тюремного заключения. Основания для увольнения с предприятий были резко ограничены. Оно могло состояться лишь с разрешения руководителя фабрики, при наличии ограниченного числа причин. Для мужчин это были: потеря трудоспособности, учеба в вузе или армейская служба.

На укрепление трудовой дисциплины в конечном итоге были направлены и другие решения советского государства. Например, Указ Президиума ВС СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной промышленной продукции и за нарушение обязательных стандартов» хотя и был своим действием направлен на улучшение качества выпускаемой продукции, но в целом ориентировал инженерно-технических работников на строгое соблюдение производственной технологии и культуры в трудовых коллективах⁸. В результате система бракеража, технология, ассортимент – все это стало подвергаться коренному пересмотру. Резко выросли требования самих фабрик к качеству своей продукции. Так, на меланжевом комбинате им. К.И. Фролова в Иваново работники отдела технического контроля вместе с начальниками цехов ежедневно обходили машины и станки, осматривали их, выявляли недостатки, которые оперативно устраняли. Нередко брак на предприятиях возникал по причинам отсутствия элементарного порядка и чистоты. Например, на Красновожской фабрике в Кинешме в сортировочном отделе в кипоразбиватель попадала грязная подметь, что приводило к появлению в готовой ткани масляных нитей и т. д. Прядельная фабрика им. Дзержинского в г. Иваново, согласно архивным документам, также допускала выпуск брачной продукции, за что уплатила ткацким предприятиям в первом квартале 1940 года 383,4 тыс. руб. штрафов⁹. Несмотря на принимаемые меры, ут-

верждалось на страницах журнала «Текстильная промышленность», даже к маю 1941 г. на текстильных предприятиях не удалось добиться серьезного сокращения брака, он по-прежнему был велик, что приводило к неоправданным убыткам для государства¹⁰.

Перебои со снабжением красителями, их неудовлетворительное качество также были уязвимым местом для производственной деятельности многих текстильных предприятий области и приводили к повсеместному расхолаживанию трудовой дисциплины. Несмотря на признание этой проблемы, ситуация в 1941 г. не изменилась. Фонды снабжения промышленности красителями и химикатами, их ограниченный ассортимент и некомплектность по-прежнему препятствовали увеличению выпуска готовой продукции. Для ее решения на химическом заводе им. Батурина было увеличено производство сернистого натрия, намечена организация производства другого красителя – гидросульфита. Однако достижение установленных стандартов при выпуске готовой продукции сдерживалось недостатком современного оборудования, производство которого еще только осваивалось советским текстильным машиностроением [Стеценко: 25].

Указ Президиума ВС СССР от 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия» также оказал мощное воздействие на работу текстильных предприятий. Перечисленные в названии указа действия признавались преступлением, равносильным расхищению социалистической собственности, а лица, совершившие эти деяния, должны были предаваться суду и по его приговору подвергаться тюремному заключению на срок от 2 до 5 лет. Так, на фабрике «Красный Профинтерн» 1-го Главвхлоппрома имели место факты реализации 54 тонн пряжи без нарядов главка [Герасимов: 3]. На фабрике «Красная Талка» 2-го Главвхлоппрома было произведено незаконное списание опойка и байки на сумму около 31 тыс. рублей. Эта же фабрика допускала отпуск готового товара, весового лоскута, технических тканей без разрешения вышестоящих организаций. Был даже выявлен факт внештатного содержания под видом экспериментальной мастерской восьми ткацких станков. К другим нарушениям на предприятиях главка было отнесено списание безнадежных долгов с просроченными сроками исковой давности. Общий убыток от таких действий составил 500 тыс. рублей [Герасимов: 4–6]. В результате можно утверждать, что реализация мер советского государства по укреплению трудовой дисциплины в предвоенный период имела свою отраслевую и региональную специфику и применительно к текстильным предприятиям подкреплялась приказами НКТП СССР.

Второе полугодие 1941 г. С началом Великой Отечественной войны Президиум ВС СССР принял целый ряд указов, часть из которых была обнародована 23 июня 1941 года. Один из них определял порядок мобилизации военнообязанных 1905–1918 г. р. по 14 военным округам¹¹. 25 июня 1941 г. для замены работников текстильных предприятий, призванных по мобилизации и добровольно ушедших на фронт, НКТП СССР издал приказ «О мерах к обеспечению предприятий квалифицированными рабочими кадрами». В рамках его исполнения директорам предприятий приказывалось перевести на должности поммастеров комплектов станков всех женщин, ранее окончивших школы и курсы поммастеров и находившихся в запасе. В случае необходимости на работу в качестве поммастеров рекомендовалось переводить лучших стахановок с предварительным прохождением ими наставнической практики. Кроме того, директорам предприятий надлежало организовать краткосрочную подготовку поммастеров без отрыва от производства в течение 6 месяцев, используя для этого учебную базу школ поммастеров, фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и стахановских школ¹².

В целях организации работы тыла в военных условиях Президиум ВС СССР 26 июня 1941 г. издал два указа, касавшихся организации труда на предприятиях страны. Первым – «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» – были введены сверхурочные работы с продолжительностью от 1 до 3 часов в день. Оплату обязательных сверхурочных работ надлежало производить в полуторном размере. Были отменены очередные и дополнительные отпуска с заменой их денежной компенсацией за неиспользованный отпуск во всех государственных, кооперативных и общественных предприятиях и организациях.

Вторым указом – «О порядке назначения и выплаты пенсий и пособий семьям военнослужащих, рядового и младшего начальствующего состава в военное время» – был определен порядок выплаты пособий семьям призванных по мобилизации в действующую армию. В зависимости от наличия в семье нетрудоспособных в городах пособия выплачивались в размере от 100 до 200 руб., а в сельской местности – 50 % от указанных сумм. Семьи погибших или пропавших без вести продолжали получать установленные им пособия впредь до назначения пенсии¹³.

Одновременно с реализацией указанных мер усилилось внимание к трудовой дисциплине. Любое проявление, направленное на ее ослабление, в виде отказов от работы, прогулов и самовольного ухода с производства стало рассматриваться как пособничество врагу, подрыв оборонной мощи Красной армии. В течение всего второго полугодия 1941 г. правовой основой для борьбы с нарушениями трудовой

дисциплины по-прежнему оставался Указ Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 года.

Прокуратура Ивановской области тщательно контролировала этот процесс и постоянно информировала обком ВКП(б) о состоянии трудовой дисциплины на текстильных предприятиях. При этом в ее справках, сохранившихся в Государственном архиве Ивановской области, отмечалось, что «наряду с самоотверженным, даже героическим трудом громадного большинства старых кадровых рабочих, а также значительной части новых рабочих и работниц, вставших к станкам на смену ушедшим на фронт мужьям, братьям и отцам, имеется все же на ряде предприятий расшатанность, расхлябанность трудовой дисциплины, главным образом среди молодых рабочих. Есть предприятия, в которых число нарушений трудовой дисциплины не снижается, а в отдельных случаях даже имеет тенденцию к росту».

О динамике таких процессов на территории области можно судить по приведенным в справках данным. Только по Указу от 26 июня 1940 г. в суды региона в 1941 г. поступило: в июле – 6 966 дел, августе – 7 478, сентябре – 8 034, октябре – 5 929, ноябре – 4 771 и декабре – 3 845. Из них большая часть дел была возбуждена за прогулы. Так, в июле 1941 г. за прогулы было заведено 4 044 дела, а за самовольный уход с предприятий – 534, в декабре – 2 668 и 1 006 дел соответственно¹⁴.

Однако явное число нарушений трудовой дисциплины на предприятиях области было намного больше. Очень часто директора предприятий были вынуждены скрывать такие явления или ограничиваться в отношении нарушителей мерами дисциплинарного воздействия. Так, на ткацкой фабрике Большой Дмитровской мануфактуры по распоряжению ее начальника Кулигина в сентябре 1941 г. во всех цехах были ликвидированы табельно-контрольные доски, через которые фиксировался приход и уход рабочих на производство. Там же материалы на прогульщиков передавались в суд с задержкой до 1 месяца и более, а на 58 человек, самовольно оставивших работу в течение 4-го квартала 1941 г., в суд и вовсе не направлялись. В результате Кулигин был привлечен к уголовной ответственности.

В той же информации сообщалось о привлечении за аналогичные действия к дисциплинарной ответственности начальников цехов фабрики им. Кирова Раскатова, Бочарова, Ковердякова и табельщика Баранова, возбуждении уголовного дела на начальника цеха Волкова. Но и прокуратура осознавала всю опасность такого формального исполнения Указа и тоже была вынуждена смягчать меры воздействия на руководителей цехов и предприятий. В частности, прокурор Ленинского района ходатайствовал перед райкомом ВКП(б) лишь о наложении партийного взыскания на лиц, виновных в игнорировании

Указа, среди которых были названы директор Главтекстильмаша Г.Д. Димов и начальники цехов № 1 и 2 А.А. Горохов и П.Н. Журавлев¹⁵.

В условиях объявления области в октябре 1941 г. прифронтовым регионом обстановка с трудовой дисциплиной на текстильных предприятиях Ивановской области еще больше усугубилась. 15 октября обком ВКП(б) на основании распоряжения председателя ГКО И.В. Сталина принял два постановления: «О строительстве оборонительных линий в Ивановской области» и «Об эвакуации из Ивановской области важнейших предприятий». Для строительства оборонительных рубежей были сняты рабочие многих текстильных предприятий области. Так, по состоянию на 3 ноября 1941 г. по предприятиям 3-го Главивхлоппрома из общего числа 48 594 рабочих на строительство были мобилизованы 7 380 человек, а по фабрикам 2-го Главивхлоппрома из 65 600 – 18 695 работников, или 28 %¹⁶.

Подготовительные мероприятия по демонтажу ткацкого оборудования в Иванове вызвали панические настроения среди гражданского населения, имевшие место с 16 по 19 октября 1941 года. Многие горожане, в том числе и работники ткацких фабрик, стремились выехать из областного центра самостоятельно. На областном совещании в обкоме ВКП(б) с участием хозяйственных руководителей и партработников текстильных предприятий, состоявшемся 15 ноября 1941 г., в процессе обсуждения выступлений директор фабрики им. Дзержинского Трубехин сообщил, что только «за последние 10–12 дней с фабрики ушло 500 человек. Уезжают из Иванова». Эта вызвало у секретаря обкома ВКП(б) Г.Н. Пальцева искреннее удивление: «Но билетов на станции не даем, автобусы не ходят, как они уезжают?» Голос с места отвечал: «Пешком уходят за 100 км»¹⁷.

На преодоление этих явлений и был направлен Указ Президиума ВС СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Отныне самовольный уход рабочих и служащих рассматривался как дезертирство, а лица, виновные в самовольном уходе (дезертирстве), карались тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет. В оборонной промышленности дела на них рассматривал военный трибунал. Однако на текстильные предприятия, кроме механических заводов НКТП СССР, которые производили корпуса снарядов, мин и авиационных бомб и были отнесены к оборонным предприятиям, действие указа не распространялось. И в этом тоже проявилась особенность борьбы с нарушениями трудовой дисциплины на текстильных предприятиях области.

Всего во втором полугодии 1941 г. в стране были мобилизованы военнообязанные 27 возрастов с 1896 по 1922 г. включительно. В итоге к концу 1941 г.

в Красную армию с территории Ивановской области (в границах до августа 1944 г.), по архивным данным, были призваны 232 499 человек. В их числе оказалось большое количество кадровых рабочих текстильных предприятий, на которых практически не распространялась система бронирования квалифицированных специалистов. Замена их работниками с низкой квалификацией, сложная обстановка в области осенью 1941 г. в целом привели к ослаблению трудовой дисциплины.

Состояние трудовой дисциплины в 1942 г. Зимой 1942 г. большинство текстильных предприятий Ивановской области остановилось. Не хватало топлива, электроэнергии, сырья и рабочих рук. В регионе продолжалось строительство оборонительных сооружений, где были заняты рабочие текстильных предприятий [Околотин: 84–98]. Такое отвлечение рабочей силы в совокупности с другими хозяйственными проблемами оказалось губительным для текстильной промышленности области. Одновременно возникла другая сложная ситуация, связанная с занятостью рабочей силы. С целью ее частичного решения рабочим предприятий стали предоставляться коллективные отпуска, что, по сути, являлось нарушением постановления правительства от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». В цехах находился лишь ремонтный состав, осуществлявший ремонт и поддержание оборудования (отогревание паяльными лампами и т. д.). Вынужденный простой и незанятость рабочих расхолаживали трудовые коллективы. Даже среди ремонтного состава наблюдался моральный упадок и распушенность дисциплины. На практике, согласно архивным документам, это приводило к воровству, игре в карты, взлому замков и т. д.¹⁸

Для того чтобы занять людей и компенсировать вынужденные простои, бюро Ивановского обкома ВКП(б) 19 февраля 1942 г. приняло постановление «О дополнительной пошивке летнего обмундирования, пилоток и белья в 1-м квартале 1942 года». Согласно содержанию предприятия местной промышленности и текстильных главков к 1 апреля 1942 г. предстояло сшить 455 тыс. пар нательного белья, 50 тыс. комплектов летнего обмундирования, 120 тыс. штук пилоток и 4 тыс. пар трикотажного белья¹⁹.

К сожалению, это решение не смогло остановить рост числа нарушений трудовой дисциплины. В суды области поступило: в январе – 3 932 дела, в феврале – 4 604, марте – 5 295, апреле – 5 017. Несмотря на восстановление деятельности текстильных предприятий, после зимней остановки нарушения трудовой дисциплины имели тенденцию к росту. Так, в мае 1942 г. было совершено 6 344 нарушения, в июне – 8 800 и в июле – 8 946 (то есть рост к январю – в 2,3 раза). Большая часть дел, направленных

в суды, как и в 1941 г., возбуждалась в отношении работников, совершивших прогулы. Только в июле 1942 г. из общего числа осужденных (8 946 человек) за данное преступление были осуждены 5 479 и за самовольное оставление работы – 2 384 работника. Оправданы 608 человек и в отношении 118 дела прекращены. При этом следует сказать, что по числу лиц, оправданных судами, была положительная динамика (481 в январе и 608 в июле), а по прекращенным делам, наоборот, отрицательная (в январе 158, а в июле 118)²⁰. В «лидерах» по нарушителям дисциплины значился Ивановский меланжевый комбинат (в августе – 576 дел, в том числе 380 – на лиц, самовольно оставивших работу). В апреле 1942 г. большое количество дел было возбуждено в Гусь-Хрустальном – 257 дел, Вичуге – 259, Кинешме – 233, Родниках – 181, Фурманове – 256, Шуе – 304 и Тейкове – 208. В других промышленных районах области дело обстояло несколько лучше. В марте в Собинском районе было возбуждено всего лишь 58 дел, Комсомольском – 89, Вязниковском – 118 и Владимирском – 133 дела²¹.

Из анализа дел, поступивших в суды области, следовало, что значительная их часть возбуждалась на молодежь, влившуюся в производственные коллективы, а также выходцев из деревни, ставших с началом весенних полевых работ возвращаться к местам жительства. Были нарекания и в адрес администрации предприятий, которая при использовании труда рабочих зачастую не учитывала состояние их здоровья, не заботилась об улучшении бытовых и жилищных условий, не обеспечивала детей работниц яслями, садами и т. д. Обратной стороной такого невнимания стало широкое распространение членовредительства, симуляция болезни и подделка больничных листов.

Неотвратимость наказания за нарушения трудовой дисциплины повсеместно нарушалась. Ряд приговоров нарсудов милиция не могла выполнить ввиду того, что дети работников, осужденных к тюремному заключению, оставались безнадзорными. Только в Иваново по этим причинам милиция возвратила 313 дел, что составило 25 % приговоров, направленных судами для исполнения²².

Вскрывая недостатки, прокуратура области все же признавала, что только мерами карательного воздействия не обойтись. «Необходимо участие всех общественных организаций в борьбе за трудовую дисциплину», – утверждал прокурор области Н.Н. Хламов в одном из документов. Одновременно прокуратура области предложила обкому ВКП(б) разнообразить формы воздействия на нарушителей трудовой дисциплины, в том числе лишать их права на снабжение продуктами, обеспечения жильем и т. д.²³ И такие предложения очень скоро были реализованы совет-

ским правительством. Меры по укреплению трудовой дисциплины, как и приказ Наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 г. («Ни шагу назад»), были адекватны сложнейшим условиям военного времени и направлены на мобилизацию всех людских сил и материальных ресурсов для разгрома врага.

По всей вероятности, указанные проблемы были распространены не только на предприятиях Ивановской области, но и повсеместно. В этой связи, кроме действий по упорядочению работы судов, прокуратуры и милиции, советское правительство одновременно определило к выполнению ряд мер мотивационного характера. Так, 18 октября 1942 г. СНК СССР принял постановление «О порядке снабжения продовольственными и промышленными товарами рабочих промышленных предприятий». В констатирующей части постановления отмечалось, что «существующий порядок снабжения населения продовольственными и промышленными товарами позволяет получать одинаковую норму и работающим хорошо, и тем, кто нарушает трудовую дисциплину и недобросовестно относится к работе». В целях ликвидации уравниловки в снабжении СНК СССР предоставил право директорам промышленных предприятий установить для рабочих, выполняющих и перевыполняющих нормы выработки, соответствующий порядок снабжения. Продажу по карточкам промышленных товаров, а также некоторых продовольственных товаров (за исключением хлеба) предлагалось производить в первую очередь передовым рабочим и членам их семей. Им также полагалось дополнительное горячее питание за счет ресурсов подсобных хозяйств без зачета в норму, установленную по карточкам. Более того, им производился дополнительный отпуск сверх установленных норм по продовольственным карточкам картофеля, овощей, яиц, молочных и других продуктов, полученных в подсобных хозяйствах предприятий. Они в первоочередном порядке должны были снабжаться товарами широкого потребления (предметы домашнего обихода и др.), изготовленными подсобными предприятиями ОРСов, а также строительными материалами (стекло, фанера, олифа, гвозди) для ремонта жилищ и других домашних нужд».

Рабочим, совершившим прогул, с момента вынесения решения суда и до отбытия наказания в порядке исправительно-трудовых работ на данном предприятии директора должны были отпускать хлеб по сниженным нормам. В частности, на 200 граммов там, где рабочим установлена норма в 800 граммов и более, и на 100 граммов – на всех остальных предприятиях. Вместе с тем были установлены и поощрительные меры. Так, рабочим, отбывающим наказание и выполняющим нормы выработки, а при временной – добросовестно относящимся к своей работе, разрешалось восстанавливать по истечении месяца

отпуск хлеба по нормам, установленным для рабочих данного предприятия²⁴. Как показали дальнейшие события, эти меры в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины стали широко использоваться на текстильных предприятиях Ивановской области.

Таким образом, трудовая дисциплина на объектах народного хозяйства как в предвоенный период, так и в годы Великой Отечественной войны продолжала оставаться объектом пристального внимания со стороны советского государства. На ее укрепление были направлены Указы Президиума ВС СССР, постановления советского правительства и ведомственные приказы. Вместе с тем при общности подходов к нарушениям трудовой дисциплины их реализация имела региональную и производственную специфику. В годы войны в Ивановской области она нашла проявление в практическом отсутствии бронирования квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, привлечении на производство большого количества неквалифицированной рабочей силы с низкой дисциплиной, отнесении трудовых коллективов текстильных предприятий к второстепенной группе продовольственного и производственного снабжения. Чрезвычайные обстоятельства поздней осени и зимы 1941–1942 гг. значительно усугубили это положение. Сложнейшие условия труда на текстильных предприятиях, низкая заработная плата, а в ряде случаев и халатное отношение руководства предприятий к нуждам рабочих оказывали серьезное воздействие на состояние трудовой дисциплины, подталкивали рабочих и служащих к ее нарушению. Для борьбы с нарушениями трудовой дисциплины по-прежнему использовались карательные меры, которые со второй половины 1942 г. стали сочетаться с действиями по формированию трудовой мотивации и социально-бытовой устроенности. Данная практика на местах нашла отражение в решении СНК СССР от 11 октября 1942 г., что позволило не только значительно укрепить трудовую дисциплину на текстильных предприятиях, но и обеспечить выполнение ими производственных планов.

Примечания

- ¹ Известия. 1939. 1 января.
- ² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-2335. Оп. 3. Д. 189. Л. 8.
- ³ ГАИО. Ф. Р-2335. Оп. 3. Д. 189. Л. 85.
- ⁴ ГАИО. Ф. Р-2335. Оп. 3. Д. 189. Л. 126.
- ⁵ Известия. 1940. 27 июня.
- ⁶ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 6. Д. 802. Л. 2.
- ⁷ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 6. Д. 802. Л. 18.
- ⁸ Известия. 1940. 13 июля.
- ⁹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 6. Д. 1024. Л. 62.
- ¹⁰ Овладеть экономикой производства // Текстильная промышленность. 1941. С. 1.

¹¹ Законодательные и административно-правовые акты военного времени: С 22 июня 1941 г. по 22 марта 1942 г. Москва, 1942. С. 40–41.

¹² ГАИО. Ф. Р-1689. Оп. 6. Д. 847. Л. 10–11.

¹³ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 620. Л. 12.

¹⁴ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 620. Л. 13–13 об.

¹⁵ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 202. Л. 91–92.

¹⁶ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 72. Л. 21.

¹⁷ ГАИО. Ф. Р-197. Оп. 4. Д. 42. Л. 157.

¹⁸ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 371. Л. 145–146.

¹⁹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 590. Л. 36.

²⁰ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 590. Л. 54.

²¹ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 590. Л. 44.

²² ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 590. Л. 32.

²³ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 590. Л. 48.

²⁴ ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 476. Л. 23–23 об.

Список литературы

Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: в 12 т. Т. 7. Экономика и оружие войны. Москва: Кучково поле, 2013. 864 с.

Герасимов В.В. Об учете и сохранности социалистического имущества // Текстильная промышленность. 1941. № 4. С. 3–8.

Околотин В.С. Ивановская область в годы Великой Отечественной войны. Кн. 2: 1 января – 31 декабря 1942 года. Иваново: А-Гриф, 2019. 624 с.

Стетенко В.Е., Ульянов В.Ф. Перспективы и задачи снабжения текстильной промышленности на 1941 г. // Текстильная промышленность. 1941. № 2. С. 25–26.

Сомов В.А. Труд и долг: материально-бытовые аспекты трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (по материалам Волго-Вятского региона) // Историко-экономические исследования. 2011. Т. 12, № 2. С. 5–19.

Скрипник А.Н. Социально-бытовые аспекты проблем трудовой дисциплины на советских оборонных предприятиях в 1941–1945 гг. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 142–158.

Трахов И.С. Нарушения трудовой дисциплины в годы Великой Отечественной войны: причины, правоприменение и динамика (по материалам городов Владимирской области) // Российская история. 2022. № 3. С. 191–204.

References

Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: v 12 t. T. 7. Ekonomika i oruzhie vojny [The Great Patrio-

tic War of 1941–1945: in 12 vol. Vol. 7. Economics and weapons of war]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2013, 864 p. (In Russ.)

Gerasimov V.V. *Ob uchete i sokhrannosti sotsialisticheskogo imushchestva* [On the accounting and preservation of socialist property]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Textile industry], 1941, No. 4, pp. 3–8. (In Russ.)

Okolotin V.S. *Ivanovskaia oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voyny. Kn. 2: 1 ianvaria – 31 dekabria 1942 goda* [Ivanovo region during the Great Patriotic War. Vol. 2: January 1 – December 31, 1942]. Ivanovo, A-Grif Publ., 2019, 624 p. (In Russ.)

Stetsenko V.E., Ul'ianov V.F. *Perspektivy i zadachi snabzheniia tekstil'noi promyshlennosti na 1941 g.* [Prospects and tasks of textile industry supply for 1941]. *Tekstil'naia promyshlennost'* [Textile industry], 1941, No. 2, pp. 26–26. (In Russ.)

Somov V.A. *Trud i dolg: material'no-by'tovy'e aspekty` trudovoj motivacii v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` 1941–1945 gg. (po materialam Volgo-Vyatskogo regiona)* [Labor and duty: material and everyday aspects of labor motivation during the Great Patriotic War of 1941–1945 (based on the materials of the Volga-Vyatka region)]. *Istoriko-e`konomicheskie issledovaniya* [Historical and economic research], 2011, vol. 12, No. 2, pp. 5–19. (In Russ.)

Scripnik A.N. *Social'no-by'tovy'e aspekty` problem trudovoj discipliny` na sovetkix oboronny`x predpriyatiyax v 1941–1945 gg.* [Social and everyday aspects of labor discipline problems at Soviet defense enterprises in 1941–1945]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya* [Genesis: historical research], 2017, No. 9, pp. 142–158. (In Russ.)

Tryaxov I.S. *Narusheniya trudovoj discipliny` v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`: prichiny`, pravoprime-nenie i dinamika (po materialam gorodov Vladimirskoj oblasti)* [Violations of labor discipline during the Great Patriotic War: causes, law enforcement and dynamics (based on the materials of the cities of the Vladimir region)]. *Rossijskaya istoriya* [Russian History], 2022, No. 3, pp. 191–204. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.01.2023; одобрена после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 22.02.2023.

The article was submitted 08.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 22.02.2023.

ПОБЕДА ОДНА НА ВСЕХ: КОСТРОМСКОЙ КРАЙ – ДЛЯ СТАЛИНГРАДА

Волкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, v-0-8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

Волков Григорий Юрьевич, кандидат исторических наук, Костромская государственная сельскохозяйственная академия, Кострома, Россия, grisha.volkov.53@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0296-4001>

Аннотация. В данной статье авторы впервые показали, что победа была достигнута совокупными усилиями фронтовиков, их близких и земляков в тылу. Костромичи сражались во всех воинских подразделениях в званиях от солдата до маршала. Среди них: маршалы А.В. Василевский и А.А. Новиков, генерал армии М.С. Калинин, генерал-майор танковых войск Н.А. Новиков и др. Двое костромичей именно за подвиги в Сталинградской битве были удостоены звания Героя Советского Союза. Для многих, кто получил звание Героя позже, битва на Волге стала школой боевого опыта. В статье раскрывается роль в достижении победы тружеников костромского тыла, оказавших бойцам материальную, моральную и психологическую поддержку. Особо подчеркивается, что данная поддержка была взаимной. Также отмечается, что даже после битвы костромичи продолжали оказывать помощь освобожденному Сталинграду: была организована отправка специалистов для восстановления города, стройматериалов, продуктов, скота и др. Авторы пришли к однозначному выводу, что только объединение сил фронтовиков и всесторонней помощи тыла могло привести к победе как под Сталинградом, так и во всей войне.

Ключевые слова: Кострома, Сталинград, командиры, боевые подвиги, помощь тыла.

Для цитирования: Волкова Е.Ю., Волков Г.Ю. Победа одна на всех: Костромской край – для Сталинграда // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 15–21. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-15-21>

Research Article

ONE VICTORY FOR ALL: KOSTROMA REGION – FOR STALINGRAD

Elena Yu. Volkova, Doctor of Historical Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, v-0-8@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3291-6147>

Grigory Yu. Volkov, Candidate of Historical Sciences, Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russia, grisha.volkov.53@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0296-4001>

Abstract. In this article, the authors showed for the first time that this victory was achieved by the efforts of everyone: a front-line soldier. Kostromichi fought in all military units in the ranks from soldier to marshal. Among them: Marshals A. V. Vasilevsky and A. A. Novikov, Army General M. V. Malinin, Tank Forces Major General N. A. Novikov, etc. Two Kostroma residents were awarded the title of Hero of the Soviet Union for their exploits in this battle. For many who received the title of Hero later, the battle on the Volga became a school of combat experience. The article examines what role the workers of the Kostroma rear played in achieving victory, providing material, moral and psychological support to the fighters. It is emphasized that this support was mutual. It is also noted that even after the battle, the Kostroma residents continued to provide assistance to the liberated Stalingrad: they sent specialists to restore the city, building materials, food, livestock, etc. Results. The authors came to the unequivocal conclusion that only the unification of the forces of the front-line soldiers and comprehensive assistance from the rear could lead to victory both at Stalingrad and in the entire war.

Keywords: Kostroma, Stalingrad, commanders, military exploits, rear assistance.

For citation: Volkova E. Y., Volkov G. Y. One victory for all: Kostroma Region – for Stalingrad. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 15–21. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-15-21>

Сталинградская битва стала одним из решающих сражений Великой Отечественной войны. В ней приняли участие жители всех без исключения регионов страны, включая и Костромскую область. Так, Г.А. Киселев, воевавший в составе 21-й армии, вспоминал: «Мы воевали не за ордена и медали. Нужно было Родину спасти» [Книга памяти: 105].

Историки, журналисты, писатели неоднократно обращались к вопросу участия костромичей в Сталинградской битве, однако акцент в исследованиях делался в основном на боевые подвиги. Собран обширный материал по военным заслугам генерала армии М.С. Малинина [Лебедева; Малинин], изданы книги о Героях Советского Союза, получивших Звезду за Сталинград [Белоус, Голубев 1972], аккумулируются и издаются воспоминания самих участников боев, а также труженников тыла об осажденном городе и воинах [Василенко; Голубев 1995; Дорогами войны; Летопись народного подвига]. Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО) организовывал в 2008, 2017, 2018 гг. выставки, посвященные участию костромичей в Сталинградской битве, создан тематический интернет-проект, в котором представлены сведения о выдающихся военачальниках и рядовых солдатах, а также фото архивных материалов, рассказывающих о помощи труженников Костромского края Сталинграду. Впервые широкой общественности стали доступны имена практически всех костромичей, погибших, пропавших без вести или умерших от ран в ходе Сталинградской битвы; списки дифференцированы по районам Костромской области.

Однако на сегодняшний день в научной литературе не представлена общая картина вклада жителей Костромского края в Сталинградское сражение и оказание городу помощи в ходе битвы и после нее. Это стало целью авторов данной работы.

Победа в Сталинградской битве – это совокупная заслуга воинов и труженников тыла, которые оказывали фронту многостороннюю поддержку: материальную, моральную, психологическую. Из нескольких тысяч костромичей, участвовавших в ней, лишь порядка 170 воинов, по подсчетам авторов статьи, сумели пройти путь от Сталинграда до Победы и вернуться живыми [Книга памяти: 185–193]. Многие из участников тех событий утверждали, что таких жестоких боев, как в Сталинграде, за всю войну больше не встречали. Иностранные исследователи также признавали этот факт. Например, германский историк М. Фройнда писал: «Ни один немецкий город не боролся так, как Сталинград» [Кульков: 318].

Мобилизованные костромичи, отстаивая Сталинград, оказались в непривычных для себя условиях: являясь уроженцами лесного края, они столкнулись с особенностями ведения боев в степях с континен-

тальным климатом; выросшие в основном в селах и деревнях – вели ожесточенные бои на улицах полумиллионного города, имеющего значительную протяженность, а также ограниченного водным массивом – рекой Волгой. Кроме того, большинство из призванных в армию не имели даже минимального боевого опыта.

Участники Сталинградской битвы следующим образом описывают пережитые ими события. С.А. Рыбин, уроженец города Костромы, рассказывал, что он и шесть его одноклассников участвовали в знаменитой операции по окружению 6-й армии генерала Ф. Паулюса. Сталинградские будни запомнились Рыбину непрерывающейся стрельбой артиллерии, постоянными автоматными очередями. Подвоз продуктов был крайне затруднен. Бойцы голодали, страдали от авитаминоза. В основе рациона рядового солдата были сухари и «затируха» из муки – нечто среднее между клейстером и кашей. Проблему нехватки питания дополняла сложность погодных условий, так как зима и в степях Сталинграда «тоже зима, если негде укрыться и нечем согреться» [Сидоренко: 72–73]. Еще один костромич – участник Сталинградской битвы Е.Н. Молчанов – вспоминал: «Погода в донских и сталинградских степях была скверная. То дождь, то снег с ветром, то мороз. Кажется, делаешься ледяной статуей и тем не менее идешь в бой» [Василенко: 153]. И.М. Никонов из Костромского района, имея боевое ранение, продолжил службу и был направлен в полевой артиллерийский склад 51-й армии. Ежедневно участвуя в разгрузке боеприпасов, солдат отмечает, что «работа была адская». «Трудились сутками напролет, отдыхали урывками, когда не было машин. Жили и спали в траншеях, прикрывшись от дождя и снега плащ-палатками. Выдаваемого пайка не хватало. Приходилось выгребать из ям оставленный калмыками ячмень вперемежку с землей и варить на костре нечто подобие каши» [В окопах Сталинграда].

В Сталинградской битве костромичи воевали во всех воинских соединениях в званиях от рядового до генерала. Своим участием в ожесточенной борьбе каждый из них внес вклад в общую победу. 21 июля 1942 г. в качестве представителя Ставки под Сталинград прибыл Александр Михайлович Василевский. Он родился в 1895 г. в с. Новая Гольчиха Кинешемского уезда Костромской губернии. Свой боевой путь Василевский начал с чина прапорщика в годы Первой мировой войны. В Великой Отечественной войне Александр Михайлович участвовал с самого первого ее дня, получив 1 августа звание генерал-майора. В июне 1942 г. А.М. Василевского назначили начальником Генерального штаба, а с октября – одновременно заместителем Наркома обороны СССР.

С августа по 19 ноября 1942 г. Ставкой Верховного Главнокомандования осуществлялись мероприятия по всемерному усилению защиты Сталинграда и созданию наиболее оптимальных условий для перехода советских войск в контрнаступление. Именно в это время А.М. Василевский, как утверждали его современники, «все излазил, изъездил в Заволжье, на Дону, выискивая пути окружения Паулюса, пути подхода резервов войск и материалов» [Попов]. После успешного контрнаступления он руководил ликвидацией вражеской группировки в Сталинградском котле. За успешный боевой план и проведение выдающейся стратегической операции 16 февраля 1943 г. А.М. Василевскому было присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

Талантливым командиром стал и Михаил Сергеевич Малинин. Он родился в 1899 г. в д. Полутино Палкинского района Костромской области в крестьянской семье, с мая 1919 г. служил в Красной армии. Свои организаторские способности М.С. Малинин проявил именно в годы Великой Отечественной войны. С сентября 1942 до февраля 1943 г. он занимал должность начальника штаба Донского фронта, действовавшего под Сталинградом. В автобиографии Малинин писал, что приобрел опыт планирования крупной фронтовой наступательной операции с целью окружения противника, а также «организации управления войсками фронта по кольцу окруженной группировки противника» (фронт состоял из семи общевойсковых и одной воздушной армий). Генерал армии П.И. Батов, дважды Герой Советского Союза, командующий 57-й армией, говорил о Малинине: «Это был грамотный, с широким оперативным кругозором и опытом работы генерал. Нас порой смущала его резкость и самоуверенность, властность. Но было у М.С. Малинина одно замечательное качество. Крупные штабные работники обычно редко бывают широко известны в войсках. Таков род их деятельности. Михаил Сергеевич представлял в этом отношении исключение. Солдаты и офицеры передовой линии часто видели его в окопах и на НП соединений, знали и очень уважали его» [Малинин: 93–94, 206].

Именно с именем М.С. Малинина связано составление ультиматума Паулюсу. Генерал-лейтенант К.Ф. Телегин, член военного совета Донского фронта, писал, что точно не помнит, кто предложил направить Паулюсу ультиматум. В итоге К.К. Рокоссовский и Н.Н. Воронов получили одобрение Ставки направить его окруженным немецким войскам. «И далее уже М.С. Малинин, раздобыв бог знает где справочник по международному праву, засел за окончательное доведение текста. Наконец – это уже примерно 4 января – текст был составлен, вычитан, одобрен всеми нами, а также представителем Ставки генера-

лом Н.Н. Вороновым и в тот же день нарочным отправлен в Москву» [Малинин: 153].

Следует также отметить заслуги А.А. Новикова, уроженца д. Крюково Нерехтского уезда. Великую Отечественную войну Александр Александрович встретил в звании генерал-майора в должности командующего ВВС Ленинградского военного округа. В Сталинградской битве уже генерал-лейтенант А.А. Новиков осуществлял общее руководство действиями авиации, а также являлся заместителем наркома обороны по авиации. К январю 1943 г. советское преимущество в воздухе у Сталинграда стало бесспорным. Летчики под командованием Новикова плотно блокировали попавшие в «котел» войска противника, уничтожили свыше 600 самолетов в воздухе и 400 – на аэродромах. За Сталинградскую операцию А.А. Новикову было присвоено звание генерал-полковника, а 17 марта 1943 г. – маршала авиации. Нарком авиационной промышленности СССР А.И. Шахурин, познакомившись с А.А. Новиковым в апреле 1942 г., писал, что до конца войны они с Новиковым работали дружно, но были и требовательны друг к другу. Александр Александрович как опытный военачальник и хороший товарищ «многое сделал для объединения авиационных сил, создания воздушных армий» [Шахурин: 292].

Командиры – уроженцы Костромской земли явились достойным примером мужества, героизма и умелого руководства своими частями и подразделениями. Так, генерал-майор Н.А. Новиков, родившийся в Чухломском уезде, во время битвы на Волге был заместителем командующего Юго-Западным фронтом по танковым войскам. Зонай его ответственности была своевременная переброска крупных танковых резервов через реку и сосредоточение их на направлении готовящегося главного удара на Калач-Советский. За образцово проведенные боевые операции Н.А. Новиков 8 февраля 1943 г. был награжден орденом Кутузова 1-й степени. А.В. Скворцов (родом из Костромского района) командовал 294-й стрелковой дивизией 64-й армии. В дни Сталинградской битвы дивизией уничтожено свыше 24 тысяч вражеских солдат и офицеров, 227 танков, 1 254 единицы оружия и прочие материально-технические средства противника. За успехи в ходе боев А.В. Скворцов дважды удостоен ордена Красного Знамени; 17 декабря 1942 г. ему было присвоено звание гвардии генерал-майора.

Необходимо подчеркнуть, что костромичи, участвовавшие в Сталинградской битве, имели разный боевой опыт. Для многих из них, как, например, для артиллериста Н.И. Сыромятникова из поселка Сусанино, В.П. Малофеева из Красносельского района, Сталинград стал первым боевым крещением. После войны Малофеев признавался, что эта бит-

ва навсегда осталась самым тяжелым воспоминанием о войне, несмотря на участие его в дальнейшем в Курской битве. Однако были и те, кто участвовал в сражении, уже имея боевой опыт, ранения, а порой и высшую награду – звезду Героя. Среди них – лейтенант, командир эскадрильи В.А. Серогодский из Солигаличского района, удостоенный звания Героя Советского Союза 11 февраля 1942 г. Ветеран полка П.Я. Головачев вспоминал, что когда Серогодский вел группу в бой, то умело строил боевой порядок, никогда не чувствовал усталости, даже после выполненных им шести, а иногда семи боевых вылетов, «всегда был весел и задавал тон всему составу эскадрильи». Однако 20 декабря 1942 г., ведя бой с немецкими «мессершмиттами», комэск В.А. Серогодский был тяжело ранен и 24 декабря скончался. В Палласовском парке культуры и отдыха Волгоградской области ему установлен гранитный обелиск [Голубев 1972: 66–67].

В ходе Сталинградского сражения костромичи проявили свои лучшие качества. 23-летний связист И.И. Коньков, служивший в танковой части, при шквальном артиллерийском огне, встав в полный рост, отвлек противника, дав возможность наладить оборвавшуюся связь. Военкомом штаба в 37-й гвардейской дивизии секретарь Костромского горкома ВКП(б) И.М. Сутырин 16 октября 1942 г. в районе завода «Баррикада», осуществляя командование сводной группы штаба, состоявшей из писарей, посыльных, связистов, первым поднялся в контратаку, лично уничтожив до десятка врагов [Книга памяти: 100].

19 ноября 1942 г. началось контрнаступление советских войск. В сохранившихся воспоминаниях многие воины-костромичи утверждали, что это был для них самый памятный день. Например, Е.Н. Молчанов говорит, что «вся артиллерия, находившаяся на фронте, обрушила огонь на немцев. У наших артиллеристов текла кровь из ушей, так как лопались барабанные перепонки от непрерывного грохота. Бойцы шли в атаку» [В окопах Сталинграда]. Для костромича И.В. Лебедева, рядового телефониста 233-й стрелковой дивизии, самым памятным стало событие 10 января 1943 г. Командир приказал ему не пропустить сигнал «Родина»: «И вот он пришел. Быстро передаю его по всем точкам. Бог мой, что тут началось! Небо расколосось, снег почернел: кажется, по всему фронту заговорила артиллерия. Когда пришли в немецкие окопы – где рука, где нога валяется. “Вот тебе и «Родина», – подмигнул командир”» [В окопах Сталинграда]. Оказалось, что в этот день советские войска приступили к ликвидации Сталинградского «котла».

Огромную роль в одержанной победе в ходе Сталинградской битвы сыграла тесная взаимосвязь меж-

ду бойцами и их земляками в тылу. Дважды Герой Социалистического Труда П.А. Малинина, председатель колхоза «12-й Октябрь» Костромского района, а в годы войны – заведующая его молочно-товарной фермой – вспоминала, что, когда враг вышел к окраинам Сталинграда, «эта весть жгла наши сердца. Враг на Волге! Враг смотрит в воды нашей великой русской реки, моет в ней свои грязные руки, багрянит ее воды кровью наших советских людей». Колхозники отправляли посылки на фронт, посылали письма незнакомым бойцам, «о которых думали постоянно, о которых болела душа и которым мы беззаветно верили... Не могут наши сдать Сталинград!» [Малинина: 230–231]. В ноябре 1942 г. труженики колхоза «Сила» Шарьинского района обратились ко всем жителям района: «Наша Красная армия наносит удары немецко-фашистским бандам под Сталинградом, на Центральном фронте, от которых враг никогда не подымется!»¹. Чтобы успех был еще большим, колхозники купили облигаций на 5 тыс. рублей и призвали всех последовать их примеру. В резолюции митинга членов колхоза имени Чапаева Красносельского района по поводу героической победы советских войск под Сталинградом 26 ноября 1942 г. подчеркивалось: «Ваши подвиги воодушевляют нас вместе с вами на трудовые подвиги в тылу и колхозе уничтожать немецких оккупантов. Мы обязуемся своим трудом всемерно помогать, чтобы вы беспощадно уничтожали гитлеровскую фашистскую нечисть» [Кострома – фронту: 154].

Тесная связь между фронтом и тылом поддерживалась через переписку. Нередко воины-костромичи направляли письма в свои рабочие коллективы, в местные газеты. В них, наряду с описанием боев, могли содержаться наказания или обращения к местным органам власти или к своим трудовым коллективам. 4 апреля 1943 г. газета «Северная правда» опубликовала письмо красноармейца С. Громова: «Наступило долгожданное утро. Началась артиллерийская подготовка. Загремели орудия батарей... Вот мы у окопов противника. Враг не выдержал стремительного удара. Фрицы выбегали из блиндажей, и их настигали наши пули... Бой стих. Перед нами полуразрушенные окраины города. На одной из стен развевается Красное “Знамя”». А Б. Солодов сообщал в тот же номер газеты: «Клянусь родным землякам, что я не посрамлю своего родного города. Я буду стоек, мужествен и храбр. Дорогие земляки! Помогайте нам быстрее расправиться с проклятым врагом. Овладейте военными знаниями, работайте не покладая рук для фронта». В нерехтской газете «Сталинская правда», органе райкома партии и райисполкома, 3 февраля 1943 г. было опубликовано стихотворение капитана П. Трошина «Сталинград-богатырь», где есть строки:

Сталинград стоит на Волге,
Он изранен, но могуч,
Фрицам дальше нет дороги,
Кончен их бандитский путь.

Содержание писем от родных с фронта знали все соседи и коллеги по работе. А когда приходила похоронка, семью погибшего воина поддерживали морально и материально. А.П. Алешкова, 1926 г. р., из с. Красного, в 2010 г. рассказывала авторам статьи: «Самое главное в войну – когда приходила похоронка, семью не оставляли одну, а брали на попечение. Тут и детей подкармливали, мать отхаживали. Все помогали, кто чем может. Кто-то с детьми посидит, кто-то молока, картошки принесет, кто-то пирога картофельного».

Костромичи с первых дней войны оказывали помощь фронту: обрабатывали дополнительные смены, устраивали концерты, а собранные от этого средства передавали в фонд обороны, собирали теплые вещи и т. п. По мере освобождения оккупированных территорий страны жители края направляли туда продовольствие, скот, стройматериалы и др. Когда в результате советского контрнаступления стали освобождаться город Сталинград и районы Сталинградской области, костромичи также приняли активное участие в максимально быстром восстановлении и города, и всей его экономики.

В стране был создан «Сталинский фонд древесины в помощь разоренным районам». Поскольку Костромская область – это лесной край, то практически все ее районы приняли участие в отправке пиловочной и строительной древесины в Сталинград. Например, Кадыйскому леспромхозу на март 1943 г. был установлен план по заготовке и вывозу пиловочника и строительного леса в количестве 1900 кубометров. Причем это задание не входило в основной план предприятия. Для его выполнения привлекалась дополнительная рабочая сила и гужевого транспорт, при этом не допускалось снятия рабочих, занятых на выполнении основного плана². В июне 1943 г. сроком на пять месяцев в распоряжение Управления по восстановлению жилищно-коммунального хозяйства города Сталинграда были направлены рабочие разных специальностей [Летопись: 348]. В порядке оказания помощи освобожденным регионам от немецкой оккупации из разных районов Костромского края собирали крупный рогатый скот, овец и свиней и отправляли по железной дороге в Сталинградскую область. В феврале 1944 г. районы мобилизовали молодежь на Сталинградский тракторный завод, при этом обеспечивая их продуктами питания на путь следования [Кострома – фронту: 301].

Родина по достоинству оценила подвиги костромичей. Двое из них именно за Сталинградскую битву удостоены звания Героя Советского Союза посмертно,

оба – уроженцы Чухломского района. Николай Александрович Лебедев из д. Вдовино воевал в 4-м танковом корпусе, погиб 23 ноября 1942 г., участвуя в боях по окружению группировки врага в населенном пункте Платоновка Калачевского района Сталинградской области. Парторг воинской части, где служил Лебедев, писал сестре Николая: «Да, он действительно был герой! Николай уничтожил более двух тысяч немецких солдат и офицеров, 28 танков и до 20 пушек. Кроме того, Николай освободил три тысячи пленных красноармейцев... Перед гробом Николая мы поклялись мстить гадам за смерть героя и каждый день уничтожать сотни фрицев...» [Красносельская сторона: 99]. Заместитель командира 113-го гвардейского стрелкового полка 38-й гвардейской стрелковой дивизии, майор Владимир Сергеевич Овчинников, 10 января 1943 г. во время наступления на д. Гурьево Миллеровского района Ростовской области во главе группы гвардейцев первым ворвался в немецкий дзот. В рукопашном бою холодным оружием он уничтожил 10 фашистов, захватил 8 пулеметов. Всего в ходе этого боя было взято 9 вражеских дзотов. Вечером этого же дня он погиб от пули немецкого снайпера. 31 марта 1943 г. Овчинникову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза [Голубев 1972: 101].

Одной из особенностей участия костромичей в Сталинградской битве стало то, что многие будущие Герои Советского Союза приобрели боевой опыт именно в битве на Волге. Среди них: разведчик Б.В. Махотин из Парфеньевского района, артиллерист А.А. Филиппов из Костромского, разведчик Б.Д. Ларионов из Нерехтского, летчик В.Н. Люсин из Костромы и др. Гвардии старшина Махотин во время уличных боев в Сталинграде первым вступал в бой: «...То пристроится в полуразрушенном здании, то где-нибудь на чердаке отыщет удобную позицию и обстреливает врага, освобождая путь пехотинцам» [Голубев 1972: 51]. В этих боях Махотин уничтожил порядка сотни гитлеровских солдат и офицеров. Позднее в Курской битве он вновь проявил себя: южнее с. Яковлево прикрывал отход батальона. Борис отражал атаку за атакой, выпустив по врагу 25 пулеметных лент – 6 250 патронов, – убив 300 фашистов. За боевые заслуги 27 августа 1943 г. старшина удостоен звания Героя Советского Союза [Голубев 1972: 52]. Летчик-штурмовик Н.Н. Тараканов из Нерехтского района на втором боевом вылете 11 сентября 1942 г., несмотря на полученное ранение и повреждение самолета, выполнил боевую задачу и вернулся в расположение летной части. За проявленное мужество и спасение своего самолета ему вручили первую награду – орден Красного Знамени. Спустя три недели, после лечения в полевом госпитале, Николай снова был в строю. 14 января

1943 г. он получил второй орден и повышение в звании. 13 апреля 1944 г. летчику было присвоено звание Героя Советского Союза [Голубев 1972: 103, 303].

Таким образом, победа под Сталинградом – это заслуга всех регионов СССР. В ноябре 1943 г. И.В. Сталин подвел итог величайшей битве на Волге: «Сталинград был закатом немецко-фашистской армии. После Сталинградского побоища, как известно, немцы не могли уже оправиться... Поражения, понесенные немцами со времени разгрома их войск под Сталинградом, надломил боевой дух немецкой армии... Красная армия стала самой мощной и закаленной современной армией» [Сталин: 113, 130].

Костромской край вырастил тысячи бойцов, от рядового до маршала, проявивших себя в Сталинградской битве. Анализ источников, прежде всего воспоминаний самих участников, дал возможность понять, в каких условиях проходило сражение, какой ценой была достигнута победа. Эти сведения практически невозможно почерпнуть из официальных документов и материалов статистики. Только по Книгам Памяти авторами подсчитано, что в Сталинградской битве из районов Костромской области погибло 1 925 человек и 2 770 пропали без вести. Сколько непосредственно воевали на Волге – не поддается подсчетам. Победа досталась дорогой ценой. Бойцы говорили: «Я вам скажу, что в Сталинграде день за год можно считать было. Столько всего, что не поверишь, как оно в двадцать четыре часа вместились» (лейтенант Д.Е. Кривцунов), «Таких ожесточенных боев, как в Сталинграде, за всю войну я больше не видел» (Г.А. Меркулов, рядовой, стрелок, 20 лет) [Книга Памяти: 105].

Примечания

¹ Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. 147. Оп. 1. Д. 780. Л. 82.

² ГАНИКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 145. Л. 2.

Список литературы

- Белоус М.А. Костромичи – Герои Советского Союза, герои РФ, полные кавалеры ордена Славы: в 2 т. Кострома: ПолиТрансСервис, 2019. Т. 1. 312 с.
- В окопах Сталинграда // Костромской край. 1993. 20 янв.
- Василенко А.Ю. Война со всех сторон, 1941–1945: Беседы с костромичами – участниками Великой Отечественной войны. Кострома: Костромаиздат, 2005. 392 с.
- Голубев Е.П. Боевые звезды. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1972. 592 с.
- Голубев Е.П. Костромичи – полководцы Великой Отечественной. Кострома: Б. и., 1995. 285 с.
- Голубев Е. Солдатская слава: очерки о костромичах – полных кавалерах ордена Славы. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1987. 192 с.

Дорогами войны / ред.-сост. В.К. Сморгачев. Кострома: Линия График, 2013. 336 с.

Книга памяти / ред. А.М. Елизаров. Кострома: ДиАр, 2008. Т. 11. 448 с.

Кострома – фронту: сб. документов. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1975. 335 с.

Красносельская сторона. Красное-на-Волге: Б. и., 2015. 255 с.

Кульков Е.Н. Зарубежная историография Сталинградской битвы // 65 лет Великой Победы. Москва: МГИМО-Университет, 2010. Т. 2. С. 317–327.

Лебедева Г.Г. К 70-летию Сталинградской битвы. Операция «Кольцо». Документы рассказывают... // Музейный хронограф. Кострома: Костромаиздат, 2013. С. 153–159.

Летопись народного подвига. Костромской край в годы Великой Отечественной войны (1941–1945): сб. документов / под ред. Н.В. Бадьиной, Л.А. Ковалевой. Кострома: Костромаиздат, 2021. 432 с.

Малинин Михаил Сергеевич: материалы о жизни и деятельности Героя Советского Союза генерала армии М.С. Малинина. Кострома: Б. и., 1999. 335 с.

Малинина П.А. Волжские ветры. Москва: Советская Россия. 1968. 334 с.

Попов В. Маршал Василевский в Сталинградской битве. URL: <https://zavtra.ru/blogs/marshal-vasilevskij-v-stalingradskoj-bitve> (дата обращения: 14.09.2022).

Сидоренко Т.А. И в труде и в бою за Отчизну свою. Великая Отечественная война в судьбах преподавателей и сотрудников КГСХА. Кострома: КГСХА, 2011. 110 с.

Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. Москва: ОГИЗ, 1947. 207 с.

Шахурин А. И. Крылья победы. Москва: Политиздат, 1990. 300 с.

References

- Belous M.A. *Kostromichi – Geroi Sovetskogo Soyuz, geroi RF, polnye kavaleriy ordena Slavy: in 2 t.* [Kostromichi – Heroes of the Soviet Union, heroes of the Russian Federation, full cavaliers of the Order of Glory: in 2 vols.]. Kostroma, PolyTransErvice Publ., 2019, vol. 1, 312 p. (In Russ.)
- V okopah Stalingrada* [In the trenches of Stalingrad]. *Kostromskoi krai* [Kostroma region], 1993, January 20. (In Russ.)
- Vasilenko A.Yu. *Vojna so vsekh storon, 1941–1945: Besedy s kostromichami – uchastnikami Velikoj Otechestvennoj vojny* [War from all sides, 1941–1945: Conversations with Kostroma residents – participants of the Great Patriotic War]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2005, 392 p. (In Russ.)
- Golubev E.P. *Boevye zvezdy* [Battle stars]. Yaroslavl, Verh.-Volzh. kn. publishing house Publ., 1972, 592 p. (In Russ.)

Golubev E.P. *Kostromichi – polkovodcy Velikoj Otechestvennoj* [Kostromichi – commanders of the Great Patriotic War]. Kostroma, 1995, 285 p. (In Russ.)

Golubev E. *Soldatskaya slava: ocherki o kostromichah – polnykh kavalerah ordena Slavy* [Soldier's glory: essays about Kostroma residents – full cavaliers of the Order of Glory]. Yaroslavl, Verh.-Volzh. kn. ed. Publ., 1987, 192 p. (In Russ.)

Dorogami vojny [Roads of war], ed by V.K. Smorchkov. Kostroma, Line Graph Publ., 2013, 336 p. (In Russ.)

Kniga pamyati [Memory book], ed. by A.M. Elizarov. Kostroma, DiAr Publ., 2008, vol. 11, 448 p. (In Russ.)

Kostroma – frontu [Kostroma – to the front]. Yaroslavl, Verh.-volzhsky publishing house Publ., 1975, 335 p. (In Russ.)

Krasnosel'skaya storona [Krasnoselskaya side]. Krasnoe-on-Volga, 2015, 255 p. (In Russ.)

Kul'kov E.N. *Zarubezhnaya istoriografiya Stalingradskoj bitvy* [Foreign historiography of the Battle of Stalingrad]. *65 let Velikoi Pobedy* [65 years of the Great Victory]. Moscow, MGIMO-University Publ., 2010, vol. 2, pp. 317-327. (In Russ.)

Lebedeva G.G. *K 70-letiyu Stalingradskoj bitvy. Operaciya «Kol'co». Dokumenty rasskazyvayut...* [To the 70th anniversary of the Battle of Stalingrad. Operation Ring. The documents tell...]. *Muzeinyi khronograf* [Museum chronograph]. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2013, pp. 153-159. (In Russ.)

Letopis' narodnogo podviga. Kostromskoj kraj v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945) [Chronicle of the national feat. Kostroma Region during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Collection of documents, ed.

by N.V. Badina, L.A. Kovaleva. Kostroma, Kostromaizdat Publ., 2021, 432 p. (In Russ.)

Malinin Mihail Sergeevich: materialy o zhizni i deyatel'nosti Geroya Sovetskogo Soyuz generala armii M.S. Malinina [Malinin Mikhail Sergeevich: materials about the life and work of the Hero of the Soviet Union, Army General M.S. Malinin]. Kostroma, 1999, 335 p. (In Russ.)

Malinina P.A. *Volzhskie vetry* [Volga winds]. Moscow, Soviet Russia Publ., 1968, 334 p. (In Russ.)

Popov V. *Marshal Vasilevskij v Stalingradskoj bitve* [Marshal Vasilevsky in the Battle of Stalingrad]. URL: <https://zavtra.ru/blogs/marshal-vasilevskij-v-stalingradskoj-bitve> (access date: 14.01.2022). (In Russ.)

Sidorenko T.A. *I v trude i v boyu za Otchiznu svoyu. Velikaya Otechestvennaya vojna v sud'bah prepodavatelej i sotrudnikov KGSKHA* [Both in labor and in battle for his Homeland. The Great Patriotic War in the destinies of teachers and staff of the KGSHA]. Kostroma, KGSHA Publ., 2011, 110 p. (In Russ.)

Stalin I.V. *O Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Soyuz* [About the Great Patriotic War of the Soviet Union], the 5-th edition. Moscow, OGIZ Publ., 1947, 207 p. (In Russ.)

Shahurin A.I. *Kryl'ya pobedy* [Wings of Victory]. Moscow, Politizdat Publ., 1990, 300 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 14.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.4)''1918/1920''

EDN ANDWMC

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-22-26>

ФОРМИРОВАНИЕ ЗАПАСНЫХ ЧАСТЕЙ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ АРМЕЙСКИМИ И МЕСТНЫМИ ОРГАНАМИ ВОЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Моисеев Андрей Николаевич, кандидат военных наук, доцент, филиал военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Сызрань, Россия, vertolet_k27tb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0871-916X>

Аннотация. Сложившаяся в настоящее время военно-политическая обстановка вокруг России демонстрирует, насколько важным для действующей армии является слаженный, эффективно действующий механизм подготовки пополнений. Изучение исторического опыта по созданию системы подготовки военно-обученного резерва как никогда актуально и имеет принципиальное значение для обороноспособности нашего государства. Статья посвящена исследованию региональных аспектов формирования запасных частей и подразделений для Красной армии на территории Среднего Поволжья в период Гражданской войны 1918–1920 гг. Выбор временных и территориальных рамок не случайный: дело в том, что Восточный фронт являлся главным для молодой Советской республики с 1918 по 1919 г. Именно там, в чрезвычайных условиях войны, хозяйственной разрухи, окруженные белыми армиями и войсками интервентов, местные органы военного управления, армейское командование, гражданские и партийные организации проводили апробацию решений правительства по созданию системы подготовки и комплектования действующей армии людскими резервами. В ходе проведенного анализа установлено, насколько значимым было влияние личностей на этот процесс. Автор приходит к выводу о том, что обеспечить не только количественные, но и качественные показатели отправляемых на фронт пополнений, устранить проблемы, связанные с их обеспечением всем необходимым, удалось реализовать только с формированием Запасной армии Республики.

Ключевые слова: запасные батальоны, резервные полки, запасные войска, Чехословацкий корпус, Комуч, резервные пополнения, маршевые роты, мобилизационный отдел, комиссариат по военным делам.

Для цитирования: Моисеев А.Н. Формирование запасных частей и подразделений на территории Среднего Поволжья в годы Гражданской войны армейскими и местными органами военного управления // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 22–26. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-22-26>

Research Article

FORMATION OF SPARE PARTS AND UNITS ON THE TERRITORY OF THE MIDDLE VOLGA REGION DURING THE CIVIL WAR BY ARMY AND LOCAL MILITARY ADMINISTRATION BODIES

Andrey N. Moiseev, Candidate of Military Sciences, Associate Professor, branch of the Military Training and Research Center of the Air Force “Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin”, Syzran, Russia, vertolet_k27tb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0871-916X>

Abstract. The current military-political situation around Russia demonstrates how important a well-coordinated, effective mechanism for preparing replacements is for the active army. The study of historical experience in creating a system of training a military-trained reserve is more relevant than ever and is of fundamental importance for the defense capability of our state. The article is devoted to the study of regional aspects of the formation of spare parts and units for the Red Army on the territory of the Middle Volga region during the Civil War of 1918-1920. The choice of time and territorial framework is not accidental, the fact is that the Eastern Front was the main one for the young Soviet Republic from 1918 to 1919. It was there, in the extreme conditions of war, economic devastation, surrounded by white armies and interventionist troops, local military authorities, army command, civil and party organizations tested government decisions to create a system of training and manning the active army with human reserves. In the course of the analysis, it was established how significant the influence of personalities on this process was. The author comes to the conclusion that it was possible to ensure not only quantitative, but also qualitative indicators of the replenishments sent to the front, to eliminate the problems associated with their provision with everything necessary only with the formation of the Reserve Army of the Republic.

Keywords: reserve battalions, reserve regiments, reserve troops, Czechoslovak Corps, Komus, reserve replacements, marching companies, mobilization department, commissariat for Military Affairs.

For citation: Moiseev A.N. Formation of spare parts and units on the territory of the Middle Volga Region during the civil war by army and local military administration bodies. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 22–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-22-26>

Отлаженная система подготовки резервов для Российской армии в ходе Первой мировой войны была разрушена революционными событиями 1917 г. В мае 1917 г. запасные батальоны гвардейских полков переформировали в резервные полки, а затем, в начале 1918 г., правительство большевиков расформировало запасные войска за «ненадобностью»¹ и из опасений, что части могут стать военной платформой контрреволюционных сил. Начавшаяся летом этого же года широкомасштабная Гражданская война против антибольшевистского сопротивления в лице Чехословацкого корпуса и военных сил Комуча (Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания) продемонстрировала невозможность обеспечить пополнение действующей армии только за счет добровольцев. Белому движению удалось захватить Самару, Симбирск, Казань и другие города Среднего Поволжья. Отчетливо проявилась прямая зависимость активного ведения войны от наличия у сторон действенного механизма подготовки людских резервов, обеспечивающего непрерывное и значительное пополнение войск обученным личным составом. Для претворения в жизнь этих мероприятий, а также «... учета годного к военной службе населения его призыву, формированию вооруженной силы Российской Советской Республики...»² Совнарком (Совет народных комиссаров, сокращенно СНК) учредил комиссариаты по военным делам на всех уровнях (окружные, губернские, уездные, волостные) вместо упраздненных в январе 1918 г. воинских присутствий, выполнявших схожие функции на местах. Создание воинских учреждений наложилось «на все более и более осложняющуюся обстановку в Поволжье» [Медведев: 59] и на процесс создания РККА (Рабоче-крестьянской Красной армии). В целях обеспечения Вооруженных сил столь необходимыми ресурсами советским правительством 29.05.1918 г. принимается декрет «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную Армию». И уже 12 июня постановлением ВЦИК (Всероссийским центральным исполнительным комитетом) был объявлен первый обязательный призыв рабочих и крестьян 1893–1897 гг. рождения в «наиболее угрожаемых областях»³, к которым отнесли и уезды Приволжского военного округа. Из действовавших в этом регионе отдельных отрядов и частей создали: 2-ю армию под командованием В.И. Шорина (Уфа – Самара и Уфа – Челябинск), 3-ю армию под командованием Р.И. Берзина (Пермь – Екатеринбург – Челя-

бинск и Пермь – Екатеринбург – Ишим), 4-ю армию под командованием Т.Е. Хвесина (в районе Саратова), 1-ю армию под командованием М.Н. Тухачевского (район Бугульма – Ставрополь – Сепгилей – Сызрань). По приблизительным подсчетам, к июню 1918 г. численность формирований составляла порядка тридцати пяти с половиной тысяч штыков, две тысячи триста сабель, чуть больше двухсот пулеметов и тридцать восемь орудий [Медведев: 93, 135]. Из таких сил декретами Совнаркома от 13 июня и 12 июля «создавался главный фронт республики – Восточный» [Медведев: 135], которому экстренно требовался приток свежих, хорошо обученных резервов различного назначения.

Под давлением оперативной обстановки в этот сложный для молодого государства период наряду с централизованной мобилизацией, проводимой через военные комиссариаты, объявлялись хаотично-местные. Так, в конце июля 1918 г. решением Саранского уездного исполкома было сформировано «бюро по организации добровольческих отрядов»⁴. В Симбирске профсоюзы металлистов, текстильщиков, железнодорожников обращались с воззваниями к трудящимся вступать в ряды Красной армии [Медведев: 137]. Партийные организации Поволжья (большевики, эсеры) мобилизовали на защиту Сызрани, Самары, Пензы своих членов [Медведев: 135]. Самокомплектование производилось и войсковым командованием. Например, в районе действия 1-й армии (Ардатовский, Карсунский, Курмышский, Алатырский уезды прифронтовой полосы)⁵ сотрудники политотдела проводили агитацию среди населения, вербовали в боевые отряды рабочих, крестьян, препровождая их в штаб армии в качестве армейского резерва⁶. Приказом от 30 июля 1918 г. командование Восточным фронтом объявило принудительный призыв граждан, имеющих остроостребованные учетные специальности (артиллеристы и кавалеристы) в уездах Пензенской и Симбирской губерний⁷. В сложившихся обстоятельствах при политическом отделе 1-й армии на станции Инза (Симбирской губернии) был организован мобилизационный подотдел для записи желающих к вступлению в ряды Красной армии, а при совдепе – агитационный, для вербовки добровольцев⁸. В г. Саранске Пензенской губернии при мобилизационном отделе (моботделе), созданном приказом по армии от 15 августа 1918 г., открыли центр формирования запасных частей⁹. В Самарском уезде штаб 4-й армии объявил мобилизацию населения

в октябре 1918 г., не поставив об этом в известность губвоенкомат¹⁰.

Одновременно руководство губвоенкомата Симбирской губернии приняло решение приступить к формированию 3-го Симбирского полка в Алатыре¹¹, ставшего еще одним центром сосредоточения призывников. Места расположения призывных пунктов окружные комиссариаты по военным делам определяли по своему «усмотрению»¹². В уездах Самарской, Симбирской и Пензенской губерний, в которых еще не было комиссариатов по военным делам, производство призыва возлагалось на военные отделы местных Советов депутатов¹³.

На неразбериху, ставшую следствием параллельной деятельности военных, гражданских, партийных органов в одном направлении, в частности мобилизационном, указывали как современники¹⁴ тех событий, так и исследователи тематики Гражданской войны и строительства Вооруженных сил в более поздние периоды. Подробно рассматривались характерные для второй половины 1918 г. проблемы, тормозившие процесс создания системы подготовки и пополнения действующей армии. Таковыми считались: соперничество между структурами за обеспечение казарменным фондом [Наумов: 173], продовольствием, обмундированием, вооружением [Ситников: 107], нехватка грамотных специалистов и командиров [Макаревич: 620], зачастую – неприятие крестьянством советской власти и необходимости идти на войну, индифферентность части рабочих [Ненароков: 178] и т. д.

Однако, несмотря на, казалось бы, непреодолимые трудности, правительству удалось выработать ряд мер, позволивших обеспечить войска Восточного фронта пополнением и отодвинуть угрозу свержения только набиравшей силу власти. Следует признать немаловажную роль личностей в создании централизованной системы подготовки и пополнения армии свежими резервами. Так, находясь на посту председателя Реввоенсовета Республики (Предревоенсовета), Л.Д. Троцкий отстаивал приоритетное право проводить мобилизационную работу «только территориальным военным комиссариатам по указанию Всероссийского Главного Штаба», твердо указывая на то, что «...мобилизации, производимые войсковым командованием или отдельными лицами, приводят к тому, что отдельные уезды и даже губернии исчерпываются всецело только теми войсковыми организациями, кои в них расположены, а не служат источником пополнения наравне с другими местностями республики для всей Красной Армии, в корне разрушают работу военных округов, производимую по заданиям всероссийского главного штаба и, вследствие неравномерного распределения в населении призыва, возбуждают население, что вредит

успешности и срочности мобилизации и способствует охлаждению взаимных братских чувств населения и войск. Каковым обстоятельством незамедлительно стараются воспользоваться зланомерные элементы в целях контрреволюции»¹⁵. Результатом вмешательства стало постановление РВСР, которым категорически воспрещалось под угрозой «суровой ответственности» как войсковым начальникам, так и отдельным лицам, вне зависимости от занимаемой должности, производить мобилизации и требовать призыва от территориальных военных комиссариатов.

Командующий Восточным фронтом Вацетис, докладывая во Всероссийский Главный штаб о тяжелых потерях в войсковых частях в конце августа 1918 г., просил «сообщить... [про] созданную... систему пополнений убыли в боевых частях для ее применения на деле»¹⁶.

Комиссией из представителей от отделов Главного штаба и Штаба Высшего военного совета под председательством начальника мобилизационного отдела была предложена схема, используемая в годы Первой мировой, с поправками на сложившуюся обстановку. Вначале предполагалось, что всякие части (дивизии) должны были иметь тесно связанную с ними запасную часть, из которой маршевыми ротами производилась бы доставка в них пополнений. Однако выполнить данное требование в полной мере оказалось невозможно, так как действующая армия состояла не из однородных, правильно сформированных соединений, а из весьма разнообразных и непостоянных по составу частей, нередко имеющих случайную, непрочную организацию. При таких условиях принимается решение о создании запасных частей общего назначения, из которых можно было бы черпать пополнения для всех частей армии определенного рода оружия. На окружные комиссариаты по военным делам возлагалась обязанность формировать маршевые роты за счет производимых призывов, причем «в первую голову» – из тех, кто прошел курс общеобязательного военного обучения. Вот такие указания 21 октября 1918 г. получил военный комиссар Приволжского военного округа: «Реввоенсовет Республики предписывает вам срочно направить на пополнение 5-й Армии двадцать тысяч мобилизованных маршевыми ротами. Комплектовать маршевые роты преимущественно из мобилизованных Казанской и Нижегородской губерний. Организация и обучение этих маршевых рот возлагается на Казанского губернского военного комиссара Судьина, которому предписывается для этой цели организовать запасные полки: пехотный и конный и батарею. Порядок и время отправки этих маршевых рот установить согласно требованиям и заданиям Реввоенсовета пятой Армии. НР 01786. Главком Вацетис, Члены Реввоенсовета Розенгольц, Данишевский»¹⁷.

Сведения о числе подготовленных в округах маршевых рот военкоматы ежемесячно к 1-му и 15-му числам должны были предоставлять во Всероссийский Главный штаб (Всероглавштаб). В октябре – ноябре 1918 г. большинство телеграмм о запасных частях, отправляемых органами местного военного управления в Мобупр Главштаба от Начтабokra, еще не содержали точных сведений ни о пунктах формирования запасных частей, ни о дивизиях, для которых они формировались. «Наличный состав формирующихся запасных частей следующий: 5-й стрелковой дивизии: запасной батальон, формируемый в Свияжске 2 940 человек... К формированию запасных батальонов в Саратове, Аткарске и Сердобске приступлено»¹⁸.

В целях организации правильного учета запасных частей мобилизационный отдел Всероглавштаба потребовал подавать более определенную информацию: «первое – пункты формирования каждого из батальонов, второе – дивизии, для которых батальон формируется, третье – наличный состав людей (отдельно комсостав, отдельно рядовой состав) и лошадей, количество обмундирования, винтовок, пулеметов и повозок»¹⁹. Из сохранившихся источников можно установить – систему строгой отчетности удалось наладить только к концу 1918 г. Примером может служить выдержка из телеграммы в мобилизационный отдел Главного штаба из Казани: «Сведения о успехе формирования запчастей Приволжского округа. Наличный состав к 26 декабря. Пятой стрелкдивизии: третий запасбатальон Казани постоянного состава: инструкторов 46, красноармейцев 309, лошадей 71, винтовок 898, пулеметов 5, повозок 17; Переменного инструкторов 92, красноармейцев 1 903 + 309 = 2 212, лошадей 19, повозок 5...»²⁰ Максимально детализированная информация предоставлялась по пунктам сосредоточения запасных частей (Казань, Чистополь Казанской губ., Саратов, Аткарск, Сердобск Саратовской губ., Пенза, Симбирск, Корсунь, Сызрань Симбирской губ. ...), дивизий, для которых предназначалось пополнение (5-й, 11-я, 20-я стрелковые и 5-й Армии востфронта). В отчетах прослеживалась достаточно четкая командно-штатная структура запасбатальонов. Постоянный состав: инструкторов – 46, рядовых – 309 человек – приходилось на весьма разнообразное количество переменного состава (от 588 чел. в Сердобске Саратовской губ. до 2 475 чел. в Чистополе Казанской губ.). Ощущался острый недостаток винтовок, а особенно пулеметов, орудий и подвижного состава (лошади, повозки), обмундирования²¹.

В условиях развернувшихся на востоке и на юге республики крупномасштабных боев с белогвардейцами (армиями адмирала Колчака и генерала Деникина) на рубеже 1918–1919 гг. критически важным для сохранения советской власти становилось не-

прерывное обеспечение действующей армии пополнениями. И потому резервы на фронт отправлялись обученными в ускоренном режиме, «необучеными, неодоукомплектованными и невооруженными»²². Первый главнокомандующий всеми Вооруженными силами Республики И.И. Вацетис своим приказом № 174 от 28.11.1918 г. обязывал «...каждый раз доносить в полевой штаб Революционного Военного Совета Республики о тех случаях, когда на фронт люди посылаемы будут без одежды и обуви», ответственность возлагалась на «Окружные военные комиссариаты и тыловые учреждения»²³. Руководство процессом формирования запасных частей, ответственность за организацию подготовки и отправки пополнений приняли на себя Управление запасных войск, созданные в марте 1919 г. по военным округам [Гриневич: 30]. Несмотря на все сложности процесса формирования системы подготовки резервов в запасных частях, на 1 января 1919 г. Приволжский военный округ получил пополнением 96 780 мобилизованных всех категорий (бывших офицеров, унтер-офицеров, рабочих и крестьян моряков, врачей, фельдшеров и фармацевтов, бывших чиновников и тыловых ополченцев)²⁴.

В последующем приказом РВСР № 1272/247 от 7.08.1919 г. на базе управления по формированию, укомплектованию и обучению (Упраформа) войск Восточного фронта из запасных и тыловых войск фронта была создана Запасная армия Республики (ЗАР) с непосредственным подчинением Главному всеми Вооруженными силами. Центры ЗАР были расположены в городах Саратов, Алатырь и Ардагов, а Управление дислоцировалось в городах Симбирск, Казань (с окт. 1919 г.). Регионами деятельности стали Среднее Поволжье, Заволжье и Приуралье²⁵. Основной задачей армии была подготовка резервов в виде готовых частей и соединений. Позже командованию этой первой, самой объемной и практически полностью отвечавшей требованиям того времени Запасной армии были переданы функции по руководству в целом Приволжским военным округом. За период с 1919 по 1920 г. в ЗАР удалось подготовить порядка четырехсот тысяч человек [Гриневич: 32]. Как показали итоги Гражданской войны, этот опыт оказался наиболее удачным. Дальнейшее совершенствование системы запасных войск происходило в последующие годы.

Примечания

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВА). Путеводитель. Т. 2. Раздел 11. Фонды управлений, соединений и частей резервных и запасных войск. 2006. URL: <http://guides.rusarchives.ru/node/15635> (дата обращения: 24.11.2022).

² Об учреждении волостных, уездных губернских и окружных комиссариатов по военным делам: Де-

крет СНК от 8 апреля 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 2: 17 марта – 10 июля 1918 г. Москва: Политиздат, 1959. С. 63.

³ Из истории Гражданской войны. Т. 1: Май 1918 – март 1919. Москва: Сов. Россия, 1960. С. 334.

⁴ Центральный государственный архив Республики Мордовия (ЦГА РМ). Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 8. Л. 90.

⁵ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1096. Л. 5.

⁶ РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 14. Л. 20, 60.

⁷ РГВА. Ф. 157. Оп. 2. Д. 167. Л. 26.

⁸ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 1096. Л. 291–292.

⁹ РГВА. Ф. 157. Оп. 3. Д. 609. Л. 61 об.

¹⁰ РГВА. Ф. 25889. Оп. 3. Д. 1182. Л. 132.

¹¹ Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 3. Л. 25, 32.

¹² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 200. Л. 2.

¹³ Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 2669. Оп. 1. Д. 77. Л. 25 – 25 об.

¹⁴ Троцкий Л.Д. (Председатель РВСР), Вацетис И.И. (Первый главнокомандующий всеми Вооружёнными Силами РСФСР), Аралов С.И. и Окулов А.И. (Члены РВСР).

¹⁵ ЦГАСО. Ф. 2669. Оп. 1. Д. 212. Л. 88. Приказ РВС № 140 от 21.01.1919 г.

¹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 200. Л. 1.

¹⁷ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 200. Л. 52.

¹⁸ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 200. Л. 113. Выдержка из телеграммы в Мобилизационный отдел Главного штаба из Казани НР 27811. 15 ноября 1918 г. Вх. 5934.

¹⁹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 200. Л. 135.

²⁰ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 268. Выдержка из телеграммы в Мобилизационный отдел Главного штаба из Казани НР 9335. 27 декабря 1918 г. Вх. 9045.

²¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 200. Л. 269–273. Выдержка из телеграммы в Мобилизационный отдел Главного штаба из Казани НР 9335. 27 декабря 1918 г. Вх. 9045.

²² РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 200. Л. 240.

²³ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 200. Л. 240 об.

²⁴ РГВА. Ф. 11. Оп. 85. Д. 803. Л. 17.

²⁵ РГВА. Путеводитель. Центральный государственный архив Советской армии: в 2 т. Т. 1. 1991. С. 360.

Список литературы

Гриневиц Д.А. Из истории создания и подготовки резервных формирований // Военная мысль. 1989. № 11. С. 21–31.

Макаревич О.Л. Постановка мобилизационной работы и комплектование Красной Армии людскими ресурсами в годы Гражданской войны в России (1918–1922) // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2020. Т. 30, № 4. С. 616–627.

Медведев Е.И. Гражданская война в Среднем Поволжье (1918–1919 гг.). Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. 352 с.

Наумов Е.О. Создание объединений Красной армии в годы Гражданской войны в Среднем Поволжье: на примере 1-й армии Восточного фронта: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2017. 297 с.

Ненароков А.П. Восточный фронт, 1918. Москва: Наука, 1969. 280 с.

Ситников В.В. Военно-организаторская и мобилизационная деятельность органов военного управления Симбирской губернии в 1918–1919 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2008. 299 с.

References

Grinevich D.A. *Iz istorii sozdaniia i podgotovki rezervnykh formirovaniia* [From the history of the creation and preparation of reserve formations]. *Voennaia mysl'* [Military thought], 1989, № 11, pp. 21–31. (In Russ.)

Макаревич О.Л. *Postanovka mobilizatsionnoi raboty i komplektovanie Krasnoi Armii liudskimi resursami v gody Grazhdanskoi voiny v Rossii (1918–1922)* [Staging of mobilization work and staffing of the Red Army with human resources during the Civil War in Russia (1918–1922)]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriiia istoriia i filologiiia* [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series], 2020, vol. 30, No. 4, pp. 616–627. (In Russ.)

Медведев Е.И. *Grazhdanskaia voina v Srednem Povolzh'e (1918–1919 gg.)* [Civil War in the Middle Volga region (1918–1919)]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta Publ., 1974, 352 p. (In Russ.)

Наумов Е.О. *Sozdanie ob"edinenii Krasnoi armii v gody Grazhdanskoi voiny v Srednem Povolzh'e: na primere 1-i armii Vostochnogo fronta: dis. ... kand. istor. nauk* [Creation of associations of the Red Army during the Civil War in the Middle Volga region: on the example of the 1st Army of the Eastern Front: Phd thesis, summary]. Saransk, 2017, 297 p. (In Russ.)

Ненароков А.П. *Vostochnyi front. 1918* [Eastern Front. 1918]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 280 p. (In Russ.)

Ситников В.В. *Voенно-organizatorskaia i mobilizatsionnaia deiatel'nost' organov voennogo upravleniia Simbirskoi gubernii v 1918–1919 gg.: dis. ... kand. istor. nauk.* [Military-organizational and mobilization activities of the military administration bodies of the Simbirsk province in 1918–1919: Phd thesis, summary]. Cheboksary, 2008, 299 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 14.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 27–33. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 27–33. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 94(470.4)''1960/1980''

EDN НМЕЕП

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-27-33>

ФУНКЦИОНАЛ И МЕНТАЛЬНОСТЬ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОВЕТСКОГО ПРОИЗВОДСТВА ВЕРХНЕВОЛЖСКИХ ОБЛАСТЕЙ (1960–80-Е ГГ.): ПОТЕНЦИАЛ ИСТОЧНИКОВ И КЛЮЧЕВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Никифоров Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Аннотация. В статье анализируются особенности функционала и ментальность региональных руководителей производства в СССР 1960–80-х гг. Основу корпуса источников составили свидетельства устной истории, полученные посредством сфокусированного интервью. Интервьюирование представителей региональной власти 1960–80-х гг. провел лично автор в 2016–2019 гг. Источниковая база исследования включает мемуары, неопубликованный архивный материал Центра документации новейшей истории Ярославской области. Теоретическая основа публикации связана с принципом историзма, ценностным и институциональным подходом в историческом исследовании, применением методов устной истории, источниковедческого анализа, контент-анализа. В статье ставится вопрос о дискуссионности терминов, обозначающих руководителей советской экономики. Делается вывод, что непосредственное руководство производством на региональном партийном уровне осуществляли второй секретарь обкома КПСС, отраслевые секретари, заведующие отделами. Фиксируется мнение интервьюируемого представителя власти о том, что управление производством было под совместным контролем четырех властных структур: руководства предприятия, партийного комитета, профсоюза, комсомола. Отмечается, что жизненные ценности руководящих кадров регионального уровня власти были тесно связаны с коммунистической идеологией и официальными установками. Дисциплина, коллективизм, ответственность были значимыми компонентами самоидентификации представителей региональной власти. Подчеркивается, что неформальные связи были важным сегментом в ментальности региональных руководителей советского производства.

Ключевые слова: СССР, Верхневолжские регионы, секретарь обкома КПСС, устная история, интервью, производство, неформальные связи, региональная власть, функционал, ментальность, доверие к кадрам, Брежнев.

Для цитирования: Никифоров Ю.С. Функционал и ментальность руководителей советского производства Верхневолжских областей (1960–80-е гг.): потенциал источников и ключевые характеристики // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 27–33. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-27-33>

Research Article

FUNCTIONALITY AND MENTALITY OF THE LEADERS OF SOVIET PRODUCTION IN THE UPPER VOLGA REGIONS (1960–80S): THE POTENTIAL OF SOURCES AND KEY CHARACTERISTICS

Yury S. Nikiforov, candidate of historical sciences, associate professor, Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University, Yaroslavl, Russia, Nikifor2108@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4253-4532>

Abstract. The article analyzes the range of sources, functional features and mentality of regional production managers in the USSR in the 1960-1980s. The body of sources was based on oral history evidence obtained through focused interviews. Interviewing representatives of regional authorities in the 1960s-1980s. conducted personally by the author in 2016-2019. The source base of the study includes memoirs, unpublished archival material from the Center for Documentation of Contemporary History of the Yaroslavl Region. The theoretical basis of the publication is connected with the principle of historicism, the value and institutional approach to historical research, the use of oral history methods, source analysis, and content analysis. The article raises the question of the debatability of terms denoting the leaders of the Soviet economy. It is concluded that the direct management of production at the regional party level was carried out by the second secretary of the regional committee of the CPSU, branch secretaries, heads of departments. The opinion of the interviewed representative of the authorities is recorded that the management of production was under the joint control of 4 power structures: the management of the enterprise, the party committee, the trade union, the Komsomol. It is noted that the life values of the leading cadres

of the regional level of power were closely connected with the communist ideology and official guidelines. Discipline, collectivism, responsibility were significant components of self-identification of representatives of the regional authorities. It is emphasized that informal connections were an important segment in the mentality of regional leaders of Soviet production

Keywords: USSR, Upper Volga regions, secretary of the regional committee of the CPSU, oral history, interviews, production, informal relations, regional authorities, functionality, mentality, trust in personnel, Brezhnev.

For citation: Nikiforov Yu.S. Functionality and mentality of the leaders of soviet production in the upper Volga regions (1960–1980s): the potential of sources and key characteristics. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 27–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-27-33>

С точки зрения М.А. Безнина и Т.М. Димони, в СССР сформировался класс менеджеров в экономике [Безнин, Димони 2020]. Термины, используемые для обозначения этого слоя управленцев, разнообразны и носят дискуссионный характер: «номенклатура» / «новый класс» [Восленский; Джилас], «протобуржуазия» [Безнин, Димони, 2019], «элита» [Мохов]. Исходя из принципа историзма, корректным будет использование терминов, принятых в советскую эпоху: «аппарат» (партийный, советский) [Болдовский: 291–304], «руководящие кадры» [Никифоров 2021а: 73–105], партийный хозяйственный актив [Никифоров 2021б].

В настоящей статье предпринята попытка реконструировать некоторые особенности функционала и ментальности руководителей советского производства 1960–80-х гг. на региональном уровне, очертив круг потенциальных источников. Репрезентативным для анализа представляется материал Верхневолжских областей – Владимирской, Ивановской, Костромской, Ярославской. Вне всяких сомнений, каждый из регионов имел в 1960–80-е гг. производственную специфику: высокая доля военно-промышленного комплекса во Владимирской области, ведущая роль текстильной отрасли в Иванове, сильный аграрный сектор в Костромском регионе, развитое машиностроение и нефтехимия в Ярославле [Никифоров 2021а: 44–47].

Следуя классической иерархии источников, обратимся к архивным документам. Анализ материалов, отложившихся в фондах региональных партийных архивов Верхневолжских областей¹, позволяет вычленил функционал важнейших фигур регионального партийного аппарата: секретари обкома, заведующие отделами, инструкторы, председатели облисполкома, его заместители, специалисты разных категорий. Так, рассекреченный «Регламент работы аппарата областного комитета КПСС»² позволяет с известной долей объективности провести реконструкцию формального функционала ключевых сотрудников обкома КПСС. Этот делопроизводственный материал дает возможность оценить круг лиц, осуществлявших непосредственное управление производством на региональном уровне.

На вершине регионального уровня руководителей советского производства находился первый се-

кретарь обкома КПСС, который, согласно архивным документам³ и по свидетельству интервьюируемых, «осуществлял общее руководство, центральное направление» [Никифоров 2021а: 235]. По архивному документу 1986 г. можно судить о полномочиях ключевых фигур регионального парткома в конце советской эпохи – «распределении функций между секретарями обкома». Так, И.А. Толстоухов, первый секретарь Ярославского обкома КПСС (1986–1990 гг.) – один из статусных информантов, у которого удалось взять интервью [Никифоров 2021а: 226–234], – отвечал не только за общее руководство, но также осуществлял «непосредственное руководство работой» некоторых ключевых отделов обкома КПСС (организационно-партийная работа общих, финансово-хозяйственных, административных органов, комиссия партийного контроля)⁴.

Мемуары представителей региональной власти 1960–80-х гг., пик публикации которых пришелся на 2000–2010-е гг., представляются ценным, но субъективным источником информации об управлении производством в регионах СССР. К сожалению, из партийных руководителей Верхневолжских областей 1960–80-х гг. лишь первый секретарь Ярославского обкома КПСС Ф.И. Лощенков опубликовал воспоминания [Лощенков]. Это обстоятельство до известной степени компенсируется наличием мемуаров представителей партийного и советского аппарата, находившихся чуть ниже во властной иерархии, а также обобщающими трудами профессиональных историков [Белов; Ишутин]. С точки зрения анализа ментальности руководящих кадров интерес представляют мемуары председателей облисполкомов 1970–80-х гг. А.Е. Еремина и В.Ф. Торопова (Костромского и Ярославского соответственно) [Еремин; Торопов]. Информативны и другие воспоминания местной партноменклатуры: Е.В. Бученкова – из Владимирской области, И.А. Прокофьева – из Костромской области [Бученков; Прокофьев]. Выделим мемуары М.Е. Бородин, председателя регионального Комитета народного контроля [Бородин], который жестко критикует главу Ярославского обкома КПСС Ф.И. Лощенкова.

Учитывая ограниченный объем статьи, в настоящем исследовании акцент будет сделан на изучении свидетельств устной истории [Орлов; Томпсон]. По-

добно мемуарам, интервью субъективны, но имеют ряд преимуществ. Во-первых, посредством конкретных вопросов фокусируется внимание на аспектах, которые важны не столько для интервьюируемого, сколько для исследователя. Во-вторых, текст интервью реже подвержен корректировке в сравнении с первоначальной версией. Напротив, мемуары в ходе подготовки к публикации проходят многократные сверки, считывания, корректировки, включая не только автора, но и редактора. Конечно же, текст интервью после транскрибирования также согласовывается с интервьюируемым. Нередко информанты вносят существенную правку, поэтому итоговый вариант интервью в обязательном порядке требуется заверить их подписью. В целом интервью, не предназначенные для прессы или иного публичного тиражирования, более насыщены разнообразным контентом, в котором можно увидеть смыслы между строк. Особенно этот тезис справедлив, когда интервью изначально запланировано для представления ограниченному кругу лиц.

В 2016–2019 гг. лично провёл неформализованные, сфокусированные интервью с представителями региональной власти СССР 1960–80-х гг., советским и партийным руководством. Некоторые из проведенных интервью (2016–2017) были представлены в форме учебного издания [Никифоров 2018]. Тексты всех 7 интервью (2016–2019 гг.) были опубликованы в монографии в качестве приложения [Никифоров 2021а: 179–241]. В контексте настоящего исследования будут проанализированы ключевые фрагменты этих интервью.

Кратко охарактеризуем ключевых информантов. Большой потенциал несет интервью В.В. Кабальнова «Кадровая политика была продумана и сбалансирована. Все строилось на доверии» [Никифоров 2021а: 196–206]. Оно позволяет проследить динамику в управлении региональным производством от Хрущева до Горбачева. Кабальнов в 1960–80-е гг. занимал ведущие должности в партаппарате: заведующий промышленно-транспортным отделом райкома, инструктор обкома КПСС, глава промышленно-транспортного отдела горкома, заведующий отделом пищевой, лёгкой промышленности и товаров народного потребления Ярославского обкома КПСС. Интервью А.Г. Федорова «Задача партийных советских органов заключалась в том, чтобы лоббировать и защищать предприятия» [Никифоров 2021а: 234–241] охватывает 1980–90-е гг. Федоров в советскую эпоху работал инструктором райкома КПСС, заведующим промышленно-транспортным отделом и инструктором обкома КПСС. В постсоветский период был гендиректором фабрики «Североход», занимал высокие посты в правительстве Ярославской области (директор департамента, первый заместитель губернато-

ра). С 2015 г. А.Г. Федоров – вице-президент Торгово-промышленной палаты Ярославской области. Наиболее структурированным представляется интервью В.В. Величко «Возможность решать ресурсные проблемы региона зависела от умения, искусства руководителя “выбивать лимиты”» [Никифоров 2021а: 179–188]. В 1980-е гг. Величко был помощником первого секретаря Ярославского обкома КПСС, в 1990–2000-е гг. занимал руководящие должности в мэрии Ярославля.

Переходя к анализу контента источников личного происхождения, следует сказать, что красной линией у интервьюируемых идет тезис о высоком уровне и эффективности партийного руководства производством. Так, А.Г. Федоров подчеркивал всеобъемлющий характер партийного контроля над производственным социумом: «партийная организация, колхозы, предприятия выстраивались до ЦК» [Никифоров 2021а: 235]. А.Е. Еремин, который в 1986–1990 гг. был председателем Костромского облисполкома, в мемуарах подчеркивал организующую роль обкома КПСС в управлении советским производственным социумом. Статусный мемуарист писал: «Величие роли обкома... в хорошем подборе руководителей объединений, предприятий...» [Еремин: 77]. В свою очередь, А.Г. Федоров в интервью констатировал, что «все секретари обкома партии проходили очень хорошую хозяйственную школу» [Никифоров 2021а: 235].

В интервью В.В. Кабальнова четко указывается на «4 направляющих силы» в руководстве советского производственного социума – администрация, партийный комитет на любом предприятии, профсоюзный комитет, комитет комсомола...» Далее интервьюируемый не без пафоса добавляет: «В голове колонн демонстрантов и идет вот эта четверка (руководство предприятия, партийного комитета, профсоюз и комсомол). Мы всегда были с трудовыми коллективами» [Никифоров 2021а: 197–199].

Данные устной истории подтверждают устойчивое представление о функционале второго секретаря обкома КПСС. На протяжении 1960–80-х гг. он выступает главным образом как куратор промышленности. Проведенные интервью дают четкую картину спектра его полномочий. По крайней мере, в трех интервью звучат похожие свидетельства. В.В. Величко подчеркивал, что «важную роль в обкоме играл второй секретарь, который, как правило, курировал промышленность, строительство и транспорт» [Никифоров 2021а: 181]. А.Г. Федоров приводил похожее свидетельство: «Второй секретарь, как правило, отвечал за экономику, промышленность, энергетику, транспорт» [Никифоров 2021: 235]. В.В. Кабальнов также указывал, что «второй секретарь обкома КПСС занимался промышленностью, развитием всех отраслей экономики» [Никифоров, 2021а: 197].

В период горбачевской перестройки происходит «размывание» монолитных полномочий второго секретаря в сфере управления промышленностью, что можно увидеть в архивном документе 1986 г. Анализ показывает, что имело место существенное перераспределение значительной части функций «второго» среди других секретарей обкома. Вторым секретарь Ярославского обкома КПСС В.М. Дорофеев осуществлял «партийное руководство отраслями областного агропромышленного комплекса, мелиоративными и водохозяйственными организациями, управлениями лесного хозяйства, хлебопекарной и макаронной промышленности, хлебопродуктов... организацию и контроль за работой аппарата обкома КПСС», а также «непосредственное руководство работой отдела сельского хозяйства и пищевой промышленности обкома КПСС». Согласно регламенту были секретари обкома КПСС, которые курировали другие важные секторы производственной жизни. Так, секретарь обкома КПСС В.Н. Нефедов осуществлял «партийное руководство строительными организациями и предприятиями, коммунальным хозяйством области, непосредственное руководство работой отдела строительства обкома КПСС⁵. Еще один секретарь обкома И.П. Бардунов курировал обширный сектор крупного промышленного производства: «...Осуществлял партийное руководство работой промышленности, энергетики, транспорта, связи, торговли и бытового обслуживания области... машиностроения, оборонной промышленности, химической и нефтеперерабатывающей промышленности, легкой промышленности и товаров народного потребления, транспорта и связи, торговли и бытового обслуживания»⁶. Интересно обратить внимание на гендерный аспект. Подавляющее большинство должностей в высшем пласте обкома КПСС занимали мужчины. Однако были и исключения. Секретарем Ярославского обкома КПСС по идеологической работе в 1986 г. была женщина – Л.С. Плеханова⁷. Это отражало партийную линию на расширение представительства женщин в органах власти. В интервью В.В. Величко по этому поводу отмечал: «Следили за тем, чтобы в составе бюро была хотя бы одна женщина... в 1980-е гг. была установка ЦК партии: среди секретарей райкомов, горкома, обкома КПСС должна была быть женщина» [Никифоров, 2021а: 180]. Л.С. Плеханова как секретарь по идеологии также курировала работу организаций культуры, искусства, спорта, учебных заведений, творческих союзов, общественных организаций, средств массовой информации⁸, то есть в основном осуществляла контроль над непромышленным сектором. Важно подчеркнуть, что в Ивановской области возрастание роли женщин в политической сфере было еще более ощутимо. З.П. Пухова (1936–2016) в течение двух лет была

председателем Ивановского облисполкома (1985–1987), пройдя путь от простой ткачихи до директора фабрики, которую возглавляла 12 лет (1973–1985) [Никифоров 2021а: 103].

По мнению В.В. Величко, «ведущими были также отраслевые секретари». Так, сельское хозяйство в Ярославской области курировал отдельный секретарь обкома. Другие значимые отрасли народного хозяйства и направления работы курировали отделы: организационно-партийной работы, идеологический, административный, машиностроения, оборонной, легкой и пищевой промышленности, торговли, химической и нефтеперерабатывающей промышленности, науки, сектор высшего образования. Все перечисленные структуры были «в сущности маленькими региональными министерствами с жесткой дифференциацией, которые зачастую работали напрямую с союзными и республиканскими министерствами. Надо сказать, что обком эффективно помогал директорам предприятий в связях с центром и в решении хозяйственных проблем» [Никифоров 2021а: 181]. В.В. Кабальнов, в свою очередь, также говорил об отраслевых секретарях: «Просто секретари были... один секретарь идеологией занимался, другой секретарь обкома занимался сельским хозяйством. Вот, практически вся структура. И были отраслевые отделы, которые вели основную текущую работу, готовили вопросы на бюро, пленумы, конференции» [Никифоров 2021а: 198].

Кабальнов, который в обкоме КПСС курировал предприятия машиностроительной отрасли, 5 лет заведя промышленно-транспортным отделом, может считаться типичным представителем когорты отраслевых работников обкома. Он отмечал, что «круг вопросов, которые приходилось решать, был широкий: энергетика, промышленность, связь, отраслевые институты, весь транспорт, выпуск товаров народного потребления» [Никифоров 2021а: 197]. Далее он уточнял особенности служебной деятельности: «Мы все время были связаны со строительством, занимались вводом мощностей, их эффективностью. Например, введут основной цех или производство, а отдел должен был следить, как осваиваются эти мощности» [Никифоров, 2021а: 197]. Указанные детали («следить, как осваиваются эти мощности») позволяют сделать вывод о контрольной и координирующей функции представителей обкома.

Помимо функционала интервью Кабальнова позволяет составить представление и о ментальности руководителей советского производства на региональном уровне. Рассказывая про активное развитие дизелестроения в 1970-е гг., Кабальнов подчеркивал трудоголизм как характерную черту обкомовских сотрудников: «Работа была очень напряженная: работали по 10–12 часов, суббот, как правило, не было

никогда» [Никифоров 2021а: 198]. Контент-анализ воспоминаний [Бородин; Бученков; Еремин; Дерунов; Ишутин; Лощенков; Торопов] позволил выявить ряд аксиологических смысловых единиц, часто встречающихся в мемуарах: коллектив(-изм), критика / самокритика, ответственность, инициатива, дисциплина, скромность, принципиальность, сознательность, труд [Никифоров 2019: 82]. Многие из этих ценностных характеристик встречаются и в интервью Кабальнова. Так, в репликах информанта читается ценность коллективизма, близость к простому человеку: «Мы были значительно ближе к производственным коллективам, занимались решением социально-экономических проблем производства и всего коллектива. Я в коллектив входил, готовил вопросы на бюро по развитию эффективности, по состоянию коллектива, решению социальных проблем, проблем производства» [Никифоров 2021: 199]. Еще одна ценность, которая звучит в интервью представителей партноменклатуры, – это *советская демократия*. Она понималась своеобразно – посредством *принципа демократического централизма* [Никифоров 2021а: 235]. Этот принцип позиционируется в интервью на примере промышленных предприятий: «В уставе партии был обозначен демократический централизм. Проходили съезды, пленумы... на промышленных предприятиях (Моторный, Шинный завод и др.), один раз в квартал проходили партийно-хозяйственные активы или партийные собрания. На тех предприятиях, где были выборные органы, проходило избрание один раз в 5 лет; в организациях поменьше – проходили отчетные выборы 1 раз в год, раз в 2 года» [Никифоров 2021а: 235].

При анализе ментальности партноменклатуры хотелось бы обратить внимание на такую ценность, как доверие в кадровой политике. В интервью В.В. Кабальнов отмечал, что «*кадровая политика* была продумана и сбалансирована. Всё строилось на доверии. Кадрами занимался отдел оргпарработы. Учеба, развитие, рекомендации знающих людей – вот основные принципы кадровой политики партии. В то время был кадровый *резерв*, с ним прежде велась работа, с человеком, а не как сегодня нанимают чиновника без соответствующей подготовки» [Никифоров 2021а: 199]. Эта длинная цитата из интервью регионального партийного функционера заслуживает подробного рассмотрения. Она содержит как рациональное зерно, так и иррациональные элементы, навеянные ностальгией⁹. Так, тезис о доверии к кадрам соотносится с историографией [Gorlizki: 676–700]. Доверие как ценностная категория выступает одним из центральных звеньев в ментальности власти эры Брежнева [Шаттенберг]. Фраза о «рекомендации знающих людей» указывает на механизм формирования слоя управленцев посредством лич-

ных контактов [Истер]. Скептически следует воспринимать тезис интервьюируемого о существовании кадрового резерва в СССР и отсутствии такового в нынешней России. Механизм кадрового резерва официально присутствует в управленческой практике органов власти современной России. Наконец, в ценностной шкале В.В. Кабальнова фигурируют технократические элементы – компетентность и профессионализм: «Мы были экономически и технически подготовлены» [Никифоров 2021а: 199].

Таким образом, о региональном уровне руководителей советского производственного социума 1960–80-х гг., его функционале и менталитете можно судить на основе анализа кластера источников: архивных документов, мемуаров, свидетельств устной истории, полученных посредством интервьюирования. Следует отметить, что функционал региональных руководителей был достаточно четко определен формально посредством официальных документов. «Ниточки» управления производством концентрировал в своих руках, по признанию одного из информантов, квартет властных структур: руководство предприятия, партийный комитет, профсоюз и комсомол. Регламент работы обкома КПСС детально фиксировал распределение функций между работниками партийного аппарата. Ключевую роль в руководстве производством играли второй секретарь обкома КПСС, отраслевые секретари и заведующие отделами. Проведенный анализ интервью свидетельствует, что жизненные ценности, ментальность руководящих кадров, отвечавших за управление производством, во многом были обусловлены коммунистической идеологией и официальными установками. Дисциплина, коллективизм, ответственность – вот декларируемые маркеры, присутствующие в исторической памяти представителей региональной власти, контролировавшей производственный социум. Наряду с декларируемым набором ценностей между строк, а иногда и в явном виде прослеживаются такие аксиологические характеристики, как значимость неформальных контактов и связей, «рекомендации знающих людей».

Примечания

¹ Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. П-830; Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. П-327; Государственный архив новейшей истории Костромской области (ГАНИКО). Ф. П-765; Центр документации новейшей истории Ярославской области (ЦДНИЯО). Ф. 272.

² ЦДНИЯО. Ф. 272. Оп. 270. Д. 540. 18 л.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ Там же.

⁹ См. о ностальгии в партийной среде: Никифоров Ю.С. «Чуждый ленинизму шаблон сковывает силы партии»: ветеран правящей партии С.С. Старостин о проблемах СССР середины 1980-х гг. в письме к М.С. Горбачеву // Вестник архивиста. 2022. № 3. С. 891–903.

Список литературы

Безнин М.А., Димони Т.М. «Надпроизводственный» менеджмент в советской экономике (1930–1980-е гг.) // Вопросы истории. 2020. № 10-2. С. 42–60

Безнин М.А., Димони Т.М. Советская протобуржуазия: генезис высшего класса российского общества // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 2. С. 437–453.

Белов А.М. Руководители Костромской губернии и области 1778–2009 гг. Кострома: КГУ, 2009. 296 с.

Болдовский К.А. «Теория элит» и границы ее применимости при анализе структуры власти «послевоенного сталинизма» // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2015. № 21. С. 291–304.

Бородин М.Е. Время, действия, лица: воспоминания. Белгород: Белгородская типография, 2011. 422 с.

Бученков Е.В. С высоты прожитых лет. Владимир: Калейдоскоп, 2009. 285 с.

Восленский М.С. Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. Москва: Сов. Россия, 1991. 622 с.

Дерунов П.Ф. Моторостроители. Рыбинск: Дом печати, 1998. 200 с.

Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк: Фредерик А. Прегер, 1958. 246 с.

Еремин А.Е. От станка до Верховного Совета. Кострома, 2003. 168 с.

Ишутин В.И. Пономарев. Первый секретарь. Владимир: Граф Цепелин, 2008. 257 с.

Истер Дж. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. Москва: РОССПЭН, 2010. 254 с.

Лощенков Ф.И. От Сталина до Горбачева. Ярославль: ЛИЯ, 2000. 79 с.

Мохов В.П. Эволюция региональной политической элиты России (1950–1990). Пермь: ПГТУ, 1998. 255 с.

Никифоров Ю.С. Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.). Ярославль: ЯГПУ, 2021а. 275 с.

Никифоров Ю.С. Между инновацией и догматизмом: партхозактив как актор взаимодействия регионов и центра в контексте трансформации соци-

ально-экономической сферы СССР 1970-х – начала 1980-х годов // Научный диалог. 2021б. № 6. С. 378–391.

Никифоров Ю.С. Новейшая отечественная история в зеркале интервью региональной элиты: от СССР к России через призму культурной памяти. Ярославль: ЯГПУ, 2018. 79 с.

Никифоров Ю.С. Синтез классических и междисциплинарных методов в исследовании региональной проблематики новейшей отечественной истории (1950–1980) // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 79–85.

Орлов И.Б. Устная история // Теория и методология истории. Волгоград: Учитель, 2014. С. 335–355.

Прокофьев И.А. Откровения памяти. Записки партаппаратчика. Кострома, 2019. 237 с.

Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. Москва: Весь мир, 2003. 368 с.

Торопов В.Ф. Незабываемое. Записки председателя облисполкома. Ярославль: Верхняя Волга, 2001. 173 с.

Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. Москва: РОССПЭН, 2018. 623 с.

Gorlizki Y. Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev. *Slavic Review*, 2010, No. 69(3), pp. 676-700.

References

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Nadproduktivnost' menedzhment v sovetskoj ekonomike (1930-1980-e gg.)* [Overproductive management in the Soviet economy, 1930-1980]. *Voprosy istorii* [History issues], 2020, No. 10-2, pp. 42-60. (In Russ.)

Beznin M.A., Dimoni T.M. *Sovetskaya protoburzhuziia: genezis vysshego klassa rossijskogo obshchestva* [Soviet proto-bourgeoisie: the genesis of the upper class of Russian society]. *Novejshaya istoriya Rossii* [Modern history of Russia], 2019, vol. 9, No. 2, pp. 437-453. (In Russ.)

Belov A.M. *Rukovoditel iKostromskoj gubernii i oblasti 1778-2009* [The leaders of the Kostroma province and the region 1778-2009]. Kostroma, KGU Publ., 2009, 296 p. (In Russ.)

Boldovskij K.A. «Teoriya elit» i granicy ee primenimosti pri analize struktury vlasti «poslevoennogo stalinizma» [“Theory of elites” and the limits of its applicability in the analysis of the power structure of “post-war Stalinism”]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg University], 2015, № 21, pp. 291-304. (In Russ.)

Borodin M.E. *Vremya, dejstviya, lica: vospominaniya* [Time, Actions, Faces: Memories]. Belgorod, Belgorodskaya tipografiya Publ., 2011, 422 p. (In Russ.)

Buchenkov E.V. *S vysoty prozhityh let* [From the height of past years]. Vladimir, Kalejdoskop Publ., 2009, 285 p. (In Russ.)

Voslenskij M.S. *Nomenklatura: Gospodstvuyushchij klass Sovetskogo Soyuza* [Nomenclature: The ruling class of the Soviet Union]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1991, 622 p. (In Russ.)

Derunov P.F. *Motorostroiteli* [Motor builders]. Rybinsk, Dom pečati Publ., 1998, 200 p. (In Russ.)

Dzhilas M. *Novyj klass* [New class]. N'yu-Jork, Frederik A. Preger Publ., 1958, 246 p. (In Russ.)

Eremin A.E. *Ot stanka do Verhovnogo Soveta* [From the machine tool to the Supreme Council]. Kostroma, 2003, 168 p. (In Russ.)

Ishutin V.I. *Ponomarev. 1-j sekretar'* [Ponomarev. First secretary]. Vladimir, Graf Ceppelin Publ., 2008, 257 p. (In Russ.)

Ister Dzh. *Sovetskoe gosudarstvennoe stroitel'stvo. Sistema lichnyh svyazey i samoidentifikaciya elity v Sovetskoj Rossii* [Soviet state building. The system of personal connections and self-identification of the elite in Soviet Russia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 254 p. (In Russ.)

Loshchenkov F.I. *Ot Stalina do Gorbacheva* [From Stalin to Gorbachev]. Yaroslavl, LIYA Publ., 2000, 79 p. (In Russ.)

Mohov V.P. *Evoluciya regional'noj politicheskoy elity Rossii (1950-1990)* [The evolution of the regional political elite of Russia (1950-1990)]. Perm', PGU Publ., 1998, 255 p. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950-1980-e gg.): teoretiko-metodologicheskie osnovy izucheniya* [Upper Volga regions of the RSFSR and the Union-Republican center (1950-1980): theoretical and methodological foundations of the study]. Yaroslavl, YGPU Publ., 2021, 275 p. (In Russ.)

Nikiforov YU.S. *Mezhdru innovaciej i dogmatizmom: parthozaktiv kak aktor vzaimodejstviya regionov i centra v kontekste transformacii social'no-ekonomicheskoy sfery SSSR 1970-h – nachala 1980* [Between Innovation and Dogmatism: 'Party Economic Functionaries' as an Actors

of Interaction between Regions and Center in Context of Transformation of Socio-Economic Sphere of USSR in 1970s — Early 1980s]. *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue], 2021b, No. 6, pp. 378-391. (In Russ.)

Nikiforov YU.S. *Sintez klassicheskikh i mezhdisciplinarnykh metodov v issledovanii regional'noj problematiki novejshej otechestvennoj istorii (1950-1980)* [Synthesis of classical and interdisciplinary methods in the study of regional problems in recent Russian history (1950–1980)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2019, No. 2, pp. 79-85. (In Russ.)

Nikiforov Yu.S. *Novejshaya otechestvennaya istoriya v zerkale interv'yu regional'noj elity: ot SSSR k Rossii cherez prizmu kul'turnoj pamyati* [The contemporary national history in the mirror of an interview with the regional elite: from the USSR to Russia through the prism of cultural memory]. Yaroslavl, YGPU Publ., 2018a, 79 p. (In Russ.)

Orlov I.B. *Ustnaya istoriya. Teoriya i metodologiya istorii* [Oral history. Theory and methodology of history]. Volgograd, Uchitel Publ., 2014, pp. 335-355. (In Russ.)

Prokof'ev I.A. *Otkroveniye pamyati. Zapiski partaparatchika* [Revelations of memory. Notes of the party apparatchik]. Kostroma Publ., 2019, 237 p. (In Russ.)

Tompson P. *Golos proshlogo. Ustnaya istoriya* [Voice of the past. Oral history]. Moscow, Ves' mir Publ., 2003, 368 p. (In Russ.)

Toropov V.F. *Nezabyvaemoe. Zapiski predsedatelja oblispolkoma* [Unforgettable. Notes by the chairman of the regional executive committee]. Yaroslavl, Verh. Volga Publ., 2001, 173 p. (In Russ.)

Shattenberg S. *Leonid Brezhnev. Velichie i tragediya cheloveka i strany* [Leonid Brezhnev. The greatness and tragedy of man and country]. Moscow, ROSSPJeN Publ., 2018, 623 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 15.02.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 15.02.2023.

АНАЛИЗ ПЕРСТНЕЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ И МЕТАЛЛИЧЕСКИХ УКРАШЕНИЙ СЕЛИЩА ВЁЖИ

Алибеков Сергей Якубович, доктор технических наук, профессор, Поволжский государственный технический университет, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия, AlibekovSY@volgatech.net, <https://orcid.org/0009-0009-8994-4481>

Кабатов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, kabatov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Кабатова Елена Анатольевна, инженер лаборатории археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, kabatova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0007-7359-7134>

Курочкина Светлана Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный музей Республики Марий Эл имени Тимофея Евсеева, Йошкар-Ола, Республики Марий Эл, Россия, kurochkina-sveta@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8898-447X>

Аннотация. При изучении ювелирного ремесла технологические наблюдения становятся полноценным источником. В последние десятилетия активизировались работы по изучению химического состава ювелирных изделий, изготовленных из сплавов цветных металлов. Изучение уже одной только серии украшений дает возможность выявить вероятную связь между техникой изготовления перстней и составом сплава. Кроме того, мы пытаемся на основании имеющихся на данный момент исследований материалов ответить на вопрос: «Могло ли на селище Вёжи быть организовано свое металлургическое или ювелирное дело по изготовлению перстней?» Время существования селища Вёжи – с учетом материалов последних лет исследования – вряд ли ранее XII в. до XX в. включительно. Поселение, скорее всего, основано новгородским населением в мерянских землях в результате колонизационной политики Новгорода Великого в южном направлении, и здесь, в районе впадения р. Костромы в р. Волгу, оно, вероятно, останавливается, сталкиваясь с подобным процессом освоения финно-угорских территорий населением ростово-суздальских земель. В золотоордынское и постзолотоордынское время здесь проходили миграционные движения, связанные с внутренней (сельской) и церковной колонизацией края, а также активным вовлечением Костромской земли в политическую, экономическую жизнь молодого Московского государства. Появление и бытование ювелирных изделий, найденных на селище, скорее всего, так или иначе связано с этими процессами.

Ключевые слова: Костромское Поволжье, селище Вёжи, украшения, перстни, рентгенофлуоресцентный анализ, сплав, состав металла.

Для цитирования: Алибеков С.Я., Кабатов С.А., Кабатова Е.А., Курочкина С.А. Анализ перстней из цветных металлов и металлических украшений селища Вёжи // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 34–48. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-34-48>

Research Article

ANALYSIS OF RINGS MADE OF NON-FERROUS METALS AND METAL ORNAMENTS OF THE VILLAGE OF VEZHA

Sergey Y. Alibekov, доктор технических наук, профессор, Volga State Technical University, Йошкар-Ола, Республика Марий Эл, Россия, email, <https://orcid.org/0000>

Sergey A. Kabatov, кандидат исторических наук, доцент, Kostroma State University, Кострома, Россия, kabatov74@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8529-0470>

Elena A. Kabatova, инженер лаборатории археолого-этнологических исследований, Kostroma State University, Кострома, Россия, kabatova@bk.ru, <https://orcid.org/0000>

Svetlana A. Kurochkina, кандидат исторических наук, доцент, National Museum of the Republic of Mari El named after Timofey Evseev, Йошкар-Ола, Республики Марий Эл, Россия, kurochkina-sveta@bk.ru, <https://orcid.org/0000>

Abstract. When studying jewelry craft, technological observations become a full-fledged source. In recent decades, work has intensified on the study of the chemical composition of jewelry made from non-ferrous metal alloys. The study of the jewelry

series alone makes it possible to identify a possible connection between the technique of making rings and the composition of the alloy. In addition, we raise a question and try to answer on the basis of the materials available at the moment: could the village of Vezha have organized its own metallurgical or jewelry business for the manufacture of rings. The time of existence of the village of Vezhi – taking into account the materials of the last years of the study, it is unlikely earlier than the XII century to the XX century inclusive. The settlement was most likely founded by the Novgorod population in the Meryan lands as a result of the colonization policy of Novgorod the Great in the southern direction, and here, in the area of the confluence of the Kostroma River with the Volga River, it probably stops when faced with a similar process of development of Finno-Ugric territories by the population of Rostov-Suzdal lands. In the Golden Horde and post-Golden Horde times, migration movements related to the internal (rural) and ecclesiastical colonization of the region took place here; and the active involvement of the Kostya land in the political and economic life of the young Moscow state. The appearance and existence of jewelry found in the village, most likely, in one way or another, is connected with these processes.

Keywords: Kostroma Volga region, village of Vezhi, jewelry, per-stni, X-ray fluorescence analysis, alloy, metal composition.

For citation: Alibekov S.Y., Kabatov S.A., Kabatova Ye.A., Kurochkina S.A. Analysis of rings made of non-ferrous metals and metal ornaments of the village of Vezha. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 34–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-34-48>

В конце XX – первых десятилетий XXI в. активизировались работы по изучению химического состава ювелирных изделий, изготовленных из сплавов цветных металлов. Исследователями получены серии данных для изделий X–XVI вв. [Королева 1996: 229–300; Королева 2014: 155–159; Зайцева: 116–138; Ениосова 2016: 724–733 и др.].

Использование только традиционных археологических методов, а именно: создание типологии изделий, определение их хронологии на основе аналогий – не всегда дает полную информацию о предмете исследования. Поэтому для более полного исследования ювелирных украшений любого археологического памятника необходимо применять комплексный подход. Особенно это важно в изучении цветной металлообработки. Технологические наблюдения становятся источником при изучении ювелирного ремесла благодаря получению данных о химическом составе металлов и их сплавов, использованных при изготовлении изделий.

В данной работе мы рассматриваем только одну категорию украшений селища Вёжи (Костромское Поволжье) – перстни из цветных металлов.

За все годы исследований (1999–2017) на селище было найдено 56 перстней, из них спектральному анализу было подвергнуто 37 образцов, что составляет 66 % от общего числа находок (табл. 1).

Изучение одной серии украшений дает нам возможность рассмотреть возможную связь или ее отсутствие между техникой изготовления перстней и составом сплава. Также мы можем ответить на вопрос, изготовлено изделие на месте из готовой заготовки или это готовое привозное изделие, то есть было ли на месте (в данном случае – на селище Вёжи) организовано свое металлургическое и/или ювелирное производство либо нет.

В целом перстни из цветных металлов, найденные на селище Вёжи, укладываются в типологическую схему, разработанную М.В. Седовой и Н.В. Рын-

диной для древнерусских ювелирных изделий X–XV вв. [Седова 1981: 121–143; Седова 1997: 63–78; Рындина: 235–241].

Славяно-русское население, основавшее селище, пришло из новгородско-псковских и ростово-суздальских (владимирских) земель. Поэтому в материальной культуре селища четко прослеживаются новгородско-псковские элементы, соседствующие с местным (мерянским) и финно-угорским компонентами [Кабатов, 2013ж: 34].

Мы поставили задачу классифицировать сплавы, из которых изготовлены перстни, по химическому составу и определить технологию их изготовления. Также мы рассмотрели соотношение между отдельными видами перстней, составом сплавов и способом изготовления.

Обработывая данные спектрального анализа цветных металлов средневековых ювелирных изделий, можно выделить «чистые» металлы, типы используемых сплавов (двойные или многокомпонентные) и их рецептуры [Королева 1996: 229].

Исходя из поставленных задач, для определения химического состава сплавов был применен неразрушающий рентгенофлуоресцентный анализ (РФА). Метод РФА позволяет быстро исследовать большое количество предметов, определяя одновременно более 30 элементов [Ениосова, Митоян 2014: 146].

Анализ распределения основных компонентов сплавов вёжских перстней выполнен в лаборатории кафедры машиностроения и материаловедения Института механики и машиностроения Поволжского государственного технического университета.

Для достоверности полученных результатов каждый предмет подвергался трехкратному анализу, на трех разных участках были взяты средние значения. Это обусловлено тем, что на поверхности изделий имеются различные отложения. Металл изделия (литого и ковального) по химическому составу неоднороден из-за «ликвации».

Таблица 1

Спектральный анализ перстней и накладок селнца Вёжи

№ п/п	Место-нахождение	Изделие	Перстни, изготовленные из сплавов на основе меди																
			Cu	Sn	Si	Pb	Zn	Ni	Ti	Mg	Fe	Al	Cr	Bi	Ag	Mn			
11	п/м 2017 № 373	Узкопластинчатый гладкий	78,00	9,13	3,70	4,57	4,37	0,13	0,09										
19	п/м 2017 № 350	Узкопластинчатый гладкий	44,91	14,15		2,33	2,19	0,61	0,48	14,62	3,30	5,56							
23	Р II, кв. 3-23 № 482	Узкопластинчатый рифленый	68,22	4,28	4,04	3,30	12,66	0,49	0,05	6,61									
16	п/м/2017	Узкопластинчатый гладкий	75,78	1,85	1,64			18,46		2,19	0,06								
2	п/м/2017	Спиральный	95,48	0,75	2,22	0,12		0,16	0,04			1,21							
14	п/м 2017 № 375	Круглощитковый неорнаментированный	85,08	5,10	1,65	7,39	0,20	0,27											
13	п/м 2017 № 376	Круглощитковый орнаментированный	82,93	6,50	1,47	1,61					0,58								
10	п/м 2017	Овальнощитковый орнаментированный	70,17	16,85	3,82	2,00	0,22		0,06	3,50	0,20	3,17							
30	п/м/2014	Круглощитковый орнаментированный	69,94	22,54	3,62	1,10	0,10	0,17	0,06	1,55	0,62			0,16	0,04				
9	п/м/2017	Перстень со вставкой	66,02	13,02	13,11		4,10	2,50			1,07								
3	п/м/2017	Круглощитковый орнаментированный	65,10	22,52	2,16	8,38		0,08		1,25	0,08								
27	п/м/2014, № 332	Овальнощитковый неорнаментированный	62,97	24,71	4,03	2,87	0,09		0,16	2,37	1,25	1,52						0,04	
33	п/м 2014, № 206	Овальнощитковый орнаментированный	60,71	30,97	1,70	5,20	0,11	0,12	0,03		0,88								0,03
36	п/м/2014	Круглощитковый неорнаментированный	59,55	20,74	3,60	7,61	0,19	0,22	0,1	5,30	2,20		0,05	0,40					
12	п/м/2017	Овальнощитковый неорнаментированный	58,99	21,78	1,85	5,53	0,17				7,90								
15	п/м 2017 № 374	Овальнощитковый орнаментированный	56,72	29,34	2,22	10,63	0,11	0,15	0,05		0,29								
37	п/м/2014, № 207	Овальнощитковый орнаментированный	54,82	32,88	3,32	1,80	0,18	0,18	0,06	3,37	1,22	1,68							0,09
34	п/м/2014, № 333	Овальнощитковый неорнаментированный	46,39	41,58	4,25	0,34	0,12	0,20	0,11	3,29	2,80		0,07						
7	п/м 2017	Овальнощитковый орнаментированный	44,41	28,61	4,54	12,38	0,14	0,10		3,21	4,18	1,14							
28	п/м/2014, № 208	Овальнощитковый неорнаментированный	41,55	44,53	1,73	7,16	0,09	0,07	0,07	1,83	2,29		0,06	0,58					0,11
29	п/м/2014, № 209	Овальнощитковый орнаментированный	30,0	39,73	1,70	22,04	0,09	0,10			4,28			1,09	0,06				0,21

Окончание таблицы 1

№ п/п	Место-нахождение	Изделие	Cu	Sn	Si	Pb	Zn	Ni	Ti	Mg	Fe	Al	Cr	Bi	Ag	Mn
35	п/м/2014, № 306	Перстень со вставкой	29,57	29,91	5,16	12,53	5,71		0,19	6,32	10,16		0,17	0,58		
32	п/м/2014	Ромбошлицтовый неорнаментированный	12,50	34,97	9,60		0,61	0,30	0,45	23,66	9,71		0,76		7,11	
8	п/м/2017	Круглошлицтовый орнаментированный	73,52	2,31	2,56	16,03	4,69	0,15	0,04		0,11					
31	п/м, 2003, № 72	Овальношлицтовый орнаментированный	79,07	1,1	2,20	5,05	7,60	0,23	0,09	2,49		2,09		0,17		
24	п/м, 2003, № 69	Овальношлицтовый орнаментированный	79,03	5,27	3,17	4,62	5,11	0,19	0,07	2,33				0,19		
25	п/м/2014, № 334	Ромбошлицтовый орнаментированный	69,20	5,89	2,32	8,53	9,90		0,14	3,44	0,28			0,28		
<i>Перстни, изготовленные из сплавов на основе олова</i>																
18	п/м/2017, № 439	Овальношлицтовый орнаментированный	0,37	67,70		29,35		0,09			1,55					
26	п/м/2014, № 205	Овальношлицтовый орнаментированный	0,21	93,17	1,27	0,54	0,05		0,09	2,48	1,40	0,64				0,19
6	п/м/2017	Овальношлицтовый орнаментированный	0,28	92,3	1,48	2,83				1,91	0,81					
5	п/м/2017	Овальношлицтовый орнаментированный	0,64	92,22	1,58	0,43	0,08		0,04	2,29	2,04					
1	п/м/2017	Овальношлицтовый орнаментированный	0,24	92,21	3,56	0,28	0,04		0,12	1,27	1,12	0,95				
22	Р II, кв. 3-23	Ложновитой	0,97	92,04	2,39	0,36	0,1	0,04	0,2	2,01	1,07	0,57				
4	п/м/2017	Овальношлицтовый орнаментированный	0,35	91,57	3,32	0,30	0,05		0,13	2,03	0,96	1,17				
<i>Накладки (украшения), изготовленные из сплавов на основе железа</i>																
21	п/м 2017 № 351	Овальношлицтовый неорнаментированный	0,52	0,03	0,57				0,04		98,13					
20	п/м 2017 № 348	Овальношлицтовый неорнаментированный	0,56	0,04	1,95				0,13		96,96					
17	п/м 2017 № 395	Овальношлицтовый неорнаментированный	0,64	3,12	2,17	0,38	0,08		0,67	2,80	89,40					
всего	37															

Также, анализируя украшения, нами определялось: изготовлено оно из одного сплава или в сплавы при плавке добавлялись части от других украшений.

Проанализировав полученные данные, мы выделили в анализируемом массиве «чистые металлы» (основу металлургического состава сплава), двойные и тройные сплавы (где Cu от 0,20 до 96 %, Sn от 0,03 до 93 %, Fe от 0,10 до 98 %).

Все остальные элементы мы рассматриваем как легирующие добавки, внесенные в сплав древними мастерами для придания ему определенных свойств или как сопутствующие примеси, используемые при металлургическом производстве: Si 0,57 до 13 %, Pb от 0,30 до 22 %, Zn от 0,04 до 13 %, Ni от 0,04 до 19 %, Al от 0,57 до 5,60 %, Ag 0,04 до 7,11 %, Cr от 0,05 до 0,78 %.

Легирующим является любой элемент сплава, если его содержание превышает 1,000%.

Исходя из полученных результатов химического анализа перстней, мы разделили сплавы на три группы:

- 1) на основе меди – 26 предметов;
- 2) на основе олова – 8 предметов;
- 3) на основе железа – 3 предмета.

Однако в сплавах на основе меди и олова мы не принимаем во внимание содержание Fe. Такое решение обусловлено тем, что при изготовлении украшений из цветных металлов Fe – это случайная примесь. В данном случае концентрация Fe не зависит от типа используемой руды. Известно, что медные сульфитные руды (пирит, халькопирит) содержат Fe.

В металлургическом процессе при получении меди значительное количество железа растворяется в ней во время контакта с медью либо очистка меди от железа происходит во время плавки в тигле. Поэтому концентрация Fe в меди и медных сплавах не может быть использована в качестве критерия граничной концентрации при выделении как химических, так и металлургических групп медных сплавов.

В определенных случаях можно отметить повышенное содержание Ni, Ag и Bi, равное 1–1,5 к спла-

вам. Поэтому мы не рассматриваем их как возможно легирующие добавки.

Исходя из вышесказанного, по химическому составу все исследованные предметы были разделены на сплавы на медной основе, на оловянной основе и на основе железа:

1. Сплавы на медной основе – это бронза и латунь, а именно: двойная (оловянистая Cu-Sn), тройная (оловянно-свинцовая Cu-Sn-Pb), латунь (с добавлением свинца Cu-Zn-Pb), а также мельхиор (Cu-Ni).

2. Сплавы на оловянной основе: чистое олово и группа припоев.

3. Сплавы на основе железа: сталь.

Рассмотрим каждую из выделенных групп в отдельности (здесь и далее см. рис. 1).

Двойная бронза (оловянистая бронза) (Cu-Sn) (рис. 1, 1–4, 9).

К данной группе отнесено 9 перстней (№ 11, 19, 2, 13, 10, 30, 37, 34, 32¹). Их доля составляет 24,32 % от общего числа перстней, подвергнутых спектральному анализу (табл. 2).

В данной бронзе главный легирующий элемент Sn: содержание олова в сплаве находится в интервале от 6 до 42 %. На этом основании мы выделили данную группу.

Также в этом сплаве содержатся Pb в концентрации от 0,34 до 4,57% и Zn в концентрации от 0,10 до 4,37 %.

Тройная бронза (оловянно-свинцовая) (Cu-Sn-Pb) (рис. 1, 5–8).

В данную группу отнесено 12 перстней (№ 14, 9, 3, 27, 33, 36, 12, 15, 7, 28, 29, 35). Их доля составляет 32,43 % от общего числа перстней, подвергнутых спектральному анализу (табл. 3). В данной бронзе содержание Sn находится в интервале от 5,10 до 44,53 %, Pb – в концентрации от 2,87 до 22,04 %.

По нашему мнению, в сплавах двойной и тройной бронзы высокое содержание олова можно объяснить следующими причинами:

1) при плавке медной руды в нее добавляли руду, содержащую Sn;

Таблица 2

Данные спектрального анализа перстней, изготовленных из сплава двойной бронзы

№	Изделие	Cu	Sn	Si	Pb	Zn	Ni
11	Узкопластинчатый гладкий	78,00	9,13	3,70	4,57	4,37	0,13
19	Узкопластинчатый гладкий	44,91	14,15		2,33	2,19	0,61
2	Спиральный	95,48	0,75	2,22	0,12		0,16
13	Круглощитковый орнаментированный	82,93	6,50	1,47	1,61		
10	Овальнощитковый орнаментированный	70,17	16,85	3,82	2,00	0,22	
30	Круглощитковый орнаментированный	69,94	22,54	3,62	1,10	0,10	0,17
37	Овальнощитковый орнаментированный	54,82	32,88	3,32	1,80	0,18	0,18
34	Овальнощитковый неорнаментированный	46,39	41,58	4,25	0,34	0,12	0,20
32	Ромбощитковый неорнаментированный	12,50	34,97	9,60		0,61	0,30

Рис. 1. Перстни селища Вёжи, изготовленные из сплавов цветных металлов: 1–4, 9 – двойная бронза, 5–8 – тройная бронза, 10–12 – латунь (с добавлением свинца), 13 – мельхиор, 14–15 – сплавы на оловянной основе, 16 – сплавы на основе железа (накладка)

Таблица 3

Данные спектрального анализа перстней, изготовленных из сплава тройной бронзы

№	Изделие	Cu	Sn	Si	Pb
14	Круглощитковый неорнаментированный	85,08	5,10	1,65	7,39
9	Перстень со вставкой	66,02	13,02	13,11	
3	Круглощитковый орнаментированный	65,10	22,52	2,16	8,38
27	Овальнощитковый неорнаментированный	62,97	24,71	4,03	2,87
33	Овальнощитковый орнаментированный	60,71	30,97	1,70	5,20
36	Круглощитковый неорнаментированный	59,55	20,74	3,60	7,61
12	Овальнощитковый неорнаментированный	58,99	21,78	1,85	5,53
15	Овальнощитковый орнаментированный	56,72	29,34	2,22	10,63
7	Овальнощитковый орнаментированный	44,41	28,61	4,54	12,38
28	Овальнощитковый неорнаментированный	41,55	44,53	1,73	7,16
29	Овальнощитковый орнаментированный	30,0	39,73	1,70	22,04
35	Перстень со вставкой	29,57	29,91	5,16	12,53

Таблица 4

Данные спектрального анализа в перстнях, изготовленных из сплава латуни с добавлением свинца

№	Изделие	Cu	Sn	Si	Pb	Zn
31	Овальнощитковый орнаментированный	79,07	1,1	2,20	5,05	7,60
24	Овальнощитковый орнаментированный	79,03	5,27	3,17	4,62	5,11
8	Круглощитковый орнаментированный	73,52	2,31	2,56	16,03	4,69
25	Ромбощитковый орнаментированный	69,20	5,89	2,32	8,53	9,90
23	Узкопластинчатый рифленый	68,22	4,28	4,04	3,30	12,66

Таблица 5

Данные спектрального анализа перстней, изготовленных из сплавов на оловянной основе

№	Изделие	Cu	Sn	Si	Pb	Zn
26	Овальнощитковый орнаментированный	0,21	93,17	1,27	0,54	0,05
18	Овальнощитковый орнаментированный	0,37	67,70		29,35	
6	Овальнощитковый орнаментированный	0,28	92,3	1,48	2,83	
5	Овальнощитковый орнаментированный	0,64	92,22	1,58	0,43	0,08
1	Овальнощитковый орнаментированный	0,24	92,21	3,56	0,28	0,04
22	Ложновитой	0,97	92,04	2,39	0,36	0,1
4	Овальнощитковый орнаментированный	0,35	91,57	3,32	0,30	0,05

2) в сплавы при плавке могли быть добавлены части украшений, содержащих свинцовую бронзу.

Добавление Pb и Zn повышало пластичность сплава, улучшало его цвет, а также уменьшало температуру плавления сплава, что облегчало дальнейший технологический процесс изготовления самого украшения.

Латунь (с добавлением свинца) (иногда данный сплав называют свинцовая латунь) Cu-Zn-Pb (рис. 1, 10–12).

В данную группу отнесено 5 перстней (№ 8, 23–25, 31). Их доля составляет 13,51 % от общего числа перстней, подвергнутых спектральному анализу (табл. 4).

В данном сплаве содержание Zn находится в интервале от 4,69 до 12,66 %, Pb – от 3,30 до 16,03 %.

Пробы этой группы относятся к сплавам со средней концентрацией легирующих компонентов: цинк не превышает 13 %, а свинец достигает 16 %. Возможно, при производстве латуни использовали загрязненную свинцом медь или медь, легированную свинцом.

Сплавы на оловянной основе: чистое олово и группа припоев Sn (рис. 1, 14–15).

В данную группу отнесено 7 перстней (№ 1, 4–6, 18, 22, 26). Их доля составляет 18,91 % от общего числа перстней, подвергнутых спектральному анализу (табл. 5).

Перстни под № 26, 6, 5 можно отнести к чистому металлу олову, так как содержание Sn составляет 91–92 %, а остальные элементы – это случайные примеси, попавшие при плавке. Перстень № 18 (Sn-Pb)

можно отнести к группе припоев, так как этот сплав по химическому составу соответствует современному припою ПОС 30, который имеет низкую температуру плавления и легко подвергается механической обработке.

Сплавы на основе железа (сталь) (Fe) (рис. 1, 1б).

Данные металлические предметы, также являясь украшениями, только кожаных изделий (одежда, сбруя, другие предметы), рассматриваются нами совместно с перстнями.

В данную группу отнесено 3 накладки (№ 17, 20, 21). Их доля составляет 8,10 % от общего числа перстней, подвергнутых спектральному анализу (табл. 6).

Как видно, данный сплав – это практически чистое железо с содержанием 89–98 %, остальные элементы – это примеси.

Рассмотрев каждую из выделенных групп сплавов и обобщив полученные результаты, мы пришли к выводу, что жесткого соотношения «сплав – вид перстня» не устанавливается ни в одной из групп (диаграмма 1):

1 – тройная бронза – 32,43 %;

2 – двойная бронза – 24,32 %;

3 – сплавы на основе олова – 18,91 %;

4 – латунь (с добавлением свинца) – 13,51 %;

5 – сплавы на основе железа – 8,1 %;

6 – мельхиор – 2,7 %.

Хотя нужно отметить, что основная масса перстней, найденных на селище Вёжи, изготовлена из сплавов на медной и оловянной основах.

Определив сплавы, из которых изготовлены перстни, мы перешли к рассмотрению вопроса о технологии изготовления данных перстней.

По результатам металлографического и макроскопического анализов мы пришли к выводу о способах изготовления (литье или механическая обработка). Причем нами установлено, что «внутри» каждого способа выделяется несколько технологических приемов.

Прежде чем перейти к технологической характеристике перстней, отметим следующее. Морфологический анализ иногда позволяет определить, каким приемом воспользовался мастер, чтобы изготовить ювелирное изделие. Но морфологическое изучение предмета не всегда дает успешные результаты. Оно

Таблица 6

Данные спектрального анализа накладок, изготовленных из сплава железа

№	Изделие	Cu	Si	Fe
21	Овальнощитковый неорнаментированный	0,52	0,57	98,13
20	Овальнощитковый неорнаментированный	0,56	1,95	96,96
17	Овальнощитковый неорнаментированный	0,64	2,17	89,40

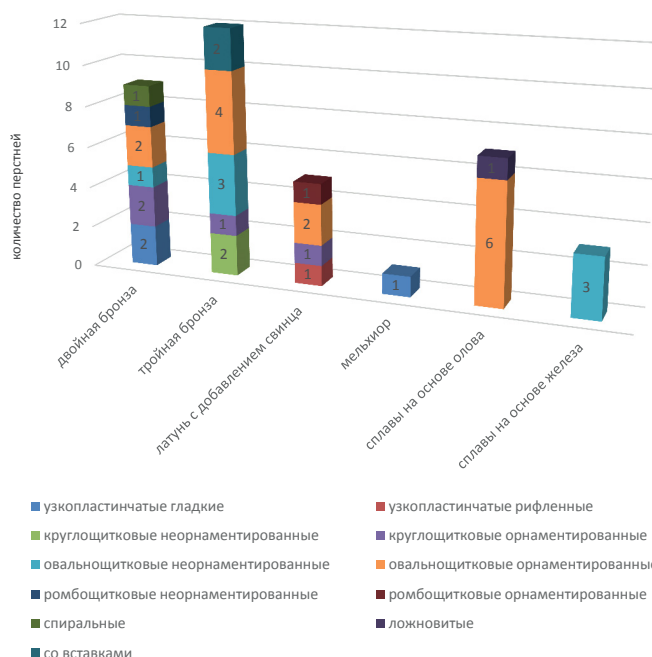

Диаграмма 1. Количественное соотношение «тип – сплав» перстней из цветных металлов, найденных на селище Вёжи

только намечает общие черты технологии изделия, но не позволяет распознать все тонкости приемов его обработки. Поэтому четкие технологические схемы могут быть получены только с помощью металлографических исследований. Поэтому мы, объясняя технологию изделий из цветных металлов, воспользовались результатами микроструктурных методов исследования.

Для микроструктурного анализа на определенном участке перстня выбиралось место для шлифа. Затем нами, не разрушая изделие, изготавливался шлиф на определенном участке перстня. Для достоверного анализа необходимо вырезать участок изделия и изготовить микрошлиф. Однако, так как перед нами стояла задача сохранности целостности изделия, мы изготавливали шлифы на определенных участках перстней. Далее производилось шлифование выбранного участка и его полирование. Затем зеркальная поверхность изготовленного шлифа рассматривалась под микроскопом для выявления неметаллических включений. Для определения самой микроструктуры данные участки подвергали травлению различными реактивами в зависимости от того, из какого металла изготовлено изучаемое изделие. В результате под микроскопом обнаруживаются разные структурные области, воссоздающие технологическую схему изучаемого изделия. Дендритные структуры указывают на то, что изделие было изготовлено литьем. А деформированные кристаллы, вытянутые в одном направлении, указывают на то, что изделие изготовлено механообработкой (рис. 2, б; 6, 4а). На некоторых изделиях нами обнаружены паяные соединения. Пайка указывает, что изделие подвергалось «ремонту» (восстановлению целостности), или же исходное изделие, изготовленное литьем или ковкой, для придания определенного размера (диаметра), подвергалось пайке (рис. 2, а).

Таким образом, изучение технологии перстей, найденных на селище, велось на основе сочетания результатов внешнего наблюдения с результатами металлографического анализа. Причем металлографическому исследованию отдавалось первостепенное значение, так как этот метод точно указывает на способ переработки металла.

Результаты технологического изучения перстней позволили выделить два основных способа их изготовления: литье и механообработка (ковка). Причем «внутри» каждого способа выделяется несколько технологических приемов (операций).

Рассмотрим каждый из выделенных способов в отдельности.

Литье – один из наиболее распространенных в древности приемов обработки цветных металлов. Древнерусские литейщики пользовались разными способами литья: в жесткие литейные формы; в формы, полученные с помощью оттиска в глине готовых изделий; по восковой модели и др. [Рындина: 201].

Данным способом изготовлено 29 вёжских перстней, что составляет 78,38 % от общего числа исследованных перстней. Из них:

26 перстней – щитковые, изготовленные из сплавов «двойная бронза» (№ 13, 10, 30, 37, 34, 32), «тройная бронза» (№ 14, 3, 27, 33, 36, 12, 15, 7, 28, 29), «латунь (с добавлением свинца)» (№ 8, 31, 24, 25), «оловянистые» (№ 18, 26, 6, 5, 1, 4);

2 – перстни со вставками, изготовленные из сплава «тройная бронза» (№ 9, 35),

1 – ложновитой, изготовленный из оловянно-кремниевый сплав (№ 22).

Как видим, способом литья изготовлены перстни из сплавов на медной (75,8 %) и оловянной (24,2 %) основах.

Для точного определения, каким именно способом изготовлен перстень, необходимо подвергнуть

Рис. 2. Перстень литой: а – микрофотографии литейного шва на дужке перстня; б – дендритная структура (увеличение в 100^х) (стрелкой указано место съемки)

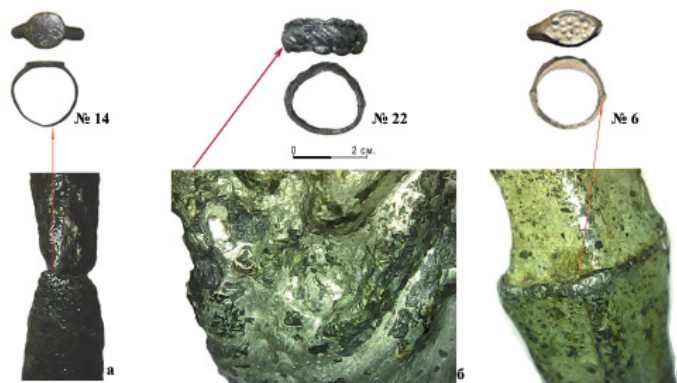

Рис. 3. Перстни литые: а–б: микрофотографии паянных швов на дужке перстней (увеличение в 100^х) (стрелкой указано место съемки)

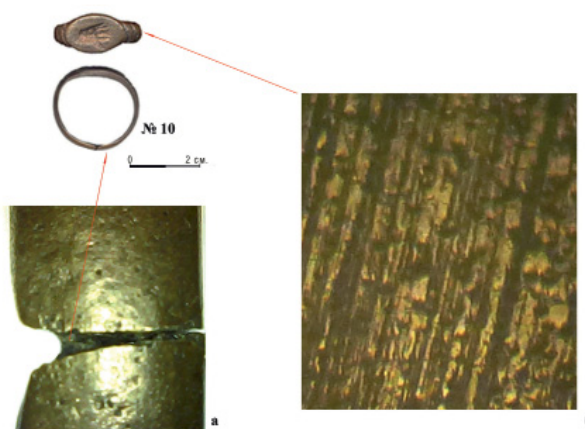

Рис. 4. Перстни литые: а, в – микрофотографии паянных швов на дужке перстней; б – литье по восковой модели (увеличение в 100^х) (стрелкой указано место съемки)

металлографическому исследованию все изделия коллекции. Нами сделано допущение по макроскопическому анализу, что перстни, не подвергнутые металлографическому исследованию, аналогичны тем, что были подвергнуты металлографическому анализу.

Металлографический анализ показал, что изделия из сплавов на медной и оловянной основах могли отливаться в плоской каменной литейной форме. Причем температура плавления могла достигать примерно 900 °С. Дужки некоторых изделий (№ 30) после отливки методомковки делали тоньше. Затем дужка готового перстня изгибалась и паялась (сваривалась). Об этом свидетельствуют паянные (сварные) швы, хорошо видные на внутренней стороне дужек перстней (рис. 2, а; 3, б; 4, а). Также можно отметить, что внутренняя сторона дужек перстней шероховатая, негладкая.

Особого внимания заслуживают два круглощитковых перстня, найденных на селище: № 13 и № 3 (рис. 1; 2, б).

М.В. Седова и Н.В. Рындина среди новгородских изделий отметили группу из десяти перстней

с круглыми щитками, на которых помещен солярный знак (свастика). Все перстни отлиты из меди в одно-сторонней литейной (каменной) форме. На щитках законченных перстней, которым придана форма кольца (пальца), сохранились следы эмали, окружающей рельеф свастики. Эмаль принадлежит к группе свинцовых бесщелочных стекол. Все перстни найдены в комплексе ювелирной мастерской 6-го яруса (1380–90-е гг.) [Седова 1981: 134; Рындина: 241, рис. 16].

Два перстня, найденных на селище, аналогичны вышеупомянутым новгородским перстням со свастикой. Причем вокруг свастики, правда очень плохо, сохранились следы эмали. Из-за плохой сохранности эмали сказать что-либо определенное о ее цвете невозможно.

Часть перстней, найденных на селище, могли отлить в глиняной форме, в которой сделан рисунок для щитка или дужки перстня, или по восковой модели (рис. 1, 3, 7, 10, 14).

Однако в настоящее время утверждать, как именно изготавливали форму для отливки, практически не представляется возможным. Если бы на селище

Вёжи были найдены литейные формы, это подтвердило бы конкретный способ изготовления изделия.

На готовых изделиях могли резцом нанести орнаментальный мотив, например гравированный узор в виде зигзагообразных линий (рис. 3, *a*).

По мнению Н.В. Рындиной, появление литья в каменную или глиняную форму обусловлено тем, что с XII в. ювелиры, работавшие на рынок, стараются дать массовую продукцию. Поэтому они вырабатывали приемы, требующие наименьшей затраты труда. Данный способ изготовления перстней просуществовал до XIV в. [Рындина: 259].

Но, по нашему мнению, небольшие мастерские или отдельные мастера могли изготовить единичные предметы или мелкие серии определенных видов украшений. Мастера также могли брать готовые заготовки и вносить в них свои изменения (орнамент, рисунок), изменять «толщину» изделия, увеличивая или уменьшая его размеры.

С конца XI в. до XIV в. включительно существовал еще один способ литья: литье в формы, полученные путем оттиска в глине готовых изделий. В данном случае отливалась плоская заготовка, которой затем придавалась форма пальца [Рындина: 230].

Подобным способом отлит ложновитой перстень из оловянно-кремниевого сплава (№ 22). Скорее всего, отливка была низкого качества; выпуклый орнамент получился нечетким, смазанным. Дужка готового перстня изогнута и спаяна (на внутренней стороне хорошо виден сварной (паяный) шов) (рис. 1, 15; 4, *б*).

Для 6 щитковых перстней, изготовленных из сплавов на оловянной основе (№ 18, 26, 6, 5, 1, 4), характерна следующая особенность. На внешней боковой поверхности дужки перстня, недалеко от щитка, четко видны следы поперечных литейных швов. Верхняя часть таких перстней вместе со щитком отливается в форме. Причем в форме был сделан рисунок для щитка. Вторая половинка дужки перстня могла

отливаться или коваться. Затем обе половинки перстня паялись (рис. 1, 14; 4, *в*).

Интересен способ изготовления перстней со вставками, где сочетаются литье и пайка – это перстни № 9 и № 35, изготовленные из оловянно-свинцовой бронзы.

Перстень № 9 с синим камнем имеет пластинчатый ободок с двумя круглыми гнездами для вставок из стекла синего цвета (одна вставка не сохранилась). Для этого перстня были отлиты две самостоятельные ячейки, которые затем припаяли к отлитому жгутику дужки. Вставки для камней зажимались лапками, выпиленными тонкой пилкой по верхней части ячейки («крапановый» способ) (рис. 1, 9; 5, *a–б*).

Подобный способ существовал в X–XIV вв. [Рындина: 240].

Для перстня № 35 характерен другой способ крепления вставки (она не сохранилась) – «глухая» заклепка вставки паялась прямо в тело перстня, при этом край металла кантом обжимал вставку.

Ковка – второй по распространенности в древности прием обработки цветных металлов, но признаки кованых изделий менее четки: плохо выраженный паянный шов, неравномерность сечения, отсутствие литого орнамента.

Данным способом изготовлено 8 перстней, что составляет 21,62 % от общего числа исследованных изделий. Из них:

4 перстня – узкопластинчатые, изготовленные из сплавов «двойная бронза» (№ 11, 19), «латунь (с добавлением свинца)» (№ 23), «мельхиор» (№ 16);

3 – щитковые, изготовленные из сплава на основе железа (сталь) (№ 21, 20, 17);

1 – спиральный проволочный, изготовленный из сплава «двойной бронзы» (№ 2).

Как видим, способомковки изготовлены перстни, сделанные из сплавов на медной (62,5 %) и железной (37,5 %) основах.

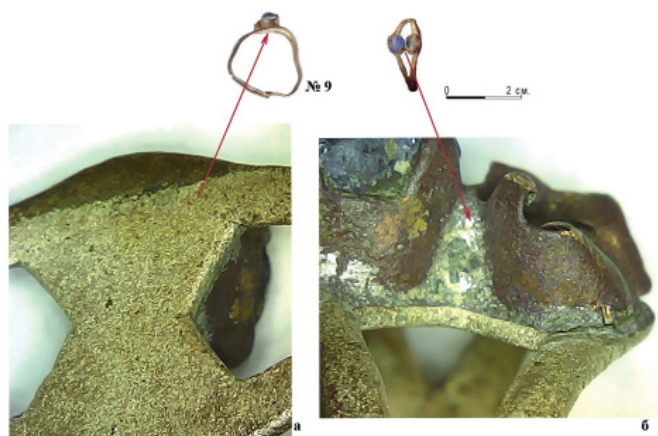

Рис. 5. Перстень со вставкой: *a* – микрофотография литой поверхности на внутренней поверхности дужки перстня; *б* – место припоя к дужке перстня ячейки для камня вставки (стрелкой указано место съемки)

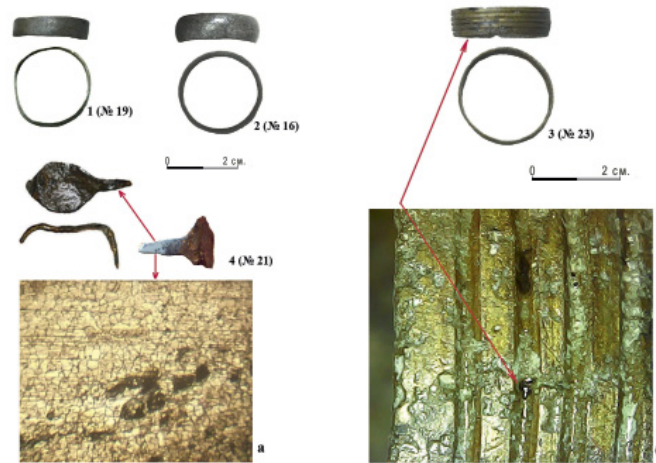

Рис. 6. Перстни и накладки (4; 21) кованые: 1–4 – внешний вид; 3б – микрофотография паянного шва на дужке перстня и линии врезного орнамента; 4а – структура кованого металла (увеличение в 100^х) (стрелкой указано место съемки)

Рис. 7. Селище Вёжи до затопления (условная реконструкция с совмещением раскопов I–II)

Заготовки для пластинчатых перстней изготавливали из тонко прокованной пластины, которую затем изгибали по форме пальца и паяли. Об этом свидетельствуют паяные швы на внутренней стороне дужек перстней (рис. 1, 1; 6, 1–3).

На внешней стороне одного из узкопластинчатых перстней нанесены тонкие врезные линии (рис. 6, 3б).

Три стальных щитковых перстня, сделанные из практически чистого железа, – кованые, с последующим отжигом (для придания изделию большей пластичности). Макросъемка показала деформацию кристаллов в одну сторону (рис. 6, 4а).

На дужке всех трех перстней нет следов пайки (возможно, они относятся к незамкнутым перстням). Также мы предполагаем, что их щиток мог быть покрыт тонким слоем латуни. Но это только предположение, так как перстни плохо сохранились

и сильно прокорродированы (рис. 1, 16; 6, 4).

К кованым изделиям мы также отнесли спиральный проволочный перстень, изготовленный из сплава «двойной бронзы» (№ 2). Основа перстня – округлая в сечении проволока – была сделана путемковки. Результаты визуального наблюдения показали бугри-стость поверхности проволоки, неравномерность ее сечения (диаметр колеблется от 1,0 до 1,5 мм), отсутствие продольных бороздок от неровностей глазка волочильной доски. Это свидетельствует о том, что проволока ковалась на специальной наковальне с желобком. Далее кованую проволоку, предварительно нагретую, наматили на болванку округлого профиля, затем концы проволоки скрутили и обрезали (рис. 1, 4). По мнению Н.В. Рындиной, в Новгороде кованая проволока существовала до последних десятилетий XIV в. [Рындина: 210].

Индивидуальный материал

№ по описи	Наименование	Количество	Материал	Сохранность	Размер (см)	Горизонтальный пласт / строительный период (ярус)	Отметка	Местонахождение	Примечание	№ на рисунке
491	Пинцет	1	металл	фрагмент	4,5×0,5	IX Г.П./7	-215	кв. Ж-15	конец XIV – 2/3 XV в.	2
601	Щипцы ювелирные (пинцет)	1	металл	целые	5,2×0,6	X Г.П./8	-240	кв. Ж-20	XII–XIV вв. Тип. 2 по Б.А. Колчину вторая половина XIII – конец XIV в.	3
706	Набор ювелирных инструментов	1	металл	фрагмент	6,7×2,4	XI Г.П./8	-265	кв. К-25 объект № 90, постройка № 93	вторая половина XIII – конец XIV в.	4

Подъемный материал

№ по описи	Наименование	Памятник	Место нахождения	Материал	Год нахождения	Сохранность	Описание находки	Год включения в научный отчет	Датировка	№ на рисунке
394	Пинцет	с. Вёжи	ЗСЗ береговая линия	металл	2017	целый	5,5×1,4	2018		1

Рис. 8. Ювелирный инструмент, выявленный на селище Вёжи

Итак, проделанная нами работа позволяет сделать вывод, что перстни, найденные на селище Вёжи, являются продуктом древнерусского городского ремесла. Причем все перстни являются привозными. В ходе археологических исследований до сегодняшнего дня на селище не найдены следы, связанные с ювелирным производством. При этом на поселении известно точное местоположение кузницы (рис. 7), в слоях XIV–XVII вв. встречается ювелирный инструмент (рис. 8).

Исходя из морфологических признаков (внешней формы, орнаментальных мотивов), время бытования подобных перстней в русских городах – с XI по XV вв.

В результате проведенных анализов (РФА, металлография) мы получили более подробную информацию о химическом составе данных перстней.

Круг технических приемов включает: литье в каменные или глиняные формы, свободную ковку, ков-

ка проволоки на наковальне с желобком, наматывание проволоки на болванку, пайка, гравировка изделий.

Основная масса изделий изготовлена из сплавов на медной основе (бронза и латунь). Жидкотекучие и пластичные сплавы на медной основе одинаково пригодны для литья и холоднойковки. Скорее всего, золотистый цвет сплава придавал изделиям особую привлекательность.

Известно, что в XI–XV вв. древнерусские мастера отдавали предпочтение сплавам на медной основе: оловянным бронзам и латуням [Рындина; Королева 1996; Ениосова 2016].

Проведенный металлографический анализ показал, что многие перстни изготовлены литьем, так как в них обнаружена дендритная структура, характерная только для литых изделий. Некоторые перстни изготовлены механической обработкой (ковкой), так как кристаллы структуры имеют вытянутую форму в направленииковки.

Нами также установлено, что для повышения механических свойств некоторые сплавы на основе олова подвергали дополнительному легированию. Добавление в медные сплавы олова и свинца, имеющих серебристо-белый цвет, приводит к изменению цветовой гаммы получаемых изделий. Скорее всего, древние мастера хорошо владели этим приемом.

Примечания

¹ Нумерация изделий дается согласно п/п по таблице 1.

Список литературы

Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Рентгеноспектральный метод анализа археологического металла: преимущества, ограничения и ловушки в процессе измерения и интерпретации // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани / отв. ред. А.Г. Ситдииков, Н.А. Макаров, А.П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. Т. 4. С. 146–149.

Ениосова Н.В. Химический состав цветного металла из Гнёздова // Исторический журнал: Научные исследования / МГУ. 2016. № 6 (36). С. 724–733. <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2016.6.19186>.

Зайцева И.Е. Цветной металл Волжской Болгарии (предварительный анализ) // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / отв. ред. Н.А. Макаров, В.Ю. Коваль. Москва: Наука, 2010. С. 116–138.

Кабатов С.А. Отчет об археологических раскопках селища Вёжи (раскоп II) Костромского района, Костромской области. Т. 3. Кострома, 2008 г. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2008. 141 с.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях на селище Вёжи в 2009 г. Т. 1–2. Кострома, 2009 г. / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009. 124 с.

Кабатов С.А. Этнокультурная история сельского населения Костромского края золотоордынского времени // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова: науч.-метод. журнал. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013ж. Т. 19, № 2. С. 34–39.

Кабатов С.А. Отчет по итогам археологических исследований, направленных на сохранение объекта археологического наследия «селище Вёжи», эпоха бронзы, железный век, средневековье, II тыс. до н. э. – XVIII в. 2013 г. / сост. С.А. Кабатов. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2013н. 108 с.

Кабатов С.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, 2014 г. Кострома: КГУ имени Н.А. Некрасова, 2014. 220 с.

Кабатов С.А. Научный отчет по итогам археологических исследований (раскопок) в 2015 г. объекта археологического наследия «селище Вёжи», расположенного по адресу: Костромская область, Костромской район, Шунгенская с/а, остров Вёжи, 2015 г. Кострома: Историко-археологическое общество «Кострома», 2015. 259 с.

Королева Э.В. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Т. 1. Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): материалы и исследования. Псков: Псковский археологический центр, 1996. С. 229–300.

Королева Э.В. Цветные металлы и их сплавы в средневековом городе // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. 4. С. 155–159.

Рындина Н.В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. № 117. Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 3. С. 200–263.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.) / отв. ред. Б.А. Колчин. Москва: Наука, 1981. 194 с.

Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. Гл. 3. Украшения из драгоценных металлов, сплавов, стекла / под общ. ред. Б.А. Рыбакова; отв. ред. Б.А. Колчин, Т.И. Макарова. Москва: Наука, 1997. С. 63–78.

References

Eniosova N.V., Mitoyan R.A. *Rentgenospektralnyi metod analiza arkheologicheskogo metalla: preimushhestva, ogranicheniya i lovushki v protsesse izmereniya i interpretatsii* [X-ray spectral method of analysis of archaeological metal: advantages, limitations and traps in the process of measurement and interpretation]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan], ed. A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevyanko. Kazan, Fatherland Publ., 2014, vol. 4, pp. 146-149. (In Russ.)

Eniosova N.V. *Himicheskii sostav tsvetnogo metalla iz Gnyozdova* [Chemical composition of non-ferrous metal from Gnezdovo]. *Istoricheskii zhurnal: Nauchnye issledovaniia* [Historical Journal: Scientific Research], 2016, No. 6 (36), pp. 724-733. <https://doi.org/10.7256/2222-1972.2016.6.19186> (In Russ.)

Zaitseva I.E. *Tsvetnoy metal Volzhskoy Bolgarii (predvoritel'nyy analiz)* [Non-ferrous metal of Volga Bulgaria (preliminary analysis)]. *Rus' i Vostok v IX–XVI vekakh: novye arkheologicheskie issledovaniia* [Rus and the East in the IX-XVI centuries: new archaeological research], ed. by N.A. Makarov, V.Y. Koval. Moscow, Nauka Publ., 2010, pp. 116-138. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Otchyot ob arkhelogicheskikh raskopkah selishcha Vyozy (raskop II) Kostromskogo rayona Kostromskoy oblasti, 2008* [Report on the archaeological excavations of the village of Vezhi (excavation II) of the Kostroma district, Kostroma region, 2008]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., 2008, vol. 3, 141 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Otchyot ob arkhelogicheskikh raskopkah selishcha Vyozy v 2009 g.* [Report on archaeological research at the village of Vezhi in 2009]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., 2009, vol. 1-2, 124 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Etnokuljturnaya istoriya seljskogo naseleniya Kostromskogo Povolzhya zolotoordynskogo vremeni* [Ethnocultural history of the rural population of the Kostromsky region of the Golden Horde time]. Vestnik of Kostroma State University, 2013, vol. 19, No. 2, pp. 34-39. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Otchyot po itogam arkhelogicheskikh issledovaniy, Napravlennyh na sohranenie objekta arkhelogicheskogo naslediya «selishcha Vyozy», epoha bronzy, zheleznyj vek, sredneekovje, II tysyacheletije do n. e. – XVIII v, 2013* [Report on the results of archaeological research aimed at preserving the archaeological heritage site «the village of Vezhi», the Bronze Age, the Iron Age, the Middle Ages, II thousand BC – XVIII century, 2013]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., 2013, 108 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Nauchnyj otchyot po itogam arkhelogicheskikh issledovaniy (raskopok) objekta arkhelogicheskogo naslediya «selishcha Vyozy», raspolozhenno po adresu: Kostromskaya oblastj, Kostromskoj rayon, Shungenskaya s/a, 2014* [Scientific report on the results of archaeological research (excavations) of the archaeological heritage site “the village of Vezhi”, located at the address: Kostroma region, Kostroma district, Shungen village, 2014]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., 2014, 220 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Nauchnyj otchyot po itogam arkhelogicheskikh issledovaniy (raskopok) v 2015 g. objekta arkhelogicheskogo naslediya «selishcha Vyozy», raspolozhenno po adresu: Kostromskaya oblastj, Kostromskoj rayon, ostrov Vyozy, 2015* [Scientific report on the results of archaeological research (excavations) in 2015 of the archaeological heritage site “village of Vezhi”, located at the address: Kostroma region, Kostroma district, Shungen village, 2015]. Kostroma, KSU named after N.A. Nekrasov Publ., 2015, 259 p. (In Russ.)

ma district, Shungen village, Vezhi Island, 2015]. Kostroma, Historical and Archaeological Society “Kostroma” Publ., 2015, 259 p. (In Russ.)

Koroleva E.V. *Rezultaty spektral'nogo analiza yuvelirnyh izdeliy srednevekovogo Pskova* [Results of spectral analysis of jewelry of medieval Pskov]. *Arkheologicheskoe izuchenie Pskova. Vyp. 3. T. 1. Raskopki v drevnei chasti Srednego goroda (1967–1991): materialy i issledovaniia* [Archaeological study of Pskov. Issue 3. Vol. 1. Excavations in the ancient part of the Middle City (1967–1991): Materials and research]. Pskov, Pskov Archaeological Center Publ., 1996, pp. 229-300. (In Russ.)

Koroleva E.V. *Tsvetnye metally I ih splavy v srednevekovom gorode* [Non-ferrous metals and their alloys in a medieval city]. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda v Kazani* [Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress in Kazan]. Kazan, Fatherland Publ., 2014, vol. 4, pp. 155-159. (In Russ.)

Ryndina N.V. *Tehnologiya proizvodstva novgorodskih yuvelirov X–XV vv.* [Production technology of Novgorod jewelers of the X–XV centuries]. *MIA. № 117. Novye metody v arkhelogii. Trudy Novgorodskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii* [New methods in archaeology. Proceedings of the Novgorod Archaeological expedition]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1963, vol. 3, pp. 200-263. (In Russ.)

Sedova M.V. *Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda X–XV vv.* [Jewelry of ancient Novgorod (X–XV centuries)], ed. B.A. Kolchin. Moscow, Science Publ., 1981, 194 p. (In Russ.)

Sedova M.V. *Ukrasheniya iz medi I splavov* [Jewelry made of copper and alloys]. *Arkheologiya. Drevniaia Rus'. Byt i kul'tura. Gl. 3. Ukrasheniia iz dragotsennykh metallov, splavov, stekla* [Archeology. Ancient Russia. Life and culture. Part 3. Jewelry made of precious metals, alloys, glass], ed. by B.A. Rybakov, B.A. Kolchin, T.I. Makarova. Moscow, Nauka Publ., 1997, pp. 63-78. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 14.02.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 14.02.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 49–56. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 49–56. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.2. Всеобщая история

УДК 902(653)

EDN HCIXJR

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-49-56>

ГОТЛАНД В КОНТЕКСТЕ «ВАРЯЖСКОЙ ЛЕГЕНДЫ» ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, Москва, Россия, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Аннотация. Готланд во многих работах рассматривается как важный географический пункт в контексте «варяжской легенды» Повести временных лет. Неясность общей этнической и географической атрибуции варягов при более очевидной привязке соответствующих летописных сюжетов к острову в Балтийском море, сосредоточение на этом острове свидетельств его важной роли в международной торговле эпохи викингов, находки готландских артефактов в Восточной Европе заставляют видеть в Готланде если не родину, то значимый опорный пункт варягов. Однако происхождение самого загадочного этноса, возможно, связано с другими регионами и уходит корнями в историю поздней Римской империи и возникших на ее обломках дунайских государств кочевников. Находки монет, других артефактов, традиции в искусстве и фортификации, данные топонимии показывают, что мигрировавшие на остров группы во многом восприняли культурные символы Римской империи. Этот факт сопоставляется с генетическими и иными данными, показывающими, что мигранты могли отличаться от коренного гутнийского населения острова.

Ключевые слова: Готланд, Балтика, варяги, Гутасага, норманнская теория, варварские королевства, монетное обращение, Великое переселение народов, Римская империя.

Для цитирования: Виноградов А.Е. Готланд в контексте «варяжской легенды» Повести временных лет // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 49–56. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-49-56>

Research Article

GOTLAND IN THE CONTEXT OF THE VARANGE LEGEND OF THE TALE OF BYGONE YEARS

Alexey E. Vinogradov, PhD in history, Moscow, Russia, alwynor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3041-4103>

Abstract. Gotland is considered in many works as an important geographical point in the context of the “Varangian legend” of the Tale of Bygone Years. The obscurity of the general ethnic and geographical attribution of the Varangians, with the more obvious linking of the corresponding chronicle plots to an island in the Baltic Sea, the concentration on this island of evidence of its important role in the international trade of the Viking Age, the finds of Gotlandic artifacts in Eastern Europe make one see in Gotland, if not home, then significant stronghold of the Varangians. However, the origin of the most enigmatic ethnic group, perhaps, is connected with other regions and is rooted in the history of the late Roman Empire and the nomadic states of the Danube that arose on its ruins. Finds of coins, other artifacts, traditions in art and fortification, toponymy data show that the groups that migrated to the island largely adopted the cultural symbols of the Roman Empire. This fact is compared with genetic and other data showing that the migrants could differ from the indigenous Gutnish population of the island.

Keywords: Gotland, Baltic, Vikings, Guta Saga, Norman theory, Barbarian Kingdoms, Monetary Circulation, Great Migration, Roman Empire

For citation: Vinogradov A.E. Gotland in the context of the Varange legend of the Tale of Bygone years. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 49–56. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-49-56>

Остров Готланд занимает особое место в истории раннего Средневековья как крупнейший балтийский перекресток торговых путей Запада и Востока. По количеству восточных монет в кладах – главном маркере международной торговли VIII–X вв. – этот небольшой регион к востоку от Скандинавского побережья уверенно занимает первое место на всем севере и западе Старого света [Tvaari: 224–225]. В свою очередь, предметы готландского происхождения – оружие, украшения, детали костюмов и др. – того же периода занимают видное место среди массы находок соответствующего периода в археологических памятниках Восточной Прибалтики, Северной Польши, северо-западной России [Кулаков 2003: 133–135, 256; Tvaari: 179–180, 197, 233–234, 236].

Уникальность роли балтийского острова в период викингов послужила причиной встраивания его в схемы историко-культурных процессов, связанных с ранней историей Древнерусского государства, особенно в рамках норманнских реконструкций «призвания варягов» [Потин: 69], причем в некоторых работах зарубежных исследователей Готланд рассматривается в качестве главного узла варяжской проблемы [Hancock: 152]. В контексте сообщения новгородских летописей о том, что в 1188 г. «рубоша новгородьце Варязи на Гътъхъ, Немьце въ Хоружьку и въ Новотържьце», при разнице мнений по топонимической проблематике и возможной синонимичности понятий «варяги» и «немцы» ряд исследователей сходятся в том, что «варяги» в данном случае ассоциировались с Готландом [Линд: 203].

Однако та же географическая точка в той или иной степени рассматривается и в рамках более этнически диверсифицированных подходов к этой проблеме [Кулаков 1999: 150; Кулаков 2003: 135–136]. Задача данной статьи состоит в том, чтобы определить справедливость таких реконструкций, аргументации и реальное место балтийского острова в историческом контексте генезиса Древней Руси.

Среди других аргументов, приводимых в дискуссии, особо выделяются локация и время сокрытия упомянутых кладов восточных монет.

Наиболее старые восточные дирхамы в Европе за пределами Руси обнаруживаются именно на Готланде. Мало того, клад из готландского Хаммарса по времени (783 г.) даже чуть опережает древнейший из достоверно известных кладов Восточной Европы из Старой Ладogi (786 г.) [Седых: 3]. Это дает основания считать торговые маршруты острова через Восточную Европу выстроенными достаточно быстро, что тем более привлекает внимание в свете рассматриваемой проблемы.

Достаточно распространено мнение об основании Старой Ладogi выходцами из Готланда [Сквайрс: 39], очевидны параллели для керамических изделий

с острова и Рюрикова городища («трудно удержаться от предположения о существовании прямых контактов между этими регионами» [Горюнова: 244]), и, соответственно, такие особенные связи с островом требуют объяснения уже в рамках норманнской теории. Готланд являлся слишком обособленной от остальной Скандинавии территорией, в отдельные весьма кратковременные периоды, возможно, эта обособленность уменьшалась, что и отразилось в пассаже о принадлежащем к «Свеону» Готланде из рассказа Вульфстана [Матузова: 26] (хотя сам мореплаватель на острове не был и руководствовался, скорее всего, информацией не из первых рук), однако традиционная история на протяжении веков описывает остров как независимый от материковых государств, с особым населением, говорящим на своем языке [Edquist: 42]. Руническая надпись из Уппланда свидетельствует о том, что между островом и материковой Швецией конфликтные отношения продолжались и во второй половине XI в., и, скорее всего, говорить о включении Готланда в шведскую административную систему можно не ранее XII в. [Peel: XVII–XVIII].

Таким образом, при установлении степени связи Готланда с ранней историей Руси необходимо отходить от позднейшего статуса острова как шведского административного и культурного региона и учитывать более раннюю специфику средневековой островной территории. Эту особенность, в частности, постарался отразить В.И. Кулаков в своей гипотезе генезиса варягов в контексте общей «этнической диффузии» населения Балтии в эпоху Великого переселения народов. Готландцы, как и население ряда других балтийских территорий, испытали сильные культурные, а возможно, и этнические импульсы с юга, из дунайских провинций Римской империи, захваченных кочевниками и ставших ареной длительных конфликтов [Кулаков 1999: 148–149; Кулаков 2003: 137, 183]. Итогом стало появление на Балтике видвариев, составленных, по Иордану, «из различных племен», а впоследствии и имевших не только балтские, но также и другие корни пруссов, в свою очередь находившихся в родственных связях с готландцами [Кулаков 2003: 136]. Представители этого пестрого конгломерата и проложили военно-торговый путь на арабский Восток через Восточную Европу, и собственно летописный сюжет сначала с изгнанием, а затем и «призванием» варягов являлся отражением внутреннего конфликта пруссов и их родственников-готландцев из-за контроля над этим путем [Кулаков 2003: 135–136].

По нашему мнению, указанная версия заслуживает внимательного изучения, однако для определения места и роли готландцев в древнерусской истории необходимо установить, что именно представляли собой

жители Готланда периода призвания варягов. Древнейшие источники по истории острова, «Гутасага» и «Закон гутов», этот период отразили крайне смутно. «Гутасага» повествует о первообитателях острова, миграциях с него через Русь (Rysaland), достигших в итоге конечной точки – Византии (Grekland). По ряду признаков: маршруте миграции через Западную Двину (Duna) (в междуречье которой с Днепром первые условно общескандинавские немногочисленные артефакты появляются в IX в. [Самонова: 65]), упоминания Руси – этнохоронима, появляющегося (как Riuskr – от этнонимического прилагательное «русский») в скандинавских рунических надписях лишь в конце X – начале XI в. [Успенский: 202] – при полном отсутствии географических, генеалогических и иных опорных точек, позволивших бы их сопоставить с археологически, нарративно или легендарно прослеживаемыми путями миграции готов и иных германцев, – можно предположить, что ядро саги складывалось сравнительно поздно. Такое предположение соответствует культурологическим воззрениям, согласно которым временной горизонт основных устных преданий коллективной памяти этноса, за исключением разве что обществ с высокоразвитой жреческой корпорацией, как правило, невелик. В основном, если не брать точку отсчета, период мифо-героической эпохи первопредков народа, речь идет о периоде не более 100 лет [Асман: 51–52].

Таким образом, период сложения основного материала «Гутасаги», скорее всего, отстоит недалеко от периода призвания варягов на Русь и сохраняет лишь относительно свежую память о жителях Готланда как скандинавах-гутнийцах. Однако само имя одного из предводителей островитян, в неясные времена заключившего договор со швейцким конунгом, Avar, в отличие от его прозвища Strabain, то есть «соломенная нога», наводит на несколько иные аналогии. Чередование монотонга *a* и дифтонга *ai*, характерное для гутнийского языка, позволяет предположить вариант или изначальную форму Avar, нетипичную для скандинавского и вообще германского именослова (где производная от Avar схожая форма Awar встречается лишь в двусложных именах [Förstemann: 190]). Однако этот редкий антропоним, по нашему мнению, может напоминать о негутнийской или даже догутнийской истории острова, поскольку волны миграции туда и культурных импульсов из дунайских регионов включали и аварский след. Археологические данные свидетельствуют о том, что артефакты и, в частности, аварские традиции костюма рубежа VII–VIII веков распространились от Пруссии дальше и вплоть до XI века сохранялись на островах Западной и Центральной Балтики [Кулаков 2003: 137, 183]. По мнению В.И. Кулакова, носителями этих тради-

ций выступали не собственно авары, а подвластные последним германцы (в частности, отряды гепидов и лангобардов были посланы Аварским каганатом для обеспечения поставок янтаря в Мазурское поозерье [Кулаков 2018]). Но это не исключает заимствования вассалами каганата не только традиций, но и именослова.

В этой связи кажется интересным вспомнить полемику о иноэтничном влиянии на население островов центральной Балтики. Находки целых групп артефактов куршского (как и семигальского, эстонского) происхождения X в. на Готланде [Gunnarsson: 36] подтверждают идею, высказывавшуюся, в частности, М. Гимбутене, о том, что на острове проживали группы куршей [Gimbutas: 156]. Мало того, генетические исследования показали у населения острова наличие значительного количества предков, прибывших туда в эпоху викингов из Восточной Прибалтики [Rodrigues-Varela, Moore, Ebenesersdóttir: 34].

Распространение в этом регионе и на юге Скандинавии определенных групп артефактов и типов захоронений, свойственных степным и дунайскому регионам, стимулировало гипотезу о гуннской культурной волне [Hedeager; Görman]. Мало того, Е.А. Томпсон, опираясь на данные об использовании гуннами римских солидов, поступавших им в качестве отступных или выкупа за римских пленных, свидетельствует Приска Панийского о распространении власти гуннов на некие острова Северного океана, а также о фактах сосредоточения кладов солидов V в. на островах Готланд, Борнхольм и Эланд, выдвинул гипотезу о существовании в этом островном регионе некоего зависимого от Аттилы государственного образования [Thompson: 75–76, 85]. Однако со времен Томпсона география и датировки нумизматических находок в Балтии существенно поменялись. Наряду с указанной тройкой островов такой же регион сосредоточения кладов римских монет выявлен в районе дельты Вислы [Bitner-Wróblewska: 228] или вообще Западной Пруссии, причем археологи склонны выделять все эти четыре региона, где концентрация указанных находок носит «поразительный характер», в особую группу [Hobbs: 87]. Кроме того, во всяком случае в отношении Готланда, Борнхольма и крайнего юго-востока Балтии, позднеимские, италийско-остготские и византийские монеты в таком же значительном количестве отмечаются и датировкой первой четверти VI в. (а на Готланде и началом VII в.) [Hobbs: 90, 92, 111]. Примечательно, что в тех же регионах распространялись не только указанные монеты, но и их варварские реплики. В частности, среди находок в древней Самбии обнаруживается реплика византийского солида VII в., специалистами характеризуемая как аварское подражание. Эта находка сопоставляется с находками на берегах Бал-

тики пряжек, удила, мечей и других артефактов, характерных для аварской культуры Подунавья того времени [Скворцов].

Таким образом, при сомнительности «гуннского» характера предполагаемого варварского «королевства» на Балтике, сама идея существования квазигосударства, использовавшего для вторичного обращения золотые монеты империи, не лишена оснований. Не случайно идею о «малом королевстве» видевариив, по крайней мере в пределах Самбии и эстуария Вислы, идентичном аналогичным образованиям у различных германских племен, выдвигал В.И. Кулаков [Кулаков 2003: 93–115]. То же для Готланда и Эланды предполагал М.М. Казанский [Казанский: 36]. Однако нельзя не отметить степное (если не гуннское, то по крайней мере аварское) влияние на этих германцев, вместе с тем сочетавшееся с римскими традициями. Последние в балтийских регионах выразились не только в использовании солидов.

Древнейшие форты Экторпа, а возможно, и других укреплений, заложенных в эпоху Великого переселения народов на Эланде и функционировавших до середины VII в., были построены с использованием фортификационных традиций Римской империи, что связывается опять же с распространением в тех местах кладов монет и приходом германских воинов, служивших наемниками в римской армии или гуннских и остготских формированиях [Viberg A., Victor H., Fischer S.: 414; Olofsson J., Josefson E.: 30; Edgren B., Herschend F.: 3, 7, 9, 17]. На Готланде в 2021 г. археологическая экспедиция университета Уппсалы обнаружила редчайшее для Скандинавии захоронение воина-всадника также с деталями вооружения и экипировки римских традиций, сделанное, по остеологическим данным, ближе к VIII в. [Malmberg]. Те же традиции сохранялись и еще позже.

По утверждению В.Я. Петрухина, культовые сюжеты композиций на готландских памятных стелах, датируемых 800–1000 гг., передающих сцену триумфального вступления в Вальхаллу павшего героя с кольцом, восходят к римским образцам – изображениям триумфаторов с венками [Петрухин: 354].

В этой связи становится актуальным вопрос, насколько «скандинавскими» были те воинские контингенты, которые несли с собой из римских и постримских регионов на север указанные традиции. Гипотеза о «возвращении со службы» отдельных воинов-наемников (германцев, к которым, как полагает В.И. Кулаков, присоединялись и балты), конечно, опирается на определенные факты, в том числе археологические.

С другой стороны, есть предположения, хотя и основанные на отрывочных археологических и письменных свидетельствах [Казанский: 27], и о возвращении

целых этносов, в частности герулов, вернувшихся на Нижнюю Вислу, Самбию и Готланд, причем после не небольших «воинских стажировок», а столетий миграций в рамках римского и кочевого мира. Идентифицировать такие потоки по следам материальной культуры, с одной стороны, непросто с учетом долго сохранявшихся и на севере, и на юге черт общего, общегерманского «звериного стиля». Однако факт самого зарождения этого стиля в мультикультурном постримском среднем Подунавье, первичное восприятие его странниками Европы – готами – наводит на мысль о том, что он перемещался в том числе в северный регион «вместе с племенами и народами» [Фурасьев: 154, 161]. Кроме того, датировки VI–VII вв. в отношении ряда миграционных потоков, как уже отмечалось, ассоциируются уже не со службой, во всяком случае в Римской империи, а с взаимоотношениями германцев с новыми государственными образованиями на части ее территории (Аварским каганатом), а генетические маркеры указывали на происхождение части древних готландцев от восточно-прибалтийского населения. В частности, около 40 % мужских останков с захоронений VII–X вв. одного из наиболее значимых раннесредневековых центров Готланда в районе Fröjel свидетельствуют о том, что захороненные или их предки имели восточно-прибалтийское/восточноевропейское происхождение [Carlsson]. Что это были за мигранты – другой вопрос, учитывая значительные свидетельства миграций V–VII вв. в саму Восточную Прибалтику (в частности, в историографии Литвы тезис о наличии в указанное время на ее территории иноэтничных групп является общепризнанным фактом [Bliujenė: 148]). А что касается островов, то если речь и шла о миграции одиночек, то зачастую они по генетическим и иным признакам отличались от автохтонов. Многочисленные упоминания в древнем законодательном памятнике острова «Законе гутов» о проживавшем там «негуднийском народе» (*ogutniskt fulk*), который владел там имуществом, включая земельные угодья, имеют разные толкования среди исследователей – в контексте «свеев» или «немцев» [Peel: 13, 22, 24], однако все они не объясняют, почему хорошо знакомые другим гуднийским памятникам этносы пришлось «упаковывать» в столь таинственную законодательную формулировку, а поздние немецкие пришельцы-бюргеры к тому же стали вдруг землевладельцами.

Культурно-топонимические маркеры также свидетельствуют в пользу значительности вклада мигрантов в историю острова. В частности, топоним Roma, то есть Рим, означающий небольшой округ в центре Готланда и долгие годы связывавшийся с основанным здесь в XII в. аббатством Sancta Maria de Gutnalia, возможно, имеет более длительную исто-

рию. Именно в этом месте (в немецкоязычных источниках Rume) собирался готландский тинг – высший орган самоуправления островитян. И именно в его окрестностях находят столь большое количество римских денариев (как и германских, а также восточных монет), что они даже были названы Золотым полем. Все это вместе послужило поводом для предположений о существовании здесь значительного торгового центра (эмпории) [Gustaffson, Östergren]. Отметим, что тема чисто торгового поселения не вписывается в контекст локации Roma вдали от прибрежных гаваней, зато административный центр, куда стекались, в частности, прибыли от международной торговли, здесь был вполне возможен. А что касается временного аспекта, то тинги у древних германцев возникли задолго до христианизации, да и «римский» топоним вписывается в схему маркеров, отмечавших точки миграции из римского Подунавья, скорее всего, германских групп: Ромове в Пруссии, летописный Римов где-то в половецких степях, Рим-гора на Северном Кавказе и др.

Все это, как нам кажется, имеет соответствия в общей схеме событий VIII–X вв. в Восточной Европе, которые ознаменовались не просто прокладкой через нее трансконтинентального торгового маршрута с военным контролем над ним («корпорация Русь», по В.И. Кулакову, трансформировавшаяся затем в государство), но и восстановлением таким образом контактов между разными группами мигрантов из дунайских провинций Рима, обосновавшихся как на Балтике, так и в бассейне Дона – Северского Донца (салтово-маяцкая культура, «Русский каганат» восточных источников) [Виноградов 2020б]. Эти группы, по нашему мнению, использовали в качестве *lingua franca*, а отчасти и в качестве письменного языка вариант латыни [Виноградов 2020а]. Нельзя не отметить в качестве подтверждения этих связей позднейшую находку в одном из вышеотмеченных ранних центров скопления римских монет (Самбии) не просто обычных для торговых связей изделий моды или оружия, но и сельскохозяйственного орудия – серпа салтовского типа [Кулаков 2020]. В качестве же свидетельства своеобразного языкового пространства раннесредневековой Балтии, помимо вышесказанного, нельзя не вспомнить факт, что некоторые из фрагментов сохранившегося древнегютнийского списка «Гутасаги» обнаруживают латинское построение, что и стало причиной гипотезы о латинском источнике, или протографе, всего текста [Peel: 269–270].

Таким образом, по нашему мнению, Готланд в эпохи Великого переселения народов и викингов выступает не просто как важный перекресток торговых путей, но и, возможно, как центр квазигосударства, распространявшего свое влияние понача-

лу и на другие острова центральной и юго-западной Балтии и район между эстуарием Вислы и Самбией. Впоследствии, утратив, видимо, контроль над юго-западными островами, это образование, исходя из археологических данных и легендарных источников, установило тесные связи или даже контроль над отдельными регионами Восточной Прибалтики, его торговые и военные представители проникли и еще дальше, возможно, активно поучаствовав в процессе «призвания варягов». Немаловажным представляется то обстоятельство, что в рамках данной схемы скандинавское участие в этих восточных процессах на раннем этапе предстает ограниченным, в рамках достаточно обособленного от остального северного мира гутнийского этноса, да и тот в этих процессах играл не единственную роль. Лишь впоследствии, так же, как сами гутнийцы, другие этносы, бывшие ядром балтийского квазигосударства и, возможно, бывшие «варягами» русских летописей, были постепенно ассимилированы свеями, а также восточно-прибалтийскими и восточнославянскими народами. В этой связи считаем, что существующие концепции, объясняющие «призвание варягов», в частности в рамках норманнской теории, нуждаются в существенной корректировке.

Список литературы

- Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Виноградов А.Е.* Донские руны и генезис салтово-маяцкой культуры // Вестник Московского городского педагогического университета. 2020а. № 4 (40). С. 8–21.
- Виноградов А.Е.* Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы // Вестник МГПУ. Сер.: История. Политология. 2020б. № 1. С. 8–20.
- Горюнова В.М.* Новая западнославянская форма раннегончарной керамики на Рюриковом городище // Археологические вести. 2015. № 21. С. 238–245.
- Казанский М.М.* Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2010. № 4. С. 17–127.
- Кулаков В.И.* Балтийский вариант движения викингов // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 1999. № 5. С. 148–152.
- Кулаков В.И.* История Пруссии до 1283 г. Москва: Индрик, 2003. 432 с.
- Кулаков В.И.* История миграций в юго-восточной Балтии Пруссия – котел культур // Проблемы межрегиональных связей. 2018. № 13. С. 1–14.
- Кулаков В.И.* Находка складного серпа салтовского типа на Самбии // Проблемы истории, филоло-

гии, культуры. 2020. № 2 (68). С. 197–206. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2020-2-68-197-206>.

Линд Д. Загадочная статья Новгородской первой летописи. Что случилось в 1188 году? // Архив русской истории. 1996. № 4. С. 191–205.

Матузова В.И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. Москва: Наука, 1979. 268 с.

Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: Форум: Неолит, 2014. 464 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 1. С.-Петербург: Тип. Эдуарда Праца, 1846. XX, 269 с.

Потин В.М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв. // Труды ЛОИИ. Ленинград, 1970. Вып. 11. С. 64–80.

Самонова М.Н. Белорусские земли на путях «из варяг в греки» и «из варяг в арабы» // Ученые записки УОВГУ им. П.М. Машерова. 2012. Т. 13. С. 60–68.

Седых В.Н. Северо-Запад России и страны Северной Европы в эпоху викингов (по археологическим и нумизматическим данным) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы: материалы V ежегодной Междунар. науч. конф. / под ред. В.Н. Барышникова, С.Ю. Трохачева Санкт-Петербург: Русский Христианский гуманитарный институт, 2004. С. 1–18.

Сквайрс Е.Р. Остров Готланд на пути в Северную Русь: встреча письменных культур // Атлантика: Записки по исторической поэтике. Москва: МАКС Пресс, 2015. Вып. 12. С. 38–56.

Скворцов К.Н. Аварская реплика византийского солида на Самбийском полуострове // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2014. Вып. 6. С. 547–558.

Успенский Ф.Б. Византия и Русь в древнескандинавской перспективе (на материале языковых данных) // Славянские языковые и этноязыковые системы в контакте с неславянским окружением / отв. ред. Т.М. Николаева Москва: Языки славянских культур, 2002. С. 185–262.

Фурасьев А.Г. Великое переселение народов в зеркале памятников ювелирного искусства. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2016. 281 с. URL: https://emirsaba.org/pars_docs/refs/6/5638/5638.pdf (дата обращения: 16.03.2023).

Bitner-Wróblewska A. Between Scania and Samland. From Studies of Stylistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period. Fornvännen 86. Stockholm, 1991, pp. 225–241.

Bliujenė A. Armed People of East and Southeast Lithuania in the Geocultural Context of the Migration Period. Archaeologia Baltica, vol. 19, pp. 145–165. <https://doi.org/10.15181/ab.v19i0.280>.

Carlsson D. ‘Ridanæs’: A Viking Age Port of Trade at fröjel, Gotland. Routledge. URL: <https://gotlandfieldschool.com/ridanas.pdf> (access date: 27.08.2022).

Edgren B., Herschend F. Eketorp: the fortified Village on the island of Öland. Swedish National Heritage Board Stockholm, Riksantikvarieämbetet, 1997, 21 p.

Edquist S. In the shadow of the Middle Ages? Tendencies in Gotland’s history-writing, 1850–2010. Holmen J., Edquist S. Islands of identity: history-writing and identity formation in five island regions in the Baltic Sea. Stockholm, Södertörn University, 2015, pp. 39–142.

Förstemann E. Altdeutsche Namenbuch. Nordhausen. London, Brussel, Gent, 1856, 1400 s.

Gimbutas M. The Balts. New York, Praeger, 1963, 286 p.

Görman M. Influences from the Huns on Scandinavian Sacrificial Customs during 300–500 AD. The Problem of Ritual: Based on Papers Read at the Symposium on Religious Rites held at Åbo, Finland, on the 13th–16th of August 1991, vol. 15, No. Scripta Instituti Donneriani Aboensis. Åbo, 1993, pp. 275–298.

Gunnarsson D. The distribution of Bronze artefacts of Viking Age Eastern Baltic types discovered on Gotland. Iron Age Networks and Identities Gotland University, Spring, 2013, 96 p.

Gustafsson N.B., Östergren M. Weights and Values in the Gotlandic Heartland. Lund Archaeological Review 23, 2017, pp. 95–105.

Hancock J.F. Spices, Scents and Silk: Catalysts of World Trade. Boston, Oxfordshire CABI, 2021, 338 p.

Hedeager L. Scandinavia and the Huns: An Interdisciplinary Approach to the Migration Era. Norwegian Archaeological Review, 2007, 40 (1), pp. 42–58.

Hobbs R. Late Roman precious metal deposits, c. AD 200–700: changes over time and space. Submitted to the University of London for the degree of PhD Institute of Archaeology, University College. London, 1997, 465 p.

Malmberg Å. Campus Gotland students unearth Iron Age warrior. URL: <https://www.uu.se/en/news/article/?id=17406&typ=artikel> (access date: 27.08.2022).

Olofsson J., Josefson E. Horse Sacrifice at Eketorp Fort, Sweden. Penn Museum, The Frontier of Archaeological – 28, 2007, vol. 49, No. 1, pp. 28–34.

Peel C. Guta Lag and Guta Saga. The Law and History of the Gotlanders. London Routledge, 2015, XXIII, 317 p.

Rodriguez-Varela R., Moore K.H.S., Ebenesersdóttir S.S., etc. The genetic history of Scandinavia from the Roman Iron Age to the present. Cell 186, 2023, January 5, pp. 32–46.

Thompson E.A. A History of Attila and the Huns. Oxford Clarendon Press, 1948, 228 p.

Tvauri A. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. Estonian Archaeology 4 (University of Tartu), 2012, 384 p.

Viberg A., Victor H., Fischer S. etc. The Ringfort by the Sea: Archaeological geophysical Prospection and excavations at Sandby Borg (Öland) (Mainz). Archäologisches Korrespondenzblatt 44, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2014, heft 3, pp. 413–428.

References

- Assman Y.A. *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti* [Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 368 p. (In Russ.)
- Vinogradov A.E. *Donskie runy i genezis saltovomayackoj kul'tury* [Don runes and the genesis of the Saltovo-Mayak culture]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Moscow City Pedagogical University], 2020, № 4 (40), pp. 8-21. (In Russ.)
- Vinogradov A.E. *Kul'tura dlennykh kurganov v svete varyazhskoj problemy* [The culture of long mounds in the light of the Varangian problem]. *Vestnik MGPU. Ser. Istorija. Politologiya* [Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series History. Political science], 2020, № 1, pp. 8-20. (In Russ.)
- Goryunova V.M. *Novaya zapadnoslavyanskaya forma rannegoncharnoj keramiki na Ryurikovom gorodishche* [A new West Slavic form of early pottery at the Rurik settlement]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological news], 2015, № 21, pp. 238-245. (In Russ.)
- Kazanskij M.M. *Skandinavskaya mekhovaya trgovlya i «Vostochnyj put'» v epohu pereseleniya narodov* [Scandinavian fur trade and the “Eastern way” in the era of peoples' migration]. *Stratum plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology], 2010, № 4, pp. 17-127. (In Russ.)
- Kulakov V.I. *Baltijskij variant dvizheniya vikingov* [The Baltic variant of the Viking movement]. *Stratum plus. Arheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archeology and Cultural Anthropology], 1999, № 5, pp. 148-152. (In Russ.)
- Kulakov V.I. *Istorija Prussii do 1283 g.* [History of Prussia until 1283]. Moscow, Indrik Publ., 2003, 432 p. (In Russ.)
- Kulakov V.I. *Istorija migracij v yugo-vostochnoj Baltii Prussiya – kotel kul'tur* [The history of migrations in the south-eastern Baltic Prussia - a cauldron of cultures]. *Problemy mezhregional'nyh svyazej* [Problems of interregional relations], 2018, № 13, pp. 1-14. (In Russ.)
- Kulakov V.I. *Nahodka skladnogo serpa saltovskogo tipa na Sambii* [Finding a folding sickle of the Saltov type in Sambia]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2020, No. 2, pp. 197-206. (In Russ.)
- Lind D. *Zagadochnaya stat'ya Novgorodskoj pervoj letopisi. Chto sluchilos' v 1188 godu?* [Mysterious article of the Novgorod First Chronicle. What happened in 1188?]. *Arhiv russkoj istorii* [Archive of Russian History], 1996, № 4, pp. 191-205. (In Russ.)
- Matuzova V.I. *Anglijskie srednevekovye istochniki IX–XIII vv.* [English medieval sources of the 9th–13th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 268 p. (In Russ.)
- Petruhin V.Ya. *Rus' v IX–X vekah. Ot prizvaniya varyagov do vybora very.* [Rus' in the IX–X centuries. From the calling of the Varangians to the choice of faith]. Moscow, Forum, Neolit Publ., 2014, 464 p. (In Russ.)
- Polnoe sobranie russkih letopisej* [Complete collection of Russian chronicles]. Sankt-Petersburg, Tip. Eduarda Praca Publ., 1846, vol. 12, 69 p. (In Russ.)
- Potin V.M. *Russko-skandinavskie svyazi po numizmaticheskim dannym (IX–XII vv.). Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX–XX vv.* [Russian-Scandinavian connections according to numismatic data (IX–XII centuries). Historical ties between Scandinavia and Russia in the 9th–20th centuries]. *Trudy LOII* [Proceedings of the LOII]. Leningrad, 1970, vol. 11, pp. 64-80. (In Russ.)
- Samonova M.N. *Belorusskie zemli na putyah «iz varyag v greki» i «iz varyag v araby»* [Belarusian lands on the ways “from the Varangians to the Greeks” and “from the Varangians to the Arabs”]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova* [Scientific Notes of the UO VGU P.M. Masherova], 2012, vol. 13, pp. 60-68. (In Russ.)
- Sedyh V.N. *Severo-Zapad Rossii i strany Severnoj Evropy v epohu vikingov (po arheologicheskim i numizmaticheskim dannym)* [North-West of Russia and the countries of Northern Europe in the Viking Age (according to archaeological and numismatic data)]. *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy: materialy V ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [St. Petersburg and the countries of Northern Europe: materials of the V annual Intern. scientific conf], ed. by V.N. Baryshnikova, S.YU. Trohacheva. Saint Petersburg, Russkij Hristianskij Gumanitarnyj Institut Publ., 2004, pp. 1-18. (In Russ.)
- Skvajrs E.R. *Ostrov Gotland na puti v Severnuyu Rus': vstrecha pis'mennykh kul'tur* [Island of Gotland on the way to Northern Rus': a meeting of written cultures]. *Atlantika: Zapiski po istoricheskoy poetike* [Atlantic: Notes on historical poetics]. Moscow, MAKSS Press Publ., 2015, vol. 12, iss. 12, pp. 38-56. (In Russ.)
- Skvorcov K.N. *Avarskaya replika vizantijskogo solida na Sambijskom poluostrove* [Avar replica of a Byzantine solid on the Sambian Peninsula]. *Materialy po arheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials on archeology and history of the ancient and medieval Black Sea region], 2014, vol. 6, pp. 547-558. (In Russ.)
- Uspenskij F.B. *Vizantiya i Rus' v drevneskandinavskoj perspektive (na materiale yazykovykh dannyh)* [Byzantium and Rus' in the Old Norse Perspective (based on linguistic data)]. *Slavyanskije yazykovye i etnozazykovye sistemy v kontakte s neslavyanskim okruzeniem* [Slavic language and ethno-linguistic systems in contact with non-Slavic environment], ed. by T.M. Nikolaeva. Mos-

cow, *Yazyki slavyanskih kul'tur Publ.*, 2002, pp. 185-262. (In Russ.)

Furas'ev A.G. *Velikoe pereselenie narodov v zerkale pamyatnikov yuvelirnogo iskusstva*. [The Great Migration of Nations in the Mirror of Jewelry Art Monuments]. Saint Petersburg, Gosudarstvennyj Ermitazh Publ., 2016, 281 p. (In Russ.)

Bitner-Wróblewska A. Between Scania and Samland. From Studies of Stylistic Links in the Baltic Basin during the Early Migration Period. *Fornvännen* 86. Stockholm, 1991, pp. 225-241.

Bliujenė A. Armed People of East and Southeast Lithuania in the Geocultural Context of the Migration Period. *Archaeologia Baltica*, vol. 19, pp. 145-165. <https://doi.org/10.15181/ab.v19i0.280>.

Carlsson D. 'Ridanæs': A Viking Age Port of Trade at fröjel, Gotland. Routledge. URL: <https://gotland-fieldschool.com/ridanas.pdf> (access date: 27.08.2022).

Edgren B., Herschend F. Eketorp: the fortified Village on the island of Öland. Swedish National Heritage Board Stockholm, Riksantikvarieämbetet, 1997, 21 p.

Edquist S. In the shadow of the Middle Ages? Tendencies in Gotland's history-writing, 1850–2010. Holmen J., Edquist S. Islands of identity: history-writing and identity formation in five island regions in the Baltic Sea. Stockholm, Södertörn University, 2015, pp. 39-142.

Förstemann E. *Altdeutsche Namenbuch*. Nordhausen. London, Brussel, Gent, 1856, 1400 s.

Gimbutas M. *The Balts*. New York, Praeger, 1963, 286 p.

Görman M. Influences from the Huns on Scandinavian Sacrificial Customs during 300–500 AD. The Problem of Ritual: Based on Papers Read at the Symposium on Religious Rites held at Åbo, Finland, on the 13th–16th of August 1991, vol. 15, No. Scripta Instituti Donneriani Aboensis. Åbo, 1993, pp. 275-298.

Gunnarsson D. The distribution of Bronze artefacts of Viking Age Eastern Baltic types discovered on Gotland. Iron Age Networks and Identities Gotland University, Spring, 2013, 96 p.

Gustaffson N.B., Östergren M. Weights and Values in the Gotlandic Heartland. *Lund Archaeological Review* 23, 2017, pp. 95-105.

Hancock J.F. *Spices, Scents and Silk: Catalysts of World Trade*. Boston, Oxfordshire CABI, 2021, 338 p.

Hedeager L. Scandinavia and the Huns: An Interdisciplinary Approach to the Migration Era. *Norwegian Archaeological Review*, 2007, 40 (1), pp. 42-58.

Hobbs R. Late Roman precious metal deposits, c. AD 200–700: changes over time and space. Submitted to the University of London for the degree of PhD Institute of Archaeology, University College. London, 1997, 465 p.

Malmberg Å. Campus Gotland students unearth Iron Age warrior. URL: <https://www.uu.se/en/news/article/?id=17406&typ=artikel> (access date: 27.08.2022).

Olofsson J., Josefson E. Horse Sacrifice at Eketorp Fort, Sweden. *Penn Museum, The Frontier of Archaeological* – 28, 2007, vol. 49, No. 1, pp. 28-34.

Peel C. Guta Lag and Guta Saga. *The Law and History of the Gotlanders*. London Routledge, 2015, XXIII, 317 p.

Rodriguez-Varela R., Moore K.H.S., Ebeneserdóttir S.S., etc. The genetic history of Scandinavia from the Roman Iron Age to the present. *Cell* 186, 2023, January 5, pp. 32-46.

Thompson E.A. *A History of Attila and the Huns*. Oxford Clarendon Press, 1948, 228 p.

Tvauri A. The Migration Period, Pre-Viking Age, and Viking Age in Estonia. *Estonian Archaeology* 4 (University of Tartu), 2012, 384 p.

Viberg A., Victor H., Fischer S. etc. The Ringfort by the Sea: Archaeological geophysical Prospection and excavations at Sandby Borg (Öland) (Mainz). *Archäologisches Korrespondenzblatt* 44, Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2014, heft 3, pp. 413-428.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 09.03.2023; принята к публикации 16.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 09.03.2023; accepted for publication 16.03.2023.

«МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС» В СОВЕТСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (1921–1925 ГГ.)

Батунаев Эдуард Владимирович, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия, Batunaeveduard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные и узловые вопросы советско-китайских отношений, связанных с оформлением правового статуса Монголии, который получил название «монгольского вопроса». «Монгольский вопрос» был камнем преткновения в советско-китайских отношениях, поскольку де-юре Монголия была частью Китайской республики, а де-факто обладала всеми чертами независимого государства. Решение «монгольского вопроса» лежало в плоскости революционно-идеологического и дипломатического характера, где Монголии уделялось важное место как транзитного коридора в продвижении идей мировой революции на Восток, оказания военной помощи народно-революционным силам как Китая, так и Монголии. Особое внимание уделено анализу эволюции советско-китайских отношений, сопровождавшихся сложными дипломатическими переговорами Китая и Советской России, борьбой между коминтерновскими и внешнеполитическими структурами. Анализ научной литературы и источников показал, что в транснациональной истории «монгольский вопрос» представлял собой сложное явление, характеризовавшееся комплексом как внутренних, так и внешних факторов, включавших в себя взаимоотношения между Советской Россией и Китаем на революционно-классовом и дипломатическом уровнях, а также собственных идей Монголии в борьбе за государственную независимость.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, «монгольский вопрос», Коминтерн, «буфер», Китай, Советская Россия, автономия.

Благодарности. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1)

Для цитирования: Батунаев Э.В. «Монгольский вопрос» в советско-китайских отношениях (1921–1925 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 57–61. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-57-61>

Research Article

THE «MONGOLIAN QUESTION» IN SOVIET-CHINESE RELATIONS (1921–1925)

Eduard V. Batunaev, candidate of Historical Sciences, Institute of Mongolian Studies, Buddhology and Tibetology SB RAS, Ulan-Ude, Russia, Batunaeveduard@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6641-4124>.

Abstract. The article deals with the problematic and key issues of Soviet-Chinese relations related to the formalization of the legal status of Mongolia, which was called the “Mongolian question”. The “Mongolian question” was a stumbling block in Soviet-Chinese relations, since de jure Mongolia was part of the Republic of China, and de facto it had all the features of an independent state. The solution of the “Mongolian question” lay in the plane of a revolutionary ideological and diplomatic nature, where Mongolia was given an important place as a transit corridor in promoting the ideas of the world revolution to the East, providing military assistance to the people’s revolutionary forces of both China and Mongolia. Particular attention is paid to the analysis of the evolution of Soviet-Chinese relations, accompanied by complex diplomatic negotiations between China and Soviet Russia, the struggle between the Comintern and foreign policy structures. Analysis of scientific literature and sources showed that in transnational history the “Mongolian question” was a complex and multifactorial phenomenon, which included a complex of both internal and external factors, including the relationship between Soviet Russia and China, at the revolutionary class and diplomatic levels, as well as Mongolia’s own ideas in the struggle for state independence.

Keywords: Soviet-Chinese relations, “Mongolian question”, Comintern, “buffer”, China, Soviet Russia, autonomy.

Acknowledgments. The work was carried out within the framework of a state assignment (project «Historical space of the Mongolian world: archaeological cultures, societies and states», № 121031000241-1).

For citation: Batunaev E.V. The «Mongolian Question» in Soviet-Chinese Relations (1921–1925). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 57–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-57-61>

В отечественной исторической науке различные аспекты советско-китайских отношений в рассматриваемый период освещены в трудах Е.А. Белова, С.Г. Лузянина, С.К. Рощина, С.Л. Кузьмина, В.Г. Дачышена и др. Отдельные аспекты советско-китайских отношений и проблемы независимого статуса Монголии рассматривались в работах зарубежных исследователей: Ч. Бодуэна, О. Латтимора, К. Этвуда, О. Батсайхана, Ц. Бабаяра.

В 1911 г., после Синьхайской революции, Монголия, входившая в состав Цинской империи, взяла курс на отделение и создание самостоятельного государства. Джебцзун-Дамба-хутухта – духовный лидер и глава буддийской церкви – был провозглашен теократическим монархом Монголии. Монголы в поиске поддержки в отстаивании независимости обратились за помощью к России. В тех исторических условиях Россия, имевшая свои непосредственные геополитические интересы в Монголии, оказала дипломатическую поддержку монголам и взяла на себя роль посредника в решении так называемого «монгольского вопроса», включавшего в себя комплекс вопросов геополитического, военного, экономического характера, касающихся определения статуса Монголии. Для России Монголия имела большое значение в военно-политическом, торгово-экономическом, культурном отношении, а также играла роль своеобразного «буфера» в потенциальной агрессии с востока. Тем самым «монгольский вопрос» для царской, а затем Советской России оставался одним из приоритетных направлений в первой половине XX в.

После Синьхайской революции 1911 г. внешнеполитический курс Китая был направлен на сохранение всех ранее входивших территорий Цинской империи в своем составе. Необходимо отметить еще одного актора в лице Японии, оказывавшей серьезное влияние на геополитическую ситуацию в регионе. Русско-японские соглашения 1907–1910 гг. четко обозначили сферы влияния: Внешнюю Монголию и Северную Маньчжурию – за Россией, а Внутреннюю Монголию и Корею – за Японией.

В рамках реализации внешнеполитического курса Россия подписала серию договоров с Монголией и Китаем (1912 г., 1913 г., 1915 г.). В результате был официально закреплен юридический статус Монголии, который определялся как широкая автономия в составе Китая. Это стало возможным во многом благодаря усилиям российских дипломатов, прежде всего И.Я. Коростовца, сумевших в непростых условиях добиться подписания русско-монгольского договора, по которому Монголия «де-факто» стала независимым государством. Все же международная ситуация, складывавшаяся вокруг Внешней Монголии после Кяхты, характеризовалась жестким противоборством между Китаем и Россией по всем

направлениям – экономическому, политическому, дипломатическому. Революционные события привели к ослаблению позиций России в Монголии, а в дальнейшем – к окончательному слому «кяхтинской системы», служившему гарантом сохранения монгольской государственности.

Под влиянием октябрьских событий 1917 г. и Гражданской войны в России в Монголии начинают создаваться первые революционные кружки и активно развиваться национально-освободительное движение [История МНР: 304]. Монгольские революционеры обратились за помощью к Советской России, поскольку эта была единственная страна, которая могла реально помочь в сохранении независимости. Реализуя планы по продвижению революционных идей на Восток, Коминтерн усилил свою деятельность в Монголии, используя ее территорию в качестве коридора для развития национально-освободительного движения и поддержки китайской революции¹.

Воспользовавшись сложным положением северного соседа, Китай в 1919 г. аннулировал автономию Внешней Монголии, вопреки ранее подписанному соглашению. Китайские войска во главе с генералом Сюй Шучжэном заняли Ургу и выдвинули требования, состоявшие из «64 пунктов», главным из которых была ликвидация автономии.

В 1919 г. военно-политическая ситуация вокруг Внешней Монголии ввиду восстановления над ней сюзеренитета Китая, устранения Омского правительства, усиления японского влияния заставила Советскую Россию и Коминтерн серьезно скорректировать свои позиции в Монголии. В декабре 1919 г. в одном из циркуляров Восточного отдела ИККИ (Коминтерна) говорилось: «В настоящее время, когда Внешняя Монголия утратила свою автономию и превратилась в китайскую провинцию, необходимо выяснить значение этого события для Российской Республики... возрождение Барги, Внутренней Монголии создало бы для России государственный буфер, простирающийся с запада на восток на 3,5 тыс. верст, который в случае осложнений с Китаем не позволит последнему быстро перебросить войска к русской границе» [Лузянин: 102]. Наоборот, колониальное положение Монголии выгодно Китаю, то есть с русской точки зрения нам следует принять меры к возрождению автономии Монголии. В этом смысле коминтерновское руководство исходило из необходимости обеспечения безопасности дальневосточных рубежей в случае войны с китайскими милитаристами, а в дальнейшем и японской угрозой.

Во внешнеполитическом плане период после 1921 г. характеризуется явной неопределенностью в международно-правовом статусе Монгольского государства. Новое правительство провозгласило отде-

ление от Китая, независимость от Китая, но независимость никем не была признана, даже, юридически, Советской Россией. Де-юре Монголия оставалась частью Китайской Республики, но де-факто приобретало черты независимого суверенного государства [Рошин: 79].

Период с 1921 по 1925 г. характеризуется острой дипломатической борьбой между Советской Россией и Китаем по внешнеполитическому статусу Монголии. В июне 1920 г. в Пекин была направлена миссия ДВР во главе с И.Л. Юриным с целью установления официальных экономических и дипломатических отношений между Китаем и ДВР. В это период, когда Внешняя Монголия еще находилась под властью Китая (аньфуистский режим), а Коминтерн приступил к разработке там революционных операций², «монгольский вопрос» в дипломатическом плане еще не стоял так остро, поэтому в ходе переговоров с И.Л. Юриным он официально не затрагивался [Лузянин: 130]. Этот вопрос стал одним из основных во время советско-китайских переговоров, которые вели в Пекине советские дипломатические представители А.К. Пайкес, А.А. Иоффе, Л.М. Карахан. Официальный Китай настаивал на том, что Монголия остается частью Китая, об отделении не может быть и речи, теперь нет возврата и к кяхтинским договоренностям 1915 г. (широкая автономия Монголии под сюзеренитетом Китая), необходим вывод советских войск и восстановление китайского суверенитета на монгольской территории.

Советское правительство, ссылаясь на изменения в Монголии, произошедшие в 1921 г. и намекая на особые отношения России с Монголией, вытекавшие из тройственного Кяхтинского соглашения, стремилось, по крайней мере, добиться от Китая широкой автономии. Оно отрицало какое-либо вмешательство во внутренние дела Китая, поясняя, что советские войска введены в Монголию для совместных действий против русских белогвардейцев и будут выведены в согласованные сроки, настаивало на участии в переговорах монгольских представителей. В то же время надо сказать, что позиция советской стороны не была неизменной. Со второй половины 1922 г. миссия А.А. Иоффе, затем Л.М. Карахана все более обозначали крен в пользу компромисса, уступок китайской стороне вплоть до формального отказа от Монголии [Рошин: 103].

В советских дипломатических кругах считали, что приоритет в советской дальневосточной политике все-таки должен принадлежать Китаю, что назрела необходимость урегулировать отношения с ним, решения накопившихся спорных проблем, а «монгольский вопрос» препятствует этому. И другой важнейший момент: интересы мировой революции. Считалось, что отделение Монголии тормозит развитие

общекитайского революционного процесса. В конце концов советское руководство согласилось с этими доводами, но сделало это, судя по всему, чисто внешне, тщательно рассчитав дальнейшие действия [Рошин: 104].

«Монгольский вопрос» вылился в острую внутриполитическую дискуссию накануне подписания советско-монгольского соглашения 1921 г. В связи с этим были проведены заседания комиссий в рамках Исполкома Коминтерна и Народного комиссариата иностранных дел (далее – НКВД) для обсуждения этой проблемы. Положительному исходу подписания советско-монгольского соглашения сопутствовала геополитическая ситуация в дальневосточном регионе в лице «японского фактора». Монголия представляла собой крупный «козырь» и опрокинула планы в создании контрреволюционного фронта от Тихого океана до Каспийского моря, поскольку границы оказались прикрыты дружественной Монголией.

Неопределенность статуса Монголии в советско-китайских отношениях, возросшая после июньских событий 1921 г., вызвала острую борьбу в советском руководстве по вопросу о дальнейшей целесообразности поддержки монгольского правительства и заключения с ним соглашения. С точки зрения геополитических и революционных задач для Советской России необходимо было закрепить достигнутые результаты революции 1921 г. официальным признанием монгольской народной власти. Однако в плане задач, стоявших перед советской дипломатией в Китае, это соглашение было крайне невыгодно, так как оно могло осложнить и без того запутанную проблему установления официальных отношений с пекинским правительством [Лузянин: 118].

Кроме того, советское и коминтерновское руководство при рассмотрении «монгольского вопроса», несмотря на видимые стратегические перспективы, принимало во внимание и условия революционной целесообразности. Вследствие этого уже на этом этапе Коминтерн рекомендовал использовать в Монголии: 1) панмонголизм как основу для революционирования монгольских народов, которое привело бы к объединению и росту национального самосознания монголов; 2) объединение всех слоев населения Монголии под лозунгами борьбы против китайского империализма. Что касается тактики классовой борьбы между различными слоями монгольского общества и создания советских органов, Коминтерн считал это несвоевременным в данной ситуации [Лузянин: 89].

Для реализации своих задач в деле распространения мировой революции Коминтерн способствовал панмонгольским планам с целью вовлечения монгольских народов Внутренней Монголии Китая в единое революционное движение. Ввиду этого

укреплялись связи по линии Коминтерна с Народно-революционной партией Внутренней Монголии (далее – НРП ВМ) в оказании идеологической, организационной, военной, материальной и другой помощи. Об участии Коминтерна в революционной работе во Внутренней Монголии свидетельствуют телеграммы Г.Н. Войтинского Ф.Ф. Петрову о создании бюро Внутренней Монголии из представителей китайской компартии, Гоминьдана и Нарремпартий Внутренней и Внешней Монголии под руководством представителя Коминтерна [Монголия в документах: 151–152]. По сведениям Б.Д. Цыбенова, Коминтерн участвовал в создании НРП ВМ, активными членами которой были молодые дауры – Мерсэ, Фуминтай [Цыбенов: 343, Atwood: 500]. В этой связи отметим положительные результаты визита монгольской делегации во главе с А. Амаром в Китай по приглашению известного генерала Фын Юйсяна³, командующего 1-й национальной армией. Переговоры состоялись в Калгане в апреле – мае 1925 г. [Батбаяр: 146]. В них были заинтересованы обе стороны. Фын Юйсян, в частности, нуждался в оружии и боеприпасах, которые мог получить из Советского Союза, но с транспортировкой через Монголию. Монгольская делегация стремилась установить контакт с влиятельным либеральным генералом, выяснить его намерения, заручиться возможной поддержкой. Сам факт приглашения свидетельствовал о сдвигах в китайском общественном мнении о частичном признании монгольского правительства видным китайским деятелем.

По просьбе Г.В. Чичерина Т. Рыскулов⁴ участвовал в переговорах монгольской делегации. Он поехал инкогнито, под именем Касыгбай, в качестве представителя монгольских казахов и изображал, по его словам, «пассивного худонского делегата». Прояснились позиции сторон по многим конкретным вопросам, достигнута договоренность о создании совместной автотранспортной компании, состоялся взаимный обмен письмами. Делегация побывала также в Пекине, где прошли беседы с советским полпредом Л.М. Караханом, с представителями ЦИК Гоминьдана [Роцин: 111]. Если исходить из сугубо стратегических соображений, Китай был противником Советской России, поскольку последняя поддерживала монгольских революционеров, отстаивающих свою независимость. Но чисто тактически Советская Россия для Китая выступала в роли союзника в борьбе за Монголию со старой Россией [Лузянин: 89].

В итоге длительных и трудных переговоров 31 мая 1924 г. состоялось подписание советско-китайского соглашения об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой. В статье 5-й соглашения говорилось: «Правительство СССР признает, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики и уважает

суверенитет Китая [Советско-китайские: 86]. Иначе говоря, после подписания советско-китайского соглашения фактически ничего не изменилось – Монголия оставалась вне Китая, укрепляла свой суверенитет, Советский Союз также наращивал там свое присутствие по всем линиям.

Однако, наш взгляд, происходившие вокруг Монголии 1924–1925 гг. событие отражает по большому счету тот факт, что для Советского Союза, наряду с главной стратегической целью в дальневосточном регионе – урегулирование отношений, содействие китайской революции, – существовала и другая цель: по возможности сохранить и упрочить достижения монгольской революции, усилить советское влияние на монгольской территории. Конечно же, можно, с одной стороны, заподозрить СССР в двойной игре: с одной стороны, в использовании Монголии в качестве «разменной монеты» в советско-монгольских отношениях, но, с другой стороны, статус-кво Монголии не изменился, последняя продолжала де-факто сохранять свою независимость от Китая, была принята новая конституция МНР. В начале 1925 г. Г.В. Чичерин дал следующее разъяснение по поводу признания Советским Союзом Монголии частью Китайской Республики, обладающей широкой автономией, на основании коей Китай не вмешивается в ее внутренние дела и установленные независимые внешние связи, то есть формально – автономия, фактически – независимость.

Тем не менее новые веяния из Пекина и Москвы вызывали скрытое раздражение монгольских руководителей – премьер-министра Б. Цэрэндоржа, министра иностранных дел А. Амара и др. Установки советских руководителей на свертывание антикитайских лозунгов и автономии Внешней Монголии противоречили всем предыдущим высказываниям советских и монгольских лидеров монгольской независимости от Китая.

Таким образом, 1924–1925 гг. знаменательны тем, что приоритеты советской политики в регионе вполне прояснены всесторонним урегулированием отношений с Китаем, всемерным содействием китайской революции и т. д. В то же время наблюдается решительная поддержка реальной независимости Монголии от Китая, причем с таким расчетом, чтобы отделение Монголии не мешало китайской революции, а наоборот, помогало ей. Особенно удручало монгольскую сторону негативное отношение Советской России и Коминтерна к проблеме объединения монгольских племен, к панмонгольскому движению, которое, как считалось, угрожало единству, целостности китайской революции. «Монгольский вопрос» тесно переплетался с проблемными вопросами революционно-идеологического и дипломатического характера, влиянием внутривосточного фактора,

рассматривался в рамках продвижения революционных идей на Восток, с борьбой самих монголов за независимость и объединение в единое государство.

Примечания

¹ АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 2. П. 101а. Д. 1. Л. 10.

² АВП РФ. Ф. 0111. Оп. 2. П. 101. Д. 8810. Л. 64.

³ Фын Юйсян (1880–1948), китайский генерал и маршал, в 1920-х г. действовал в Северном Китае, воевал при поддержке СССР и МНР против Чжан Цзолина. Из СССР через МНР ему поставлялось оружие и боеприпасы. В 1926 г. посетил СССР, вступил в Гомиьндан. В 1928 г. – председатель политсовета ЦК Гомиьндан. Погиб в результате несчастного случая.

⁴ Рыскулов Турар Рыскулович (1894–1938), член РСДРП(б) с 1917 г., в 1919–1920 гг. – председатель ЦИК Туркестанской АССР, зам. наркома по делам национальностей РСФСР (1921–1922 гг.), уполномоченный ИККИ в МНР в 1924–1925 г., зам. заведующего Восточным отделом ИККИ в 1924–1925 гг., зам. председателя СНК РСФСР в 1926–1937 гг. Расстрелян 10 февраля, реабилитирован 8 декабря 1956 г.

Список литературы

Батбаяр Ц. О поездке министра А. Амара в Китай в 1925 году: забытая страница монгольской дипломатии // Восьмые востокведные чтения БГУ. Иркутск: Изд-во БГУ, 2017. С. 145–156.

История Монгольской Народной Республики: монография. Москва: Наука, 1983. 601 с.

Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. Москва: Огни, 2003. 319 с.

Роцин С.К. Политическая история Монголии: (1921–1940). Москва: ИВ РАН, 1999. 325 с.

Монголия в документах Коминтерна (1919–1934). Ч. 1: (1919–1929). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. 527 с.

Российско-Монгольское военное сотрудничество (1911–1946). Ч. 1. Москва: Граница, 2019. 359 с.

Советско-китайские отношения, 1917–1957. Москва: Изд-во вост. лит., 1959. 467 с.

Цыбенков Б.Д. Социально-политическая история дауров (XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2022. 500 с.

Atwood C.P. Young Mongols and vigilants in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911-1931. Leiden, Boston, Köln, Brill, 2002, 1168 p.

References

Batbaiar Ts. *O poezdke ministra A. Amara v Kitai v 1925 godu: zabytaia stranitsa mongol'skoi diplomatii* [On the trip of Minister A. Amar to China in 1925: a forgotten page of Mongolian diplomacy]. *Vos'mye vostochnye chteniia* [Eighth Oriental Readings]. Irkutsk, BGU Publ., 2017, pp. 145-156. (In Russ.)

Istoriia Mongol'skoi Narodnoi Respubliki: monografiia [History of the Mongolian People's Republic]. Moscow, Nauka Publ., 1983, 601 p. (In Russ.)

Luzianin S.G. *Rossia – Mongoliia – Kitai v pervoi polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniia v 1911–1946 gg.* [Russia - Mongolia - China in the first half of the twentieth century. Political relations in 1911–1946]. Moscow, Ogni Publ., 2003, 319 p. (In Russ.)

Mongoliia v dokumentakh Kominterna (1919-1934) [Mongolia in the documents of the Comintern (1919-1934)]. Ulan-Ude, BNTs SO RAN Publ., 2012, 527 p. (In Russ.)

Roshchin S.K. *Politicheskaia istoriia Mongolii: (1921-1940)* [Political history of Mongolia]. Moscow, IV RAN Publ., 1999, 325 p. (In Russ.)

Rossiisko-Mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911-1946) [Russian-Mongolian military cooperation (1911-1946)]. Moscow, Granitsa Publ., 2019, 359 p. (In Russ.)

Sovetsko-kitaiskie otnosheniia, 1917-1957 [Soviet-Chinese relations, 1917-1957]. Moscow, Izd-vo vost. lit. Publ., 1959, 467 p. (In Russ.)

Tsybenov B.D. *Sotsial'no-politicheskaia istoriia daurov (XX v.)*. [Socio-political history of the Daurians (XX century)]. Ulan-Ude, Izd-vo BGU Publ., 2022, 500 p. (In Russ.)

Atwood C.P. Young Mongols and vigilants in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911-1931. Leiden, Boston, Köln, Brill Publ., 2002, 1168 p.

Статья поступила в редакцию 24.12.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 16.02.2023.

The article was submitted 24.12.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 16.02.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 62–67. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 62–67. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 281.2

EDN EKVHSX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-62-67>

ВКЛАД СВЯЩЕННИКА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО В ИДЕЮ ОБНОВЛЕНИЯ ЦЕРКВИ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Сазонов Дмитрий Иванович, кандидат богословия, Костромская духовная семинария, Кострома, Россия, sazonow63.12@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9292-6473>

Аннотация. В начале XX в. в среде Российской православной церкви наиболее ярко проявилось движение, поставившее цель обновления во всех уровнях церковной жизни. С одной стороны, общественное обсуждение и идея обновления Церкви оформились как движение к возвращению соборного канонического церковного строя, что впоследствии воплотилось в проведении Поместного собора Российской церкви 1917–1918 гг., с другой, особенно в среде интеллигенции, – «нового религиозного мышления». Согласно выводам, полученным в результате анализа творчества священника Павла Флоренского, мы можем утверждать, что своим принятием сана и участием в философско-религиозном осмыслении церковного наследия посредством современного научного философского анализа, через позитивизм и неокантианство он проложил путь возвращения интеллектуалов в «мыслящую и одухотворенную Церковь». На основании исследовательского материала автором доказано, что «мыслящая» Церковь стала авторитетом для многих неофитов, пришедших либо возвратившихся в нее в советское время.

Ключевые слова: обновление, Церковь, Павел Флоренский, философия, просвещение, интеллигенция, обращение, мысль.

Для цитирования: Сазонов Д.И. Вклад священника Павла Флоренского в идею обновления Церкви как историческая перспектива // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 62–67. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-62-67>

Research Article

THE CONTRIBUTION OF PRIEST PAVEL FLORENSKY TO THE IDEA OF THE RENEWAL OF THE CHURCH AS A HISTORICAL PERSPECTIVE

Dmitry I. Sazonov, Candidate of Theology, Kostroma Theological Seminary, Kostroma, Russia, sazonow63.12@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9292-6473>

Abstract. At the beginning of the twentieth century in the midst of the Russian Orthodox Church, a movement was most clearly manifested, which set the goal of renewal at all levels of church life. On the one hand, public discussion and the idea of renewal of the Church took shape as a movement towards the return of the canonical church system, which was subsequently embodied in the holding of the Local Council of the Russian Church in 1917–1918, on the other hand, especially among the intelligentsia – “new religious thinking”. According to the conclusions obtained as a result of the analysis of the work of the priest Pavel Florensky, we can assert that by taking the dignity and participating in the philosophical and religious understanding of the church heritage through modern scientific philosophical analysis, through positivism and neo-Kantianism, he paved the way for the return of intellectuals to the “thinking and spiritualized Church”. On the basis of the research material, the author proves that the “thinking” Church has become an authority for many neophytes who came or returned to it in Soviet times.

Keywords: renewal, Church, Pavel Florensky, philosophy, enlightenment, intelligentsia, conversion, thought.

For citation: Sazonov D.I. The contribution of Priest Pavel Florensky to the idea of the renewal of the Church as a historical perspective. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 62–67. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-62-67>

Исследуя остро стоявшую на повестке дня в начале XX в. тему обновления Православной российской церкви, к необходимости которого ее лучшие представители пришли в конце XIX в., следует сказать, что многие авторы сосредотачивали свое внимание на движении обновленчества 1920-х гг., связывая его возникновение с антирелигиозной политикой советского государства. Такой узкий взгляд приводит к искажению понимания идейных истоков церковного обновления, и как следствие – к однобокости выводов и оценок его значимости для церковной жизни. Такой взгляд ни в коей мере не применим к религиозно-философским трудам и личности свящ. Павла Флоренского, деятельность которого внесла значительный вклад в обновление Церкви. Следует сразу сказать, что в обновленчестве как движении о. Павел не был замечен, всячески избегал политизированности церковного вопроса. Нет ярких цитат из его трудов, из которых можно было бы определить его программу по обновлению Церкви. Он был ученым-исследователем, его религиозно-философская деятельность доказывает, что он ставил задачи, благодаря решению которых могло бы быть принято обществом нового, обновленного состояния церковности. Таким же путем, почти параллельно шли представители нового богословия Римско-католической церкви: Тейяр де Шарден, Морис Блондель, Габриэль Марсель, подготовившие модель церковного обновления «*aggiornamento*», ставшего формулой и смыслом II Ватиканского собора в 1962–1965 гг.

Целостную картину в осмыслении данного вопроса может дать исследование религиозно-философского наследия о. Павла Флоренского, ставшего ярким явлением церковно-общественной мысли. Его «Иконостас», у «Водоразделов мысли» и другие труды современным языком объяснили важность и глубину церковной состоятельности. Книга «Столп утверждение истины», по мысли видного философа и богослова русского зарубежья Н. Зернова, «революционизировала не только богословское мышление, но также стиль и форму русской богословской литературы» [Зернов: 113]. Согласно его же оценкам, священник о. Павел в своих религиозно-философских изысканиях отказался от богословия, заимствованного русскими у Запада в XVIII в. Важно, что при инструментарию научного метода исследования он восстановил богословскую мысль допетровской эпохи, главной темой которой было соотношение Церкви, мира и человека при использовании парадигм античной философии.

Недаром о. Павла некоторые его современники, в частности Н.А. Бердяев, называли «александрийцем», последователем некогда славного александрийского богословия – богословия св. Климента

Александрийского и Оригена, которое настаивало на сближении христианства и античной платоновской философии, проповедовало торжество духа над материей [Бердяев: 544].

Раскрывая тему цельности познания, о. Павел последовательно отображал глубину Откровения. В своих исследованиях он не довольствовался сухими богословскими определениями, но повсеместно пользовался образами из иконописи, фольклора и искусства, воссоздавая *ὁμοουσιότης* (единосущие) мира как образ познания. Он создавал так называемую «объемную перспективу». Свои мысли о. Павел черпал из знаний в области математики, медицины, филологии, фольклора и т.д., которые наравне с религиозными изысканиями были предметом его исследований. Он пытался восстановить цельность средневекового космологического христианского мировоззрения. Под обновлением в Церкви он видел восстановление неизвращенного средневекового познания, о чем ясно высказался в своей работе «Мнимости в геометрии», – истинного познания, так непосредственно явленного в целостном мировоззрении крестьянской Руси: в системе ценностей, космосе и народном быте [Паршин: 117]. Подтверждением этому служит ярко выраженное в «Столпе» указание на «красоту церковную», которую являют духоносные старцы, аскетизм как способ познания Бога, истинного церковного богословия – «жизнь в Духе» [Флоренский 1914: 5, 7].

Следует сказать, что цели просвещения и раскрытия культурного кода Церкви в его религиозном подтексте были для о. Павла первоочередными. Свою задачу он видел в обращении к читающей и думающей интеллигенции на предмет исследования ограниченности человеческого разума и раскрытия объективных сторон жизни, ведущих человека к осознанию веры в Бога [Флоренский 1914: 7]. Сам о. Павел непосредственно на своем жизненном опыте испытал рационализм родительского воспитания, не опирающегося на истины веры. Николай Бердяев, несмотря на критику «стилизованного православия», в трудах Флоренского подчеркивал важность высказанной им антиномичности трансцендентного и имманентного, которое изживается религиозным опытом, в котором снимается [Бердяев: 543, 555, 556]. Поражением рассудка единством во Христе *ὁμοούσιος*, как коренным сомоопределением Церкви Христовой, не только догматом, сколько оценкой рассудочных законов мышления. Священник Павел Флоренский прошел сложный, мучительный и тернистый путь к вере. Он описал его на страницах своих трудов. В «Столпе» он пишет в главе «Сомнение»: «Мы вынуждены пассивно предаться противоречиям, раздирающим сознание... Началось абсолютное сомнение, как полная невозможность ут-

верждать что бы то ни было. <...> Скепсис доходит до собственного отрицания, но не может перескочить и через последнее, так что обращается в бесконечно-мучительное томление... в агонию духа. <...> Истины нет у меня, но идея о ней жжет меня» [Флоренский 1914: 36–38]. Поистине, он «сам искушен быв, – по слову апостола Павла, – может и искушаемым помощи» (Евр. 2:18) [Библия: 1312].

Личный опыт преодоления Флоренским конфликта между научно-философским мышлением и религией как областью мистических переживаний очень важен. Он называет этот конфликт «мнимой антиномией». Флоренский пишет, что преодолеть сомнения и обрести «вечную весну» живой религиозной веры невозможно на путях схоластического, школьного богословия. Жгучий огонь сомнений не погасить заклинаниями догматических формул, не завалить томами богословских диссертаций. Необходимо ощутить веяние Духа Святого. Ведь именно в Духе открывается подлинная церковность [Флоренский 1914: 7]. В этом он был солидарен с наставлениями великого преподобного Серафима Саровского Н.А. Мотовилову [Преподобный Серафим: 375–376]. Вникая в религиозно-философские мысли Флоренского, нельзя не сослаться на аналогию их с пониманием подлинного просвещения Ф.М. Достоевским, который писал: «Под просвещением я разумею свет духовный, озаряющий душу, просвещающий сердце, направляющий ум и указывающий ему дорогу жизни» [Фудель: 63].

Книги о. Павла, и особенно его лекции в Московской духовной академии, составляли настоящее явление в школьном богословии начала XX столетия. Они вели и ведут человека в мир объемной перспективы, приглашают его в глубины Божественного творения. Не случайно многолетний духовник Флоренского, проживающий на покое в Донском монастыре епископ Антоний (Флоренсов), решительно настаивал на чтении этих лекций.

О состоянии духовных школ и народного благочестия тех лет написано немало горьких строк. Главная причина застарелых болезней системы духовного образования заключалась в подмене цели богословских школ и образования как таковых. Вместо того чтобы готовить ощутивших в своем сердце священническое призвание молодых людей к пастырскому служению, школы давали образование сословной категории – детям духовенства. Почти повсеместно преподавание сводилось к бессмысленному заучиванию имен, фактов и дат. О проблеме и кризисе богословского образования свидетельствует бурная полемика по реформе духовных школ в начале XX в.: «Наша наука борется с тенью умерших, – писал, критикуя омертвелость и схоластичность церковной учености митрополит Антоний (Храповицкий). – Она

как будто и не слыхала, что уже не материалист Фогт господствует над умами, а Л. Толстой, Маркс, Вл. Соловьев, Ницше, декаденты и прочие. Ведь это не имена отдельных писателей: это целые учения, целые системы, разработанные большими школами ученых, проникшие и в эмпирическую науку, и в литературу, и в университетскую и газетную веру, то есть обратившиеся уже в живое предание, принимаемые прямо целиком молодыми головами как объединительный общественный катехизис...» [Антоний: 475–476]. Митрополит Антоний пишет о разочаровании людей, горящих верой в догматической закрепощенности выученных истин и непонимании их народом, который по-прежнему готов был соблюдать традиционные церковные обряды и слушать сказания о чудесах святых и помощи от чудотворных икон [Антоний: 460]. При оценке религиозного состояния начала XX в. митрополиту вторит современный исследователь феномена о. П. Флоренского Н.К. Бонецкая, которая, исследуя феномен «нового религиозного сознания», пишет, что «отход людей от Церкви происходил в силу того, что древнее православие оказывалось не в состоянии вместить интеллектуальной глубины и сложности души человека современной эпохи» [Бонецкая: 90].

Темы обновления церковной жизни, обсуждавшиеся на заседаниях в формате Предсоборного Присутствия, Совещания и Совета в начале XX века, нашли горячий отклик как в духовенстве, так и в обществе. Среди основных рассматриваемых вопросов были: восстановление канонического церковного строя, приближение к насущным народным чаяниям и запросам, реформирование духовных учебных заведений, язык богослужения и адаптация его к условиям современности, диалог со старообрядцами. Особый акцент в обсуждениях был сделан на просвещение общества. Среди прочего особенно проникновенно звучали слова будущего протоиерея С. Булгакова, видевшего обновление Церкви и общества на началах подлинного церковного просвещения: «Церковная интеллигенция, которая подлинное христианство соединяла бы с просвещенным и ясным пониманием культурных и исторических задач... ответила бы насущной национальной и исторической необходимости... имело бы огромное историческое и религиозно-нравственное значение и совершенно особым образом отозвалось бы в душе народной» [Булгаков: 34]. Многие из прозвучавших мнений были приняты как основополагающие направления на состоявшемся Поместном соборе 1917–1918 гг.

Именно такое целостное средневековое просвещение, вопреки «возрожденческому мирочувствию», просвещение, наполненное космизмом, соединяющим «горнее и дольнее», желал вернуть о. Павел Флоренский [Флоренский 1994–1999, 3: 367]. Следует

признать, что неоднозначность богословских изысканий и о. Павла была оправдана спецификой обращения его к современным ему неопитам, ищущим путь в познании религиозных истин. Протоиерей Георгий Флоровский подчеркивал, что «вся религиозная гносеология Флоренского почти сводится к проблеме обращения». Несмотря на критику религиозно-философских трудов о. Павла Флоренского, по словам о. Георгия, она [гносеология] может быть оправдана тем, что Флоренский делится собственным личностным религиозным опытом, полагающимся на опыт Церкви. Он призывает к действенному, целостному, жизненному постижению Истины. В «Столпе» о. Флоренский определяет «живой религиозный опыт как единственный законный способ познания догматов» [Флоренский 1914: 3], подтверждением чего звучит формула эпитафии к «Столпу»: «Познание совершается любовью».

Оценивая значение книги о. Павла «Столп и утверждение истины», С.А. Левицкий подчеркивал, что она проникнута «влюбленной жалостью к твари». В ней Флоренский как никто другой сумел обличить и смирить гордыню рассудка. Он дал живое ощущение запредельности Божественного бытия и сумел «видеть мир в Боге». По мнению С.А. Левицкого, «в смысле совмещения глубины и смелости мысли с первозданным религиозным опытом книга “Столп и утверждение Истины” может быть поставлена наравне с “Исповедью” блаженного Августина. В ней главной проблематикой человеческого познания поставлена проблема понимания» [Левицкий: 145]. Такое же обращение к поколению рационалистов было необходимо в начале XX в., когда материализм, критицизм и марксизм стали властителями умов. «Известная образованность, просвещенность есть в глазах нашей интеллигенции синонимом религиозного индифферентизма и отрицания», – писал С.Н. Булгаков, который надеялся, ссылаясь на образ нигилиста описанный Ф.М. Достоевским в «Бесах», что атеизм интеллигенции будет все же побежден религиозным оздоровлением и исцелен Христом, на примере исцеления евангельского бесноватого [Булгаков: 38, 72].

Для своего времени труды о. Павла были воистину революционны. Но именно во внутреннем понимании этого термина. В смысле решения задач по доступности для современного ему общества религиозных идеалов протоиерей Павел Флоренский призывает человека к напряженному духовному поиску, к обретению Бога в традиции православной церковности. Один из лучших, классических русских философов Н.О. Лосский в середине XX в. признавался, что чтение «Столпа» способствовало переходу его от «абстрактной религиозности к конкретной церковности». Он писал: «Книга эта послужила для меня одним из поводов постепенного возвраще-

ния моего к Церкви, окончательно совершившегося в 1918 г.» [Лосский: 91].

Сторонник о. Павла, Сергей Иосифович Фудель, о значении религиозно-философских трудов Флоренского для современников писал, что тот открыл «окно, и на наше религиозное мышление повеяло воздухом горнего мира. Живая вера живой души толкнула нас на путь опытного богопознания, мы читали об осуществленной уже жизни в Боге, доказанной великой тишиной образованного ума. Ум, наконец, нашел свою потерянную родину, то теплейшее место, где должно быть его стояние перед Богом. Стало понятно, что борьба за крест есть борьба не только за личное спасение, то есть тем самым спасение своего разума, но и борьба за любимую землю человечества, спасаемую и освящаемую благодатью» [Фудель: 18]. Показывая значимость религиозно-философских трудов о. Павла, С. Фудель подчеркивал, что «громкость и несравнимость попытки Флоренского изложить это на современном религиозно-философском диалекте была совершенно очевидна. После него легко и радостно читались послания Апостолов, рассказы Патериков о святых, пронизанных светом Утешителя, описания древних икон и храмов, тайноводственные слова Отцов церкви о преображенной твари» [Фудель: 18].

По мнению философа В.В. Розанова, благодаря своему авторитету ученого и священника Флоренский был вождем нового поколения славянофилов. Розанов восхищался религиозным, мистическим горением Флоренского. О влиянии его на современное образованное общество он писал: «Множество сердец и умов в Москве и даже в Петербурге находятся под его влиянием... он горит громадным энтузиазмом поиска истины. Он показался мне святым, так необычен и исключителен был дух его» [Спасовский: 18].

Флоренский оказал большое влияние на русскую религиозную мысль. Под влиянием Флоренского С. Булгаков, как замечает С. Левицкий, завершил свою эволюцию от марксизма к идеализму [Левицкий: 145]. Популярность Флоренского не иссякла и после его кончины. Советские ученые, пользуясь возможностью, публиковали его статьи либо фрагменты статей в различных областях современной науки. Причем ссылались они на авторитет П.А. Флоренского и как выдающегося ученого [Моль]. Первое упоминание о Флоренском появилось в книге «Кибернетику – на службу коммунизму» [Семиотика]. В одной из статей этой книги говорилось, что П. Флоренский «выдвигал идеи, по существу предвосхищающие основные проблемы изучения информации в понимании Норберта Винера» [Семиотика: 372]. Неофиты, пришедшие в Русскую церковь на волне поиска религиозной духовности и смысла жизни в 1960–70-х гг., находили смысл и церковность в произведениях П. Флоренского.

Священник Павел Флоренский, по его же собственному мнению, разошелся со временем лет на пятьдесят. «Забежал вперед, тогда как для успеха допустимо забегать вперед не более чем на 2–3 года», – так он пишет в письме из Соловецкого лагеря от 2 апреля 1937 г. [Флоренский 1994–1999, 1: 136].

О. Павел Флоренский, не провозглашая программы обновления Церкви, вместе с тем, своей деятельностью и трудами в сфере религиозно-философской проблематики подготовил смысловую, понятийную, мощную базу для ее обновления. Он стал одним из церковных интеллектуалов, которые обогатили богословие и русскую философию, вернув ему полноту космологии средневековья. Много людей, читая труды священника, открывшего путь действий Бога в мире и путь святой жизни русских подвижников, приходили к осознанию религиозной жизни на ее церковной основе. Вдохновленные люди продолжают приходить в Церковь в XXI в., рассматривая ее бытие и ее красоту глазами священника Павла Флоренского.

Список литературы

- Антоний (Храповицкий), архиеп. Избранные труды, письма, материалы. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. 941 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. United Bible Societies, 1991. 1371 с.
- Бердяев Н.А. Собр. соч. Т. 3. Типы религиозной мысли в России. Paris: YMCA-press, 1989. 714 с.
- Бонецкая Н.К. П.А. Флоренский и новое религиозное сознание // Вестник русского христианского движения. 1991. № 160. С. 90–113.
- Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. Москва: Правда, 1991. С. 31–72.
- Зернов Н. Русское религиозное возрождение XX века: пер. с англ. Paris: YMCA-press, 1991. 367 с.
- Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли. Т. 2: XX век. Германия: Посев, 1981. 231 с.
- Лосский Н.О. История русской философии. Москва: Прогресс, 1994. 456 с.
- Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие. Москва: Мир, 1966. 352 с.
- Паришин А.Н. Наука и религия во взглядах П.А. Флоренского // Вестник русского христианского движения. 1991. № 160. С. 113–140.
- Преподобный Серафим Саровский в воспоминаниях современников. Москва: Ковчег, 2006. 415 с.
- Семиотика // Кибернетику – на службу коммунизму: сб. ст. Москва: Энергия, 1967. Т. 5. С. 370–405.
- Спасовский М.М. В.В. Розанов в последние годы своей жизни: Среди неопублик. писем и рукописей. Берлин: Рус. нац. изд-во, 1935. 83 с.
- Флоренский П.А. Собр. соч.: в 4 т. Москва: Мысль, 1994–1999.
- Флоренский П., свящ. Столп и утверждение Истины. Москва: Путь, 1914. 814 с.
- Фудель С.И. Наследство Достоевского. Собр. соч. Т. 3. М.: Русский путь, 2005. 335 с.
- Уделов (Фудель С.И.). Об о. Павле Флоренском. Париж, YMCA-Press, 1970. 133 с.

References

- Antonii (Khrapovitskii), arkhiep. *Izbrannye trudy, pis'ma, materialy* [Selected works, letters, materials]. Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet Publ., 2007, 941 p. (In Russ.)
- Bibliia. Knigi Sviashchennogo Pisaniia Vetkhogo i Novogo Zvetaa* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. United Bible Societies, 1991, 1371 p. (In Russ.)
- Berdiaev N.A. *Sobr. soch. T. 3. Tipy religioznoi mysli v Rossii* [Sobr. op. Vol. 3. Types of religious thought in Russia]. Paris, YMCA-press Publ., 1989, 714 p. (In Russ.)
- Bonetskaia N.K. *P.A. Florenskii i novoe religioznoe soznanie* [P.A. Florensky and the New Religious Consciousness]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniia* [Bulletin of the Russian Christian Movement], 1991, № 160, pp. 90-113. (In Russ.)
- Bulgakov S.N. *Geroizm i podvizhnichestvo* [Heroism and asceticism]. *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depth]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 31-72. (In Russ.)
- Florenskii P.A. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Sobr. op.: in 4 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1994-1999. (In Russ.)
- Florenskii P. *Sviashch. Stolp i utverzhdenie Istiny* [Pillar and ground of Truth]. Moscow, Put' Publ., 1914, 814 p. (In Russ.)
- Fudel' S.I. *Nasledstvo Dostoevskogo. Sobr. soch. T 3* [Dostoevsky's legacy. Sobr. op. Vol.3]. Moscow, Russkii put' Publ., 2005, 335 p. (In Russ.)
- Levitskii S.A. *Ocherki po istorii russkoi filosofskoi i obshchestvennoi mysli. T. 2: XX vek* [Essays on the history of Russian philosophical and social thought. T. 2: XX century]. Germaniia, Posev Publ., 1981, 231 p. (In Russ.)
- Losskii N.O. *Istoriia russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow, Progress Publ., 1994, 456 p. (In Russ.)
- Mol' A. *Teoriia informatsii i esteticheskoe vospriiatie* [Information Theory and Aesthetic Perception]. Moscow, Mir Publ., 1966, 352 p. (In Russ.)
- Parshin A.N. *Nauka i religiia vo vzgliadakh P.A. Florenskogo* [Science and religion in the views of P.A. Florensky]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniia* [Bulletin of the Russian Christian Movement], 1991, № 160, pp. 113-140. (In Russ.)
- Prepodobnyi Serafim Sarovskii v vospominaniakh sovremennikov* [Reverend Seraphim of Sarov in the memoirs of contemporaries]. Moscow, Kovcheg Publ., 2006, 415 p. (In Russ.)

Semiotika [Semiotics]. *Kibernetiku – na sluzhbe kommunizmu* [Cybernetics – in the service of communism]. Moscow, Energiia Publ., 1967, vol. 5, pp. 370-405. (In Russ.)

Spasovskii M.M. *V.V. Rozanov v poslednie gody svoei zhizni: Sredi neopublik. pisem i rukopisei* [V.V. Rozanov in the last years of his life: Among the unpublished letters and manuscripts]. Berlin, Rus. nats. izd-vo Publ., 1935, 83 p. (In Russ.)

Udelov (Fudel' S.I.). *Ob o. Pavle Florenskom* [About about. Pavel Florensky]. Parizh, YMCA-Press Publ., 1970, 133 p. (In Russ.)

Zernov N. *Russkoe religioznoe vrozozhdenie XX veka, per. s angl.* [Russian religious revival of the XX century, trans. from English]. Paris, YMCA-press Publ., 1991, 367 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 11.11.2022; одобрена после рецензирования 06.02.2023; принята к публикации 08.02.2023.

The article was submitted 11.11.2022; approved after reviewing 06.02.2023; accepted for publication 08.02.2023.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 68–72. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 68–72. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09“19”

EDN DFJZMO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-68-72>

ПЕРЕПИСКА Л.Н. ТОЛСТОГО И Н.А. НЕКРАСОВА: О ПЕРВОМ И ЗНАКОВОМ НЕПОНИМАНИИ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

Андреева Валерия Геннадьевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. В статье рассматривается переписка Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова, особое внимание уделяется первым конфликтам и непониманиям, которые возникли между корреспондентами и во многом были вызваны разницей в их литературном опыте, их отношении к издательскому процессу. Последовательно анализируя послания Толстого и Некрасова, написанные ими еще до личного знакомства, автор статьи констатирует, что, несмотря на признание таланта молодого и нового автора журнала, главный редактор на первых порах относился к нему не просто достаточно спокойно, но допускал в письмах слишком непринужденное и в некоторой степени равнодушное отношение. Прецедентом невнимания Некрасова является тот факт, что Толстому в течение долгого времени не высылался выпуск журнала с его первым произведением. В статье рассматривается непонимание корреспондентов, связанное с возможными сокращениями, изменениями и добавлениями, которые делались не только редакцией журнала, но и цензорами.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов, переписка, адресат, неотправленные письма, «Современник», главный редактор, издательская работа, цензура, сокращения текста, читатели.

Благодарности. Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661 «Переписка Л.Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами. 1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

Для цитирования: Андреева В.Г. Переписка Л.Н. Толстого и Н.А. Некрасова: о первом и знаковом непонимании корреспондентов // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 68–72. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-68-72>

Research Article

CORRESPONDENCE BETWEEN LEO TOLSTOY AND NIKOLAY NEKRASOV: ON THE CORRESPONDENTS' FIRST AND SIGNIFICANT MISUNDERSTANDING

Valeria G. Andreeva, Doctor of Philological Sciences, Leading Research Fellow, A.M. Gorky institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article deals with the correspondence of Leo Tolstoy and Nikolay Nekrasov with special attention paid to the first arguments and misunderstandings that had arisen between the correspondents mainly due to the difference in their literary experience, and attitude to the publishing process. Consistently analysing the messages of Leo Tolstoy and Nikolay Nekrasov, that had been written by them even before they met personally, the author of the article states that, despite the recognition of the of the new young magazine author's talent, the editor-in-chief at first treated him not only quite calmly, but allowed himself too easy and somewhat indifferent attitude. The precedent of Nikolay Nekrasov's inattention is the fact that for a long time the issue of the magazine with his first work was not sent to Leo Tolstoy. The article discusses the correspondents' misunderstanding associated with possible reductions, changes and additions made not only by the editors of the journal, but also by the censors.

Keywords: Leo Tolstoy, Nikolay Nekrasov, correspondence, addressee, unsent letters, Sovremennik («The Contemporary») magazine, editor-in-chief, publishing work, censorship, text abbreviations, readers.

Acknowledgments. This work was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project no. 23-28-00661 “Leo Tolstoy's correspondence with Russian writers, writers and publicists. The 1860s”, <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

For citation: Andreeva V.G. Correspondence between Leo Tolstoy and Nikolay Nekrasov: on the correspondents' first and significant misunderstanding. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 68–72. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-68-72>

В толстоведении уже давно отмечена и признана огромная роль, которую в судьбе Толстого как начинающего писателя сыграл Н.А. Некрасов, увидевший в авторе присланного ему произведения «Детство» будущего большого писателя и оперативно опубликовавшего повесть в своем журнале «Современник». А.А. Нестеренко отмечает, что «Н.А. Некрасов считается “литературным крестным отцом” Толстого», что «это он, Некрасов, мужественно деливший себя между литературой и журналистикой, прозорливо угадал в человеке, скрывшемся за инициалами “Л.Н.Т.”, писателя “правды, которой со смертью Гоголя так мало осталось в русской литературе”» [Нестеренко: 131]. Разумеется, необходимо отметить и смелость, настойчивость и избирательность Толстого, который обратился с письмом к редактору одного из самых лучших и известных журналов в России того времени. М.И. Щербакова пишет, что в первом письме Толстого, адресованном Некрасову, логично совмещались полюсные состояния: «... в тоне молодого автора звучала неуверенность, было заметно тревожное ожидание оценки его труда, при этом – полная ответственность за каждое слово...» [Щербакова: 93].

Между тем, описывая взаимоотношения Толстого и Некрасова, которые сначала развивались только в переписке, часто цитируя полностью первые письма обоих корреспондентов, исследователи не уделяют должного внимания важным мелочам и акцентам в этих письмах. Послания корреспондентов не только позволяют оценить развитие их делового и дружеского общения, но прекрасно передают сложность их натур, показывают первостепенное внимание Толстого и Некрасова к собственным делам, которые нередко заслоняли от них особенности поведения друг друга. Целью данной статьи является анализ первых столкновений и непониманий между Толстым и Некрасовым, присутствующих в их переписке и во многом вызванных разницей в литературном опыте корреспондентов, их отношении к издательскому процессу.

В переписке Толстого с различными корреспондентами (писателями, публицистами, литераторами) особенное внимание необходимо уделять тем письмам Толстого, которые были написаны, но не отправлены адресату по причине их резкости или категоричности. Несмотря на тот факт, что часто отношения между корреспондентами продолжались далее, были искренними и дружескими, Толстой, по всей видимости, уже не мог «вычеркнуть» для себя прежних обид и несправедливостей, подтверждаемых его горячими неотправленными посланиями. Последние, по нашим наблюдениям, имеют в переписке Толстого с разными адресатами знаковый характер – по ним можно судить о конфликтах, их основаниях и путях их преодоления.

В задачи данной статьи входит аналитическое объяснение разницы представлений Толстого и Некрасова о редакторской, издательской работе и действиях цензуры в 1850–60-е гг. Г.В. Жирков справедливо отмечает, что «опыт общения Толстого с редакцией “Современника” особенно интересен для понимания характера взаимодействия начинающего писателя с издателями, невольно выступавшими тогда в роли критиков и добровольных цензоров мало знакомого им сочинителя, о чем свидетельствует переписка» [Жирков: 278].

Свое первое письмо Толстой написал Некрасову 3 июля 1852 г. Л.Д. Громова-Опульская отметила, что «вполне официальный тон и неуверенность в успехе соединились в этом обращении к “опытному и добросовестному редактору”, каким был для Толстого Некрасов, с чувством авторского достоинства» [Громова-Опульская: 395]. Однако комментаторы до сих пор не уделяли внимания важной фразе в письме Толстого, различное понимание которой автора и редактора и вызвало в дальнейшем проблемы. Толстой писал: «Я вперед соглашаюсь на *все сокращения*, которые вы найдете нужным сделать в ней, но желаю, чтобы она была напечатана без *прибавлений и перемен*» (курсив мой. – В. А.) [Толстой 59: 193].

Некрасов ответил Толстому даже не одним, а двумя письмами: от середины августа 1852 г. (датируется по записи в дневнике Л.Н. Толстого от 29 августа 1852 г.: «Получил письмо из Петербурга от Иславина... и от редактора, которое обрадовало меня до глупости» [Толстой 46: 140]) и от 5 сентября 1852 г. В первом письме чувствуется особенная осторожность Некрасова, который сначала предполагает наличие в авторе таланта, но упоминая про его фамилию (которой не было ни в письме, ни в рукописи, подписанной инициалами) оговаривается: «...если только Вы не случайный гость в литературе...» [Некрасов 14, 1: 165]. Во втором письме Некрасов уточняет свое представление о рукописи Толстого, обосновывая это тем, что изучение произведения в корректуре продуктивнее, чем в «слепой написанной рукописи» [Некрасов 14, 1: 166]. Но важнее всего нам в контексте данной статьи *два момента*: обещание Некрасова отправить книжку журнала «Современник» Толстому на его почтовый адрес и краткое указание на сокращения в тексте: «Из нее кое-что *исключено* (немного, впрочем)... Не *прибавлено* ничего» (курсив мой. – В. А.) [Некрасов 14, 1: 166]. Не случайно сразу же после этой фразы Некрасов оговаривается о собственной занятости: на самом деле, вопрос сокращений и изменений в повести требовал большего внимания.

Е.В. Николаева и А.А. Щербина отмечают, что до личного знакомства, состоявшегося в ноябре 1855 г., переписка между Толстым и Некрасовым «относилась к разряду деловой»: «Правила этике-

та подразумевали формальную композицию писем с использованием определенных устойчивых обрамлений. Общий тон писем Толстого сдержанно-почтительный, официальный, тогда как у Некрасова непринужденно-вежливый, что обусловлено положением корреспондентов» [Николаева: 22]. Анализ писем Некрасова показывает, что, несмотря на признание таланта молодого и нового автора журнала, главный редактор на первых порах относился к Толстому не просто достаточно спокойно, но допускал в письмах даже слишком непринужденное и в некоторой степени равнодушное отношение.

Так, в послании от 30 октября 1852 г. Некрасов, забывший отправить выпуск журнала Толстому, писал: «Я хотел выслать Вам IX № “Современника”, но, к сожалению, забыл распорядиться, чтобы отпечатали лишний, а у нас весь журнал за этот год в расходе. Впрочем, если Вам нужно, я могу выслать Вам один или два оттиска одной Вашей повести, набрав из дефектов» [Некрасов 14, 1: 169]. Согласно редакционным пояснениям, данным Некрасовым и Панаевым в начале 1852 г., журнал «Современник» должен был выходить «в том же объеме» и «с сохранением той же самой наружности», что и в предыдущие годы. В одном из объявлений редакции говорилось о рассылке журналов и возможности повторной отправки выпуска журнала подписчику, по какой-либо причине не получившему книжку. Насколько можно судить по словам Некрасова, искать номер журнала для Толстого (отнюдь не рядового подписчика) он был не готов, при этом упоминание про набор журнала из дефектов выглядело, конечно, обидным для молодого автора – это ведь было его первое художественное произведение.

В связи с неполучением выпуска журнала Толстой прочитал свою повесть только в конце октября и записал в дневнике 31 октября 1852 г.: «Прочел свою повесть, изуродованную до крайности» [Толстой 48: 148]. Примечательно, что в последующие несколько дней Толстой в дневнике ничего не пишет о «Детстве», сообщая об охоте, а также о поездках верхом, состоянии грусти. Только 8 ноября Толстой написал Некрасову. В дневнике сообщение об этом послании объясняется попыткой успокоиться – изменения, внесенные в «Детство», очень расстроили Толстого: «Написал письмо редактору, которое успокоило меня, но которое не пошло» [Толстой 46: 148]. Эта редакция неотправленного письма не сохранилась. 17 ноября Толстой написал еще одно письмо Некрасову, но вновь не отправил его: «Еще раз писал письма Дьякову и Редактору, которые опять не пошло. Редактору слишком жестко» [Толстой 46: 149]. Однако Толстой приложил собственное неотправленное послание к Некрасову к письму брату С.Н. Толстому, благодаря чему мы сейчас располагаем этим текстом.

Нам важен тот факт, что Толстой обвиняет Некрасова, сопоставляя его действия редактора с теми изменениями, на которые был согласен в первом письме сам автор. Если следовать *формальному соблюдению установки*, данной Толстым редактору в первом письме, то получается, что не правы были оба. Толстой зря возмущался по поводу сокращений – выпущенные места формально как бы оказывались им одобренными (ведь он разрешал делать сокращения). Однако Толстой просил избегать прибавлений и перемен: и в публикации повести он нашел немало странных и неуместных изменений – в этом видится отхождение от просьбы Толстого уже главного редактора журнала.

Л.Д. Громова-Опульская отмечает, что в первой опубликованной повести Толстого «редакторских изменений и цензурных искажений было не так уж много, но Толстой относился к своему первому созданию с особенной ревностью» [Громова: 396–397]. Широко известно, что одна из основных перемен, поразившая и расстроившая Толстого, касалась изменения заглавия: вместо «Детства» Некрасов назвал повесть «История моего детства». В толстоведении утвердилось справедливое мнение, что перемена Некрасовым заглавия была сделана в связи с процветавшим тогда в беллетристике автобиографическим жанром. А.М. Зверев показывает, что при действительной ориентации Некрасова на запросы публики (редактору важно было внимание и интерес аудитории) ситуация с повестью была непростой. С одной стороны, Толстой предполагал «вовсе не перелистывание давних страниц собственной жизни, а аналитику собственного эмоционального и душевного состояния» [Зверев: 81]. Но обратим внимание – аналитика эта тоже была толстовской, а материалом для нее выступал исключительно личный опыт: «На деле было сложное соединение автобиографии, вымысла и отзвуков чужих историй, которые в силу разных причин особенно запомнились начинающему писателю» [Зверев: 82].

По сути дела, выбранное Некрасовым иное название дало основание для многочисленных споров и рассуждений литературоведов. Так, И. Нагинская на основании наблюдений за наименованием первой повести Толстого и указанием на ее жанр считает, что «Толстой уже в 1852 г. был раздвоенной фигурой и что дуализм Толстого проявляется уже в “Детстве”». «...» Хотя в дневнике он называет свой текст “рассказом моего детства”, в письме к Некрасову он настаивает на том, что это роман. Он разделяет себя на героя и автора. Несмотря на популярность воспоминаний о детстве, о которых он хорошо знает, он настаивает на том, что его собственное детство не представляет интереса для читателей» [Naginski: 192].

Кроме того, Толстой был возмущен выпуском из повести всей истории Наталья Савишны, «обрисовывавшей ее, быт старого времени и придавав-

шей важность и человечность этому лицу» [Толстой 59: 211]. По всей видимости, Толстой предполагал, что это изъятие истории крестьянки осуществлено редакцией, а не правительственной цензурой. Однако отношение Некрасова и Толстого к народу, его тяжелому положению было очень близким, оба они отмечали тяжесть и безысходность крестьянской жизни, которая часто была лишена даже базовых социальных основ жизни, таких как медицинская помощь [Христенко, Красовская]. Оба показывали, что в нечеловеческих условиях, в ситуациях выживания, игнорирования человеческого достоинства крестьяне часто смирялись, терпеливо выносили все прихоти помещиков.

Интересно, что возмущение Толстого по поводу сокращений своей первой повести было реализовано в письме Некрасову в виде метафоры о неудачной стрижке ребенка: «Но мое дитя и было не очень красиво, а его еще окорнали и изуродовали» [Толстой 59: 212]. Факт того, что Толстой понял и заметил свою ошибку – разрешение редактору внесения сокращений – подтверждается последующими письмами автора. В письме от 27 ноября 1852 г., не посылая Некрасову какого-либо текста, Толстой заранее предупреждал и просил относительно будущего писания – «не изменять в нем ровно ничего» [Толстой 59: 214]. А 26 декабря 1852 г., посылая Некрасову рассказ «Набег», Толстой повторял: «...будьте так добры, исполните следующие мои просьбы: не выпускайте, не прибавляйте, и главное, не переменяйте в нем ничего» [Толстой 59: 221].

На первых порах работы с Некрасовыми Толстой, конечно, еще не мог понять того факта, что большинство сокращений в его произведениях делалось по воле цензоров, а не редакции. От письма к письму Толстой начинает усиливать требования по обращению со своими рукописями. И.В. Петровицкая точно заметила, что «из переписки Толстого видно, насколько большое значение Толстой придавал тону изложения материала» [Петровицкая: 37]. Игнорирование Некрасовым его пожеланий привело к тому, что свои пожелания о невнесении изменений в произведения Толстого в письме от 17 сентября 1853 г. дает в форме условия публикации: «...поэтому в третий раз повторяю условие, которое я полагаю для напечатания – оставление ее в совершенно том виде, в котором она есть» [Толстой 59: 246].

Дальнейшее знакомство Толстого с деятельностью цензоров, работа по корректировке собственных произведений позволили писателю оценить сложность издательского процесса и осознать те трудности, с которыми сталкивался Некрасов, а значит, во многом оставить в прошлом недоумения по поводу многочисленных правок. Вместе с тем Некрасов, по всей видимости, тоже переживал по поводу некоторого собственного невнимания к Толстому, связанного с от-

правкой журналов, расстроившими писателя многочисленными правками. Некрасов был нагружен огромным количеством редакционных дел, но в этой череде хлопот он стал внимательнее относиться к Толстому. Как показывает переписка, это касалось не только учета фактов и просьб молодого писателя, но и попыток не огорчить его. Главный редактор журнала «Современник» был хорошим психологом. Так, в письме от 6 февраля 1854 г. Некрасов в основном перечисляет свои замечания, касающиеся присланных ему Толстым «Записок маркера» – вещи, которую он считал слабой. Однако он пишет о недостатках произведения аккуратно, при этом извиняется за грубость, благодарит за доверие, хвалит прошлые работы Толстого.

Знаковым является и послесловие к указанному письму: «P. S. Если Вы заглядываете в “Современник” (начиная с XII книги включительно), то можете заметить, что теперь Ваши произведения не подвергнуты таким изменениям по цензуре, каким подвергались прежде» [Некрасов 14, 1: 186]. По всей видимости, перед нами ошибка Некрасова, связанная с усталостью и значительным потоком материалов: в 12-м выпуске журнала «Современник» за 1853 г. произведений Л.Н. Толстого нет: после № 3 за 1853 г., где появился «Набег», в «Современнике» № 10 за 1854 г. была опубликована повесть «Отрочество». Зато в № 12 журнала за 1853 г. опубликованы «Три возраста» Ф.М. Толстого – (Феофил Матвеевич Толстой (1809–1881) – русский музыкальный критик, композитор и писатель).

Таким образом, можно утверждать, что в переписке Толстого и Некрасова, прежде чем она вышла к определенному уровню доверия и душевного общения пишущих, встретилось немало спорных моментов, противоречий и возмущений, которые были связаны не с человеческим непониманием корреспондентов, но с профессиональной загруженностью Некрасова, не всегда готового подходить к произведениям Толстого и самому автору с особыми мерками, а также с настойчивостью и упорством молодого Толстого.

Список литературы

- Белоусова Е.В.* Нравственное влияние Н.Н. Толстого на младшего брата (по материалам дневника и переписки Л.Н. Толстого) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 5–13.
- Громова-Опуйская Л.Д.* Комментарии // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 100 т. Художественные произведения: в 18 т. Москва: Наука. Т. 1. 2000. С. 373–491.
- Жирков Г.В.* Л.Н. Толстой и его издатели: особенности взаимодействия автора и предпринимателя // Материалы научных сессий 2019 года в Государственном музее Л.Н. Толстого. Москва: РГ-Пресс, 2020. С. 274–291.

Некрасов Н.А. Полн. собр. сочинений и писем: в 15 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом). Ленинград: Наука, 1981–2000.

Нестеренко А.А. Н.А. Некрасов и Л.Н. Толстой (опыт анализа творческой переключки поэта и прозаика) // Ученые записки УО ВГУ им. П.М. Машерова. 2008. Т. 7. С. 131–147.

Николаева Е.В., Щербинина А.А. Жанровые формы эпистолярных диалогов Л.Н. Толстого с литераторами 1850–1870-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 12. С. 21–27.

Петровицкая И.В. Переписка Льва Толстого с писателями, журналистами, издателями // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2012. № 2. С. 21–40.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва: Худ. лит., 1928–1958.

Цявловский М.А. История печатания «Детства» в «Современнике» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 1. Москва: Худ. лит., 1928. С. 328–337.

Христенко Д.Н., Красовская Ю.В. Коллективизация и становление системы здравоохранения на селе // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 200–204. <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-14215>

Щербак М.И. Редакторское предвидение: Н.А. Некрасов, Л.Н. Толстой, Н.Н. Страхов // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т. 27, № 2. С. 91–95. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-91-95>

Naginski Isabelle. “Tolstoy’s ‘Childhood’: Literary Apprenticeship and Autobiographical Obsession.” *Ulbandus Review*, vol. 2, No. 2, 1982, pp. 191–208.

References

Belousova E.V. *Nravstvennoe vliianie N.N. Tolstogo na mladshego brata (po materialam dnevnika i perepiski L.N. Tolstogo)* [The moral influence of N.N. Tolstoy on his younger brother (based on the materials of the diary and correspondence of L.N. Tolstoy)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University], 2016, № 409, pp. 5–13. (In Russ.)

Gromova-Opul'skaia L.D. *Kommentarii* [Comments]. Tolstoy L.N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 100 t. Khudozhestvennyye proizvedeniia: v 18 t.* [Complete works: in 100 vols. Artistic works: in 18 vols.]. Moscow, Nauka Publ., vol. 1, 2000, pp. 373–491. (In Russ.)

Khristenko D.N., Krasovskaia Iu.V. *Kollektivizatsiia i stanovlenie sistemy zdравookhraneniia na sele* [Collectivization and public health system formation in Rural Russia]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Journal of Science], 2019, vol. 8, № 4 (29), pp. 200–204. <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-14215> (In Russ.)

Nekrasov N.A. *Poln. sobr. sochinenii i pisem: v 15 t.* [Complete works: in 15 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)

Nesterenko A.A. *N.A. Nekrasov i L.N. Tolstoy (opyt analiza tvorcheskoi pereklichki poeta i prozaika)* [Nekrasov and L.N. Tolstoy (the experience of analyzing the creative roll call of a poet and a prose writer)]. *Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova* [Uchenye zapiski UO VGU im. P.M. Masherova], 2008, vol. 7, pp. 131–147. (In Russ.)

Nikolaeva E.V., Shcherbinina A.A. *Zhanrovyye formy epistolarnykh dialogov L.N. Tolstogo s literatorami 1850–1870-kh godov* [Genre Forms of L.N. Tolstoy’s Epistolary Dialogues with Writers of the 1850s–1870s]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2019, vol. 12, № 12, pp. 21–27. (In Russ.)

Petrovitskaia I.V. *Perepiska L'va Tolstogo s pisateliami, zhurnalistami, izdateliiami* [Correspondence of Leo Tolstoy with writers, journalists, publishers]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika* [Moscow University Bulletin. Ser.: Journalism], 2012, № 2, pp. 21–40. (In Russ.)

Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch.: v 90 t.* [Complete works: in 90 vols.]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1928–1958. (In Russ.)

Tsiavlovskii M.A. *Istoriia pechataniia “Detstva” v “Sovremennike”* [The history of printing “Childhood” in “Sovremennik”]. *Tolstoy L.N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. T. 1.* [Complete works: in 90 vols., vol. 1]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1928, pp. 328–337. (In Russ.)

Shcherbakova M.I. *Redaktorskoe predvidenie: N.A. Nekrasov, L.N. Tolstoy, N.N. Strakhov* [Editorial foresight: N.A. Nekrasov, L.N. Tolstoy, N.N. Strakhov]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Kostroma State University], 2021, vol. 27, № 2, pp. 91–95. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2021-27-2-91-95> (In Russ.)

Zhirkov G.V. *L.N. Tolstoy i ego izdateli: osobennosti vzaimodeistviia avtora i predprinimatelia* [Tolstoy and his publishers: features of interaction between the author and the entrepreneur]: *materialy nauch. sessii 2019 goda v Gosudarstvennom muzee L.N. Tolstogo* [Materials of scientific sessions of 2019 at the State Museum of L.N. Tolstoy]. Moscow, RG-Press Publ., 2020, pp. 274–291. (In Russ.)

Naginski Isabelle. *Tolstoy’s “Childhood”: Literary Apprenticeship and Autobiographical Obsession* [Tolstoy’s “Childhood”: Literary Apprenticeship and Autobiographical Obsession]. *Ulbandus Review*, vol. 2, No. 2, 1982, pp. 191–208.

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 73–80. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 73–80. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09”20”

EDN YKQQAV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-73-80>

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА САДА В ПОЭТИЧЕСКОМ СБОРНИКЕ Г.В. ИВАНОВА «ОТПЛЫТЬ НА О. ЦИТЕРУ» (1911)

Коптелова Наталия Геннадьевна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, nkoptelova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация образа сада, представленная в первом поэтическом сборнике Г.В. Иванова «Отплыть на о. Цитеру». Доказывается, что в контексте этого художественного единства архетип сада является сквозным символом и выступает как одна из его аксиологических доминант. Показывается, что семантика и поэтика образа сада у Иванова весьма многогранна и мотивируется авторским диалогом с литературной и мифологической античной традицией, преломлённой сквозь влияние на поэта творчества А. Ватто, К. Сомова, А. Бенуа, П. Верлена, И. Анненского, М. Кузмина, Игоря Северянина, Ф. Сологуба. В статье отмечается, что в структуру образа сада, созданного в дебютном ивановском сборнике, входят и наследованный из восточнославянской мифологии архетип Водяного, и апокалиптический символ «кровавой луны». Для семантического наполнения образа сада весьма важен мотив истомы (томления), часто встречающийся в лирике поэтов рубежа веков (Анненского, Сологуба, Кузмина, Гумилёва). Смысловая эволюция архетипа сада репрезентирует значимую для поэта идею пути, ключевую для художественного сознания не только авторов Серебряного века, но и для русской литературы в целом. Живаясь во время и пространство разных и вместе с тем в чём-то схожих «садов», Иванов намечает вектор собственного творческого развития, предсказывает движение к сборнику «Сады». Он очерчивает концепцию «странствий» по разным мифологиям и культурам, актуальную как для эстетики русских символистов, так и акмеистов.

Ключевые слова: Г.В. Иванов, образ сада, архетип, мотив, символ, интерпретация, поэтика, смысловое наполнение, эволюция.

Для цитирования: Коптелова Н.Г. Интерпретация образа сада в поэтическом сборнике Г.В. Иванова «Отплыть на о. Цитеру» (1911) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 73–80. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-73-80>

Research Article

INTERPRETATION OF THE IMAGE OF GARDEN IN THE COLLECTION OF POEMS “EMBARCATION FOR CYTHERA” BY GEORGY IVANOV (1911)

Natalya G. Koptelova, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, nkoptelova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>

Abstract. The article describes the interpretation of the image of garden, presented in the first collection of poems “Embarcation for Cythera” by Georgy Ivanov. It is proved that in the context of this artistic unity, the garden archetype is a cross-cutting symbol and acts as one of its axiological dominants. It is shown that the semantics and poetics of Georgy Ivanov’s image of a garden is very multifaceted and is motivated by the author’s dialogue with the literary and mythological ancient tradition, refracted through the influence on the poet of the works by Antoine Watteau, Konstantin Somov, Alexandre Benoîs, Paul-Marie Verlaine, Innokenty Annensky, Mikhail Kuzmin, Igor Severyanin, Fyodor Sologub. The article notes that the structure of the image of the garden, created in the debut collection of Georgy Ivanov, includes both the archetype of the Water, inherited from East Slavic mythology, and the apocalyptic symbol of the “bloody moon”. For the semantic filling of the image of garden the motif of languor (tenderness), often found in the lyrics of poets of the turn of the century (I. Annensky, F. Sologub, M. Kuzmin, Nikolai Gumilyov), is of great importance. The semantic evolution of the garden archetype represents the idea of the path, which is significant for the examined poet, which is key for the artistic consciousness of not only the authors of the Fin de Siècle, but also for Russian literature as a whole. Getting used to the time and space of different and at the same time somewhat similar “gardens”, Georgy Ivanov outlines the vector of his own creative development, predicts the movement towards the collection “Gardens”. He outlines the concept of “wanderings” through different mythologies and cultures, which is relevant both for the aesthetics of Russian symbolists and acmeists.

Keywords: Georgy Ivanov, garden image, archetype, motif, symbol, interpretation, poetics, semantic content, evolution

For citation: Koptelova N.G. Interpretation of the image of garden in the collection of poems “Embarcation for Cythera” by Georgy Ivanov (1911). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 73–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-73-80>

Общепризнанно, что образ сада является универсалией, константой мировой художественной культуры (Д.С. Лихачёв [Лихачёв], Т.В. Цивьян [Цивьян], К.А. Нагина [Нагина]). Архетип сада широко представлен и в русской поэзии. Об этом многократно писали отечественные исследователи (В.Н. Топоров [Топоров], А.Г. Разумовская [Разумовская 2014], Н.Е. Тропкина, Н.Е. Рябцева [Тропкина, Рябцева], Е.В. Невзглядова [Невзглядова] и др.).

Образ сада осваивает и активно использует в своей лирике и Г.В. Иванов, что не раз отмечали в своих работах такие критики и литературоведы, как В.П. Крейд [Крейд: 238–245], Е.Л. Якунова [Якунова: 17–20], Т.Г. Данилович [Данилович: 208]. Вопрос о разработке темы садов и парков в лирике Иванова стал предметом специального изучения в статье А.Г. Разумовской [Разумовская 2008]. Он также затрагивался и в монографии этого автора [Разумовская 2014: 107, 135, 136, 152, 182, 242, 244], пытавшегося выстроить и охарактеризовать парадигму русской лирики XX века, построенную на осмыслении архетипа сада разными поэтами этого периода. Однако в работах Разумовской сделан акцент главным образом на такой художественной репрезентации образа сада в поэзии Иванова, как сады Петербурга и его пригородов, в то время как символ сада в ивановской лирике реализуется в самых разнообразных творческих проекциях. Таким образом, в полной мере ещё не описан широчайший семантический диапазон, определивший в контексте творчества Иванова многочисленные варианты интерпретации образа сада. Не выявлены вполне его художественные функции и логика эволюции. В данной статье мы рассмотрим интерпретацию архетипа сада, представленную в первом поэтическом сборнике Иванова «Отплыть на о. Цитеру» (1911), в котором наметились многие векторы его дальнейшего творческого развития.

В истолковании образа сада, предложенном в дебютном лирическом сборнике Иванова, значимую роль играет античный код, преломлённый сквозь призм художественного мира французского живописца Антуана Ватто, ставшего для поэта предметом постоянной творческой рефлексии. По словам Т.В. Цивьян, в античной лирике тема сада «накладывается чаще всего на темы весеннего пробуждения и осеннего умирания природы, на темы любви и любовного свидания, уединённого мечтания и т. п.» [Цивьян: 147]. Аналогичный подход к истолкованию символа сада, генетически восходящий к античной традиции, реализуется затем в живописи «миriskусников»

К.А. Сомова и А.Н. Бенуа, а также в лирике М.А. Кузмина и Игоря Северянина. В поле притяжения именно этих авторов во многом и формируются семантика и поэтика ивановского образа сада, созданного в сборнике «Отплыть на о. Цитеру».

Импрессионистическая зарисовка сада возникает уже во втором стихотворении ивановского сборника, названном «Сонет-послание». Оно обращено к соратнику по эго-футуризму Игорю Северянину и построено во многом на стилизации поэзии адресата. Стихотворение Иванова наполнено северянскими интонациями, парадоксально сплавающими сентиментальность и иронию:

Я долго ждал послания от Вас,
Но нет его и я тоской изранен.
Зачем Вы смолкли, Игорь Северянин,
Там в городе, где гам и звон кирас?

Ночь надо мной струит золотой экстаз,
Дрожит во мгле неверный лук Дианин...
Ах, мир ночной загадочен и странен,
И кажется, что твердь с землей слилась.

Звучит вдали Шопеновское скерцо,
В томительной разлуке тонет сердце,
Лист падает и близится зима.

Уж нет ни роз, ни ландышей, ни лилий;
Я здесь грущу, и Вы меня забыли...
Пишите же, – я жду от Вас письма!

[Иванов: 116].

Образный строй этого произведения, подобно многим стихотворениям Северянина, «инкрустирован» мифологической ассоциацией (метонимия «неверный лук Дианин...»). Как и в северяннской лирике, здесь активно задействованы интермедийные элементы: живописные («ночь надо мной струит золотой экстаз», «дрожит во мгле», «лист падает») и музыкальные («звучит вдали Шопеновское скерцо») мотивы. При этом Иванов имитирует приём, характерный для античной лирики: он не использует непосредственно слово «сад», но создаёт нечто подобное ««садообразному» пейзажу» [Цивьян: 147]. Образ таинственного, ночного осеннего сада в данном поэтическом контексте создаётся опосредованно, с помощью фитосимволических деталей-намёков: упоминается о листопаде («лист падает»), об исчезнувших цветах, любимых как Северяниным, так и Ивановым «розах», «ландышах», «лилиях» [Иванов: 116].

Однако грустное элегическое настроение, навеянное опустевшим осенним садом и приметамы приближающейся зимы, запечатлённое в «Сонете-послании», преодолевается в стихотворении «Ранняя весна» (раздел «Любовное зеркало»). Там весеннее обновление земли, несущее прилив жизненных сил, ликования и восторга, передаётся через образ садов, наполненных ароматом цветущей черёмухи:

Зима все чаще делала промахи,
Незаметно растаяли снега и льды.
И вот уже радостно одеты сады
Пахучими цветами черёмухи

[Иванов: 117].

Примечательно, что здесь лексема «сад» уже используется во множественном числе, предсказывая название будущего сборника Иванова «Сады» (1921). Этот приём создаёт впечатление разомкнутого пространства, широкого простора, знаменующего победу весны над сковывающими землю силами зимы.

Во второй строфе панорамное видение сменяется экфрасисом, подчёркивающим крупный план лирического изображения, окрашенного лёгкой иронией: «В зелени грустит мраморный купидон / О том, что у него каменная плоть» [Иванов: 117]. Но тут же авторская интонация насмешки переходит в противоположный смысловой регистр: выражается искреннее любование и восхищение красотой юной девушки, радующейся приходу весны и олицетворяющей вечную тайну женственности: «Девушка к платью спешит приколоть / Полураспустившийся розовый бутон» [Иванов: 117].

В финале стихотворения «Ранняя весна» Иванов, позиционирующий себя ещё как эгофутурист, уже вполне по-акмеистски, как первый человек Адам, культ которого в своих эстетических исканиях манифестирует Н.С. Гумилёв [Грякалова: 119; Филатов], передаёт радость познания земного мира. Поэт темпераментно выплёскивает переполняющий его душу восторг, рождённый созерцанием цветущего сада:

Ах, ранняя весна, как мила мне ты!
Какая неожиданная радость для глаз:
Проснувшись утром, увидеть тотчас
Залитые веселым солнцем цветы

[Иванов: 117].

В «Сонете» Иванов, по-своему опираясь на творческий опыт К.А. Сомова и М.А. Кузмина, театрально выстраивает сцену любовного объяснения персонажей. Сначала поэт романтически сгущёнными красками рисует «декорацию», предельно ярко визуализирует фон происходящих событий. Через описание пространства Иванов словно останавливает прекрасное мгновение: поздний вечер, завораживающий ярким закатом солнца, переходит в гипнотизирующую картину ночи:

В залив, закатной кровью обгаренный,
Садилось солнце. Матовый кристалл
Луны оранжевой медлительно всплывал,
Дробясь и рдея в зыби вод бессонной

[Иванов: 119].

Далее автор, как умелый режиссёр-стилизовщик, тонко и остроумно пародируя галантный XVIII век, разворачивает действие, помогая читателю точными ремарками и воссоздавая реплики героя и героини:

Рукою опершись о пьедестал
Богини мраморной, с улыбкой благосклонной
Красавица внимала, как влюбленный
Слова признанья нежно ей шептал:

«Прелестней Вас в золотых полях едва ли
Аркадии божественной встречали
Или в садах счастливых гесперид!

Сладчайшие сулите Вы надежды»...
Она ж в ответ, склонив с усмешкой вежды:
«Тот часто лжив, кто складно говорит!»

[Иванов: 119].

Как и в стихотворении «Ранняя весна» («В зелени грустит мраморный купидон») [Иванов: 117], в «Сонете» упоминается и фрагментарно очерчивается пространство городского сада или парка, наполненного статуями античных богов и героев: «Рукою опершись о пьедестал / Богини мраморной...» [Иванов: 119].

Лексическая наполняемость текста «Сонета» пародийно отсылает к высокому «штилю» и мироощущению XVIII столетия. Гиперболизированная сентиментальность пронизывает «слова признанья» героя, обладающего пылким воображением и воспевающего женское очарование своей возлюбленной. Власть её красоты, по мнению лирического персонажа, затмевает чудеса, происходящие даже «в садах счастливых гесперид» [Иванов: 119]. Согласно мифологическим представлениям древних греков, нимфы Геспериды, дочери Ночи, живущие на крайнем западе, охраняют в своём саду (садах) золотые яблоки, дарующие вечную молодость [Тахо-Годи: 298–299].

Иванову удаётся создать в стихотворении иллюзию культурного многомирия. В итоге описанная сцена объяснения влюблённых прочитывается и как пребывание в XVIII веке, и как погружение в пространство античности, сознательное бегство на родину вечной красоты, радости и наслаждения, зашифрованное в названии сборника: «Отплыть на о. Цитеру». И в то же время – это своеобразный эскапизм, то есть артистичная, лукавая игра, иронично преобразующая реальность Петербурга начала XX века [Арьев: 505–506] и позволяющая уйти от скуки и обыденности современности. А упоминание о «золотых полях» «божественной Аркадии», про-

звучавшее в монологе влюблённого, сигнализирует не только о мире идиллии и гармонии, воспетом в «Буколиках» Вергилия и отозвавшимся в картинах А. Ватто. Вполне вероятно, что оно насмешливо намекает и на городской увеселительный сад с названием «Аркадия», весьма популярный в Петербурге в 1881–1914 годы. Стихотворение «Сонет» транслирует интонационную амбивалентность ивановской лирики и обогащает семантический спектр истолкования архетипа сада, предложенный Ивановым в его дебютном поэтическом сборнике.

Примечательно, что стихотворение «Весенние аккорды», вошедшее в раздел «Клавиши природы», диалогически соотносится с «Ранней весной». И в том и в другом произведении фигурирует образ именно весеннего сада. Но в «Ранней весне» сады, «залитые весёлым солнцем» [Иванов: 117], передают оптимистическое миропонимание, философскую идею неизбежного природного круговорота, означающего победу жизни над смертью. В «Весенних аккордах» представлен облик загадочного ночного сада, пронизанного пьянящим воздухом, объятого каким-то колдовским сном: «Склонились на клумбах тюльпаны, / Туманами воздух пропитан. / Мне кажется, будто бы спит он, / Истомой весеннею пьяный» [Иванов: 122]. Подобный поворот в интерпретации образа сада, как точно подмечает А.Ю. Арьев, во многом подкрепляется интертекстуальной ориентацией Иванова на строки стихотворения И.Ф. Анненского «Он и Я» [Арьев: 507], завершающего раздел «Складни» в сборнике «Кипарисовый ларец» (1910) (на него юный Иванов написал критическую рецензию): «Давно меж листьев налились, / Истомой розовой тюльпаны» [Анненский: 114].

Кроме того, стихотворение «Весенние аккорды» композиционно сцепляется и со стихотворением «Сонет». Таким образом, внутри структуры сборника образуются своеобразные поэтические диптихи, рожденные авторефлексией поэта. Смысловая перекличка данных стихотворений обеспечивается преемственным развитием образа таинственного ночного сада, освещённого луной. В поэтическом единстве, созданном Ивановым, часто встречающийся символ луны выполняет функцию художественной скрепы. В контексте сборника «Отплыть на о. Цитеру» образ луны не раз меняет свою семантику. Его интерпретация генетически связана со многими религиозно-мифологическими и литературными традициями. Смысловое ядро образа луны в ивановской трактовке определяется, прежде всего, воздействием поэтики романтизма и символизма. Особенно ощутимо влияние стихотворения П. Верлена «Лунный свет» [Арьев: 504], сквозь призму которого Иванов отчасти воспринимает и художественный мир А. Ватто («Луна взошла совсем как у Вэрлена...») [Иванов: 122].

В сборнике «Отплыть на о. Цитеру» Иванов активно обращается и к солярной мотивике. Но символ луны оказывается для поэта более важным и привлекательным именно потому, что заключает в себе идею «отражения», весьма значимую для его художественной философии творчества [Васильева]. Как поэт неоромантической природы, Иванов, несомненно, солидаризировался бы с образным высказыванием Д.С. Мережковского, присутствующим в его трактате «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893): «В отражении красоты может быть неведомое таинственное обаяние, которого Вы не найдёте даже в самой красоте: так в слабом, отражённом свете луны есть обаяние, которого нет в источнике лунного света, в могущественных лучах солнца» [Мережковский: 25].

Примечательно, что и в «Сонете», и в «Весенних аккордах» визуальное восприятие луны характеризуется Ивановым общим эпитетом «матовый». В «Сонете»: «*Матовый* кристалл / Луны оранжевой...» (курсив мой. – Н. К.) [Иванов: 119]. В «Весенних аккордах»: «И *матовый* луч уронила / На тускло мерцающий гравий» [Иванов: 122]. Кроме того, в изображении сада, присутствующем в обоих стихотворениях, сделан акцент на медленно поднимающейся луне. Этот нюанс ночного пейзажа обозначен и в том и в другом произведении весьма схожими метафорами, в состав которых входит глагол «всплывать (всплыть)». В «Сонете»: «*Матовый кристалл / Луны оранжевой медлительно всплывал...*» (курсив мой. – Н. К.) [Иванов: 119]. В «Весенних аккордах»: «Луна, альмадинов кровавей, / Над садом медлительно *всплыла...*» (курсив мой. – Н. К.) [Иванов: 122].

Живописность описания луны, освещающей пространство сада, усиливается за счёт использования Ивановым цветоцветовых характеристик в первой строфе «Сонета» и во второй строфе «Весенних аккордов». Но можно говорить о динамике колористической символики от стихотворения к стихотворению. Она транслирует нарастание лирической экспрессии и подчёркивает усиление трагических интонаций. В «Сонете» эмоциональную атмосферу сада и характер происходящих в нём событий определяет образ оранжевой луны. В представленном поэтическом контексте оранжевый цвет несёт позитивную коннотацию: здесь луна ещё отражает тёплые лучи заходящего солнца [Иванов: 119]. Отсюда – настроение радости, увлекательной любовной игры и насмешливого кокетства, доминирующее в стихотворении. В «Весенних аккордах» создаётся образ кровавой луны через сопоставление её с альмадином, самоцветом из семейства гранатов, имеющим тёмно-красный цвет:

Луна, альмадинов кровавей,
Над садом медлительно всплыла

И матовый луч уронила
На тускло мерцающий гравий

[Иванов: 122].

Трагический смысл образа кровавой луны в стихотворении «Весенние аккорды» создается с помощью апокалиптической оптики и отсылает к символике из Откровения ап. Иоанна Богослова: «И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь» (Откр. 6:12).

Образ полной луны, окрашенной цветом крови, вызывает у читателя чувство тревоги и опасности, созвучное настроению лирического субъекта, охваченного страхом и отчаянием, ожидающего встречи с Водяным, представителем нечистой силы:

Иду у реки осторожно...
Боюсь Водяного – утопит
Томления кубок не допит,
Но больше мечтать – невозможно...

[Иванов: 122].

По-видимому, упомянутый Ивановым в данном поэтическом контексте образ Водяного не только восходит к традиции восточнославянской мифологии, но и является аллюзией на стихотворение Анненского «Милая», вошедшее в сборник «Кипарисовый лагерь» (1910) и включённое в «Складень романтический». Правда, в произведении Анненского Водяной назван не прямо по имени, а описан через прозвище-перифраз «лысый» [Анненский: 112].

В «Весенних аккордах» Иванова пространство ночного весеннего сада характеризуется как мир колдовства, неведомых чар, в поле притяжения которых попадает лирический субъект. Этот таинственный мир героя одновременно и пугает, и манит, погружая в состояние сладкой, пьянящей истомы: «*Истомой* весеннею пьяный»; «*Томления* кубок не допит» (курсив мой. – Н. К.) [Иванов: 122]. Задействованный в ивановском произведении мотив истомы (томления), передающий атмосферу весеннего сада, прежде всего, восходит к строке Анненского из стихотворения «Он и Я»: «Давно меж листьев налились, / *Истомой* розовой тюльпаны» (курсив мой. – Н. К.) [Анненский: 114].

Хотя названный мотив часто встречается в лирике и других поэтов Серебряного века. Так, лексемы «истома» и «томление» нередко употребляет в своих произведениях Ф.К. Сологуб, чьи поэтические строки из стихотворения «Путь мой трудный, путь мой длинный...» Иванов избрал в качестве эпиграфа к своему первому сборнику. Например, в стихотворении Сологуба «Качели» (1894), состояние истомы, исходящее от заката солнца, как и в «Весенних аккордах» Иванова, распространяется на пространство сада: «В *истоме* тихого заката / Грустило жаркое светило. / Под кровлей ветхой гнула хата / И тенью

сад приосенила» (курсив мой. – Н. К.) [Сологуб: 122]. А в сологубовском стихотворении «Жаркое солнце по небу плывет...» (1897) истома оценивается как стихия, захватывающая и подчиняющая себе землю, травы, тело и душу человека: «Ночи земля *утомленная* ждет. / В теле – *истома*, в душе – пустота, / Воля почил, и дремлет мечта. / Где моя гордость, где сила моя? / К низшим склоняюсь кругам бытия. / Силе таинственной дух мой предаю, / Жизнью, подобной *томлению* трав...» (курсив мой. – Н. К.) [Сологуб: 195]. Показательно, что у Иванова состояние истомы (томления), общее как для сада, так и для психологии лирического субъекта, связывается с приходом весны, в то время как у Сологуба оно неизменно возникает в пору жаркого лета.

В ином семантическом ключе мотив истомы трактуется в стихотворении творчески близкого Иванову в 1910 гг. Кузмина «Целый день» (1906–1907), вошедшем в сборник «Сети» (1908): «Владеет мною грустная *истома*» (курсив мой. – Н. К.) [Кузмин: 32]. Здесь истома становится метафорой неразделённой любви. Подобную коннотацию мотива истомы можно выявить и в контексте «Весенних аккордов» Иванова.

И всё-таки представляется, что вектор смыслового наполнения мотива весенней истомы, захватившей пространство сада и души лирического героя, в ивановском произведении наиболее близок интерпретационному подходу Гумилёва, воплощённому в стихотворениях «Из логова змиева...» и «Она», вошедших в состав поэтического сборника «Чужое небо» (1912) и вдохновлённых биографической и творческой личностью А.А. Ахматовой. В стихотворении «Из логова змиева...» рассмотренные выше лексемы, как и в «Весенних аккордах» Иванова, ассоциируются с колдовскими чарами, связанными с властью луны: «А выйдет луна – затомится»; «Снеси-ка истому ты / В днепровские омуты» [Гумилёв 1991: 131]. А вот в стихотворении «Она» слова «истома» и «томление» коррелируют с понятием вдохновения: «Учиться мудрой сладкой боли / В её истоме и бреду»; «Она светла в часы томлений / И держит молнии в руке» [Гумилёв 1991: 130]. В стихотворении Иванова «Весенние аккорды» истома, пронизывающая воздух сада и душу лирического героя, также выступает одновременно и как знак колдовских чар, и как предвестник вдохновения («томления кубок») [Иванов: 122]. Такое пересечение с Гумилёвым в смысловом преломлении мотива истомы (томления) объективно не может быть результатом сознательной ориентации Иванова на художественный опыт своего старшего современника. По-видимому, этот факт свидетельствует о глубинном типологическом родстве творческого мышления поэтов, что интуитивно и почувствовал Гумилёв, в целом положительно отозвавшийся о первом сборнике Иванова

и выдавший ему в своей рецензии достаточно щедрый аванс [Гумилёв 1912: 101].

Ситуация психологической близости и даже полной слитности сада и внутреннего мира лирического героя, описанная в стихотворении «Весенние строфы», несомненно, имеет фольклорно-мифологические истоки и восходит к феномену психологического параллелизма. Она наследуется и развивается и в стихотворении Иванова «Вечерние строфы» (включено в раздел «Когда падают листья»). Как и в стихотворении «Весенние аккорды», в «Вечерних строфах» лирический сюжет разворачивается на фоне лунной ночи. Но теперь душа лирического субъекта как бы раздваивается между миром небесным и миром земным. С одной стороны, герой находится во власти величественного звёздного неба, напоминающего о Творце. И его созерцание прекрасной лунной ночи в данном случае окрашено религиозными переживаниями: «Месяц стал над белым костелом»; «Звезды вечера перед Божьим престолом / Засветили тихие огни» [Иванов: 126]. А с другой стороны, лирическим субъектом так же, как и в «Весенних аккордах», овладевает состояние пьянящей и в то же время мучительной истомы, идущей от оживающей весной земли: «Я иду сквозь нежный сумрак, пьяный / Тонким дыханием земли»; «Мной владеет странная истома, / Жаля душу, как прожитые дни» [Иванов: 126].

Образ сада в стихотворении «Вечерние строфы» – это не просто элемент пейзажа, фрагмент художественного пространства. Он выполняет функции действующего персонажа. В предложенном поэтическом контексте сад одушевлён и наделён даром речи. Он стремится успокоить, умиротворить встревоженного лирического героя. Мотив ласково шепчущего сада звучит и в начале, и в конце стихотворения, образуя композиционную спираль: «Старый сад шепнул мне: “Усни”...»; «Шелест сада грустно-знакомый / Неотступно шепчет: “Усни”...» [Иванов: 126].

Итак, в первом поэтическом сборнике Иванова образ сада является сквозным символом и выступает как одна из его аксиологических доминант. Интерпретация архетипа сада, реализованная в нём, полифонична и подпитана авторским диалогом с античной традицией, преломлённой сквозь призму творчества живописцев А. Ватто, К. Сомова и А. Бенуа. Лирическая герменевтика образа сада, выстроенная Ивановым, также опирается на концентрированную интертекстуальность, отсылая к древнегреческому мифу о «садах Гесперид», к лирике П. Верлена, И. Анненского, М. Кузмина, Игоря Северянина, Ф. Сологуба. В определении семантической структуры символа сада, созданного в дебютном ивановском сборнике, участвуют и образ Водяного, заимствованный из восточнославянской мифологии, и библейский мотив

«кровавой луны». Для смыслового наполнения архетипа сада в «Отплытии на о. Цитеру» весьма важен мотив истомы (томления), часто встречающийся в лирике поэтов Серебряного века. В ивановской интерпретации он отчётливо перекликается с концептуальными решениями Анненского, Сологуба, Кузмина, Гумилёва.

Смысловая эволюция архетипа сада репрезентирует весьма важную для поэта идею пути, ключевую для художественного сознания не только авторов Серебряного века (например, А. Блока [Максимов] и Н. Гумилёва [Пороль; Леонтьева; Дмитриева]), но и для русской литературы в целом. Мотив пути заявлен уже в названии ивановского сборника: «Отплыть на о. Цитеру». Он звучит в эпиграфе («Путь мой трудный, путь мой длинный... И не скучно мне идти») [Иванов: 115], затем – пронизывает весь текст художественного целого и обретает итоговую творческую реализацию в «Эпилоге»: «Мои пути ничем не сужены: / Я проходил огни и льды» [Иванов: 132]. Вживаясь во время и пространство разных и вместе с тем в чём-то схожих «садов», Иванов намечает вектор собственного художественного развития, предсказывает движение к сборнику «Сады» (1921). Помимо этого, он иносказательно и пронизательно моделирует концепцию «странствий» по разным мифологиям и культурам, весьма важную для эстетики акмеизма и в то же время не чуждую творческим исканиям русских символистов.

Список литературы

- Анненский И.* Избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. А. Фёдорова. Ленинград: Худож. лит., 1988. 736 с.
- Арьев А.Ю.* Примечания // Иванов Георгий. Стихотворения. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. С. 485–732.
- Васильева М.А.* Двойник-отражение: эволюция мотива в лирике Георгия Иванова // Сюжетология и сюжетология: науч. журнал. 2014. № 4. С. 100–107.
- Грякалова Н.Ю.* Н.С. Гумилев и проблемы эстетического самоопределения акмеизма // Николай Гумилев: Исследования. Материалы. Библиография. Санкт-Петербург: Наука, 1994. С. 103–123.
- Гумилёв Н.* Письма о русской поэзии // Аполлон. 1912. № 3–4. С. 99–101.
- Гумилёв Н.* Сочинения: в 3 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы / вступ. ст., сост., примеч. Н. Богомолова. Москва: Худож. лит., 1991. 590 с.
- Данилович Т.В.* Поэзия русского зарубежья: творчество Г. Иванова в аспекте интертекстуального анализа // Наука о литературе в XX веке (История, методология, литературный процесс): сб. статей. Москва: ИНИОН РАН, 2001. С. 201–217.

Дмитриева Ю.Ю. Концепт пути в творчестве Н.С. Гумилёва: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2018. 197 с.

Иванов Георгий. Стихотворения. Москва; Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021. 784 с.

Кузмин М.А. Избранные произведения / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. А. Лаврова, Р. Тищенко; ред. Т. Шмакова. Ленинград: Худож. лит., 1990. 573 с.

Крейд В.П. Георгий Иванов. Москва: Молодая гвардия, 2007. 428 с.

Леонтьева Н.А. Реализация мотива пути в лирике Н.С. Гумилёва: попытка классификации // Известия Восточного института. 2018. № 3 (39). С. 65–71.

Лихачев Д.С. Поэзия садов: к семантике садово-парковых стилей; сад как текст. Москва: Согласие: Тип. «Новости», 1998. 356 с.

Максимов Д.Е. Идея пути в поэтическом мире Ал. Блока // Максимов Д.Е. Поэзия и проза Ал. Блока. Ленинград: Советский писатель, 1981. С. 6–51.

Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. Санкт-Петербург: Типо-лит. Б.М. Вольфа, 1893. 192 с.

Нагина К.А. Сад и Бог в произведениях Л. Толстого и Ф. Достоевского // Вестник Пермского университета. 2011. Вып. 7 (13). С. 139–146.

Невзглядова Е.В. Сады в русской поэзии // Звезда. 2013. № 10. С. 191–204.

Пороль О.А. Библиейский мотив пути в лирике акмеистов // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 11 (47). С. 29–32.

Разумовская А.Г. Сады и парки в поэзии Г. Иванова // Печать и слово Санкт-Петербурга: Петербургские чтения – 2007: сб. науч. трудов / сост. и науч. ред. Е.М. Табориская. Санкт-Петербург: СПГУТД, 2008. С. 211–224.

Разумовская А.Г. Сады российской поэзии (от символизма до постмодернизма): монография. Санкт-Петербург: ООО Студия НП-Принт, 2014. 436 с.

Сологуб Ф.К. Стихотворения / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. М.И. Дикман. Ленинград: Сов. писатель, 1979. 679 с.

Тахо-Годи А.А. Геспериды // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1: А–К / гл. ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия, 1982. С. 298–299.

Топоров В.Н. Ветхий дом и дикий сад: образ утраченного счастья // Облик слова: сб. ст. Москва: ИРЯ, 1997. С. 290–319.

Тропкина Н.Е., Рябцева Н.Е. Образ сада в русской поэзии второй половины XX века и в русском фольклоре // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 4 (30). С. 144–150.

Филатов А.В. Содержание понятия «адамизм» и состав адамического мифа Н.С. Гумилёва // Stephanos. 2017. № 3 (23). С. 117–125.

Цивьян Т.В. VERG. GEORG. IV, 116–148: К мифологии сада // Текст: семантика и структура. Москва: Наука, 1983. С. 140–152.

Якунова Е.А. Своеобразие художественного мира ранней лирики Георгия Иванова: автореф. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004. 24 с.

References

Annenskij I. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works], comp., introductory article, comments by A. Fedorov. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1988, 736 p. (In Russ.)

Ar'ev A.Ju. *Primechanija* [Notes]. Ivanov Georgij. *Stihotvorenija* [Poems]. Moscow; Saint-Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2021, pp. 485-732. (In Russ.)

Civ'jan T.V. VERG. GEORG. IV, 116–148: *K mifologeme sada* [To the mythology of the garden]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: semantics and structure]. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 140–152. (In Russ.)

Danilovich T.V. *Pojezija russkogo zarubezh'ja: tvorcestvo G. Ivanova v aspekte intertekstual'nogo analiza* [Poetry of the Russian Diaspora: G. Ivanov's Work in the Aspect of Intertextual Analysis]. *Nauka o literature v XX veke (Istorija, metodologija, literaturnyj process): sb. statej* [Science of Literature in the 20th Century (History, Methodology, Literary Process: collection of articles)]. Moscow, INION RAN Publ., 2001, pp. 201-217. (In Russ.)

Dmitrieva Ju.Ju. *Koncept puti v tvorcestve N.S. Gumiljova*: dis. ... kand. filol. nauk [The concept of the path in the work of N.S. Gumilyov: DSc thesis]. Moscow, 2018, 197 p. (In Russ.)

Filatov A.V. *Soderzhanie ponjatija «adamizm» i sostav adamicheskogo mifa N.S. Gumiljova* [The content of the concept of “Adamism” and the composition of the Adamic myth N.S. Gumilyov]. *Stephanos* [Stephanos], 2017, № 3 (23), pp. 117-125. (In Russ.)

Grjakalova N.Ju. *N.S. Gumilev i problemy jesteticheskogo samoopredelenija akmeizma* [N.S. Gumilyov and problems of aesthetic self-determination of acmeism]. *Nikolaj Gumilev. Issledovanija. Materialy. Bibliografija* [Nikolay Gumilyov. Research. Materials. Bibliography]. Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 103-123. (In Russ.)

Gumil'jov N. *Pis'ma o russkoj poezii* [Letters about Russian poetry]. *Apollon* [Apollo], 1912, № 3-4, pp. 99–101. (In Russ.)

Gumil'jov N. *Sochinenija: v 3 t. T. 1: Stihotvorenija; Pojemy* [Works: in 3 vols. Vol. 1: Verses; Poems], introductory article, comp., notes by N. Bogomolov. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1991, 590 p. (In Russ.)

Ivanov Georgij. *Stihotvorenija* [Poems]. Moscow; Sankt-Peterburg, Nestor-Istorija Publ., 2021, 784 p. (In Russ.)

Jakunova E.A. *Svoeobrazie hudozhestvennogo mira rannej liriki Georgija Ivanova*: avtoref. ... kand. filol.

nauk [The originality of the artistic world of the early lyrics of Georgy Ivanov: DSc thesis, summary]. Cherepovets, 2004, 24 p. (In Russ.) Kuzmin M.A. *Izbrannye proizvedenija* [Selected works], comp., prep. text, introductory article, comment by A. Lavrov, R. Timenchik; ed. by T. Shmakova. Leningrad, Hudozh. lit. Publ., 1990, 573 p. (In Russ.)

Krejd V.P. *Georgij Ivanov* [Georgy Ivanov]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2007, 428 p. (In Russ.)

Leont'eva N.A. *Realizacija motiva puti v lirike N.S. Gumiljova: popytka klassifikacii* [Realization of the Path Motive in N.S. Gumilev's lyrics: an attempt at classification]. *Izvestija Vostochnogo instituta* [Proceedings of the Oriental Institute], 2018, № 3 (39), pp. 65-71. (In Russ.)

Lihachev D.S. *Pojezija sadov: k semantike sadovoparkovyh stilej; sad kak tekst* [Poetry of gardens: to the semantics of landscape gardening styles; garden as text]. Moscow, Soglasie, OAO Tipografija "Novosti" Publ., 1998, 356 p. (In Russ.)

Maksimov D.E. *Ideja puti v pojeticheskom mire Al. Bloka* [The idea of a path in the poetic world of Al. Blok]. Maksimov D.E. *Pojezija i proza Al. Bloka* [Poetry and prose by Al. Blok]. Leningrad, Sovetskij pisatel' Publ., 1981, pp. 6-51. (In Russ.)

Merezhkovskij D.S. *O prichinah upadka i o novyh techenijah sovremennoj russkoj literatury* [About the reasons for the decline and about new trends in modern Russian literature]. Saint-Petersburg, Tipo-lit. B.M. Vol'fa Publ., 1893, 192 p. (In Russ.)

Nagina K.A. *Sad i Bog v proizvedenijah L. Tolstogo i F. Dostoevskogo* [Garden and God in the works of L. Tolstoy and F. Dostoevsky]. *Vestnik Permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University], 2011, № 7 (13), pp. 139-146. (In Russ.)

Nevzgljadova E.V. *Sady v russkoj poezii* [Gardens in Russian poetry]. *Zvezda* [Star], 2013, № 10, pp. 191-204. (In Russ.)

Porol' O.A. *Biblejskij motiv puti v lirike akmeistov* [Biblical motif of the path in the lyrics of the acmeists]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State University], 2012, № 11 (47), pp. 29-32. (In Russ.)

Razumovskaja A.G. *Sady i parki v poezii G. Ivanova* [Gardens and parks in the poetry of G. Ivanov]. *Pe-*

chat' i slovo Sankt-Peterburga: Peterburgskie chtenija – 2007: sbornik nauchnyh trudov [Print and Word of St. Petersburg: Petersburg Readings – 2007: collection of scientific papers], comp. and scientific ed. by E.M. Taborisskaja. Saint-Petersburg, SPGUTD Publ., 2008, pp. 211-224. (In Russ.)

Razumovskaja A.G. *Sady rossijskoj poezii (ot simbolizma do postmodernizma): monografija* [Gardens of Russian poetry (from symbolism to postmodernism): monograph]. Saint-Petersburg, OOO Studija NP-Print Publ., 2014, 436 p. (In Russ.)

Sologub F.K. *Stihotvorenija* [Poems], comp., introductory article, preparation of the text and notes by M.I. Dikman. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1979, 679 p. (In Russ.)

Taho-Godi A.A. *Gesperidy* [Hesperides]. *Mify narodov mira: jenciklopedija: v 2 t.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols.], ed. by S.A. Tokarev. Vol. 1: A-K. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija Publ., 1982, pp. 298-299. (In Russ.)

Toporov V.N. *Vethij dom i dikij sad: obraz utrachenogo schast'ja* [A dilapidated house and a wild garden: an image of lost happiness]. *Oblik slova: sb. st* [Shape of the word: collection of articles]. Moscow, IRJa Publ., 1997, pp. 290-319. (In Russ.)

Tropkina N.E., Rjabceva N.E. *Obraz sada v russkoj poezii vtoroj poloviny XX veka i v russkom fol'klore* [The image of the garden in Russian poetry of the second half of the twentieth century and in Russian folklore]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of history, philology, culture], 2010, № 4 (30), pp. 144-150. (In Russ.)

Vasil'eva M.A. *Dvojniki-otrazhenie: jevoljucija motiva v lirike Georgija Ivanova* [Double-reflection: the evolution of the motive in the lyrics of Georgy Ivanov]. *Sjuzhetologija i sjuzhetografija: nauchnyj zhurnal* [Plotology and plotography: a scientific journal], 2014, № 4, pp. 100-107. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 81–84. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 81–84. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(450).09"13/14"

EDN ZAXFHG

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-81-84>

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДАНТОВСКОГО ЗАГРОБНОГО МИРА

Топорова Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, anna.toporova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2669-7734>

Аннотация. В «Божественной комедии» Данте Алигьери представлена масштабная картина загробного мира, вобравшая в себя опыт предшествующей традиции изображения потусторонней жизни. Вместе с тем загробный мир «Комедии» уникален. Ряд особенностей выделяет его на фоне многочисленных аналогичных описаний в средневековой литературе: 1. Обобщающий характер изображения, жанр суммы с ее тенденцией к универсальному охвату, классификации материала, научному подходу (ссылки на авторитеты, опора на современные знания), морально-дидактическому импульсу. 2. Тесная связь загробного мира с земным: точное обозначение его местоположения и структуры; его связь с земным пространством. Его населяют те же персонажи, которые подчеркивают свою связь с земным миром (расспрашивают про своих близких, про родной город, просят рассказать про себя, просят молитв). 3. Личный подход: не иллюстрация греха или добродетели, а прежде всего изображение конкретного человека и его судьбы – земной и загробной. Отсюда – особый драматизм, захватывающий читателя и вовлекающий его в ситуацию, которую он примеряет к себе. Личность самого Данте предстает в двойной ипостаси: автора и персонажа «Комедии». 4. Сочетание «художественного» и мистического опыта.

Ключевые слова: «Божественная комедия» Данте Алигьери, средневековая религиозная литература, жанр видения

Для цитирования: Топорова А.В. О некоторых особенностях дантовского загробного мира // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 81–84. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-81-84>

Research Article

ON DANTE'S AFTERWORLD

Anna V. Toporova, DSc in Philology, Professor, Russian State University for the Humanities, Leading Research Fellow; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, anna.toporova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2669-7734>

Abstract. Dante Alighieri's *Divine Comedy* presents a large-scale picture of the afterworld that draws on prior tradition of depicting life after death. At the same time, the afterworld of the *Divine Comedy* is unique, being marked by numerous distinctions with the many similar descriptions in medieval literature: 1. The general nature of the depiction; the *summa* genre with its striving for universal coverage, classification, scholarship (references to authorities, use of contemporary knowledge), and moral and didactic impact. 2. The close connection of the otherworld with the temporal world – precise description of its location and structure, its connection with the earthly space. The otherworld is inhabited by similar characters, who emphasise their connection with the earthly space (they ask about their friends and relatives and their native city, invite Dante to tell his own story, and beg for his prayers). 3. Personal approach: rather than being illustrations of virtue or sin, the work's characters are concrete people with their own fates both in the temporal world and in the afterlife. This leads to a powerful dramatic effect that sweeps the reader away and involves him in situations that he applies to his own life. Dante himself plays a double role in the *Divine Comedy* as both author and character. 4. Combination of "literary" and mystic experience.

Keywords: Dante Alighieri's *Divine Comedy*, medieval religious literature, vision genre

For citation: Toporova A.V. On Dante's Afterworld. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 81–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-81-84>

Хорошо известно, что традиция изображения потустороннего мира в Средние века была на редкость богатой и многообразной. Загробный мир мог быть представлен в самых разных формах: видения во сне или в состоянии экстаза («Видение Петра-пахаря»), путешествия («Путешествие св. Брендана»), прения души и тела («Видение Филиберта»). В качестве вставных эпизодов он проникал в проповеди, жития, богословские трактаты. И, конечно, Данте эта традиция была хорошо знакома. Исследователи предполагают, что ему могли быть известны такие популярные в Средние века видения загробного мира, как «Видение Павла», видение, включенное в «Диалоги» Григория Великого, «Видение Эйнсхама», «Видение Тугдала», «Видение Альберика Монтекассинского», «Чистилище св. Патрика» и мусульманская «Книга восхождения», известная в Европе в ее латинском переложении. Определить, какое именно из видений стало непосредственной моделью для «Комедии», не представляется возможным, но многие из характеристик дантовского потустороннего мира присутствовали в упомянутых видениях [Segre; Le Goff; Adams; Фильштинский; Грибанов].

В итальянской литературе второй половины XIII в. известны три поэмы, описывающие загробный мир: «Об адском граде Вавилоне» и «О небесном Иерусалиме» Джакомо да Верона и «Книга трех писаний» Бонвезина делла Рива (более точно, две ее части – «Черная книга» и «Золотая книга»). У нас нет точных сведений о том, читал ли их Данте, но ряд моментов в изображении загробного мира совпадают у этих авторов и у Данте, например топография загробного мира, классификация грехов и райских блаженств, соответствие наказания греху.

Вместе с тем совершенно очевидно, что загробный мир дантовской «Комедии» уникален. Отметим ряд его особенностей, выделяющих его на фоне многочисленных аналогичных произведений средневековой литературы.

Во-первых, это обобщающий характер изображения. «Божественная комедия» обладает всеми характеристиками средневекового жанра суммы, а именно тенденцией к универсальному охвату материала по избранной теме, его классификации по рубрикам для облегчения понимания, «научному» подходу, предполагающему ссылки на авторитеты и опору на современные автору знания и морально-дидактические импульсы. В отличие от своих предшественников Данте создает целостную картину устройства мира исходя из естественно-научных и богословских представлений своего времени. Можно сказать, что он подводит итог всему комплексу знаний своей эпохи в самых разных областях: читатель получает фундаментальные представления о средневековой космогонии, астрономии, богословии и философии,

а также многочисленные сведения о литературе, истории, географии, повседневной жизни [Топорова: 131–141]. Так, мироздание «Комедии» опирается, прежде всего, на учение Птоломея. Для Ада Данте прибегает вслед за Фомой Аквинским к аристотелевскому делению грехов на три группы [Назаров: 91–106]. Во второй кантике он использует систематизированные и возведенные незадолго до написания поэмы (в 1274 г. на Лионском соборе) в статус церковного догмата представления о чистилище. Грехи, искупаемые в этом царстве, расположены в соответствии с «Моралиями» Григория Великого. В изображении Рая Данте опирается на основные христианские мистические сочинения, прежде всего послания апостола Павла, «О небесной иерархии» Псевдо-Дионисия Ареопагита, «Путеводитель души к Богу» Бонавентуры. Путешествуя по Раю, Данте обсуждает с его насельниками ключевые богословские и философские проблемы – природу любви, абсолютную и относительную истину, свободную волю, знание и веру и другие. Главным его наставником является величайший средневековый мистик – Бернард Клервоский, известный Данте, как предполагают, в первую очередь через «Путеводитель души к Богу» Бонавентуры.

Исторические события и лица от древности до современной Данте эпохи образуют плотный исторический фон. Особенно ярко представлена средневековая история, те ее перипетии и действующие лица, которые оказали влияние на политику дантовских времен (вспомним Фридриха II, Манфреда, Карла Анжуйского, Бонифация VIII, Генриха VII, Фаринату дельи Уберти, Уголино делла Герардеска и многих других). Но не только великие люди присутствуют в «Комедии»; мы встречаем в ней множество современников поэта, которые давно бы канули в забвение, если бы их имена не были вписаны в эту «книгу жизни» (таков чревоугодник Чакко, «Ад» VI, судья-взяточник Фацио деи Морубальдини, «Рай» XVI, изготовитель грифов к лютям Белаква, «Чистилище» IV и прочие незаметные жители средневековых городов, в основном Флоренции).

Не менее насыщен «литературный раздел» «Комедии». Своих любимых античных поэтов (Гомера, Горация, Овидия, Лукана, Вергилия) Данте помещает в особый, можно сказать, привилегированный круг Ада – Лимб. Помимо античной поэзии в «Комедии» присутствует французская, провансальская и особенно подробно итальянская. Данте перечисляет имена наиболее известных современных ему поэтов – Гвиницелли, Кавальканти, Чино да Пистойя, Форезе Донати и других. Он дает название и определение поэзии нового сладостного стиля («Чистилище» XXIV, 52–57) и указывает вектор развития современной ему лирики на народном языке.

Весь этот обширный и многообразный материал строго структурирован. Вспомним, что «Комедия» состоит из трех частей: «Ада» (34 песни: 33 + 1 вступительная), «Чистилища» (33 песни) и «Рая» (33 песни). Таким образом, общее число песен образует совершенное, с точки зрения средневекового человека, число 100. Все три части заканчиваются словом *stelle* 'светила', обозначая вертикаль от земли к небу. Каждое загробное царство имеет четкое внутреннее деление, своего рода классификацию грехов и добродетелей по «рубрикам».

Во-вторых, важной особенностью дантовского загробного мира является его тесная связь с земным миром, с его пространством и временем. Вход в Ад, представляющий собой воронку, образовавшуюся в результате падения Люцифера с небес, находится в северном полушарии неподалеку от Иерусалима, который считался центром мира. Гора Чистилища, возникшая от вытеснения земли адской воронкой, расположена в южном полушарии. Рай помещен на небесах, окружающих землю (по Птолемею). Что касается времени, то оно обозначено с большой точностью через описание расположения планет и созвездий. Для каждого этапа пути известны дата и время, они обычно указываются в комментариях. Путешествие начинается в Страстную пятницу 1300 г. (25 марта или 8 апреля, согласно подсчетам исследователей) и укладывается в семь дней. Данте заблудился в лесу в пятницу ближе к вечеру, ад он проходит за субботу, в пасхальное воскресенье попадает в Чистилище, которое преодолевает за четыре дня (ночью здесь не полагается движение). Восхождение через небесные сферы рая занимает почти сутки (19 часов), в Эмпирее время исчезает, здесь царствует вечность.

Загробный мир у Данте населяют вполне реальные персонажи, которые подчеркивают свою связь с земным миром: они вспоминают об общем прошлом (вспомним встречу Данте с его свойственником и другом поэтом Форезе Донати в Чистилище), расспрашивают о своих близких (такова знаменитая сцена из X песни «Ада», в которой отец поэта Гвидо Кавальканти неверно истолковывает слова Данте о судьбе Гвидо), интересуются судьбой родного города (как Фарината дельи Уберти), просят рассказать про себя, просят молить).

В-третьих, принципиальным новшеством Данте становится личностный подход. Представленные им истории – это не столько иллюстрации греха или добродетели, сколько изображение конкретного человека и его судьбы – земной и загробной. Разумеется, не следует забывать и об аллегорическом плане «Комедии», но при этом каждый из персонажей сохраняет у Данте свою индивидуальность и «человечность», предстает не просто как назидательный

образ, а раскрывается как личность. Немецкий исследователь Э. Ауэрбах назвал этот метод фигуральным реализмом [Ауэрбах: 183], при котором герои дантовской поэмы, будучи «фигурами» (аллегориями), воспринимаемыми как пример (*exemplum*), изображены во всей полноте и глубине своего человеческого «я», что придает поэме особый драматизм.

И сам Данте выступает одновременно как *автор* и как *персонаж*. Данте-автор сочиняет «Комедию» в строгом соответствии с предложенной им классификацией грехов и добродетелей и принципами соотношения вины и наказания, а также размышляет над процессом творчества. А Данте-персонаж путешествует по потустороннему миру, встречается там разных людей, узнает их истории, сопереживает, страдает, испытывает страх, недоумение, радость и прочие чисто человеческие чувства. Он становится, по словам известного американского исследователя Синглтона [Singleton; Adoyo: 123–144], «каждым человеком», «everyman», ставит себя на место своих собеседников; так, при виде наказания гордецов Данте примеряет их положение к себе: «Гораздо большим ужасом смущен / Мой дух пред мукой нижнего обрыва; / Той ношей я заране пригнетен» («Чистилище» XIII, 136–139, перевод М. Лозинского). Вспомним также, как в знаменитом эпизоде с Паоло и Франческой («Ад» V) Данте-персонаж сочувствует их несчастной любви и обстоятельствам их гибели, а Данте-автор помещает их в соответствующий круг ада.

В-четвертых, в изображении загробного мира у Данте непривычно сочетание художественного, поэтического и богословского, мистического начал; недаром Данте заслужил обозначение поэта-богослова (*poeta-teologus*).

Опыт посещения загробного мира дается Данте не только и не столько ради него самого, сколько ради погрязшего в грехах человечества. Подобно пророкам и мистикам, он должен передать полученную «весть» живущим, чтобы они смогли научиться различать добро и зло и делать правильный выбор. В «Комедии» Данте выступает как учитель жизни, на собственном опыте изведавший, куда приводит путь греха и путь добродетели.

Помимо этого назидательно-дидактического аспекта в поэме присутствует и сугубо пророческий пафос. Список «пророчеств», присутствующих в «Комедии», весьма внушительный. В этой «священной поэме» пророчества возвещают будущее и открывают божественные истины. Как мы видим, пророчества можно разделить на личные, исторические и мессианские.

Некоторые исследователи предлагали видеть в «Комедии» не только художественный вымысел, но и откровение в его мистическом понимании. В самом деле, мистический пласт в поэме, особенно

в «Рае», очень плотный. К нему относятся не только сны, которые видит Данте, но и непрерывная цепь видений в небесных сферах, заканчивающаяся непосредственным лицезрением Бога-Троицы. Отметим, что в письме к Кан Гранде делла Скала в связи со своим изображением рая Данте вспоминает апостола Павла, побывавшего «на третьем небе», а также пророка Иезекииля.

Подводя итоги, можно сказать, что в своей «Комедии» Данте, опираясь на богатейшую традицию видений загробного мира, создает произведение совершенного иного масштаба и уровня – художественное, богословское и мистическое сочинение одновременно, оказавшее огромное влияние на последующую литературу и даже богословие [Томачинский]. Заметим, что «Божественная комедия» стала как бы «вечной книгой», нередко ее сопоставляют с Евангелием.

Список литературы

Ауэрбах Э. Фарината и Кавальканте // Ауэрбах Э. Мимесис. Москва, 1976. С. 182–211.

Грибанов А.Б. Заметки о жанре видений на Западе и Востоке // Восток-Запад. Исследования, переводы, публикации. Москва: Наука, 1989. Вып. 4. С. 65–77.

Назаров В.Н. Этическая структура и моральная символика Ада в «Божественной Комедии» // Этическая мысль. 2017. Т. 17, № 2. С. 91–106.

Томачинский Симеон, архим. Архитектор чистилища. Данте и его «Божественная комедия». Сергиев Посад: Изд-во Московской духовной академии, 2020. 218 с.

Топорова А.В. «Божественная комедия» Данте Алигьери: от «видения» к «сумме» // Топорова А.В. Религиозная жизнь средневековой Италии в зеркале литературы. Москва; Санкт Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 131–141.

Фильштинский И.М. Представления о «потустороннем мире» в арабской мифологии и литературе // Восток-Запад. Исследования, переводы, публикации. Москва: Наука, 1989. Вып. 4. С. 56–64.

Adams G. W. Visions in late Medieval England: lay spirituality and sacred glimpses of the hidden worlds of faith. Leiden, Brill, 2007, 273 p.

Adoyo C. Everymen and the Threefold Dante Subject in the Diegetic Structure of the *Commedia*. MLN, 2022, vol. 137, No. 1, pp. 123-144.

Le Goff J. Aspetti erudite e popolari dei viaggi nell'aldilà nel Medioevo. *Id.* L'immaginario medioevale. Roma, Laterza Publ., 2008, pp. 75-98.

Segre C. Viaggi e visioni d'oltremondo sino alla «Commedia» di Dante. *Id.* Fuori del mondo: i modelli nella follia e nelle immagini dell'aldilà. Torino, Einaudi, 1990, pp. 25-48.

Singleton Ch.S. La poesia della «Divina Commedia». Bologna, Il Mulino, 1978, 572 p.

References

Auerbach E. *Farinata i Kaval'kante* [Farinata and Cavalcante]. Auerbach E. Mimesis. Moscow, 1976, pp. 182-211. (In Russ.)

Gribanov A.B. *Zametki o zhanre videniy na Zapade i Vostoke* [Notes on the vision genre in the West and East]. *Vostok-Zapad. Issledovaniya, perevody, publikatsii* [East-West. Research, translations, publications]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 4, pp. 182-211. (In Russ.)

Nazarov V.N. *Eticheskaya struktura i moral'naya simbolika Ada v 'Bozhestvennoy Komedii'* [Ethical structure and moral symbolism of Hell in the *Divine Comedy*]. *Eticheskaya mysl'* [Ethical Thought], 2017, vol. 17, No. 2, pp. 91-106. (In Russ.)

Tomachinsky S. *Arkhitekto chistilishcha. Dante i yego "Bozhestvennaya komediya"* [The Architect of Purgatory: Dante and His Divine Comedy]. Serгиеv Posad, Moscow Spiritual Academy Press Publ., 2020, 218 p. (In Russ.)

Toporova A.V. *'Bozhestvennaya komediya' Dante Alig'eri: ot 'videniya' k 'summe'* [Dante Alighieri's Divine Comedy: from "vision" to "summa"]. Toporova A.V. *Religioznaya zhizn' srednevekovoy Italii v zerkale literatury* [Religious Life of Medieval Italy Through the Mirror of Literature]. Moscow, Saint Petersburg, Centre for Initiatives in the Humanities Publ., 2018, pp. 131-141. (In Russ.)

Filshinsky I.M. *Predstavleniya o 'potustoronnem mire' v arabskoy mifologii i literature* [Notions of the 'afterworld' in Arabian mythology and literature]. *Vostok-Zapad. Issledovaniya, perevody, publikatsii* [East-West. Research, translations, publications]. Moscow, Nauka Publ., 1989, vol. 4, pp. 56-64. (In Russ.)

Adams G. W. Visions in late Medieval England: lay spirituality and sacred glimpses of the hidden worlds of faith. Leiden, Brill, 2007, 273 p.

Adoyo C. Everymen and the Threefold Dante Subject in the Diegetic Structure of the *Commedia*. MLN, 2022, vol. 137, No. 1, pp. 123-144.

Le Goff J. Aspetti erudite e popolari dei viaggi nell'aldilà nel Medioevo. *Id.* L'immaginario medioevale. Roma, Laterza Publ., 2008, pp. 75-98.

Segre C. Viaggi e visioni d'oltremondo sino alla «Commedia» di Dante. *Id.* Fuori del mondo: i modelli nella follia e nelle immagini dell'aldilà. Torino, Einaudi, 1990, pp. 25-48.

Singleton Ch.S. La poesia della «Divina Commedia». Bologna, Il Mulino, 1978, 572 p.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023; одобрена после рецензирования 02.02.2023; принята к публикации 06.02.2023.

The article was submitted 17.01.2023; approved after reviewing 02.02.2023; accepted for publication 06.02.2023.

**ОБРАЗ ТОЛКОВАТЕЛЯ И ЕГО «ЖИВЫЕ ЭМБЛЕМЫ»
В КНИГЕ «ПУТЬ ПАЛОМНИКА» ДЖ. БАНЬЯНА
И ЕЕ АДАПТАЦИЯХ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЧИТАТЕЛЯ (XVII–XX ВВ.):
К ВОПРОСУ ЭВОЛЮЦИИ ТЕКСТА**

Ненарокова Мария Равильевна, доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, maria.nenarokova@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена одному из эпизодов книги «Путь паломника» Дж. Баньяна (эпизод в доме Толкователя) и изменению его эмблематического наполнения в адаптациях книги Баньяна для читателей XIX–XX вв. Объектом изучения стали значение образа Толкователя и содержание и форма семи эмблематических описаний, составляющих эпизод. Предметом изучения стали особенности трансформации текста-источника в адаптациях XIX–XX вв. Исследование выполнено на материале книги Баньяна и текстов Х.Л. Тейлор, «Иллюстрированного “Пути паломника”» и комикса М. Поуэлла. В задачи исследователя входило: определить значение эпизода в доме Толкователя в сюжете книги; установить значение образа Толкователя в контексте английской культуры XVII–XVIII вв.; проанализировать связь комплекса эмблем с религиозной культурой Англии эпохи барокко; описать изменения, имевшие место в адаптациях «Пути паломника» для читателей XIX–XX вв. Исследование показало, что образ Толкователя является ключевым для всего произведения. Смена культурных парадигм привела к разрушению изначального комплекса эмблем, однако авторы адаптаций использовали эмблемы Баньяна для создания собственных мини-комплексов, отвечавших потребностям их читательской аудитории. Хотя как формальная, так и содержательная сторона исходного текста со времени написания «Пути паломника» во многом претерпели изменения, однако и роль Толкователя, и назначение эмблем в адаптациях остались неизменными.

Ключевые слова: английская литература эпохи барокко, Джон Баньян, «Путь паломника», аллегория, эмблема, адаптация, комикс.

Благодарности. Статья выполнена по гранту Правительства Российской Федерации (соглашение № 23-28-00989 от 14.06.2022, срок реализации 2023–2024 гг.) «Английская классическая литература в мировой культуре: рецепции, трансформации, интерпретации».

Для цитирования: Ненарокова М.Р. Образ Толкователя и его «живые эмблемы» в книге «Путь паломника» Дж. Баньяна и ее адаптациях для современного читателя (XVII–XX вв.): к вопросу эволюции текста // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 85–92. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-85-92>

Research Article

**THE IMAGE OF THE INTERPRETER AND HIS “LIVING EMBLEMS”
IN “THE PILGRIM’S PROGRESS” BY JOHN BUNYAN AND ITS ADAPTATIONS
FOR THE CONTEMPORARY READERS (THE 17TH – THE 20TH CENTURIES):
ON THE ISSUE OF TEXT EVOLUTION**

Maria R. Nenarokova, Doctor of Philological Sciences, leading scientific associate, A.M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences, maria.nenarokova@yandex.ru

Abstract: The article focuses on one of the episodes of “The Pilgrim’s Progress” by John Bunyan (an episode in the House of the Interpreter) and the change in its emblematic content in the adaptations of J. Bunyan’s book for readers of the 19th – the 20th centuries. The object of study is the meaning of the Interpreter’s image and that of the content and form of the seven emblematic descriptions in the episode. The subject of the study is the transformation of the source text in the adaptations of the 19th – the 20th centuries. The study is based on J. Bunyan’s book and texts by Helen L. Taylor, “Little Pilgrim’s Progress” and Martin Powell’s comics. The tasks of the study were as follows: to determine the meaning of the episode in question in the plot of the book; establish the meaning of the Interpreter’s image in the context of the 17th – 18th c. English culture; to analyse the connection of the emblem complex with the Baroque religious culture; describe the changes in the adaptations of

the *Pilgrim's Progress* for readers of the 19th and the 20th centuries. The study showed that the Interpreter's image is the key one. The shift in cultural paradigms led to the destruction of the original set of emblems, but the authors of the adaptations used J. Bunyan's emblems to create their own mini-sets that met the needs of their readership. Although both the formal and the content of the original text have changed in many respects since the 17th century, both the role of the Interpreter and the purpose of the emblems in the adaptations have been remaining unchanged.

Keywords: English Baroque literature, John Bunyan, "The Pilgrim's Progress", allegory, emblem, adaptation, comic book.

Acknowledgments. The work was financially supported by the grant from the Government of the Russian Federation (agreement No. 23-28-00989, 14.06.2022, implementation period 2023–2024) "English Classical Literature in World Culture: Receptions, Transformations, Interpretations".

For citation: Nenarokova M.R. The image of the interpreter and his "Living Emblems" in "The Pilgrim's Progress" by John Bunyan and its adaptations for the contemporary readers (the 17th – the 20th centuries): on the issue of text evolution. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 1, pp. 85–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-85-92>

Книга Джона Баньяна «Путь паломника», написанная в жанре романа-аллегии, является одной из констант англоязычной культуры – как британской, так и американской. Как писал о ней исследователь английской литературы эпохи барокко Н. Кибл, «больше ни один текст XVII века, не считая Библии короля Иакова, ни одно произведение, вышедшее из-под пера писателя, принадлежащего к тому же социальному классу, что и Баньян, в любой период времени, ни одна книга, написанная пуританином или хотя бы ревностным христианином, не может похвастаться таким огромным вниманием читателей» [Keeble 1984: ix].

Аллегоричность «Пути паломника» соответствовала духу времени. Выражением особой ментальности эпохи барокко с ее художественным мышлением стала эмблема, «словесно-образная форма» [Михайлов: 146], являющая собой «особое восприятие реальности и особое слово» [Зеленин 2020: 41]. Эмблема «для пуритан XVII в. описывала предметы окружающего мира, имеющие духовное значение» [Daly: 187]. Слово «эмблема» греческого происхождения, первоначально оно обозначало нечто материальное – значок или украшение, имеющее символический смысл. Особенностью эмблемы как литературного жанра является «изобразительность слова и словесная выразительность изображения» [Сахно: 95]. Сама по себе эмблема состоит иногда из двух частей (изображение и комментарий), иногда из трех (девиз, выражающий идею эмблемы, изображение и комментарий к нему). Тексты XVII в. представляют собой, по выражению А.В. Михайлова, «эмблематическую стихию – такую, в которой стремительно зарождаются и сменяют друг друга эмблемы» [Михайлов: 159]. Как считает Д.А. Зеленин, в эпоху барокко можно говорить не об отдельном жанре, а об «эмблематическом дискурсе» [Зеленин 2021: 107], поскольку книга, отражающая сознание своего автора, может и не быть проиллюстрирована изображениями эмблем: достаточно «визуализации слова и возникновения ментального образа» [Зеленин 2021: 108]. Эти слова можно, без сомнения, отнести и к баньяновско-

му «Пути паломника»: перед читателем этой книги раскрывается «эмблематика, которая до конца перешла в текст» [Михайлов: 161].

При том что «Путь паломника» изобилует словами «в... сопряженности с образом» [Михайлов: 144], которые складываются в яркие описания, созерцаемые внутренним взором читателя, в тексте книги есть эпизод, где последовательно описываются семь эмблем, составляющих единую смысловую систему. Главный герой книги по имени Христиан (английское *Christian* является одновременно и именем «Христиан», и обозначением приверженца христианской веры «христианин») в начале своего пути в Небесный Град попадает в дом Толкователя, который, готовя неопытного путешественника к трудностям не столько реального, сколько духовного пути, преподает ему уроки, показывая и истолковывая эмблематические картины. Шесть из них можно назвать «живыми эмблемами», поскольку они представляют собой сценки, разыгранные перед Христианом безымянными участниками. Переходя от созерцания одной «живой эмблемы» к другой, Христиан слушает пояснения Толкователя и начинает осознавать духовное значение избранного им пути.

Образ Толкователя связан только с одним эпизодом, далее этот герой нигде не появляется и не упоминается. На первый взгляд это второстепенный персонаж. Чтобы понять, какое значение мог придавать сам автор и этому эпизоду, и его главному действующему лицу и как могли воспринять эту часть книги читатели XVII в., стоит обратиться к культурно-исторической ситуации того времени.

Религиозные потрясения XVI в., переход от католицизма к протестантизму при Генрихе VIII, от протестантизма к католицизму при его дочери Марии Тюдор и, наконец, окончательное утверждение протестантизма в Англии при Елизавете сопровождалось, с одной стороны, репрессиями инакомыслящих («все эти резкие "обрубания ветвей" и перемены», по выражению П. Лейка [Lake: 57]), с другой – появлением этих самых инакомыслящих, уверенных в своей правоте и распространявших свои взгляды. Поскольку

ку еще в правление Генриха VIII в 1526 г. появился перевод Священного Писания на английский язык, выполненный Уильямом Тиндейлом (работа над ним шла с 1522 г., и редактирование продолжалось до 1535 г.), каждый человек, будь то мужчина или женщина, мог читать библейские тексты и толковать их перед слушателями. Результатом свободного толкования Библии стало «резкое увеличение очень широкого разнообразия религиозных течений и объединений» [Lake: 58]. По свидетельству Уильяма Аллена, обратившегося к королеве Елизавете I с посланием, касавшимся идеологического разнообразия в английском обществе конца XVI в., в Англии того времени существовали «четыре известные религии и их учителя, совершенно различные по имени, духу и учению, то есть католики, протестанты, пуритане и “главы общин Любви Божией”, а кроме того, все иные мелкие секты, только что родившиеся, но уже ползающие по земле» [Lake: 58]. Сравнение мелких сект, заполонивших, по мнению Аллена, духовное пространство Англии XVI в., с пресмыкающимися или насекомыми указывает, как кажется, на опасность такого множества разнообразных взглядов для духовного здоровья общества.

С развитием книгопечатания ситуация только усложнялась. Люди, придерживавшиеся разных, подчас диаметрально противоположных религиозных и политических взглядов, и мужчины, и женщины, могли сделать их известными всем благодаря печатному станку. По наблюдениям Н. Кибла, при жизни Дж. Баньяна количество печатной продукции возросло с 625 названий в 1639 г. (Баньяну в то время было 11 лет) до 3 666 названий в 1642 г. (Баньяну всего 14 лет), а потом до 60-х гг. XVII в. количество публикаций колебалось от 1 000 до 2 000 в год [Keeble 2010: 13]. Ситуация была настолько удручающей, что старший современник Баньяна священник Ричард Бакстер писал: «Каждый невежественный, пустой ум (который обычно оценивает себя весьма высоко) пользуется свободой печати» [Keeble 2010: 13–14]. По его мнению, левеллеры, анабаптисты, квакеры, бродячие проповедники-рантеры и прочие «пустословы» «переворачивали мир вверх ногами» (Деян 17, 6). В этих условиях возрастала ценность советов тех проповедников, чья деятельность не вела к духовному разрушению, – истинных Толкователей Священного Писания. Баньяну положение дел было знакомо очень хорошо: он участвовал в религиозной полемике, публикуя памфлеты против квакеров, и сам был проповедником и толкователем библейских текстов [Smith: 30]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что образ Толкователя для «Пути паломника» является ключевым: недаром эпизод в доме Толкователя представляет собой начальную точку долгого пути Христиана к Небесному Граду. Толко-

ватель, по замыслу автора, должен стать тем истинным наставником, который научит Христиана видеть скрытое значение предметов, явлений, событий окружающего мира и, таким образом, снабдит его духовным оружием, необходимым ему на его полном опасностей пути.

И при жизни Баньяна, и много позже в Англии публиковались сборники эмблем, причем Баньян и сам составил сборник стихотворных эмблем для детей, называвшийся «Книга для мальчиков и девочек» (1686). Известно, что он был знаком со сборниками Дж. Уитни «Выбор эмблем» (1586), Ф. Кворлза «Эмблемы» (1635) и Дж. Уизера «Собрание эмблем, древних и современных» (1635) [Sharrock: 106; Luxon: 446]. Эти сборники сопровождаются предисловиями их авторов, которых также можно назвать Толкователями. Из этих кратких текстов становится понятно, какие задачи ставили перед собой те, кто должен был открывать своим читателям премудрости «аллегорического толкования любых вещей и явлений» [Михайлов: 143]. Интересно, что мотив духовного путешествия появляется в предисловии к самой ранней книге английских эмблем: по мнению ее автора, Джеффри Уитни, она должна была служить «распущенным людям к их исправлению, праведникам для того, чтобы им было легче идти вперед в их движении, которое ведет к Вечной Славе Божией» [Whitny: i]. Иными словами, Уитни видел свою книгу как своего рода итинерарий, помогающий праведным людям на пути в Небесное Царство, что не может не напоминать о путешествии героя Баньяна и о его цели.

Сами эмблемы, по мнению авторов сборников, имеют большое значение для духовного роста христиан: это «полезные нравственные наставления, а не тени, лишённые содержания, не образы, которые недостойны того, чтобы над ними поразмыслить» [Whitny: i], однако их смысл скрыт и нуждается в объяснении: «Эмблема есть не что иное, как безмолвная притча» [Quarles: 3], записанная «иероглифами» [Quarles: 3], появившимися до возникновения всем известных алфавитов. По мнению Ф. Кворлза, «Что есть небеса, земля, более того, каждое творение, если не иероглифы и эмблемы Славы Божией?» [Quarles: 3]. О «скрытых тайнах» [Wither: 2], о «потаянных значениях всех существующих вещей» [Wither: 2] пишет в своем предисловии и Дж. Уизер. Как он считает, «тот, кто может разгадать для нас / Эти загадки, будет назван вторым Эдипом» [Wither: 2]. Если обобщить мнение авторов эмблематических книг о самих себе, то мы поймем, как современники могли воспринимать образ Толкователя в баньяновском «Пути паломника» в буквальном смысле: человек, способный правильно объяснить эмблему своему собеседнику,

причастен к Божественным тайнам, постиг аллегорические значения различных элементов мироздания и их сочетаний, а сравнение с Эдипом, который один смог разгадать загадку Сфинкса и остаться в живых, подчеркивает и уникальность дара толкователя, и крайнюю важность его наставлений для желающих спасения души.

Подтверждение важности образа Толкователя и в то же время указание на его символическое значение находим в книге, написанной на излете эпохи барокко, – «Ключ к “Пути паломника”, составленный, чтобы помочь тем, кто восхищается этой превосходной книгой, читать ее как с пониманием и пользой, так и с немалым удовольствием» (1790). Ее автор скрыл свое имя под псевдонимом «Андроникус». Утверждая, что Баньян в своей книге отстоял пользу «метафорического способа передачи наставлений» [Andronicus: iii], Андроникус тем не менее указывает, что «читатели, которые жили в то же время, что и автор, или чрез малое время [после его смерти], могли гораздо лучше понимать многие части его аллегории, чем современные люди» [Andronicus: v]. Следовательно, необходим толкователь, но теперь уже всей книги Баньяна, а не отдельных описанных в ней эмблем. Андроникус создает традицию аллегорического объяснения образа самого Толкователя в баньяновом «Пути паломника», сообщая, что дом этого героя, где он показывает Христиану «Сокровища Премудрости» [Andronicus: 40], означает Священное Писание, а самого его непрямо называет «Духом Истины, Утешителем» [Andronicus: 40] и «Святым Духом» [Andronicus: 41]. Такое понимание образа Толкователя сохранилось вплоть до начала XX в.: в сноске издания «Пути паломника» 1917 г., объясняющей, кто такой Толкователь, стоит: «Святой Дух» [Bunyan 1917: 20].

Косвенным подтверждением такого объяснения образа Толкователя являются и сами семь эмблем, которые он показывает Христиану. Число «семь» в христианстве сакрально, в частности, оно обозначает количество даров Св. Духа. Несмотря на разрыв с католицизмом и отрицательное отношение к папе Римскому как символу этого вероисповедания (Христиану приходится проходить мимо пещеры, где некогда обитали два злобных великана, Папа и Язычник, «по причине чьей власти и тирании были жестоко преданы смерти люди, чьи кости, кровь, прах и т. д. там лежали» [Bunyan 1984: 54]), от духовного влияния католической культуры, все еще являвшейся неотъемлемой частью британского религиозного мировоззрения, избавиться было нелегко. Если обратиться к одному из известнейших богословов Позднего Средневековья Фоме Аквинскому, то обнаружим, что порядок даров Св. Духа, описанный в его труде *Summa Theologiae* (1265–1274; не завершен), и поря-

док, в котором Толкователь показывает Христиану эмблемы, во многом совпадают, при том что, конечно, ни имя Аквината, ни какая-либо связь с католическим вероучением не упоминаются.

Как пишет Фома Аквинский, «дар мудрости более соответствует любви, которая соединяет ум человека с Богом» [Thomas Aquinas]. Первая эмблема, которую толкователь показывает Христиану, представляет собой изображение «некого очень серьезного Мужа, висящее на стене, и вот в каком стиле оно было: Глаза сего Мужа были подняты к небу, в его руке была Лучшая из Книг, на устах его был запечатлен Закон Истины, за спиной его остался Мир; Муж сей стоял в такой позе, как если бы он обращался к людям; а над его головой парил Золотой Венец» [Bunyan 1984: 24]. Толкователь не называет имени «Мужа» [Bunyan 1984: 24], но подчеркивает и Его приверженность мудрости, воплощенной в «Лучшей из Книг» [Bunyan 1984: 24], и Его любовь к людям и к тому Служению, которое он исполняет ради Бога Отца [Bunyan 1984:24]. Он просит Христиана «держаться в уме увиденное» [Bunyan 1984: 24], чтобы не поддаваться во время путешествия на уговоры тех, чей «путь ведет вниз, к смерти» [Bunyan 1984: 24].

Согласно Аквинату, «вера разделяет мысли любви» [Thomas Aquinas], поэтому логично, сказав о даре любви, перейти к дару веры, которая основывается на свидетельствах Евангелия («вера также говорит обо всем, содержащемся в Священном Писании» [Thomas Aquinas]). Вторая эмблема посвящена объяснению различия между Законом и Евангелием в их влиянии на сердце человека, символом которого становится «очень большая комната, полная пыли» [Bunyan 1984: 24], то есть всех грехов, совершенных этим человеком. Муж, символизирующий Закон, не может справиться с пылью греха, тогда как Девица, означающая Евангелие, побрызгала комнату водой благодати Божией и легко вымела всю пыль; «душа очистилась посредством Веры» [Bunyan 1984: 25] в Евангелие.

Действие третьей эмблемы происходит «в маленькой комнате, где сидели два ребенка, каждый на своем стуле» [Bunyan 1984: 25]. Имена детей – «Страсть» и «Терпение» – и их поведение (««Страсть» выказывает недовольство тем, что ее требования не удовлетворяются немедленно, тогда как «Терпение» рассудительно предпочитает ждать, сколько необходимо) отсылают нас к рассуждениям Фомы Аквинского о даре разумения, связанном с даром умеренности: «Без разумения... умеренность не добродетель» [Thomas Aquinas]; «Разумный человек есть тот, кто выказывает правильное суждение» [Thomas Aquinas]. Глядя на детей, Христиан убеждается в том, что «терпение наиболее премудро» [Bunyan 1984: 26], показывая, таким образом, что и он сам является «разумным человеком».

Четвертая эмблема воспринимается как развитие темы второй эмблемы: она посвящена действию благодати Божией, «не прекращающемуся в сердце человека» [Bunyan 1984: 27]. Христиан был приведен «в место, где огонь горел у стены, и некий человек, стоявший рядом, заливал огонь большим количеством воды, однако огонь горел жарче и поднимался выше» [Bunyan 1984: 27]. На вопрос Христиана «Что это значит?» [Bunyan 1984: 27] Толкователь отвечает: «Этот огонь есть труд Благодати, который совершается в сердце; тот, кто льет воду на огонь, чтобы погасить и уничтожить его, есть дьявол» [Bunyan 1984: 27]. Причина того, что огонь все разгорается, та, что за стеной стоял «Человек с Сосудом Елея, из которого Он также льет в огонь, но скрытно» [Bunyan 1984: 27]. По объяснению Толкователя, этот Человек есть Христос, Который «Елеем Своей Благодати продолжает труд, который уже начался в сердце» [Bunyan 1984: 27]. О «всех духовных вещах, обретенных благодаря невидимой благодати» [Thomas Aquinas], писал и Фома Аквинский.

Среди «живых эмблем», которые Толкователь показывает Христиану, есть аллегорическое изображение пути в Небесный Иерусалим. Христиан увидел прекрасный дворец и толпу людей, стоящих перед ним, но не решающихся войти, поскольку вход во дворец охраняли вооруженные воины, внушающие им страх. Стоит здесь снова вспомнить Аквината, который уделял большое внимание дару стойкости, соединенной с храбростью: «...Человек боится, когда он дрожит от одной мысли о вооруженном столкновении, и все же он не настолько напуган в глубине души, чтобы не взять себя в руки и не набраться смелости» [Thomas Aquinas]. Христиан увидел, как один человек из толпы, надев доспехи и взяв в руки меч, вступил в бой с вооруженными стражами, победил их и был принят как равный хозяевами дворца [Bunyan 1984: 27–28]. Эта аллегория, изображающая путь христианского воина, позже у Баньяна отразится в сцене снаряжения Христиана на битву с Аполлионом в Прекрасном Дворце [Bunyan 1984: 46].

Благодаря пятой эмблеме Христиан постиг смысл своего путешествия и стал просить, чтобы Толкователь отпустил его в путь. Однако Толкователь посчитал, что Христиану нужно увидеть еще две эмблемы. Их можно назвать эмблемами-предупреждениями.

Местом действия шестой «живой эмблемы» становится «очень темная комната, где сидел человек в железной клетке» [Bunyan 1984: 28]. Человек в клетке служит символом отчаяния: он казался «очень печальным: он сидел, опустив глаза в землю, руки его были сложены на груди, и он вздыхал так, как если бы у него вот-вот разорвется сердце» [Bunyan 1984: 28]. На вопрос Христиана этот человек ответил, что он был известным наставником «в своих собственных глазах

и в глазах окружающих» [Bunyan 1984: 28], но был предан страстям и не боролся с ними и так «ожесточил свое сердце, что... не может раскаяться» [Bunyan 1984: 28]. Отвернувшись от веры, проповедовавшей отказ от страстей, несчастный потерял надежду на спасение, ведь именно «вера порождает надежду» [Thomas Aquinas]. Толкователь сказал Христиану: «Помни несчастье этого человека, пусть оно будет для тебя вечным предостережением!» [Bunyan 1984: 28].

Чтобы показать Христиану седьмую эмблему, Толкователь приводит его «в покой, где некто поднимался с постели, и когда он надевал свое платье, он дрожал и трясся» [Bunyan 1984: 29]. На вопрос Христиана, почему он так ведет себя, человек рассказал, что во сне он увидел Страшный Суд и видение ада, гораздо более яркое, чем видение рая. Собеседник рассказывает Христиану, что повергло его в такой ужас: «...Бездонная яма разверзлась прямо около того места, где я стоял; из ее жерла с ужасным шумом вышло обилие дыма и огненные угли» [Bunyan 1984: 29]. Собеседник боится оказаться в аду за свои грехи и присоединиться к грешникам: ведь они даже «в аду сохраняют свою злую волю, отвращающуюся от Божия правосудия» [Thomas Aquinas], которое, согласно Аквинату, сочетается с даром страха Божия.

Перед тем как отпустить Христиана в далекий путь, Толкователь говорит ему: «Держи все увиденное в памяти, чтобы оно служило тебе стрелом для твоих боков, чтобы подгонять тебя вперед по пути, по которому ты должен идти» [Bunyan 1984: 29]. «Все увиденное» [Bunyan 1984: 29] нужно помнить, поскольку оно описывает ежедневную внутреннюю жизнь христианина, определяя ее нормы и правила.

Книга уже упомянутого Андроникуса, написанная в 1790 г., оказалась своего рода фиксацией уходящей традиции: уже в начале XIX в. не только продолжал издаваться исходный текст, но появились и переработки, облегчавшие его восприятие читателями. Эпоха риторического мышления, «инструментом» [Михайлов: 142], которого служила эмблема, уходила в прошлое. Процесс упрощения, адаптации коснулся разных фрагментов текста «Пути паломника», в том числе и эпизодов, содержащих описание эмблем.

В XIX в. «Путь паломника» прочно вошел в круг детского чтения, но очень скоро стало ясно, что словесная оболочка книги слишком сложна для понимания детей. Автор одной из первых адаптаций баньяновской книги для детской аудитории, Хелен Луиза Тейлор, в предисловии к своей адаптации пишет: «Хотя сотни детей с удовольствием читают «Путь паломника», возможно, лишь некоторые способны получить от чтения больше, чем смутное представление о значении этой книги» [Taylor: i]. Как полагает писательница, «темные и неясные слова, которые «сохраняют Истину, как шкафы содержат золото», нахо-

дятся за пределами их понимания, и для юного ума повествование о путешествии Христиана привлекательно просто как история приключений, и её внимательное чтение доставляет бесконечное удовольствие, но малую пользу» [Taylor: i].

Книга Х. Тейлор, получившая название «Паломничество маленького Христиана», была ориентирована на детей младшего школьного возраста и, соответственно, учитывала их уровень восприятия и осознания окружающего мира. Сцена в доме Толкователя подверглась сокращению и значительной переработке. Из семи эмблем писательница оставила только три, которые могли быть легко поняты детьми, однако первоначальный текст послужил Х. Тейлор лишь канвой для ее собственного повествования. Так, первая эмблема, у Баньяна представляющая собой портрет «некого очень серьезного Мужа» [Bunyan 1984: 24], изображенного на фоне «Мира» [Bunyan 1984: 24], то есть, видимо, символов мирских радостей и стремлений – богатства, славы, увеселений – вряд ли была бы понятна детям. Х. Тейлор, сохраняя саму идею созерцания картины, меняет ее сюжет: «Это было изображение Человека, Чей лик был прекраснее всего, что когда-либо видел в своем воображении маленький Христиан. Человек шел по горной тропе. Везде вокруг Него, среди скал, росли колючие кусты и терновник, которые порвали его одеяние во многих местах; Его ступни кровоточили, потому что их изранили острые камни. В руках Он нес маленького ягненка» [Taylor: 29]. Христиан был настолько потрясен, что разглядывал картину, сжав от волнения руки и стоя совершенно неподвижно, а позже, когда нужно было переходить к другой «живой эмблеме», ему «было очень жаль оставить позади изображение Доброго Пастыря» [Taylor: 29]. Образ Христа как Доброго Пастыря, с одной стороны, понятен детям, с другой, не только сообщает некий объем информации для осмысления, но и воздействует на эмоции маленьких читателей, вызывая желание помочь, облегчить боль, проявить сострадание, любовь. Понятна маленьким читателям и третья эмблема, рассказывающая о двух детях по имени Страсть и Терпение, причем Х. Тейлор добавляет в описание эмблемы детали, которые были знакомы ее читателям. Если у Баньяна Страсть получает «мешок, полный сокровищ» [Bunyan 1984: 25], то Х. Тейлор делает эти сокровища зримыми: «книжки, игрушки и хорошенькие вещицы» [Taylor: 31], а также «несколько мешочков с блестящими золотыми монетами» [Taylor: 32]. Х. Тейлор сохраняет и пятую эмблему, являющуюся аллегорией пути христианского воина в Небесный Град. Увидев, как отважно сражается воин, чтобы войти в царский дворец, маленький Христиан приходит к значимому для себя и читателей выводу: «... Нам не следует бояться, потому

что Царь поможет нам и приведет нас в безопасности в Свой Град» [Taylor: 34]. Как видим, из всех уроков, которые посредством эмблем Баньян преподавал читателям XVII в., для маленьких англичан XIX в. оказались важными любовь к Богу, умение справляться со своим дурным поведением и стремление держаться истинного пути.

Если книга Х. Тейлор, не утратившая своей популярности и в наши дни, является адаптацией оригинального текста для определенной возрастной категории, то «Иллюстрированный “Путь паломника”» (1960) был рассчитан на читателей, которые сосредотачиваются на картинках в книге, но текст должен быть очень простым, он скорее должен дублировать изображенное, а не дополнять его. Так, например, абзац из баньянова текста, в котором описывается, как семья и соседи пытались остановить Христиана, убегающего из Града Разрушения, в «Иллюстрированном “Пути паломника”» превращается в предложение: «Сговорчивый и Упрямый побежали за ним» [Pictorial Pilgrim's Progress: 20]. Все эмблемы из эпизода в доме Толкователя сохранены в этом издании и приводятся в том же порядке, в котором они включены в текст-источник, однако их аллегоричность почти не ощущается. Изображения, сопровождающиеся очень простым с точки зрения лексики и синтаксиса текстом воспринимаются скорее как реалистические зарисовки.

Еще одним способом заинтересовать читателей XX в. старинным текстом стало создание комиксов. Комикс Мартина Поуэлла (1992) по баньянову «Пути паломника» переносит действие книги в наши дни, в современную Америку. При этом сцена в доме Толкователя остается одной из ключевых, хотя число эмблем сократилось до трех. Череда эмблем начинается со второй: мы видим комнату, в которой все «покрыто грязью греха и забито пылью смерти» [Powell], и Толкователь, своей собственной рукой стирая пыль, говорит Христиану: «Смотри, как легко она может быть очищена благодатью Божией» [Powell]. Следующей идет шестая эмблема: на иллюстрации видим огромную библиотеку как символ мирских знаний и тесную клетку, в которой находится отчаявшийся человек, потакавший своим страстям. «Все мое умствование оказалось мыльным пузырем» [Powell], слышит от него Христиан. Последней использована пятая эмблема: серия картинок изображает воина, похожего на древних римлян, который, вступая в бой со стражей дворца, восклицает: «Я никогда не сдамся!» [Powell]. Слова Христиана показывают, что все увиденное для него стало усвоенным уроком: «Моя безопасность будет зависеть не от моего ума или физической силы... но от простой отваги и веры» [Powell]. Как и в случае Х. Тейлор, отбор эмблем значим: перед героем Поуэлла открываются две линии поведения – грех,

который ведет к отчаянию, и борьба с грехом, пусть и тяжкая, но ведущая к спасению.

Как видим, образ Толкователя, на первый взгляд эпизодический, оказывается у Баньяна гораздо глубже и значительнее, чем может показаться современному читателю, его глубина достигается за счет ассоциаций, которые он вызывал у современников Баньяна и более поздних поколений читателей, воспитанных в рамках культуры риторического сознания. Иными словами, не только поучительные сцены, которые Христиан видит в доме Толкователя, являются эмблемами, но и личность самого хозяина дома имеет символический характер. При том что при смене культурных парадигм аллегоричность баньянова повествования служила препятствием для полного понимания текста читателями, она же стала и средством сохранения культурно значимого текста в кругу чтения современных людей. Единство комплекса баньяновых эмблем разрушилось, но отдельные эмблемы складывались в новые цепочки, которые в ярких, запоминающихся образах передавали идеи, понятные современным читателям. Хотя как формальная, так и содержательная сторона исходного текста со времени написания «Пути паломника» во многом претерпели изменения, однако и роль Толкователя, и назначение эмблем в адаптациях остались неизменными.

Список литературы

Зеленин Д.А. Дискурсивная эмблема как теоретическая проблема барочной литературы (на материале романа А. д'Обинье «Приключения барона де Фенеста») // Новый филологический вестник. 2020. № 1 (52). С. 37–49.

Зеленин Д.А. Эмблематика и исцеление от меланхолии в «Анатомии меланхолии» Р. Бёртона // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 1. С. 104–129. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-104-129>

Михайлов А.В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Языки культуры. Москва: Языки русской культуры, 1997. С. 112–175.

Сахно И.М. «Ut pictura poesis»: поэтическая и живописная эмблема барокко // Обсерватория культуры. 2015. № 5. С. 94–100.

Andronicus. A Key to The Pilgrim's Progress Designed to Assist the Admirers of that Excellent Book to Read it with Understanding and Profit, as Well as Pleasing Entertainment. In a Series of Letters to a Friend by Andronicus. London, J. Barfield, 1790, p. 334.

Bunian J. The Pilgrim's Progress. Oxford-New York, Oxford University Press, 1984, 302 p.

Bunyan J. The Pilgrim's Progress. New York, Ginn and Company, 1917, p. 120.

Daly P.M. Literature in the Light of the Emblem. 2-nd Edition. Toronto, University of Toronto Press, 1998, p. 284.

Keeble N.H. Introduction. John Bunyan. The Pilgrim's Progress. Oxford, Oxford University Press, 1984, pp. IX-XXIV.

Keeble N.H. John Bunyan's literary life. The Cambridge Companion to Bunyan. Ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 13-25.

Lake P. Religious Identities in Shakespeare's England. A Companion to Shakespeare, First Edition. Edited by David Scott Kastan. Oxford, Blackwell Publishing Ltd., 1999, pp. 57-84.

Luxon T.H. Calvin and Bunyan on Word and Image: Is 'There a Text in Interpreter's House? English Literary Renaissance, 1988, vol. 18, No. 3 (Autumn), pp. 438-459.

Pooley R. The Pilgrim's Progress and the line of allegory. The Cambridge Companion to Bunyan, ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 80-94.

Powell M. The Pilgrim's Progress. Based on the book by John Bunyan. New York, Marvel Comics, 1992. URL: <https://www.zipcomic.com/the-pilgrims-progress-issue-tpb> (access date: 01.01.2023).

Quarles F. Emblemes. London, Printed by G.M., 1635, 334 p.

Sharrock R. Bunyan and the English Emblem Writers. The Review of English Studies, 1945, April, vol. OS-XXI, iss. 82, pp. 105-116. <https://doi.org/10.1093/res/os-XXI.82.105>

Smith N. John Bunyan and Restoration literature. The Cambridge Companion to Bunyan, ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 26-38.

Taylor H.L. Little Christian's Pilgrimage. The Story of The Pilgrim's Progress Simply Told. London, Wells Gardner, Darton & Co., LTD, 1910, 292 p.

Thomas Aquinas. St. Summa Theologica. Part II-II (Secunda Secundae). URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/18755/pg18755.html> (access date: 09.03.2023).

Whitny G. A Choice of Emblems and Other Devises. Leyden, In the House of Christopher Plantyn, 1586, p. 238.

Wither G. A collection of Emblemes, Ancient and Modern. London, Printed by A.M., 1635, p. 294.

References

Mikhailov A.V. *Poetika barokko: zavershenie ritoricheskoi epokhi* [Poetics of the Baroque: the completion of the rhetorical era]. *Iazyki kul'tury* [Cultural languages]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1997, pp. 112-175. (In Russ.)

Sakhno I.M. «*Ut pictura poesis*»: *poeticheskaja i zhivopisnaia emblema barokko* ["*Ut pictura poesis*": a poetic and pictorial emblem of the Baroque]. *Obseratoriia kul'tury* [Observatory of Culture], 2015, No. 5, pp. 94-100. (In Russ.)

Zelenin D.A. *Diskursivnaia emblema kak teoreticheskaia problema barochnoi literatury (na materiale romana A. d'Obin'e «Priklucheniia barona de Fenesta»)* [Discursive Emblem as a Theoretical Problem of Baroque Literature (Based on A. d'Aubigne's Novel "The Adventures of Baron de Fenest"). *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin], 2020, No. 1 (52), pp. 37-49. (In Russ.)

Zelenin D.A. *Emblematika i istozhenie ot melankholii v «Anatomii melankholii» R. Bertona* [Emblematics and healing from melancholy in R. Burton's "Anatomy of Melancholy"]. *Studia Litterarum*, 2021, vol. 6, No. 1, pp. 104-129. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-1-104-129> (In Russ.)

Andronicus. A Key to The Pilgrim's Progress Designed to Assist the Admirers of that Excellent Book to Read it with Understanding and Profit, as Well as Pleasing Entertainment. In a Series of Letters to a Friend by Andronicus. London, J. Barfield, 1790, p. 334.

Bunian J. The Pilgrim's Progress. Oxford-New York, Oxford University Press, 1984, 302 p.

Bunyan J. The Pilgrim's Progress. New York, Ginn and Company, 1917, p. 120.

Daly P.M. Literature in the Light of the Emblem. 2-nd Edition. Toronto, University of Toronto Press, 1998, p. 284.

Keeble N.H. Introduction. John Bunyan. The Pilgrim's Progress. Oxford, Oxford University Press, 1984, pp. IX-XXIV.

Keeble N.H. John Bunyan's literary life. The Cambridge Companion to Bunyan. Ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 13-25.

Lake P. Religious Identities in Shakespeare's England. A Companion to Shakespeare, First Edition. Edited by David Scott Kastan. Oxford, Blackwell Publishing Ltd., 1999, pp. 57-84.

Luxon T.H. Calvin and Bunyan on Word and Image: Is 'There a Text in Interpreter's House? English Literary Renaissance, 1988, vol. 18, No. 3 (Autumn), pp. 438-459.

Pooley R. The Pilgrim's Progress and the line of allegory. The Cambridge Companion to Bunyan, ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 80-94.

Powell M. The Pilgrim's Progress. Based on the book by John Bunyan. New York, Marvel Comics, 1992. URL: <https://www.zipcomic.com/the-pilgrims-progress-issue-tpb> (access date: 01.01.2023).

Quarles F. Emblemes. London, Printed by G.M., 1635, 334 p.

Sharrock R. Bunyan and the English Emblem Writers. The Review of English Studies, 1945, April, vol. OS-XXI, iss. 82, pp. 105-116. <https://doi.org/10.1093/res/os-XXI.82.105>

Smith N. John Bunyan and Restoration literature. The Cambridge Companion to Bunyan, ed. by Anne Dunan-Page. Cambridge, Cambridge University Press, 2010, pp. 26-38.

Taylor H.L. Little Christian's Pilgrimage. The Story of The Pilgrim's Progress Simply Told. London, Wells Gardner, Darton & Co., LTD, 1910, 292 p.

Thomas Aquinas. St. Summa Theologica. Part II-II (Secunda Secundae). URL: <https://www.gutenberg.org/cache/epub/18755/pg18755.html> (access date: 09.03.2023).

Whitny G. A Choice of Emblems and Other Devises. Leyden, In the House of Christopher Plantyn, 1586, p. 238.

Wither G. A collection of Emblemes, Ancient and Modern. London, Printed by A.M., 1635, p. 294.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 02.02.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

ОСОБЕННОСТИ ГЕТЕРОНИМИИ В ЛИРИКЕ ФЕРНАНДУ ПЕССОА

Овчаренко Ольга Александровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, olgaimli@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания автора статьи находится гетеронимная лирика великого португальского поэта Ф. Пессоа.

Объясняются различия между ортонимной и гетеронимной лирикой Пессоа, исследуется возникновение гетеронимии в его поэзии. Автор статьи сводит гетеронимию в лирике Пессоа к стихотворениям Алберту Казейру, Рикарду Рейша и Алвару де Кампуша и рассматривает основные особенности их лирики. Попутно исследуются придуманные Пессоа литературные течения – паулизм, интерсекционизм и сенсационизм. Делается вывод, что гетеронимия и была главным средством художественного познания мира в творчестве Ф. Пессоа.

Ключевые слова: Пессоа, ортонимия, гетеронимия, паулизм, интерсекционизм, сенсационизм, творчество.

Для цитирования: Овчаренко О.А. Особенности гетеронимии в лирике Ф. Пессоа // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 93–99. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-93-99>

Research Article

PECULIARITIES OF HETERONYMY IN THE LYRICS BY FERNANDO ANTÓNIO NOGUEIRA PESSOA

Olga A. Ovcharenko, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Institute of World Literature named after A.M. Gorky of the Russian Academy of Sciences, olgaimli@yandex.ru

Abstract. The author of the article focuses on the heteronymous lyrics of the great Portuguese poet F. Pessoa. The differences between the orthonymic and heteronymic lyrics of F. Pessoa are explained with the emergence of heteronymy in his poetry investigated. The author of the article reduces the heteronymy in the lyrics by F. Pessoa to the poems of Alberto Caeiro da Silva, Ricardo Reis and Álvaro de Campos and considers the main features of their lyrics. Along the way, the literary movements invented by F. Pessoa – paulism, intersectionism and sensationalism – are explored. It is concluded that heteronymy was the main means of artistic knowledge of the world in the works by F. Pessoa.

Keywords: Fernando António Nogueira Pessoa, orthonymy, heteronymy, paulism, intersectionism, sensationalism, creative work.

For citation: Ovcharenko O.A. Peculiarities of Heteronymy in the Lyrics of Fernando Pessoa. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 93–99. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-93-99>

Одной из характерных черт творческой манеры Фернанду Пессоа была гетеронимия – способность создавать фигуры писателей-творцов (гетеронимов) и творить от их имени, соблюдая индивидуальную манеру каждого из них. Гетеронимия была для Ф. Пессоа средством и самоинициации (он считал многих поэтов, в частности Шекспира, «великими посвященными от Бога»), и познания мира. До сих пор она остается одной из главных загадок его творчества. Именно к ней мы попытаемся приблизиться в данной статье.

Как известно, значительная часть наследия Пессоа приходится на гетеронимную лирику. О понятии «гетероним» речь пойдет впереди. Пока же можно сказать, что у Пессоа «масок было как минимум 127. Они составляли полную боли мозаику его на-

стоящего лица – если оно, конечно, у него вообще было» [Евреинов: 18]. Думается, что не все «маски» Пессоа дотягивают до уровня гетеронимов. Но, прежде чем перейти к анализу гетеронимной лирики, остановимся еще на одном, более простом проявлении его художественного вымысла – попытке моделировать литературный процесс. В широком смысле слова гетеронимия также относится к попыткам такого моделирования, но в арсенале Пессоа были и более простые способы достижения этой цели.

Для обновления литературного процесса поэтом было придумано три литературных течения: паулизм, интерсекционизм и сенсационизм. Паулизм возник 23 марта 1913 г., еще до рождения гетеронимов [Lind: 40]¹. Свое название он получил от слова *pauis* – болота, с которого начинается стихотво-

рение “Pauis de goçarem âncias pela minha alma em ougo”, опубликованное в журнале «Португальское возрождение». Впрочем, один из первых исследователей творчества Пессоа его друг Жуан Гашпар Симоэнш считает, что истоки паулизма восходят еще к 1912 г., к статье «Новая португальская поэзия в ее психологическом аспекте» [Simões: 207], в которой указывались три кита нового направления: неопределенность (*vago*), тонкость (*subtileza*) и сложность (*complexidade*).

Стихотворение «Болота» выражает чувство чрезмерной тоски и скорби. Больше о нем сказать нечего. Сохранились заметки Пессоа, в которых он утверждает, что «паулизм относится к течению, первым четким проявлением которого был символизм». Есть и мнение, что «паулизм представлял собой «интеллектуализированный саудаизм» [Хохлова: 36]. Правильнее было бы сказать «саудаизм» – течение португальской поэзии и философской мысли, видевшее в *sauda* (непереводимое слово, означающее тоску по утраченным ценностям, лицам и даже Богу) сущность португальской национальной психологии. Самое парадоксальное в этом течении то, что никто не может четко назвать других его представителей, кроме Пессоа.

Друг поэта и сам выдающийся литератор Мариу Са Карнейру объявил паулистским собор Святое Семейство Гауди в Барселоне. Известно, что музыкант Руй Куэлью и другие лиссабонские композиторы хотели дать концерт паулистской музыки на слова Пессоа, Са Карнейру и Алфреду Гизаду, но обнаружили, что «паулизм тем временем превратился в интерсекционизм» [Lind: 50], еще один плод теоретической мысли Пессоа.

Между тем Пессоа «изобретает» новое течение, которое будет сосуществовать в его творчестве с гетеронимной лирикой. Это интерсекционизм, который, по мнению некоторых исследователей, всегда был близок к еще одному введенному поэтом «-изму» – сенсационизму. Интерсекционизм соприкасается с таким течением европейской живописи, как симультанеизм, ибо Пессоа считает, что предмет поэтического высказывания должен быть показан комплексно, в разных его ракурсах.

«По мысли поэта, интерсекционистское видение преодолевает ограниченность кубизма и футуризма» [Хохлова: 44]. Представление об этом течении дает цикл стихотворений «Косой дождь». В нем действительно есть определенное наложение впечатлений: от дождя поэт переходит к освещенному пространству собора, и капли дождя становятся огоньками свечей. Внутреннее убранство церкви видится поэту сквозь дождь, а на смену впечатлениям от церкви вновь приходит картина дождя, перемежающаяся с гудением автомобиля.

Пессоа раздумывал, не приписать ли «Косой дождь» Алвару де Кампушу (письмо Арманду Кортешу-Рудригешу от 4 октября 1914 г.) [Pessoa 2: 170]. Тонкий исследователь творчества писателя Жозе Аугушту Сеабра замечает, что интерсекционизм действительно проявил себя в творчестве некоторых гетеронимов, и прежде всего Алвару де Кампуша [Seabra: 208]. «Наложение ощущений друг на друга является здесь элементом того, что можно назвать сенсационистским «симультанеизмом»: поэт не может испытать каждый раз по одному ощущению, но ему нужно «ощутить... все в одно и то же время» [Seabra: 209].

Исследователь полагает, что интерсекционизм простерся как на гетеронимную, так и на ортонимную лирику Пессоа, и относит к нему такие произведения, как «Крестный путь», «У гробницы Кристиана Розенкрейца» и «Послание». Пессоа замыслил целую антологию интерсекционизма, о чем и сообщил в указанном письме А. Кортешу Рудригешу. Замыслу было не суждено воплотиться.

Георг Рудольф Линд отрицает влияние на интерсекционизм футуризма и кубизма и полагает, что на Пессоа в данном случае могло воздействовать стихотворение Рембо «Марина», хотя сам же и признает, что нет никаких свидетельств о том, что португальский поэт знал этот текст [Lind: 62]. Он отрицает и влияние на интерсекционизм футуризма, ибо, с точки зрения Пессоа, футуризм являлся «Абсолютной Объективностью», а интерсекционизм – «чрезмерной субъективностью, синтезом, доведенным до максимума, преувеличением статического отношения» [Lind: 67].

Наконец, третье и наиболее развитое литературное течение, сконструированное Пессоа, – это сенсационизм, тесно связанный с творчеством гетеронима Алвару де Кампуша и, по мнению большинства исследователей, представляющий собой португальский вариант футуризма. Слово «сенсационизм» произведено от слова *sensação* – ощущение. Пессоа относил к нему и творчество двух других своих гетеронимов – Алберту Казэйру и Рикарду Рейша. В «Предисловии к английскому переводу стихотворений Алберту Казэйру» (опубликованному только после смерти поэта) он писал: «Его поэзия – сенсационистская. Ее основа – это замена ощущения мыслью, не только как источником вдохновения, что понятно, но и как средством выразительности, если так можно сказать. И, надо добавить, что два его ученика, хотя они и отличаются и от него, и между собой, тоже, на самом деле, сенсационисты» [Pessoa: 1060].

В письме в газету «Диариу де Нутисиаш» от 4 июня 1915 г. Пессоа говорит, что «главное свойство футуризма – это Абсолютная Объективность, устранение искусства, всего, что составляет *душу*, то есть чувства, эмоции, лиризм – в общем, субъективность» [Pessoa: 1099].

Считается, что сенсационизм возник после июня 1914 г. [Pessoa: 1329-1333]. В 1927 г. поэт писал: «Сенсационизм связан с энергичным, вибрирующим отношением к жизни, с восхищением Жизнью, Материей и Силой, примерами чего за рубежом являются Верхарн, Маринетти, графиня де Ноайль и Киплинг [Pessoa 2: 1082]. Поэт в стихотворении Алвару де Кампуша «Триумфальная ода» утверждает, что «в машинах и электрическом свете» сокрыты Платон и Вергилий, а в коробках передач и тормозах – атомы мозга Эсхила. «Ах, если бы я мог выразить себя так, как выражает мотор, / И быть совершенным, как машина», – восклицает он. Са Карнейру писал Пессоа о «Триумфальной оде»: «Вы только что написали шедевр футуризма. Потому что, хотя, может быть, и не в чистом виде, не образцово футуристический, но ансамбль оды является абсолютно футуристическим. Мой друг, по крайней мере с нынешних – пор Маринетти – гений» [Seabra: 256].

Но, как и другим вымышленным Пессоа литературным чтениям, сенсационизму также не хватало участников. И не хватало дифференциальных признаков. Не случайно все исследователи творчества Пессоа характеризуют изобретенные им течения, пряча за его же цитаты.

Между тем параллельно с их развитием в творчестве португальского поэта идет процесс создания гетеронимов.

Здесь не так просто определить точку отсчета. В знаменитом письме Адолфу Казайшу Мунтейру от 13 января 1935 г. Пессоа так вспоминает об их генезисе: «С детских лет у меня была тенденция к созданию вокруг себя фиктивного мира, окружения себя друзьями и знакомыми, которые никогда не существовали... Так, я помню того, кто, мне кажется, был моим первым гетеронимом или, лучше сказать, первым несуществующим знакомым, некоего *шевалье де Па* моих шести лет. От его имени я писал письма самому себе... Эта тенденция к созданию вокруг себя иного мира... никогда не исчезала из моего воображения» [Pessoa 2: 340]. Продолжая свой рассказ о возникновении гетеронимов, Пессоа сразу переходит к трем самым знаменитым: Алберту Казэйру, Рикарду Рейшу и Алвару де Кампушу.

Видный исследователь творчества Пессоа А. Кудруш упоминает Александра Серча, которого называет «первоначальным гетеронимом» [Pessoa 1: 715] и от имени которого 2 октября 1907 г. поэт заключил пакт с сатаной. Этим именем подписаны стихи Пессоа на английском языке – в основном эротическая лирика, творец которой также весьма отличается от привычных нам гетеронимов.

В послании А. Казайшу Мунтейру поэт говорит о трех своих «полноценных» гетеронимах и одном полугетерониме Бернарду Суареше. Далее, в том же

письме Пессоа дает словесные портреты своих гетеронимов, характеризует их образование и пытается рассказать о психологическом состоянии, в котором он начинает творить от имени каждого из них.

Пессоа говорил о себе: «Главное в моей личности как художника – то, что я являюсь драматическим поэтом, то есть во всем, что я пишу, есть интимная экзальтация поэта и деперсонализация драматурга» [Pessoa 2: 302].

Как пишет испанский исследователь Педро Мартин Лего, «гетеронимные произведения Фернанду Пессоа принадлежат, насколько известно, трем лицам – Алберту Казэйру, Рикарду Рейшу и Алвару де Кампушу. Этим индивидов надо рассматривать как отличающихся от своего автора. Каждый из них образует своего рода драму, а все вместе они образуют другую драму» [Lago: 55].

Как считает Тереза Рита Лопеш, «сущность драматического творчества для Пессоа – это не сотворение истории, а сотворение персонажей, имеющих автономную жизнь» [Rita Lopes: 109].

«Гипотеза, от которой я отталкиваюсь и в оригинальность и плодотворность которой верю, – это то, что текст Пессоа выстраивается в *поэмодраму* – драму в стихотворениях, – из которой следует *поэтодрама* – драма в поэтах... В Пессоа нет единства, гомогенности, но есть изменчивость и гетерогенность языков», – писал Жозе Аугушту Сеабра [Seabra: 14–15].

Любопытен и «русский след» в гетеронимии Ф. Пессоа. В набросках примерно 1915–1916 гг. Пессоа вспоминал «удивительное действие “Театр души” Евреинова, сцена которого – “внутренняя сторона человеческой души”, а персонажи, обозначенные, как А¹, А² и А³ и т. д. – это несколько субиндивидуальностей, составляющих ту псевдопростую сущность, которую называют духом» [Pessoa 3: 104]. Нам не удалось найти в наших библиотеках текста «Театра души» Евреинова. Удалось только встретить упоминание о том, что «его концепция монодрамы была воплощена в «Театре души», постановке 1915 г., действие которой происходит внутри человеческой груди как хранилища души»². Известно, что у Евреинова есть пьеса «В кулисах души», действующими лицами которой являются «Я Первое (рациональное начало души), Я Второе (эмоциональное начало души), «Я Третье-сам (подсознательное начало души)» и «Первый образ жены, второй образ жены, первый образ певички, второй образ певички». «Действие происходит в душе» [Евреинов].

Ж. ду Праду Куэлью в предисловии к русскому изданию лирики Пессоа пишет: «Пессоа цитирует Н. Евреинова, автора поразительного действия «Театр для себя», в котором сцена – это человеческая душа, а персонажи, обозначенные, как А¹, А², А³, являют-

ся разными «субиндивидуальностями» компонентами той якобы элементарной субстанции, которая называется душой» [Прадо Козьло: 31].

В свое время, когда я работала над статьей, предназначенной для книги «Португальская литература» и посвященной гетеронимии Ф. Пессоа, коллеги указали мне на близкие к гетеронимии явления мировой литературы. В частности, упоминался Кьеркегор, у которого было двенадцать псевдонимов, причем «эти многочисленные авторы спорят между собой, некоторые из них обнаруживают сходную позицию, но чаще просто дополняют, развивают мысль предыдущих; иные, высказав свою точку зрения, исчезают совсем, другие вновь появляются спустя несколько лет» [Овчаренко: 320].

Но дело в том, что трудно представить себе и Иоганнеса де Силенцио, и Иоанна Климакуса, и Виктора Эремиту, и других кьеркегоровских носителей псевдонимов. На звание гетеронима мог бы претендовать Козьма Прутков, ибо он наделен собственной личностью и биографией. Безусловно, близка к гетеронимам волошинско-дмитриевская Черубина де Габриак.

Двух гетеронимов – Абея Мартина и Хуана Майрену – создал испанский писатель Антонио Мачадо, однако взаимоотношения между ними и образом автора строились по схеме Пушкин / И.П. Белкин: непроходимой пропасти между реальным автором и повествователем нет, но повествователь является личностью более ограниченного кругозора и более скромного социального положения, чем автор, и эти качества рассматриваются автором как позитивные, ибо взгляд на мир «естественного человека», своего рода Кандида, противопоставляется официозу.

В 1928 г. Пессоа, говоря о себе в третьем лице, пытается определить различие между ортонимной и гетеронимной поэзией: «То, что пишет Фернанду Пессоа, относится к двум категориям произведений, которые мы можем назвать ортонимными и гетеронимными. Их нельзя назвать анонимными и псевдонимными, потому что, должно быть, они таковыми не являются. Произведения псевдонимов написаны автором собственной персоной, кроме имени, которым они подписаны. Гетеронимные произведения написаны автором, вышедшим за пределы своей личности, эти произведения принадлежат полноценному индивиду, созданному автором, так же как таковыми были бы слова какого-нибудь персонажа его какой-нибудь драмы... Гетеронимные произведения Фернанду Пессоа написаны до сих пор людьми, носящими три имени – Алберту Каэйру, Рикарду Рейшем и Алвару де Кампушем. Эти индивиды должны рассматриваться как отличающиеся от своего автора» [Pessoa 1: 706].

«По каким-то связанным с моим темпераментом причинам, анализировать которые я не берусь, да это

и неважно, я создал внутри себя различных персонажей, отличающихся между собой и от меня; этим персонажам я приписал различные стихотворения, которые бы я сам, со своими чувствами и мыслями, не написал», – говорил Пессоа [Pessoa 1: 712].

Сам Пессоа, по-видимому, связывал свое обращение к гетеронимам с признанием множественности миров и их творцов. Во всяком случае, уже упоминавшееся письмо к Адолфу Казайшу Мунтейру от 13 января 1935 г. он, после подробной характеристики своих гетеронимов, заканчивает размышлениями оккультного плана: «Я верю в существование миров более высоких по сравнению с нашим и в их обитателей, находящихся на разной степени духовности, которая с каждым разом становится все тоньше, пока не дойдет до Высшего Существа, которое, по-видимому, сотворило этот мир» [Pessoa: 344].

Жозе Аугушту Сеабра при анализе гетеронимной лирики Пессоа замечает: «...окультизм – это именно один из ключей от множественности, о которой он говорит: «Все, кто думает оккультистски, создают... систему вселенной, которая кажется реальной. Но они противоречат сами себе: существуют разные системы вселенной, и все они реальны» [Seabra: 55].

Пессоа также считал, что в его поэзии нет эволюции. Он писал Казайшу Мунтейру: «Вы сделали чрезвычайно тонкое наблюдение об отсутствии у меня того, что законно можно было бы назвать какой бы то ни было эволюцией. У меня есть стихотворения, написанные, когда мне было двадцать лет, и по своей значимости они – насколько я могу судить – не уступают тем, что я пишу сегодня... Я, в основном, – по ту сторону от масок поэта, мыслителя и так далее – драматург. Феномен моей инстинктивной деперсонализации, на которую я намекал в своем предыдущем письме, объясняя существование гетеронимов, необходимо приводить к этому определению. Поэтому я не эволюционирую: я ПУТЕШЕСТВУЮ... Я меняю свою личность, я (вот где может быть эволюция) обогащаюсь в плане создания новых личностей, новых типов притворства в смысле понимания мира или, вернее, притворства, что его можно понять. Поэтому это мое продвижение можно сравнить не с эволюцией, а с путешествием: я не поднимался с одного этажа на другой, я шел по горизонтали из одного места в другое. Я действительно утратил некоторую простоту и непосредственность, которые были в моих юношеских стихах; это, однако, не эволюция, а процесс старения» [Casais: 245].

Очень интересны мысли португальского исследователя Дионизиу Вилы Майора о параллелизме гетеронимии Пессоа и идей М.М. Бахтина: «Важно, чтобы мы рассматривали гетеронимию как явно полифоническое пространство» [Vila Maior: 16].

Таким образом, без предубеждения и случайной подгонки взглядов Бахтина к гетеронимии Пессоа, будет законно предположить существование методологических факторов, которые отличают взаимодействие двух областей: полифонического романа и гетеронимии, при том, что эстетическая функциональность второй обнаруживает явное сходство с первым» [Vila Maior: 35].

Действительно, некоторые высказывания Бахтина, например из работы «Полифонический роман Достоевского и его освещение в критической литературе», перекликаются с исследованиями творчества Пессоа. Так, например, Бахтин считает, что «при ознакомлении с обширной литературой о Достоевском создается впечатление, что дело идет не об *одном* авторе-художнике, писавшем романы и повести, а о целом ряде философских выступлений, *нескольких* авторов-мыслителей – Раскольникова, Мышкина, Ставрогина, Ивана Карамазова, Великого инквизитора и др. <...> Голос Достоевского для одних исследователей сливается с голосами тех или иных из его героев, для других является своеобразным синтезом всех этих идеологических голосов, для третьих, наконец, он просто заглушается ими» [Бахтин: 5].

Даже словам Пессоа об отсутствии эволюции в его творчестве и замене ее «путешествием» можно найти параллели в размышлениях Бахтина: «Это упорнейшее стремление его видеть все как сосуществующее, воспринимать и показывать все рядом и одновременно, как бы в пространстве, а не во времени, приводит его к тому, что даже внутренние противоречия и внутренние этапы развития одного человека он драматизирует в пространстве, заставляя героев беседовать со своим двойником, с чертом, со своим *alter ego*, со своей карикатурой» [Бахтин: 33–34].

Эти слова вполне применимы к Пессоа, у которого есть заметки Рикарду Рейша и Алвару де Кампуша об Алберту Казэйру, Рикарду Рейша об Алвару де Кампуше, субгетеронима Фредерику Рейша о Рикарду Рейше. Представляется, что на самом деле у Пессоа было три истинных гетеронима, чьи имена высечены на его надгробном камне в лиссабонском Монастыре иеронимитов: Алберту Казэйру, Рикарду Рейш и Алвару де Кампуш.

Первым по времени возникновения из них был Алберту Казэйру. Как уже упоминалось, он родился 8 марта 1914 г., когда Пессоа, по его собственному признанию в уже цитированном письме к А. Казэйру Мунтейру, сразу создал около тридцати стихотворений от его имени. Порыв охватившего Пессоа вдохновения был настолько сильным, что он, не отрываясь, написал уже от своего имени шесть стихотворений цикла «Косой дождь».

Вслед за этим появились другие гетеронимы. И создание их, конечно, не было таким экспромтом,

как это хотел представить поэт. Достаточно сказать, что всем гетеронимам были придуманы биографии и словесные портреты и составлены гороскопы.

Так, вымышленный Казэйру, в отличие от реальной даты своего появления на свет, родился в Лиссабоне в 1889 и умер в 1915 г. Он «прожил большую часть жизни на природе. У него нет профессии и почти нет образования» [Pessoa 1: 33].

Творчество Казэйру, как писал в предисловии к его произведениям Рикарду Рейш (Пессоа в своей мистификации прибегал и к подобным приемам) «представляет собой целостную реконструкцию язычества, в его абсолютной сущности, чего не могли сделать ни греки, ни римляне, ибо они жили в атмосфере язычества. Однако его произведения и его язычество не были заранее ни продуманы, ни прочувствованы: они пришли к нему откуда-то, что находится в нас где-то глубже, чем чувство или разум» [Pessoa 1: 1031].

В предисловии к задуманному Пессоа переводу на английский язык стихотворений Казэйру он писал о своем гетерониме: «Он видит вещи только глазами, а не умом. Он гонит от себя всякие мысли, когда смотрит на цветы... Говорят, что Алберту Казэйру отрицательно отнесся к слову «сенсационизм», которое его ученик – господин Алвару де Кампуш – применил к его мировосприятию... Но фактически... ни одно другое слово не могло бы лучше охарактеризовать его» [Pessoa 2: 1060].

Однако на самом деле Алберту Казэйру не только думает, но думает порой вполне тенденциозно. Сторонник гностической философии, Пессоа стремится всячески принизить образ Христа, считая его даже не первым среди равных богов, а демиургом местного значения.

Второй из трех главных гетеронимов Фернанду Пессоа, Рикарду Рейш, «родился» 29 января 1914 г. около 11 часов ночи и был идеологом неоклассицизма [Pessoa 1: 804].

В размышлениях о поэзии Рикарду Рейша, написанных Пессоа от имени его брата Фредерику Рейша сказано: «Вся философия произведений Рикарду Рейша сводится к печальному эпикурейству... Мы должны создать у самих себя иллюзию спокойствия, свободы и счастья – вещей недостижимых, ибо свободы нет и у самих богов, над которыми довлеет Рок... Все это указывает на интересный психологический феномен – реальную и глубокую веру в богов древней Греции, сочетающуюся с идеей о том, что Христос – всего-навсего еще один Бог» [Pessoa 1: 805].

В 1928 г. Пессоа составил «Библиографическую справку» для журнала «Презенса» и указал, что у Алберту Казэйру было два ученика: Рикарду Рейш и Алвару де Кампуш, «воплотивший, так сказать, эмоциональную сторону, которую называл “сенсационистской”». Если его связывать с различными

влияниями, то в них преобладает, хотя и с меньшей интенсивностью, чем влияние Каэйру, влияние Уитмена. Он написал ряд сочинений, по большей части скандального и раздражающего плана» [Pessoa 3: 1425].

По мнению выдающегося исследователя творчества Пессоа Антониу Куадруша, которое, однако, вовсе не представляется бесспорным, «из всех гетеронимов Пессоа Алвару де Кампуш... более других приближается к его сокровенной индивидуальности» [Quadros: 84].

Возлюбленная Пессоа Офелия де Кейрош вспоминала, что в некоторые дни он представлялся ей как Алвару де Кампуш: «“Сегодня пришел не я, а мой друг Алвару де Кампуш”... А я отвечала ему: “Не люблю я этого Алвару де Кампуша. Мне нравится только Фернанду Пессоа”. – “Не знаю, почему, – отвечал он мне. – Знаешь, ты ему очень нравишься”» [Pessoa 3: 1353].

Кампуш был задуман как поэт-футурист, более того – как теоретик футуризма. По справедливому замечанию Г.Р. Линда, «если мы обратимся к первым одам Алвару де Кампуша, то заметим явное привнесение футуризма в его сенсационистскую поэзию» [Lind: 166]. Наиболее выдающимися произведениями А. де Кампуша являются поэтические «Триумфальная ода» (1914), «Морская ода» (1915), «Приветствие Уолту Уитмену» (1915), «Бег времени» (1916), «Lisbon Revisited» (1923–1926), «Табачная лавка» (1928), а также прозаический «Ультиматум», опубликованный в 1917 г. в журнале «Футуристическая Португалия». Этот португальский аналог «Пощечины общественному вкусу» открывается многократными криками «Долой!», призывающими «сбросить с корабля современности» А. Франса, Р. Киплинга, Б. Шоу, Г. Уэллса, Г.К. Честертона, У.Б. Ейтса, М. Метерлинка. Расправившись таким образом с европейской культурой, Кампуш переходит к рассмотрению вклада ведущих держав в мировую историю и оценивает его подчеркнуто нигилистически. Кампуш требует для Европы «антихристианского хирургического вмешательства», заключающегося в «разрушении догмата о личности», ибо личность, по его мнению, немислима вне коллектива. Заканчивается «Ультиматум» надеждой на приход в мир более полноценного, сложного и гармоничного «Сверх-Человека».

Думается, что самым интересным произведением Кампуша является маленькая поэма «Табачная лавка», в которой показана оборотная сторона индустриальной цивилизации – ощущение человеком своей обезличенности, придавленности и незначительности по сравнению с миром и Роком. В конце концов единственно реальным и прочно стоящим на ногах существом героя поэмы начинает казаться посетитель табачной лавки Эштейвеш.

Думается также, что для Пессоа было принципиально важно ощутить себя демиургом, как он называл вслед за теософами сотворившего наш мир Бога. Ему было приятно ощущать себя творцом хотя бы гетеронимов. Гетеронимия в творчестве Пессоа оказалась тесно связанной с его пониманием основ бытия, теориями о множественности миров и сущности Бога. Представляется, что главным произведением Пессоа стал его стихотворный цикл «Послание», который писался им всю жизнь. Характерно, что этот цикл является ортонимным.

Каждый из созданных Пессоа гетеронимов является более одномерным, чем его творец и, хотя их создание было художественно оправданным, оно не могло ограничить собой творчество великого поэта. С одной стороны, между гетеронимами стали обнаруживаться точки соприкосновения. С другой – в лучшем своем произведении Пессоа вдруг почувствовал, что, говоря словами Пастернака, «здесь кончается искусство и начинается судьба». Гетеронимная лирика Пессоа по-прежнему таит в себе немало загадок, которые еще предстоит разгадать грядущим поколениям исследователей его творчества.

Примечания

¹ Здесь и далее все переводы иностранных изданий с португальского на русский выполнены автором статьи.

² Евреинов Николай Николаевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Евреинов,_Николай_Николаевич (дата обращения: 29.08.2022).

Список литературы

- Бахтин М.М.* Проблема поэтики Достоевского. Москва: Сов. Россия, 1979. 320 с.
- Евреинов Н.Н.* Драматические сочинения. Петербург: Academia, 1923. Т. 3. 132 с.
- Кавалканти Фильо Жозе Паулу.* Фернандо Пессоа. Почти автобиография / пер. Е.С. Тейтельбаум. Санкт-Петербург: Наука, 2021. 696 с.
- Овчаренко О.А.* Португальская литература. Москва: ИМЛИ РАН, 2005. 366 с.
- Прадо Коэльо Ж. до.* Феномен Фернандо Пессоа // Пессоа Фернандо. Лирика. Москва: Худож. лит., 1978. С. 5–32.
- Хохлова И.А.* Поэтические маски Фернандо Пессоа. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2003. 180 с.
- Casais Monteiro Adolfo.* A Poesia de Fernando Pessoa, organização de José Blanco. Lisboa, Imprensa Nacional – Casa de Moeda, 1985, 259 p.
- Lago Pedro Martins.* Poética y Metafísica en Fernando Pessoa. Santiago de Compostela, Universidade Santiago de Compostela, 1993, 220 p.

Lind Georg Rudolf. Estudos sobre Fernando Pessoa. Lisboa, Imprensa Nacional – Casa de Moeda, 1981, 492 p.

Pessoa Fernando. Obra Poética e em Prosa. Porto, Lello e Irmão, 1986, vol. 1, 1212 p.; vol. 2, 1352 p., vol. 3, 1501 p.

Rita Lopes Maria Teresa. Fernando Pessoa et Le Drame Symboliste. Heritage et Creation. Paris, Fundação Calouste Gulbenkian, 1977, 584 p.

Seabra José Augusto. Fernando Pessoa ou o Poetodrama. Lisboa, Imprensa Nacional – Casa de Moeda, 1988, 284 p.

Simões João Gaspar. Vida e Obra de Fernando Pessoa. Amadora, Livraria Bertrand, 1981, 740 p.

Quadros António. Fernando Pessoa. Iniciação Global à Obra. A Obra e o Homem. Lisboa, Arcádia, 1982, vol. 2, 225 p.

Vila Maior Dionísio. Fernando Pessoa: Heteronímia e Dialogismo. Coimbra, Livraria Almedina, 1994, 270 p.

References

Bakhtin M.M. *Problema poetiki Dostoevskogo* [The problem of Dostoevsky's poetics]. Moscow, Sov. Rossiya Publ., 1979, 320 p. (In Russ.)

Evreinov N.N. *Dramaticheskie sochineniia* [Dramatic writings]. Petrograd, Academia Publ., 1923, vol. 3, 132 p. (In Russ.)

Kavalkanti Fil'o Zhoze Paulu. *Fernando Pessoa. Pochti avtobiografiia* [Fernando Pessoa. Almost an autobiography], trans. E. S. Teitelbaum. St. Petersburg, Nauka Publ., 2021, 696 p. (In Russ.)

Ovcharenko O.A. *Portugal'skaia literatura* [Portuguese Literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2005, 366 p. (In Russ.)

Prado Koel'o Zh. do. *Fenomen Fernando Pessoa* [Phenomenon of Fernando Pessoa]. *Pessoa Fernan-*

do. Lirika [Pessoa Fernando. Lyrics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, pp. 5-32. (In Russ.)

Khokhlova I.A. *Poeticheskie maski Fernando Pessoa* [Poetic masks by Fernando Pessoa]. St. Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gos. un-ta Publ., 2003, 180 p. (In Russ.)

Casais Monteiro Adolfo. A Poesia de Fernando Pessoa, organização de José Blanco. Lisboa, Imprensa Nacional – Casa de Moeda, 1985, 259 p.

Lago Pedro Martins. Poética y Metafísica en Fernando Pessoa. Santiago de Compostela, Universidade Santiago de Compostela, 1993, 220 p.

Lind Georg Rudolf. Estudos sobre Fernando Pessoa. Lisboa, Imprensa Nacional – Casa de Moeda, 1981, 492 p.

Pessoa Fernando. Obra Poética e em Prosa. Porto, Lello e Irmão, 1986, vol. 1, 1212 p.; vol. 2, 1352 p., vol. 3, 1501 p.

Rita Lopes Maria Teresa. Fernando Pessoa et Le Drame Symboliste. Heritage et Creation. Paris, Fundação Calouste Gulbenkian, 1977, 584 p.

Seabra José Augusto. Fernando Pessoa ou o Poetodrama. Lisboa, Imprensa Nacional – Casa de Moeda, 1988, 284 p.

Simões João Gaspar. Vida e Obra de Fernando Pessoa. Amadora, Livraria Bertrand, 1981, 740 p.

Quadros António. Fernando Pessoa. Iniciação Global à Obra. A Obra e o Homem. Lisboa, Arcádia, 1982, vol. 2, 225 p.

Vila Maior Dionísio. Fernando Pessoa: Heteronímia e Dialogismo. Coimbra, Livraria Almedina, 1994, 270 p.

Статья поступила в редакцию 14.02.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 06.03.2023.

The article was submitted 14.02.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 06.03.2023.

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(430).09"20"

EDN VLWWDK

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-100-109>

ПРОБЛЕМА СУДЬБЫ И СВОБОДЫ ВОЛИ В ДРАМЕ Г. ГАУПТМАНА «ИФИГЕНИЯ В ДЕЛЬФАХ»

Склизкова Алла Персиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной филологии, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Владимир, Россия, burelomy@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1481-1133>

Аннотация. Статья посвящена проблеме перетолкования Гауптманом собственных взглядов, касающихся проблемы судьбы и свободы воли, что бросает свет на общую проблематику модерна, связанную с вечным процессом креативного становления личности. Этому соответствуют и цели работы: обосновать ведущую роль антропологических закономерностей в эпоху модерна; раскрыть динамику становления Гауптмана на основании комментирования его теоретических и художественных произведений; осмыслить в этом плане преодоление судьбы и обретение свободы героиней поздней драмы «Ифигения в Дельфах». В ходе анализа было выявлено, что в позднем творчестве у Гауптмана сохраняются прежние воззрения касательно рокового предначертания, которое лишается реального бытия и переключается в сферу чувств. При этом обращается особое внимание на пересмотр писателем романтической концепции, в которой главным теперь становится для него идея бессмертия, заключающаяся в преодолении границ видимого мира. Именно с этих позиций раскрывается образ Ифигении. Она, стремясь к самопониманию, к становлению своей личности, отрекается от мира олимпийцев, в котором жертвенность и богобоязненность является нормой, и добровольно возвращается в чертоги Гекаты, поскольку именно в них обретает новое бессмертное существование. Делается вывод о рождении новой личности через осмысление собственной экзистенции, отказ от догматических представлений, от власти рока делает индивида свободным, сильным и непокоренным никем и ничем.

Ключевые слова: переосмысление, модернизация, роковое предначертание, олимпийцы, жертва, судьба, воля, возвеличение личности, обретение.

Для цитирования: Склизкова А.П. Проблема судьбы и свободы воли в драме Г. Гауптмана «Ифигения в Дельфах» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 100–109. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-100-109>

Research Article

PROBLEMS OF FATE AND FREE WILL IN HAUPTMANN'S "IPHIGENIA IN DELPHI" DRAMA

Alla P. Sklizkova, Doctor of Philological Sciences, Professor in the Department of Russian and Foreign Philology, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia. burelomy@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1481-1133>

Abstract. The article is devoted to the problem of Gerhart Johann Robert Hauptmann's interpretation of his own views concerning the problem of fate and freewill, which sheds light on the general problem of modern, connected with the eternal process of creative personality, formation. The objectives of the work correspond to this: to substantiate the leading role of anthropological patterns in the Art Nouveau era, to reveal the dynamics of G.Hauptmann's formation on the basis of commenting his theoretical and artistic works, to reflect in this respect the overcoming of fate and gaining freedom by the heroine of the late drama "Iphigenia in Delphi". In the course of the analysis, it was revealed that in his later work, G.Hauptmann retains the same views on the fatal predetermination deprived of real being, and he switches to the sphere of feelings. In this case, special attention is paid to the author's revision of the romantic concept, in which the idea of immortality, transcend the borders of the visible world, became the main one for the said writer. It is from these positions that Iphigenia's image is revealed. Seeking self-understanding and identity, she renounces the Olympian world, in which sacrifice and fear of gods is the norm, and she voluntarily returns to Hecate's Palace, as it is in them that a new immortal existence takes place. The conclusion is made about the birth of a new personality through the conception of one's own existence, the rejection of dogmatic conceptions from the power of the doom makes the individual free, strong and unbroken by anything or anybody.

Keywords: rethinking, modernisation, fateful destiny, Olympians, sacrifice, destiny, will, personal exaltation, acquiring

For citation: Sklizkova A.P. Problems of fate and free will in Hauptmann's "Iphigenia in Delphi" drama. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 100–109. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-100-109>

С самого начала в литературоведении сложилось мнение о том, что идея жертвенности и рокового предначертания героини доминирует в драме Г. Гауптмана «Ифигения в Дельфах». Еще Михаэлис (Michaelis) в 1962 году задается вопросом, приводит ли смерть Ифигении к спасению мира, на что он дает положительный ответ. Михаэлис считает, что «в основе трагедии заложена мысль Гауптмана о цикличности мирового развития, сфера темной Гекаты, куда вынуждена вернуться героиня, может в будущем вновь привести к господству светлого Аполлона» («Das zyklische Weltverständnis, das Hauptmanns Tragödienschluß zugrunde liegt, umfaßt beide Deutungen. Ein neuer Umlauf des Schicksalsrades kann aber die Sphäre Hekates wieder zur Herrschaft Apollo führen. <...> ...Das Humanität überhaupt im der Welt möglich werden kann») [Michaelis: 300]. Ф. Фойгт (F. Voigt) сходным образом подчеркивает идею жертвенности, мотивируя свою концепцию в первую очередь тем, что Гауптман хотел назвать всю тетралогию «Жертвы». Изменение первоначального замысла, касающегося названия, отнюдь не означает того, считает Фойгт, что основная идея перестает быть доминирующей [Voigt: 145]. Вывод о скептическом настроении немецкого драматурга в отношении свободной воли человека сохраняется в дальнейшем как в немецком, так и в русском литературоведении, будь то размышления Д. Сантини, касающиеся представлений Гауптмана о тайне жизни и смерти [Сантини: 1998], П. Шпренгеля, подробно исследующего античные реминисценции Гауптмана [Sprenzel: 2012], С. Арец о жертвенности Ифигении [Aretz: 2017], или же работ Т.С. Нипы [Нипа: 2001], Т.А. Шарыпиной [Шарыпина: 2010], основательно комментирующих тетралогия об Атридах Г. Гауптмана, и чрезвычайно интересной книги И. Холмагоровой о «драме заката» немецкого художника слова [Холмагорова 2012]. Во всех этих и подобных работах, затрагивающих творчество Гауптмана, в той или иной степени главенствует тезис о невозможности героев в период как «восхода солнца», так и «захода солнца» (условные определения ранней и поздней драматургии Гауптмана) сопротивляться фатуму.

Между тем, осмысливая личность немецкого драматурга и, бесспорно, его творения с точки зрения концепции большого модерна, утверждающегося сейчас в русской германистике, можно прийти к принципиально иным выводам. Макроэпоха модерна берет начало со второй половины XVIII столетия, поскольку именно с этого времени начинается зарождаться субъектоцентрическая философия,

ведущие постулаты которой, связанные с акцентом на познание мира индивидом, постепенно проникают во все области культуры. А.И. Жеребин подчеркивает, что «большой модернизм – это не литературное направление и даже не группа литературных направлений..., а парадигма художественного сознания» [Жеребин: 41]. Это наиболее важный аспект в восприятии модерна в контексте макроэпохи. Акцентируется то особое свойство человеческого сознания, согласно которому личность имеет потребность и специфическую внутреннюю склонность к индивидуальному мышлению, к персональному видению мира, отличающегося, как правило, от норм, потребностей и правил поведения окружающего социума. Личность стремится обрести от него свободу, но подобное стремление не только отчуждает ее от мира, создавая особую экзистенциальную напряженность с ним, но и помогает выстроить собственное «я», понять его значительность, направить собственную внутреннюю интенцию на становления себя как особо значимого субъекта, открыть для себя приватное индивидуальное бытие. Именно подобный акцент на антропологическую проблематику – вечное становление человеческого «я», которое «определяет смысл человеческой жизни как перманентного креативного процесса, не знающего завершения» [Аствацатуров: 6], – позволяет говорить о безграничности и безвременности эпохи модерна, начавшейся в XVIII веке и продолжающейся до сих пор.

Динамика становления Гауптмана как писателя времени модерна согласуется с продолжающейся в позднем творчестве проблематикой первого периода, в недрах которого одновременно зарождалось несколько иное понимание мира и человека. В душе писателя-модерниста происходит осознание себя через себя самого, все большее раскрытие способностей к толкованию своего «я». Думается, что именно в этом плане интересно рассмотреть в целом проблему судьбы и свободы воли, которую осмысливает немецкий драматург в теоретических и художественных произведениях. В рамках статьи необходимо кратко затронуть раннюю драму Гауптмана «Возчик Геншель» («Fuhrmann Henschel», 1897), чтобы увидеть, как менялось мировоззрение художника слова касательно данной проблематики.

Как известно, герой обещал жене перед ее смертью не жениться на работнице Ганне. Слово свое Геншель не сдержал, поэтому, как он полагает, удары судьбы преследует его. Литературоведы с самого начала рассматривали «Возчика Геншеля» в контексте драмы судьбы, такой подход сохраняется и в со-

временных трактовках [Pfiester 2001; Meyer 2008]. Однако подобное осмысление нуждается в существенной коррекции. В первую очередь необходимо выяснить, что Гауптман понимал под судьбой. Драматург подчеркивает величие судьбы, связывает ее с «беспомощностью человека, с ощущением безысходности, но с такой, которая позволяет проникнуть в чарующую красоту и гармонию мира» [Hauptmann 1980: 40]. В этих словах Гауптмана – ключ к проблематике судьбы, так, как мыслит ее немецкий художник слова. Он решает ее в общем контексте перетолкования античного рока и модернистского понимания личности с ее потребностью к коммуникации с самим собой, к проникновению в глубины сверхличного бытия. Для Гауптмана судьба означает особую включенность в жизнь, познание ее скрытого, но в высшей степени завораживающего смысла. В этом плане человек не властен над собой, он невольно вовлекается в окружающее бытие, перед подобным вовлечением он слаб и беспомощен, но такое внутреннее вторжение во вселенную делает его личностью, которой под силу вновь обрести свое утраченное «я». Познание и признание красоты окружающего безграничного мира – это и есть сверхличное бытие, считает Гауптман. Оно приводит к «ощущению дикой силы... это сила самой жизни, она влияет судьбоносным образом на характер человека, определяет его деяния» [Hauptmann 1980: 73]. Как видно, судьба для Гауптмана – это сама жизнь, представленная в ее становлении, в движении многообразных форм, причудливым образом связанных друг с другом. Постигая жизнь, человек, по Гауптману, начинает чувствовать себя личностью, поскольку отчуждается от себя прежнего и понимает себя иного, обретая тем самым свободу от себя самого.

Гауптман так организует текст «Возчика Геншеля», что герой постепенно начинает постигать судьбоносно-жизненные наставления. Ему необходимо переосмыслить свой прежний опыт, иначе оценить жизнь, перестать рассматривать ее как серию роковых ударов, пусть и заслуженных, и внутренне переключить метафизику античного фатума в область индивидуального самоисследования. Такое самоисследование приводит героя к пониманию себя скверного, дурного, каковым он стал, когда женился на Ганне. Ему необходимо вновь стать добрым, светлым, милосердным. В этом смысле Геншель преодолевает в себе собственную злую судьбу, постигает в процессе внутреннего становления силу и величие жизни, в которой главное – великая доброта. Герой модерна приходит к катастрофе сознания, но благодаря способности эту катастрофу признать Геншель восстанавливает свою личность, обретая утраченное «я». Он не в состоянии больше находиться в том мире, который содействовал проявлению в нем всего само-

го дурного. Однако стремление покинуть этот мир возвышает возчика из Силезии над самим собой, его уход из трагической реальности и вхождение в иное бытие делает его великим Возничим, способным виртуозно управлять самим собой¹.

Как видно, в ранней драме Гауптмана происходит переосмысление античного фатума. Он лишается реального бытия, становится некоей абстракцией, истинной подлинностью обладает только сфера чувств и представлений личности. Она, внутренне избавляясь от заданной извне судьбоносной предопределенности, приобретает качества и свойства субъекта, ставящего беспощадный диагноз себе самому.

В поздний период взгляд на судьбу и свободу воли у Гауптмана несколько меняется. Б. Темпл [Tempf: 2010] рекомендует обратить пристальное внимание на процесс самопонимания, что свойственно Гауптману в поздние годы, правда, литературовед не говорит конкретно, что он имеет в виду. Сложность заключается в том, что драматург в середине XX века не ведет дневников, нет у него и переписки со своими собратьями по перу, он мало участвует и в литературной жизни, можно сказать, практически выключен из нее. Об этом подробно и интересно пишет, к примеру, И. Холмагорова [Холмагорова 2012]. Соответственно, о личности писателя можно судить на основании разговоров с его секретарем Белем. Он, записывая их беседы, подчеркивал, что для Гауптмана было «чрезвычайно важно выстраивание так называемого внутреннего ландшафта» («...daß oft die innere Landschaft gerade als Gegenbild der ihn umgebenden Natur in Hauptmann lebendig wurde» [Behl: 23]. Подобное выстраивание приводило к новому толкованию своих прежних убеждений, что влекло за собой другой взгляд на произведения тех писателей, которые Гауптман осваивал в прошлом. Главным оказываются воспоминания и одновременно их переработка. С. Вьетта – один из ведущих теоретиков модерна в германистике – говорил о воспоминаниях как о хранилище информации, куда поступают известия о прошлых событиях. В воспоминаниях накапливается прежний опыт, берегаются впечатления, которые были исполнены глубокого значения. Вьетта подчеркивал, что «сфера воспоминаний – прошлое, но чтобы понять его, требуется опыт, своеобразное осмысление жизнью, посредством чего и происходит реконструкция этих воспоминаний» («Erinnerung ist zumindest im umgangssprachlichen Bereich auf die Referenzebene vormalige Erfahrungen rückverwiesen, kann daher auch im Sinne der Erinnerungsfälschung funktionieren, solche Erinnerungsfälschung an der Rekonstruktion des Erinnerungten überprüft und korrigiert werden» [Vietta: 233]. Подобной реконструкции подвергается в первую очередь романтическая культура, которую Гауптман перетолковывает в свете нового жизненного опыта.

Известно, что романтизм в целом как литературное направление и романтика в частности как красочное поэтическое и таинственное восприятие всех явлений окружающего бытия всегда чрезвычайно привлекали Гауптмана. Однако в поздний период он по-иному интерпретирует романтизм, перерабатывает свои воспоминания о нем. Драматург получает новые впечатления, читая, или, лучше сказать, заново перечитывая книги Р. Хух, воспринимая их «как апофеоз идеи бессмертия» [Behl: 40]. Писателю оказываются чрезвычайно близки подобные размышления Р. Хух, которая в своем большом разделе о Новалисе, к примеру, непрестанно подчеркивает его мысль о преодолении смерти, о возрождении из Хаоса, утверждая, что «слова Новалиса о таинственной дороге после смерти станут лозунгом всего романтического движения» [Huch: 65]. Гауптман согласен с поэтической установкой Хух, которая рассматривает романтическую вселенную как «всеобщий праздник воскресения из мертвых. Весь мир – вечное торжество бытия» [Huch: 52]. Пожилой драматург предельно замкнуто живет в последние годы, много размышляет о смерти и, главное, бессмертии, о преодолении материальных границ видимого мира, о возможности бытия после физической кончины.

Идея вечного становления, столь важная во всей модернистской культуре, ощущается поздним Гауптманом в романтизме, а через него вполне закономерно было обращение к тому истоку, откуда берет начало данная идея – к античности. После 30-х годов XX столетия интерес драматурга вызывают орфические учения о победе души над смертью, которая властвует в зримом бытии. Показательно, что писателю-модернисту близки их размышления, касающиеся освобождения души от пут и тягот этого мира, но не путем переселения в новое тело, что вытекало из орфической концепции, а посредством изменения сознания, как полагает немецкий драматург. Тогда и происходит, с его точки зрения, новое становление человеческой личности, развиваются новые креативные формы субъективности, человек обретает новое рождение и силой собственного индивидуального восприятия раздвигает границы мира.

В связи с этим иную трактовку приобретает понятие Гауптманом новой религии, которую он называет «Homo religiosus». В конце XIX века драматург, предаваясь философскому рефлексированию, выделял в ней две части: «Wiederkunft» (вечное возвращение), акцентирующее суть мира, и «Wiedergeburt» (вечное рождение), связанное с экзистенцией личности. Их сложное тематическое сцепление и составляет «Totalorganismus» новой религии Гауптмана [Hauptmann 1985: 154]. В ранние годы понимание Гауптманом субъективного «я» расширяется до понимания мира. Индивид, понимая

себя, понимает мир. Писатель формулирует то философское положение, которое высказывает современный американский ученый Р. Рорти (R. Rorty): «Мир не говорит, говорим мы» («Die Welt spricht überhaupt nicht. Nur wir sprechen») [Rorty: 25]. В поздние годы Гауптман, пересматривая собственные прежние воззрения, касающиеся новой религии, приходит к несколько иным выводам. Его интересует не столько вступление мира на путь гармоничной трансформации, оказывающейся возможной благодаря внутренним нравственным исканиям индивида, сколько, напротив, избавление личности от пребывания в мире, переполненном апокалипсическими деяниями. Личность приходит к новому рождению («Wiederkunft»), обретая другое бытие, то, в котором полностью раскрывается ее субъективная сущность, личное, а не коллективное «я». Так, с точки зрения позднего Гауптмана, вершится вечное возвращение («Wiederkunft») к себе самому. Наступает такой момент, когда «надо оставить себя прежнего и обрести себя иного» [Hauptmann 1965: 205]. Подобное обретение и есть, по Гауптману, то бессмертие, которое ощущает свободный индивид, трансформируя собственную судьбу и избавляясь от того мира, в котором довлеет над личностью роковое предначертание.

В контексте исследуемой проблематики (судьба и свободная воля) необходимо учесть и еще один момент. Литературоведы, как правило, комментируя позднее творчество Гауптмана, драму «Ифигения в Дельфах» в частности, обращают внимание на понятие драмы, высказанное писателем в его сочинении «Греческая весна». Оно, выполненное в виде поэтического дневника, передающего его впечатление о поездке в Грецию в 1909 г., осознается исследователями как теоретическое обоснование сущности драмы. Обычно цитируется то место из «Греческой весны», в которой Гауптман дает свое представление о драме в целом. Он «не отрицает, что в трагедии главное – вражда, преследование, ненависть, любовь, ужас, нужда, опасность, страдание» («Es kann nicht geleugnet werden, Tragödie heißt Feindschaft, Verfolgung, Haß und Liebe... Angst, Not, Gefahr, Pein, Qual, Marten») [Hauptmann 1908: 172]. Думается, что с данным выводом можно согласиться, поскольку речь идет об интенсивной рецепции принципов трагедии в целом, которые, как известно, берут начало в греческой культуре и обнаруживают сходство с цельными драматическими положениями, развивавшимися в дальнейшем в общеевропейском культурном пространстве.

Однако важно обратить внимание на то развитие новых форм субъективности, которые свойственны Гауптману как писателю времени модерна. Он осмысливает принципы и свойства греческой

драмы заново и по-новому, в высшей степени критично, оценивает домодернистическую эпоху (античность). В ней, считает Гауптман, при всем пафосном чувстве сопричастности и благоговейного созерцания одухотворенной природы, о чем он много и подробно пишет в «Греческой весне», закрепляется коллективная идея кровавого божественного служения, предрекается заведомая несвобода индивида, его сильнейшая зависимость от сверхреальной божественной воли. Доказательством являются его следующие рассуждения об античном театре, на которые в гауптмановедении, как правило, не обращается должного внимания. В театре, по мысли Гауптмана, царил ужас («Der Schrecken herrschte in diesem offenen Theaterraum» [Hauptmann 1908: 172], от которого зрители каменели, как если бы они заглянули в лицо Медузы («...das Angesicht der Medusa erblicken») [Hauptmann: 172]. Гауптман особенно выделяет сущность греческих богов, которые, согласно его ощущениям, были жестокими зрителями («Die Götter waren grausame Zuschauer») [Hauptmann 1908: 168]. Им в высшей степени приятны были кровавые жертвоприношения, совершаемые в их честь («...Die von Blute triefen, den Göttern von allen anderen heilig und angenehm... die man zu ihrer Ehre») [Hauptmann 1908: 169]. Гауптман, погружаясь в прошлое, осязает «кровавые испарения, которым столь радовались олимпийские боги, жаждающие крови» («Blutdunst stieg von der Bühne... sie in die olympischen Reihen blutlüsterner Götterschemen hinauf») [Hauptmann 1908: 169]. Писатель, находясь под сильнейшим впечатлением от собственных ощущений античной трагедии, подчеркивает полную подчиненность личности тому миру олимпийцев, о котором велось драматическое повествование. Несвободна была даже Пифия, которая, как пишет Гауптман, становилась орудием в руках Аполлона. Бог, считает художник слова, «разбивал волю человека, который был вынужден подчиняться боже-ству» («Den Willen des Menschen zerbrach der Gott... sondern gleichsam die Knechtschaft im göttlichen, nicht Vernunft, sondern Wahnsinn besaß vor den Menschen damals die Staunen und Schauer verbreitende Autorität») [Hauptmann 1908: 150].

Можно вести речь о креативном субъективном процессе в душе драматурга, который, создавая свою трагедию на античный сюжет, не только модернизирует миф об Атридах, о проклятии, наложенном на их род, но и предлагает новую систему ценностей, в основу которых закладывается обретение личностью утраченного «я», восстановление цельности и нахождение собственной прочной идентичности. Об этом идет речь в драме «Ифигения в Дельфах».

В ней говорится о прибытии Ореста в Дельфы, о его очищении от наложенного проклятия за убий-

ство матери Клитемнестры, о воцарении света и в его душе, и в душе сестры Электры, о невозможности пребывать в этом мире Ифигении, которая, будучи насильственно привезена в Дельфы братом Орестом, возвращается в итоге в царство Гекаты. Гауптман, как видно, избирает для своей трагедии тот эпизод древнего мифа из истории Атридов, к которому до него никто не обращался. В связи с этим можно говорить о радикальной трансформации и модернизации античной концепции бытия, касающейся реакции персонажей на изначально установленный миропорядок.

Драматург так организует текст, что становится понятно явное мировоззренческое разделение на тех, кто этот миропорядок почитает, считает незыблемым и правильным, и на тех, кто в нем усомнился. Так, в речах жрецов звучит надежда на то, что дети Атридов наконец-то могут вернуться к свету. На них распространяется милость богов, поскольку они слушаются их и берут на себя ответственность за убийство. Друг Ореста Пилад считает, что главной заслугой сына Агамемнона является то, что он не потерял веру в богов, был уверен, что должен совершить страшное дело – убить мать, а потом взять штурмом храм в Тавриде и доставить в Дельфы изображение Артемиды и ее жрицу. Сам Орест, находящийся в состоянии тяжелейшего душевного распада, тем не менее уверен, что его кровавое деяние было необходимо. Как видно, большинство людей примирились с несправедливостью, с неизбежностью наказания за те свои поступки, которые приводят их к трагедии, но являются в их сознании определенной нравственной нормой, свободой от нее люди не могут или же не хотят обрести.

Следует особо отметить, что Гауптман всегда возражал против слепого подчинения и повиновения. Об этом он писал и говорил на протяжении всей своей жизни. Особенно возмущала драматурга так называемая общественная религия, он называл ее «плоской, уродливой, которая делает из здоровых людей больных... люди кладут свою душевную боль на исповедальный стул и получают отпущения грехов все, даже убийцы» [Hauptmann 1980: 726]. Гауптман считает, что человеку необходимо жить по законам индивидуальной религии, в которой главное – «всмотреться в себя внутренним взором, начать лучше понимать жизнь, мир в целом» [Hauptmann 1980: 162]. Подобное самоуглубление возможно, с точки зрения драматурга, только через индивидуальную религию. Не случайно Гауптман всегда восхищался «Речами о религии» Шлейермахера, от которого, как отмечает С. Франк, «идет непрерывная нить традиции и духовного воздействия на последующее поколение» [Франк: 9]. Для Гауптмана, особенно в поздние годы, большое значение имеют представления Шлей-

ермахера о религии как о жизни «в бесконечной природе целого» [Шлейермахер: 69]. Драматург был уверен ранее, что такая жизнь возможна, если «ощутить себя человеком религиозно думающим, не повинующимся и подчиняющимся авторитетам» [Hauptmann 1985: 69]. Подобная уверенность сохраняется у него и в середине XX столетия, приобретая на новом витке исторического развития более трагический окрас, связанный с еще большей актуализацией проблемы человека религиозно думающего и способного ощутить в душе индивидуальную религию.

Таким человеком в драме «Ифигения в Дельфах» отчасти является Электра. Она, как пишет Гауптман в ремарках, появляется на сцене стремительно и импульсивно. Речи ее сумбурные, бессвязные, в них сквозит ужас от событий прошлого. Однако и ее стремительность, и бессвязность слов, и сам ужас, которым она охвачена, позволяют говорить о значительном отдалении Электры от окружающих ее людей, принимающих устойчивый миропорядок, ощущающих свое тождество с ним. Электра считает, что весь род Атридов обмазан кровью (*blutbeschmet*). Она просит Аполлона «подарить ей всеведение, постичь его волю», поскольку ей необходимо узнать, почему происходят убийства на земле, как избавиться от них «благодаря его божественной, ослепительной и безжалостной силе» («*Schenk mir noch mehr dafon Allwissenheit durch dich, betäube mich durch deinen Rauch und zeige mir die Morde dieser Erde, in der Entrückung deiner Gotteskraft, grell und erbarmungslos*») [Hauptmann 1962: 460]. Как видно, интенция Электры касается не столько отторжения от мира, сколько определяется попыткой понимания его смысла, доселе чуждого ее сознанию. Однако, в отличие от других, считающих божественную волю чем-то таким, что обсуждению не подлежит, сестра Ореста пытается найти ответы на мучащие ее вопросы. Правда, за разъяснениями она обращается вновь к тому богу, по приказу которого брат убил родную мать. В речах Электры в отношении Аполлона неоднократно повторяется эпитет безжалостный (*erbarmungslos*), однако эту безжалостность она связывает с путаницей, сквозящей для людей в речах Аполлона («*verwirrt das schon Verwirrt*») [Hauptmann 1962: 459], с той, которую они не в силах разгадать.

Получается, что рефлексия Электры направлена не на себя лично, а на объект – мир, в котором, как она полагает, царит божественная воля. Дочь Клитемнестры не сомневается в этой воле, от ее сознания данная воля не отлична, напротив, тождественна с ней. Электра хотя и считает людей существующими «низко в низости» («*Niedrige in Niedrigkeit*») [Hauptmann 1962: 486], но лишь в том смысле, что они до поры до времени не познали полностью всю справедливость божественного решения. Желая восстановить

свои отношения с миром, Электра придает ему ценность и значительность, виня себя в неспособности переосмыслить сущность происходящего (убийство Агамемноном дочери Ифигении, смерть матери от руки Ореста, предполагаемую смерть брата). Когда же выясняется, что Орест жив, не пал от руки коварной жрицы богини Гекаты, готов стать царем Микен и всей Аркадии, то Электра полагает отношения с миром восстановленными, конфликт с ним сглаживается и полностью разрешается. Она пробуждается от своего безумия, которым доселе, как ей говорили, был охвачен ее беспокойный дух, обретая вместе с Пилатом и братом Орестом новую жизнь в благостном свете Аполлона. Проклятие снято, род Атридов очищен, искупление им даруемо.

Между тем подобное принятие законов мира означает склонность к истине тривиальной, коллективной. Личной религии герои, подобные Электре, Оресту и Пилату, не обретают, себя прежнего не оставляют. Так называемое религиозное думанье должно привести к новому рождению и новому становлению, ограничивается в лучшем случае сомнениями в собственном неумении разобраться в божественном предначертании (Электра), в худшем – трагедией сознания, связанного с невозможностью уклониться от жуткого божественного веления (Орест). Поэтому их дальнейшее незамутненное ничем светлое существование, которое недвусмысленно предрекается в финале трагедии, на деле означает практически полное признание авторитета объективного мира, в драматическом тексте Гауптмана – склонение перед благим, как считают герои, решением божества. Первоначальная включенность в заданный миропорядок остается незыблемой.

Иная Ифигения. Не случайно ее имя вынесено в название данного произведения Гауптмана, которое может быть осмыслено как драма субъективности. Ифигения является истинной героиней модерна, той, которая полностью отторгается от догматической религии олимпийцев, переосмысливает свои точки соприкосновения с бытием, стремится к самопониманию и, что более значимо, к становлению своей личности.

Такое становление Ифигении происходит через ее воспоминания, затрагивающие две сферы: верхнюю – зримый социум – и недоступный человеческому разумению социум нижний. Для понимания образа человека модерна, нашедшего свое воплощение в героине Гауптмана, необходимо обратить пристальное внимание на своеобразие этих воспоминаний, свидетельствующих о становлении характера Ифигении. Она открыто смотрит в глаза прошлому и говорит, к примеру, об Агамемноне как о человеке, само имя которого внушает ей ужас. Общее мнение совершенно иное – его называют сильнейшим из людей, чтят па-

мать о нем, поскольку он почитал богов, и для Эллады ему не было жаль никакой жертвы, в том числе и своей дочери. То, что является доблестью для всех, неприемлемо для Ифигении, причем не столько потому, что она сама оказалась этой жертвой, сколько потому, что подобное мышление и кровавое деяние не вписывается в ее систему моральных координат. Ее воспоминания о пребывании в земном мире в высшей степени травматические. Ифигения рассказывает сестре о событиях прошлого: «Клитемнестра пришла в негодование от решения мужа отдать дочь на заклятие», грозилась убить себя, но была вынуждена примириться с ситуацией, «схватила Ифигению, крепко прижала ее к себе, а потом как бы отбросила прочь, словно не хотела больше ничего знать о ней» («Die Mutter... schwor laut, sich lieber selber zu dulde... Und doch ward sie besiegt in diesem Streit... riß mich heiß in ihre Arme, als wollte sie mich nie mehr von sich tun. Und dennoch tat es») [Hauptmann 1962: 508]. Погружаясь в прошлое, Ифигения его не только регенерирует, но и расширяет, делает о нем выводы на основании приобретенного опыта и возникшей из него новой рефлексии – мать по крови отреклась от нее, Геката, которая сохранила жизнь, стала настоящей матерью. Теперь Ифигения не желает иной матери, кроме нее («Mutter, ich hatte keine andere je als dich und will mich keiner sonst erinnern») [Hauptmann 1962: 500].

В верхнем мире героиня Гауптмана насильно вводится в смерть, посвящается ей («...Sie sei dem Tod geweiht») [Hauptmann 1962: 508]. Ифигения не может быть свободной от подобного решения, ее воля сковывается велением божества и словами жреца Колхаса, передающим вердикт бога – ради успешного похода на Трою Ифигения должна быть принесена в жертву. Кажется, что и в нижнем мире – владениях Гекаты – дочь Агамемнона вынуждена следовать намерениям богини, быть ее инструментом («Ich war dein Werkzeug») [Hauptmann 1962: 500], делать то, что ей приказывали – приносить греческих сыновей в жертву на алтаре Гекаты («Ich opferte auf deinem Altar Griechensöhne Kinder von Müttern meines Volks») [Hauptmann 1962: 500]. Однако подобный приказ постепенно начинает согласовываться с ее собственным желанием, с ее чувством справедливости. Ифигения вступает во внутренний конфликт с верхним миром, и конфликт этот тем существенней, чем сильнее воля Гекаты осмысливается не в качестве авторитетного требования, неповиновение которому может грозить карой, а как право на личное творение справедливого суда. Далеко не случайно Ифигения говорит сестре, что «только мертвый грек был хорош для нее» («Nur ein toter Grieche war ein guter mir») [Hauptmann 1962: 509]. Сыновья Эллады обрекли ее на смерть, теперь она, наделенная полномочия-

ми Гекаты, несет им заслуженную гибель. В нижнем мире Ифигению постепенно охватывает чувство свободы, которая, однако, при всем ее желании отторгнуться от верхнего, жестокого и кровавого, социума, пока еще незначительно отличается от него. Обреченная на смерть, несущая смерть другим, пусть и справедливую смерть, согласно разумениям героини, разрушает себя как личность.

Для полного восстановления своего «я» должна, по мысли Гауптмана, произойти почти радикальная метаморфоза. В тексте подобная метаморфоза поэтически передается посредством предельно бытовой и кажущейся простой ситуации – когда перед Ифигенией возникает Орест, которого она должна и хочет убить, у нее «пошла кровь изо рта, поскольку она прикусила язык» («Ein Wort von mir – enthauptet lag er da doch als mir dieses Wort entschlüpfen wollte, kam Blut aus meinen Mund statt seiner, weil ich die Zunge mir zerbissen hatte») [Hauptmann 1962: 510]. По Гауптману, одного ощущения свободы оказывается недостаточно, кровавое служение, будь то в верхнем или же в нижнем мире, приводит к деградации сознания. Героиня Гауптмана призвана переосмыслить свой прежний опыт, касающийся связей со всей вселенной, будь то величественные Дельфы или же чертоги Гекаты. Необходимость такого переосмысления Гауптман показывает через характерную деталь – у Ифигении пошла горлом кровь (Blut) при виде ее родственника по крови (Blutsverwandt). Прошлое господствует над ней – будучи греком, Орест является в глазах Ифигении соучастником ее убийства (der Mordgeselle), но в то же время она осознает, что брат – единственный человек, который отомстил убийцам за ее смерть («Ich sah im Bruder den Griechen... Orest hatte mir die Mutter hingemeuchelt, unter Menschen die einzige, die um mein Leben rang und meinen Tod an meinem Mörder rächte») [Hauptmann 1962: 509]. Приказ не был выполнен по воле случая (Орест воспользовался замешательством Ифигении, схватил ее и вместе с изображением Артемиды насильно доставил в Элладу), однако жрица Гекаты понимает, что отныне кровавые свершения перестали быть для нее признаком справедливого возмездия.

Ифигения хочет вернуться в мир тьмы, «свет факелов Гекаты ближе ей, чем свет Аполлона» («Mich aber nähren allein der Hekate glückselige Fackeln») [Hauptmann 1962: 503], именно ночное сияние подземного мира делает ее блаженной и счастливой (glückselige Fackeln). Она воспевае Гекату и говорит Электре, что «темная богиня по сравнению с Аполлоном более могущественная, ясновидение ее безгранично, Аполлон только закрывает ночь, но лишь прячется в складках пальто Гекаты» («Hellsichtiger als Apollo weitaus ist Hekate. Er nur verhüllt die Nacht, in dessen Faltenwurf auch

Phoibos sitzt») [Hauptmann 1962: 509]. Желание Ифигении вполне понятно и оправдано ситуацией – этот мир обрек ее на смерть, в мире Гекаты она получила новую жизнь, теперь зримое бытие вновь хочет утвердить свою власть над ней. Ифигения, приобретая опыт смерти, пронося его через себя, проникая в прошлое посредством критической рефлексии, способна отныне строить свое будущее – свободное, независимое существование, непокоренное ничем и никем: ни роковым велением богов и людей, ни кровавыми приказами Гекаты. Воля Ифигении сильная, свою судьбу вершит она сама, желание находиться в сверхреальном бытии продиктовано личностным самокритичным взглядом на собственную ситуацию.

В связи с этим возникает вопрос – можно ли говорить о смерти Ифигении в финале? Подобное толкование представляется слишком прямолинейным, оно не соответствует принципам драматического повествования у Гауптмана, его сложившимся в поздние годы понятиям о бессмертии. Однако нетрудно увидеть, что в зримом социуме утверждается мысль именно о гибели героини. Жрец Пророс говорит, что «жрица артемиды лежит раздавленная в федриадской лощине» («Die Priesterin der Artemis liegt in der Phädrriadenschlucht zerschmettert») [Hauptmann 1962: 518]. На этом основании жрец Пурков делает вывод о жертвенной смерти Ифигении – она была «избрана для жертвы божества, поэтому Мойры возвратили ее к прежнему алтарю» («Doch weg zum Opfer einmal auserseren... die Moiren... bringen... an den gemiednen Altar ihn zurück») [Hauptmann 1962: 519]. Пурков уверен, что «жертвенная смерть – вечное искупление, являющаяся всегда милостивым освобождением» («Opfertode – dem ewig – sühnenden – in Gnaden freigab») [Hauptmann 1962: 519], советует своим согражданам быть «непоколебимым в благочестии и богобоязненности» («...verharrt in Gottergebenheit und Gottesfurcht») [Hauptmann 1962: 519]. Как видно, жрец апеллирует понятиями, считающимися верными и пригодными в мире. В нем доминирует идея жертвы, искупления, очищения и, главное, смирения. Акцент на подобные представления не может рассматриваться как решающий, если ориентироваться на внутреннюю логику драматического действия Гауптмана.

В связи с этим следует учитывать ту версию античного мифа, которой руководствовался Гауптман, создавая «Ифигению в Дельфах». Драматургу близка та модификация античного сюжета, согласно которой Ифигения оставалась жрицей Гекаты в храме, построенном на берегу моря, недалеко от Афин, и никогда больше не общалась с близкими. Для Гауптмана было важно, что известие о смерти Ифигении нигде не зафиксировано, что и получает драматическую репрезентацию в его позднем творении. Поэтому, во-

первых, важно обратить внимание на реплику Ифигении – она говорит сестре о том, что «опять исчезнет во тьме, в той, откуда она пришла» («...ich wiederum ins Dunkel schwinde, woher ich kam») [Hauptmann 1962: 511]. Ключевое слово тут «опять» (wiederum). Первое исчезновение во тьме произошло, как рассказывает Ифигения, в тот момент, когда она умерла на кровавом алтаре, а потом вновь пробудилась к жизни, обрела ее через смерть. Еще раз кажущееся небытие настигло ее, когда жрецы Гекаты положили сестру Электры в гроб, тогда Ифигении представлялось, что она в Гадесе и принята в круг Персефоны. Это было ее новое воскресение через смерть, утверждает героиня Гауптмана. Предстоящий уход в царство теней, слияние с хтонической богиней Гекатой, уже раз подарившей ей жизнь в своих ночных владениях и готовой принять ее опять, предполагает очередной переход личности в сферу, невидимую глазом. Поэтому, во-вторых, пристального внимания заслуживает то, как Гауптман поэтически рисует уход героини. В ремарках сказано, что она «быстро и решительно проходит сквозь занавес и исчезает за ним» («Iphigenie schreitet schnell und fest durch den Vorhang und schwindet dahinter») [Hauptmann 1962: 514]. По сути дела речь идет о преодолении границ видимого мира, которое Гауптман драматически воплощает в финале «Ифигении в Дельфах». Не случайно его героиня проходит именно сквозь занавес (durch den Vorhang), служащий завесой (переносное значение немецкого «der Vorhang»), некой перегородкой между одним и другим существованием, тем, что должно быть скрыто от посторонних глаз. Ифигения, неоднократно преодолевая смерть и возвращаясь к жизни, празднует в итоге свой окончательный праздник воскресения.

Итак, под пером Гауптмана происходит модернизация его собственных понятий судьбы и свободы воли. В раннем творчестве драматург, перетолковывая античный фатум, показывал человека, который преодолевает свои представления о неотвратимой судьбе посредством осознания ничтожности своей личности. Он не выдерживает силы жизни, мощности чувств и эмоций, которые роковым образом влияют на него, приводят к внутреннему надлому сознания и желанию покинуть этот мир. Рождение новой личности происходит через осмысление собственной экзистенции. Такой человек, погружаясь в небытие, возвышается над собой, становится субъектом, наделенным значительной силой и величием духа, приобретает качества и свойства великого Возничего в противовес прежнему статусу робкого и незначительного возчика из Силезии. В поздний период пожилой писатель, размышляя о новом рождении, целью которого является бессмертие, с еще большей силой, чем ранее, рекламирует новую религию, приводящую, с его точ-

ки зрения, к отказу от догматических представлений о власти рока. Индивид возвышается над зримым социумом, в котором весьма ощутима власть смерти, готов к переходу в сферу жизни вечной, трансформирует свою судьбу, руководствуясь собственными желаниями и представлениями. Личностное «я», утраченное в мире олимпийцев, восстанавливается в мире хтонической богини, насильственное пребывание в Дельфах приводит к окончательному и бескомпромиссному решению навсегда порвать с существованием в той сфере бытия, в которой главным оказывается подавление воли и полное подчинение авторитетам.

Примечание

¹ Подробнее о драме Г. Гауптмана «Возчик Геншель» см.: А.П. Склизкова. Античный код как один из ведущих в драме Г. Гауптмана «Возчик Геншель» // Русская германистика. Ежегодник российского союза германистов. Нальчик; Москва, 2011. С. 214–223; А.П. Склизкова. Жанровое своеобразие в драме Г. Гауптмана «Возчик Геншель» // Интерпретация текста: ментальное зеркало видения. Екатеринбург, 2015. С. 156–163.

Список литературы

- Аствацатуров А.Г.* Герменевтическая прелюдия // Человек эпохи модерна: герменевтика субъекта в немецкоязычной культуре XVIII–XX веков. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. С. 14–36.
- Жеребин А.И.* От Виланда до Кафки. Санкт-Петербург: Изд-во им. Новикова, 2012. 475 с.
- Нипа Т.С.* Античный цикл драм Герхарта Гауптмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МПГУ, 2001. 16 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000331105/ (дата обращения: 13.12.2022).
- Шарыпина Т.А.* Драматургия позднего Г. Гауптмана и новый взгляд на немецкую литературу XX века. Н. Новгород: НГУ, 2010. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/sharypina-dramaturgiya-pozdnego-gauptmana.htm> (дата обращения: 11.11.2022).
- Холмагорова И.Г.* Гауптман. Драма заката. Москва: ГИТИС, 2012. 224 с.
- Франк С.* Шлейермахер. Санкт-Петербург: Алетейя, 1994. 304 с.
- Шлейермахер Ф.Д.* Речи о религии к образованным людям, ее презирующим. Санкт-Петербург: Наука, 1994. 335 с.
- Aretz Susana.* Der Opferung der Iphigenia in Aulis. URL: <https://www.perlego.com/book/725482/die-opferung-der-iphigenia-in-aulis-pdf> (дата обращения: 11.12.2022).
- Behl C.F.W.* Wege zu G. Hauptmann Coslar – zwiesprache mit G. Hauptmann. München, 1949, 427 s.
- Hauptmann G.* Abenteuer meiner Jugend. Berlin und Weimer, Fischer Verlag, 1980, 901 s.
- Hauptmann G.* Die Kunst des Dramas. Frankfurt am Main, Propyläen, 1965, 246 s.
- Hauptmann G.* Griechische Frühling. Berlin, Fischer, 1908, 226 s.
- Hauptmann G.* Tagebuch 1892–1894. Frankfurt am Main, Propyläen, 1985, 282 s.
- Hauptmann G.* Iphigenie in Delphi. Ausgewählte Werke in acht Bänden. Berlin, Aufbau-Verlag, 1962, B. IV, S. 453–619.
- Huch R.* Ausbreitung und Verfall der Romantik. Leipzig, H. Haessel, 1902, 324 s.
- Meyer T.* Theorie des Naturalismus. Stuttgart, Reklam, 2008, 326 s.
- Michaelis R.* Der schwarze Zeus & G.H. zweiter Weg. Berlin, Arcon Zerlag, 1962, 480 s.
- Pfister M.* Das Drama. Theorie und Analyse. München, Fink, 2001, 240 s.
- Rorty R.* Der Spiegel der Natur. Eine Kritik der Philosophie. Frankfurt am Main, Suhkampf, 1987, 437 s.
- Santini D.G.* Hauptmann zwischen Moderne und Tradition: neue Perspektiven zur Atriden – Tetralogie. Berlin & Erich Schmidt, 1998, 173 s.
- Sprenkel P.* Die Wirklichkeit der Mythen. Untersuchungen zum Werk G. Hauptmann. Berlin, S. Steineke, 1984, 230 s.
- Sprenkel P.* Der Dichter stand auf hoher Küste. G. Hauptmann in Dritten Reich. Berlin, Propyläen, 2009, 400 s.
- Tempel B.* Ein Versuch über G. Hauptmann künstlerisches selbstverständnis URL: <https://docplayer.org/110918307-Bernhard-tempel-alkohol-und-eugenik-ein-versuch-ueber-gerhart-hauptmanns-kuenstlerisches-selbstverstaendnis.html> (дата обращения: 12.12.2022).
- Vietta S.* Ästetik der Moderne. München, Wilhelm Fink Verlag, 2001, 329 s.
- Voigt F.* Hauptmann und die Antike. Berlin, E. Schmidt, 1965, 291 s.

References

- Astvazaturov A.G. Hermenevticheskaja Preljudiya [Hermeneutical prelude]. *Chelovek epokhi moderna: germenevtika sub'ekta v nemezkoyazychnoj kulture XVIII–XX vekov* [The Man of the Modern Era: Hermeneutics of the subject in the German-speaking culture of the XVIII–XX centuries]. Moscow; Berlin, Direkt-Media Publ., 2020, pp. 14–36 (In Russ.)
- Zherebin A.I. *Ot Vilanda do Kaphki* [from Wieland to Kafka]. Saint Petersburg, Isd-vo Novikova Publ., 2012, 475 p. (In Russ.)
- Nipa T.S. *Antichnyj zikl dram G. Hauptmana: diss. ... kand. filol. nauk* [The Ancient drama Cycle by Gerhart Hauptman: PhD thesis]. Moscow, 2001, 16 p. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000331105/ (access date: 13.12.2022). (In Russ.)

Sharypina T.A. *Dramaturgija pozdnego G. Hauptmana i novyj vzgljad na nemezkuju literaturu XX veka* [The dramaturgy of the late G. Hauptmann and a new look at German literature of the XX century]. N. Novgorod, 2010. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-germaniya/sharypina-dramaturgiya-pozdnego-gauptmana.htm> (access date: 11.11.2011). (In Russ.)

Kholmagorova I.G. *Hauptmann. Drama zakata* [Hauptmann. Sunset Drama]. Moscow, GITIS Publ., 2012, 221 p. (In Russ.)

Phrank S. *Shlejermakher* [Schleiermacher]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 1994, 304 p. (In Russ.)

Shlejermakher Ph.D. *Rechi o religii k obrazovannym lyudzam ee prezirayushim* [Speeches about religion to educated people who despise it]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1994, 335 p. (In Russ.)

Aretz Susana. Der Opferung der Iphigenia in Aulis. URL: <https://www.perlego.com/book/725482/die-opferung-der-iphigenia-in-aulis-pdf> (дата обращения: 11.12.2022).

Behl C.F.W. Wege zu G. Hauptmann Coslar – zwiesprache mit G. Hauptmann. München, 1949, 427 s.

Hauptmann G. Abenteuer meiner Jugend. Berlin und Weimer, Fischer Verlag Publ., 1980, 901 s.

Hauptmann G. Die Kunst des Dramas. Frankfurt am Main, Propyläen Publ., 1965, 246 s.

Hauptmann G. Griechische Frühling. Berlin, Fischer Publ., 1908, 226 s.

Hauptmann G. Tagebuch 1892–1894. Frankfurt am Main, Propyläen Publ., 1985, 282 s.

Hauptmann G. Iphigenie in Delphi. Ausgewählte Werke in acht Bänden. Berlin, Aufbau-Verlag Publ., 1962, B. IV, S. 453-619.

Huch R. Ausbreitung und Verfall der Romantik. Leipzig, H. Haessel Publ., 1902, 324 s.

Meyer T. Theorie des Naturalismus. Stuttgart, Reklam Publ., 2008, 326 s.

Michaelis R. Der schwarze Zeus & G.H. zweiter Weg. Berlin, Arcon Zerlag Publ., 1962, 480 s.

Pfister M. Das Drama. Theorie und Analyse. München, Fink Publ., 2001, 240 s.

Rorty R. Der Spiegel der Natur. Eine Kritik der Philosophie. Frankfurt am Main, Suhkampf Publ., 1987, 437 s.

Santini D.G. Hauptmann zwischen Moderne und Tradition: neue Perspektiven zur Atriden – Tetralogie. Berlin, Erich Schmidt Publ., 1998, 173 s.

Sprengel P. Die Wirklichkeit der Mythen. Untersuchungen zum Werk G. Hauptmann. Berlin, S. Steineke Publ., 1984, 230 s.

Sprengel P. Der Dichter stand auf hoher Küste. G. Hauptmann in Dritten Reich. Berlin, Propyläen Publ., 2009, 400 s.

Tempel B. Ein Versuch über G. Hauptmann künstlerisches selbstverständnis URL: <https://docplayer.org/110918307-Bernhard-tempel-alkohol-und-eugenik-ein-versuch-ueber-gerhart-hauptmanns-kuenstlerisches-selbstverstaendnis.html> (дата обращения: 12.12.2022).

Vietta S. Ästhetik der Moderne. München, Wilhelm Fink Verlag, 2001, 329 s.

Voigt F. Hauptmann und die Antike. Berlin, E. Schmidt Publ., 1965, 291 s.

Статья поступила в редакцию 20.01.2023; одобрена после рецензирования 22.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 20.01.2023; approved after reviewing 22.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

Научная статья

5.9.2. Литературы народов мира

УДК 821(430).09“20”

EDN XKXVXO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-110-116>

«ГОФМАНОВСКИЙ КОМПЛЕКС» В РОМАНЕ П. ЗЮСКИНДА «ПАРФЮМЕР»

Королева Вера Владимировна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой второго иностранного языка и методики обучения иностранным языкам, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых, Владимир, Россия, queenvera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7608-9772>

Притомская Алина Романовна, Владимирский государственный университет им. братьев Столетовых, Владимир, Россия, gera.greenhill@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется гофмановская традиция в немецкой литературе XX века на материале романа «Парфюмер» П. Зюскинда. Черты гофмановской эстетики рассматриваются в виде идейно-тематического комплекса образов, мотивов и стилистических приемов, присущих творчеству Э. Т. А. Гофмана («гофмановский комплекс немецкой литературы»), который проявляется в сходной стилистике (ирония и гротеск), проблематике: механизация человека и общества (реализуется через оппозицию «живое» – «неживое», мотив двойничества), осмысление природы гения (антагонизм гения и филистера) и его взаимоотношений с женственностью, проблеме насильственного воздействия на чужую личность, а также в использовании такого художественного приема, как синестезия.

Ключевые слова: Э.Т.А. Гофман, «гофмановский комплекс», механизация человека и общества, романтическая ирония, гротеск, двойничество, синестезия, «живое» – «неживое».

Для цитирования: Королева В.В., Притомская А.Р. «Гофмановский комплекс» в романе П. Зюскинда «Парфюмер» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 110–116. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-110-116>

Research Article

“E. T. A. HOFFMANN COMPLEX” IN THE NOVEL “PERFUME” BY PATRICK SÜSKIND

Vera V. Koroleva, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of the Second Foreign Language and Methods of Teaching Foreign Languages, the Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation, queenvera@yandex.ru

Alina R. Pritomskaya, the Stoletovs Vladimir State University, the Russian Federation, gera.greenhill@gmail.com

Abstracts. The purpose of this study is to analyse E.T.A. Hoffmann’s tradition in the 20th century German literature in terms of the novel “Perfume: The Story of a Murderer” by P. Süskind. The features of E.T.A. Hoffmann’s aesthetics are considered in the form of an ideological and thematic complex of images, motifs and stylistic techniques inherent in the work of E.T.A. Hoffmann (“Hoffmann complex of German literature”), which manifests itself in a similar style (irony and grotesque), problems – the mechanization of human and society (realised through the opposition of “living” – “inanimate”, the motif of duality), understanding the nature of genius (antagonism of genius and philistine) and its relationship with femininity, the problem of violent influence on someone else’s personality, as well as in the use of such an artistic technique as synesthesia.

Keywords: E. T. A. Hoffmann, “Hoffman complex of German literature”, problem of mechanisation of human and society, romantic irony, grotesque, duality, synesthesia, opposition “alive” – “inanimate”.

For citation: Koroleva V.V., Pritomskaya A.R. “E. T. A. Hoffmann complex” in the novel “Perfume” by Patrick Süskind. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 110–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-110-116>

Вопрос о степени влияния творчества Э.Т.А. Гофмана на немецкоязычную литературу поднимается как в отечественной, так и зарубежной критике нечасто. Творческий метод Гофмана был непонятым и непринятым на родине писателя, но имел парадоксально большой успех в России, о чем писали А.Б. Ботникова [Ботникова 1997], А.В. Кожикова [Кожикова 2007], Б. Удодов [Удодов 1978], В.В. Королева [Королева 2020]. Отчасти «неприятие» Гофмана в Германии было связано с нелестным отзывом И.Ф. Гете, который отнес творчество Гофмана к «больной» струе. Автор «Фауста» считал, что «болезненные произведения страдающего человека столь долгое время пользовались успехом в Германии и привили здоровым душам столько заблуждений» [Гете 1878: 103]. Другой причиной незначительной популярности Гофмана среди немецкого читателя в последующую эпоху стал акцент романтика на фантастическое и ужасное – элементы поэтики, которые в немецкой литературе перестали быть актуальными уже в 30-е годы. Смерть И.Ф. Гете в 1832 году ознаменовала начало нового периода в немецкой литературе, в котором главенствующее место стало отводиться общественно-политическим темам. Эта тенденция сохранялась в Германии вплоть до второй половины XX века.

Вместе с тем немецкая литература не могла развиваться без опоры на традиции немецкого романтизма и, в частности, творчество Гофмана, в связи с чем исследование гофмановского интертекста в немецкой литературе является актуальным вопросом. На наш взгляд, выделение гофмановской поэтики в произведениях немецких писателей наиболее эффективно с помощью идейно-тематического «гофмановского комплекса», который характеризуется устойчивым воспроизведением стилистики, проблематики и образной системы немецкого романтика в произведениях немецкой литературы. Комплексный подход позволяет проследить гофмановские аллюзии в творчестве целого ряда писателей Германии и Австрии. В качестве примера можно привести роман Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы» (1985), где элементы гофмановские поэтики проявляются системно.

Следует упомянуть, что в литературоведении уже обращали внимание на следы гофмановской традиции в романе П. Зюскинда. Так, В. Фрицен и М. Шпанкен в работе «Парфюмер. Интерпретации» отмечали влияние новеллы Гофмана «Мадемуазель де Скюдери» на роман Зюскинда [Фрицен, Шпанкен 1998]. В.А. Пестерев указывал также на связь романа «Парфюмер» с романом Гофмана «Эликсиры дьявола» [Пестерев 1999]. Однако исследователи, как правило, указывают в большей степени на сюжетное сходство этих произведений. Серьезное исследование, посвященное отражению гофмановского интер-

текста в художественном мире Зюскинда, принадлежит Н.В. Гладилину [Гладилин 2001], который делает акцент на анализе гофмановской традиции в немецком постмодернистском романе. Целью же нашей статьи является выделение характерных черт гофмановской поэтики в романе Зюскинда, а также анализ трансформации этого комплекса в художественном мире современного немецкого писателя с помощью «гофмановского комплекса» [Королева 2020], который был сформулирован нами на примере русской литературы.

На наш взгляд, в романе П. Зюскинда «Парфюмер» черты гофманианы проявились в стилистике (ирония и гротеск), в проблематике: своеобразное решение таких проблем, как механизация человека и общества (реализуется через оппозицию «живое» – «неживое», мотив двойничества), осмысление природы гения (антагонизм гения и филистера) и его взаимоотношений с женственностью, проблеме насильственного воздействия на чужую личность, а также в использовании такого художественного приема, как синестезия.

Следует также отметить, что отражение гофмановской поэтики в художественном мире П. Зюскинда могло быть обусловлено рядом причин: яркими неповторимыми гофмановскими образами, актуальностью проблематики его произведений, а также сходством романтической и постмодернистской эстетики (мифологизм, обличение процесса механизации общества, амбивалентность мотивно-образной структуры, ирония, гротеск и др.).

Для немецкой классической литературы проблема природы гения и аспектов его существования никогда не теряла своей актуальности. Гофмана же этот вопрос интересовал в двух аспектах: амбивалентность божественного и порочного в гении и противостояние художника толпе. Размышления над природой гениальности в произведениях немецкого романтика можно проследить в таких произведениях, как «Мадемуазель де Скюдери» (1818) (гениальный ювелир Кордильяк), «Советник Кrespель» (1818) (скрипичный мастер Кrespель, его дочь и жена, обладающие удивительными голосами), романе «Житейские воззрения кота Мурра» (1819) (Крейслер) и т. д. Данная проблема остается ведущей и в романе «Парфюмер»: Жан Батист гениален, хотя его образ и деконструирован соответственно духу времени. Зюскинд продолжает развивать выдвинутую Гофманом в новелле «Мадемуазель де Скюдери» идею о том, что гениальность и доброта не синонимы. Кордильяк у Гофмана настолько же гениален, насколько циничен и безжалостен. Его, очевидно, врожденная потребность убивать не мешает ему создавать неповторимые по своей красоте украшения. Таким же гением-убийцей делает своего персонажа Зюскинд: ароматы Гренуйя не ста-

новятся менее гениальными от того, сколько человеческих жизней он отобрал для их создания.

Гофман, как правило, в своих произведениях стремится к душевной гармонии как конечному и идеальному состоянию. В мире романа «Парфюмер» наоборот: порок не наказывается, он становится средством в достижении цели, и поэтому он оправдан. Художественное пространство романа наполнено преступниками и аморальными персонажами: это мир садистов, убийц, растлителей и каннибалов, для которых пытки и казнь – лучшее развлечение (жители города отправляются на казнь в лучших нарядах, день казни объявлен нерабочим). Жан Батист – продукт этого общества, для которого не может существовать справедливости и счастья. Любовь, к которой стремился Гренуй, существует в виде извращенного секса и каннибализма, лишенный всякого идеала мир не пытается вытеснить Гренуй: он не вносит такой диссонанс в среду маргиналов, какой Кордильяк – в гармоничное сосуществование благодетельных персонажей.

Замкнутый круг предопределения, вытесняющий каждого, кто пытается его нарушить, важен для Гофмана. Так, Евфимия стремится к власти над «неуклюжими болванчиками», оставаясь «безвольной игрушкой» [Гофман: 2, 69] в руках Медардуса, который, в свою очередь, является «лишь безвольным орудием темной силы» [Гофман: 2, 127]. Жан-Батист же этот круг нарушает, переламывая судьбу с рождения до самой смерти, совершив последнее усилие и совершив самоубийство.

В романе реализуется и проблема взаимоотношений творца и филистера, которая для Гофмана была особенно актуальна (новеллы «Золотой горшок», «Повелитель блох», «Крейслериана» и др.). Эта проблема раскрывается и в романе «Парфюмер». Каким бы извращенным не был Жан Батист, он остается непонятым гением и вынужден противостоять как ремесленникам в лице Бальдини и Пелисье (в образе Бальдини – бесталанном посредственном ремесленнике – реализуется и мотив противостояния ложного и истинного искусства), так и всей массе общества, которая никогда не смогла бы оценить его дар.

Гений Зюскинда Жан Батист – это творец нового поколения, совершенное дарование «в себе», которому не нужны мораль, люди и общество, ему необходимо лишь его собственное самовыражение в искусстве. Его деятельность не имеет «различимого творческого принципа» [Зюскинд: 48], его талант – это абсолютный дар (Зюскинд описывает Гренуй как «вундеркинда» [Зюскинд: 35]). Автор развивает идею об искусстве вне христианства, предложенную Гофманом, с той лишь оговоркой, что вне христианства в романе и творец, и толпа. Зюскинд без прикрас изображает искусство «за гранью добра и зла»: оно остается гениальным и без Бога, то есть оно не исхо-

дит от высшей силы. Но любовь есть Бог, искусство есть любовь. Эта формула работает против Жана Батиста: искусство безбожника остается непонятым такими же безбожниками. Оно навсегда останется непризнанным, а значит, нереализованным.

Созвучен данному мотиву и другой, истинно гофмановский мотив о творческом раскрепощении через безумие. Гренуй гениален, потому что безумен, и для него не существует ограничений и условностей. Это роднит его с Кордильяком, сумасшествие которого позже в немецкой психиатрии будет названо «синдромом Кордильяка». Мышление художников-убийц в той же степени аморально, в какой нестандартно и недоступно филистеру. Безумие роднит Гренуйя и с Медардусом Гофмана. Медардус – мечущийся между христианской моралью и богоборческими идеями человек на пути к «сверхчеловеку». В его образе Гофман предвосхитил развитие как философской мысли, так и постмодернистской литературы. В этом смысле Жан-Батист является своеобразным преемником Медардуса, отринувшим сомнения и страх перед моралью и Богом.

Важной проблемой, восходящей к Гофману, в романе Зюскинда является мотив взаимоотношений творца с женственностью. Женские персонажи у Гофмана – музы, вдохновляющие мужчин на творчество. Хотя Медардус и не является художником, Аврелия как муза становится вдохновительницей, мотиватором его действий и рефлексии. Ансельм в новелле «Золотой горшок» погружается в пугающий и странный магический мир, движимый интересом к Серпентине и т. д. Женское начало в творчестве Гофмана – это, как правило, пассивное начало, оно вдохновляет мужчин на творчество. Однако в ряде новелл («Советник Креспель», «Дон Жуан» и др.) женские персонажи являются носителями таланта. Антония в новелле «Советник Креспель», например, обладает уникальным голосом. В связи с этим Гофман проводит психоаналитическую параллель женщина – музыкальный инструмент и пытается исследовать феномен женского пения изнутри, чтобы осознать тайну возникновения звука. Так делает Креспель в новелле «Советник Креспель», ломая скрипки, чтобы изучить их устройство. Скрипка, звучащая, как голос его дочери, ломается сама со смертью девушки, не сумевшая повторить ее самого вдохновенного пения. Женский музыкальный талант у Гофмана дан свыше, персонажам не удастся повторить или воспроизвести его, не удастся его и подавить.

Женственность в новеллах Гофмана часто отличается любовью и благочестием. Тот же мотив невинной женственности обнаруживается и в романе «Парфюмер» Зюскинда. Девушки, убитые Гренуйем, ходят на тех самых юных, непорочных муз из гофмановских новелл. Они являются единственными

персонажами в романе, у которых не было каких-либо отрицательных, бесчеловечных качеств, уродств или увечий (ментальных или физических). Девушки Зюскинда обладают уникальным ароматом, которым они наделены с рождения и который невозможно создать, как самые лучшие духи. Жан Батист убивает девушек, присваивая их дар себе путем лишения божественной искры жизни. Пение Антонии в новелле «Советник Креспель» убивает ее, так же как аромат девушек в романе «Парфюмер» становится причиной их смерти. Женственность и у Зюскинда, и у Гофмана остается для персонажей непостижимым явлением, которое мужчина может только разрушить.

С проблемой женственности связана и другая истинно гофмановская проблема – механизации общества, которая реализуется в оппозиции «живое» – «неживое». Одной из форм воплощения данной проблемы является мотив потери или омертвления души. Для Гофмана голос или глаза выступают метафорой души. Параллель: лишение голоса – смерть – мы встречаем в «Советнике Креспеле» и в «Крейслериане». Омертвление души через глаза – сюжетообразующий элемент в новелле «Песочный человек». Маленький Натаниэль подсознательно боится быть лишенным души, как те дети, у кого Песочник отбирает глаза. Во взрослом возрасте он сталкивается с бездушной куклой Олимпией, природу которой выдают неживые глаза. Зюскинд продолжает разрабатывать тему механизации общества через запах, отголоски чего можно найти и у Гофмана (например, в том же цикле «Крейслериана» в аромате красной гвоздики, частично в новелле «*Datura Fastuosa*»). Эта метафора реализуется не только в образе самого Гренуйя, лишенного аромата как человеческого атрибута, и не только в образе убитых им девушек, лишенных своей сути без запаха. По мысли Зюскинда, утрата обоняния – признак омертвления души. Вариации этой метафоры раскрываются в образе мадам Гайар, лишенной обоняния и с тех пор ощущающей себя «живым мертвецом» [Зюскинд: 25]. Тот же образ встречаем и в описании матери Гренуйя, лишенной полноценного обоняния детоубийце. Частично лишен обоняния и Бальдини, бессовестный и циничный парфюмер, а также Риши, одержимый желанием растлить собственную дочь, который априори не мыслит категориями запахов и ароматов. Он способен только на визуальное восприятие и описание всего, что его окружает.

С проблемой механизации человека и общества связан и такой элемент «гофмановского комплекса», как мотив двойничества. У Гренуйя нет полноценного двойника, каких можно встретить, например, в романе Гофмана «Эликсиры дьявола». Жан не переживает внутреннего кризиса, борьбы амбивалентных начал. Гренуй чувствует себя максимально комфор-

тно таким, какой он есть, его не тяготят мысли о морали и Боге, о содеянном им зле. Его двойничество проявляется в социальных масках, которые Гренуй на протяжении сюжета меняет. Уродливый Жан Батист, лишенный представления о социальных нормах, легко получает все необходимое для продвижения к своей мечте. В этом ему как раз и помогает множество «псевдогренуйев»: каждый из персонажей, сыгравший важную роль в становлении Жана Батиста как парфюмера и маньяка, принимая его за кого-то другого. Террье – за безобидного чистого младенца, Бальдини – за наивного необразованного юношу, Тайад-Эспинасс – за жертву горьких обстоятельств. В темной мастерской Бальдини отмечает: «...он словно двоится или троится» [Зюскинд: 105]. Двойники берут верх даже над самим Гренуйем: он неожиданно для себя меняет манеру речи с Бальдини, походку и осанку – с маркизом Тайад-Эспинассом. Гренуй двоится только в восприятии других героев: каждый в нем видит только то, что хочет видеть.

Духовная смерть Жана-Батиста, а также его благодетелей становится причиной возникновения двойников. Не только сам Гренуй изображен как «клещ», паразит, движимый лишь витальными потребностями, но и все его окружение: например, мадам Гайар, которая едва реагирует на внешний мир. Ее поведение отсылает нас к автоматам Гофмана: «...внутренне она давно была мертва» [Зюскинд: 25] и неукоснительно соблюдала алгоритмы, механические действия, на которых держалась вся ее жизнь. О неудержимом духовном падении говорит и отец Террье: «Если стучат в эти ворота, речь идет о деньгах» [Зюскинд: 12]. Парфюмер Бальдини «был похож на свой собственный манекен», «старый и неподвижный, как колонна», оживающий только для того, чтобы «юрко» «отвесить поклоны» [Зюскинд: 142]. Он забывает молиться, когда на горизонте появляется перспектива славы и богатства. Женат такой «манекен» на «храпящем скелете» [Зюскинд: 142]. Зюскинд пользуется также излюбленным приемом Гофмана, оживляя неживое. Части тела в романе выглядят и ведут себя так живо и натурально, как не ведут себя их хозяйки-манекены. В романе «Парфюмер» «нос видит больше, чем глаза», нос Жана-Батиста, как самый «талантливый» нос, ожил раньше, чем младенец открыл глаза: «...смотрит на него своими ноздрями резко и испытующе»; «...крошечный нос задвигался, задрался кверху и принюхался... потом нос сморщился» [Зюскинд: 22]. Очевидно, что в этом эпизоде проявляется гротеск, восходящий к Гофману.

С проблемой природы гения у Зюскинда связан мотив психической аномалии, которую пытался осмыслить и Гофман на протяжении всего творческого пути. В романе «Парфюмер» появление на свет Жана Батиста поразительно похоже на рождение Кор-

дильяка. Ювелир рассказывает, что его беременная мать была околдована красотой украшения на шею мужчины, умершего, помогая ее. Рождение Кордильяка отмечено манией и смертью. При схожих обстоятельствах начинается и жизнь Гренуйя. Его мать – сама убийца, умертвившая несколько своих нежеланных детей. Отсутствие любви в жизни Жана Батиста не могло не оставить отпечатка на его судьбе и личности. Гофман превосходит в образе Кордильяка развитие современной психиатрии, анализируя закономерности формирования аномалий в психике человека под влиянием психологических травм ребенка. Зюскинд же развивает этот мотив с опорой на современную науку.

Черты гофмановского стиля у Зюскинда находят свое выражение и в романтической иронии, насмешке над персонажами, и в саркастическом тоне повествования (например, мать Гренуйя была хороша тем, что «почти все ее зубы еще были на месте» [Зюскинд: 10]). Автор романа «Парфюмер» вступает в своеобразную полемику с Гофманом, иронизируя над ним самим (герой Зюскинда пожирает волшебных саламандр Гофмана [Зюскинд: 153]), а также над его романтическим героем (Жан-Батист бродит при луне на лоне природы, но остается омерзительным существом).

Присутствуют в романе и элементы фантастического, которые возникают неожиданно. В произведении Зюскинда нет inferнальных овощей, карликов или фей, но Гренуй обладает сверхспособностью, отвечающей натуралистическому стилю повествования: как только он использовал человека для собственной выгоды, тот исчезает навсегда и бесследно [Зюскинд: 144]. К области фантастического относится и сверхъестественный дар Гренуйя, а также его умение манипулировать и мимикрировать при полном отсутствии социальных навыков. Как отметила Е.А. Нечаева, Жан-Батист похож на злобного гофмановского Цахеса [Нечаева 2010]. Эти фантастические элементы и этот нечеловеческий талант Гренуйя, скорее всего, позаимствованы Зюскиндом из гофмановских сказок и переосмысливаются им согласно настроению романа и духу времени.

Важную роль в романе «Парфюмер» играет мотив насильственного воздействия чужой воли на другого человека, который Зюскинд развивает по-своему: если у Гофмана чужой воле подвергались невинные люди, впоследствии терявшие контроль над своей жизнью и даже разумом, как в новелле «Магнетизер», то воздействию чужой воли в романе Зюскинда, а именно воли Жана-Батиста, подвергаются те же маргиналы и безбожники, что его окружают. Гренуй не вынуждает их идти на невообразимые поступки, он лишь снимает с людей социальные и моральные ограничения. Каннибализм, сексуальные

извращения и агрессия не внушаются им волей Гренуйя, Жан-Батист лишь раскрепощает уже таящиеся в них гнусные идеи и стремления. Хотя Гренуй неосознанно и реализует формулу «Магнетизера»: «Стремление к господству есть стремление к божественному» [Гофман: 1, 182], где божественное означает власть («...был богом более великолепным, чем тот, воняющий ладаном Бог» [Зюскинд: 297]). Жан-Батист больше не претендует на роль мага, трансформирующего реальность, он претендует на роль демиурга, формирующего реальность. Гренуй – сверхчеловек, который отказывается от Бога. Персонаж Зюскинда преодолел страх перед потерей и осквернением души, еще доступный Медардусу и Натаниэлю, но уже кажущийся смешным в эпоху постмодернизма.

В романе раскрывается и такой художественный прием, как синестезия. Гофман одним из первых привносит этот художественный прием в литературу. А.С. Варганов полагает, что синестезия состоит в том, что «образ, возбуждая одни чувства, влечет за собой косвенное, ассоциативное участие других (в результате позволяет получить целостное художественное представление об изображаемом предмете или явлении» [Варганов 1982: 22]). Зюскинд сравнивает ароматы духов с игрой оркестра: «...запах, подобный звучанию оркестра, в котором каждый из тысячи музыкантов играет фортиссимо свою собственную мелодию» [Зюскинд: 61], «...они [запахи] были как симфония по сравнению с одиноким пиликаньем скрипки» [Зюскинд: 110]. Аромат и звук в романе тесно переплетаются и составляют единое «сообщение» (по И. Мюллеру) [Мюллер: 423]. Зюскинд объединяет свое мировосприятие с мировосприятием Гофмана-композитора, с его «музыкой жизни» [Черепанова 2011].

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сказать, что гофмановские черты в романе П. Зюскинда «Парфюмер» проявляются системно. Такое комплексное освоение элементов художественного мира Гофмана, на наш взгляд, актуально, так как позволяет обнаружить влияние гофмановского творческого метода на немецкоязычную литературу даже в тех произведениях, где черты гофмановской поэтики прослеживаются неявно, что дает возможность увидеть более полную картину трансформации художественного метода романтика в последующей литературной традиции. Дальнейшее изучение гофмановского интертекста в немецкой литературе с помощью комплексного подхода – актуальный вопрос, так как исследования в этом направлении позволяют не только выделить гофмановские черты в других произведениях немецких писателей, но и в дальнейшем определить «гофмановский текст немецкой литературы».

Список литературы

Ботникова А.Б. Э.Т.А. Гофман и русская литература: (Первая половина XIX в.). К проблеме рус.-нем. лит. связей. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1977. 206 с.

Вартанов А.С. О соотношении литературы и изобразительного искусства // Литература и живопись. Ленинград: Наука, 1982. С. 8–24.

Гладиллин Н.В. «Гофманиана» в немецком постмодернистском романе: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2001. 220 с. URL: http://samlib.ru/g/gladilin_n_w/gofmanianawnemeckompostmodernistskomromane.shtml (дата обращения: 15.01.2023).

Гофман Э.Т.А. Собрание сочинений: в 6 т. Москва: Художественная литература, 1991–2000.

Зюскинд П. Парфюмер: История одного убийцы. Москва: Азбука-Аттикус, 2021. 320 с.

Кожикова А.В. Восприятие Э.Т.А. Гофмана в России 30–40-х годов XIX века: к проблеме формирования и трансформации культурного мифа: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2007. 177 с.

Королева В.В. «Гофмановский комплекс» в русской литературе конца XIX – начала XX веков: монография. Владимир: Шерлок-пресс, 2020. 306 с.

Королева В.В. «Гофмановский текст русской литературы» в творчестве русских символистов // Вестник Томского государственного университета, 2021. № 71. С. 270–271.

Нечаева Е.А. Поэтика демонического в творчестве Э.Т.А. Гофмана: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 23 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/poetika-demonicheskogo-v-tvorchestve-eta-gofmana> (дата обращения: 15.12.2022).

Пестерев В.А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград, 1999. 308 с. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/П/pesterev-valerij-aleksandrovich/modifikacii-romanoj-formi-v-proze-zapada-vtoroj-polovini-hh-stoletiya/5> (дата обращения: 15.12.2022).

Удодов Б.Т. Судьба Гофмана в России // Подъем. 1978. № 4. С. 154–157.

Черепанова Н.Б. Образ музыки в художественной прозе В.В. Гофмана // Мировая литература в контексте культуры. 2011. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-muzyki-v-hudozhestvennoy-proze-v-v-gofmana> (дата обращения: 26.08.2022).

Frizen W. Marilies Spancken: Das Parfum. Interpretationen. 2, überarbeitete und korrigierte Auflage, Oldenbourg. München, 1998, 180 S.

Goethe J.W. Goethe's Werke. Grote'sche Verlagsbuchhandlung, 1878, Bd. 29, S. 103.

Müller J. Zur Physiologie des Fötus. Zeitschrift fuer die Anthropologie. Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg, 1824, No. 2, S. 423-483.

Online Lexikon für Psychologie & Pädagogik. Stangl, 2023. URL: <https://lexikon.stangl.eu/26489/cardillac-syndrom> (дата обращения: 17.09.2022).

References

Botnikova A.B. E.T.A. Hoffmann i russkaya literatura: (Pervaya polovina XIX veka). K probleme rus.-nem. lit. svyazey [E.T.A. Hoffmann and Russian literature: (The first half of the XIX century.). To the problem of Rus.-German literature connection]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta Publ., 1977, 206 p. (In Russ.)

Cherepanova N.B. *Obrazh muzhiki v khudozhestvennoy proze V.V. Hoffmana* [The Image of music in V.V. Hoffman's Fiction]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'turi* [World literature in the context of culture], 2011, No. 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-muzyki-v-hudozhestvennoy-proze-v-v-gofmana> (access date: 26.08.2022). (In Russ.)

Gladilin N.V. "Gofmaniana" v nemecckom postmodernistskom romane: dis. kand. filol. nauk ["Hoffmanian" in the German postmodern novel: PhD thesis, summary]. Moscow, 2001, 220 p. URL: http://samlib.ru/g/gladilin_n_w/gofmanianawnemeckompostmodernistskomromane.shtml (access date: 15.01.2023). (In Russ.)

Hoffmann E.T.A. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1991–2000. (In Russ.)

Süskind P. *Istoriya odnogo ubiytsi* [The Story of a Murderer]. Moscow, Asbuka-Attikus Publ., 2021, 320 p. (In Russ.)

Kozhikova A.V. *Vospriyatiye E.T.A. Hoffmana v Rossii 30–40 godov XIX veka: k probleme formirovaniya i transformatsii kulturnogo mifa: dis. ... kand. filol. nauk* [The Perception of E.T.A. Hoffman in Russia in the 30–40s of the XIX century: on the problem of formation and Transformation of Cultural Myth: PhD thesis, summary]. Cherepovetz, 2007, 177 p. (In Russ.)

Koroleva V.V. «Hoffmanovskii kompleks» v russkoi literature kontsa XIX – nachala XX vekov: monografiya [«Hoffman Komplex» in the Russian literature of the late 19th – early 20th centuries: monograph]. Vladimir, Sherlock-Press Publ., 2020, 306 p. (In Russ.)

Koroleva V.V. «Hoffmanovskii tekst russkoy literaturi» v tvorchestve russkikh simbolistov ["Hoffman's text of Russian literature" in the works of Russian symbolists]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 2021, No. 71, pp. 270-271. (In Russ.)

Nechayeva E.A. *Poetika demonicheskogo v tvorchestve E.T.A. Hoffmana: dis. ... kand. filol. nauk* [The Poetics of the demonical in the works of E.T.A. Hoffman: PhD thesis, summary]. Samara, 2010. URL: <https://www.dissercat.com/content/poetika-demonicheskogo-v-tvorchestve-eta-gofmana> (access date: 15.12.2022). (In Russ.)

Pesterev V.A. *Modifikatsii romannoy formi v proze Zapada vtoroy polovini XX stoletiya* [Modifications of the novel form in the prose of the West of the second half of the XX century]. Volgograd, 1999, 308 p.

URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/II/pesterev-valerij-aleksandrovich/modifikacii-romanoj-formi-v-proze-zapada-vtoroj-polovini-hh-stoletiya/5> (access date: 15.12.2022). (In Russ.)

Udodov B.T. *Sud'ba Hoffmana v Rossii* [Hoffmann's Fate in Russia]. Pod'em, 1978, No. 4, pp. 154-157. (In Russ.)

Vartanov A.S. *O sootnoshenii literaturi i isobrazitel'nogo iskusstva* [On the relationship between literature and fine art]. *Literatura i zhivopis'* [In Literature and Fine Art]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 8-24. (In Russ.)

Frizen W. *Marilies Spancken: Das Parfum. Interpretationen. 2, überarbeitete und korrigierte Auflage*, Oldenbourg, München, 1998, 180 S.

Goethe J.W. Goethe's Werke. Grote'sche Verlagsbuchhandlung, 1878, Bd. 29, S. 103.

Müller J. Zur Physiologie des Fötus. Zeitschrift fuer die Anthropologie. Universitätsbibliothek Johann Christian Senckenberg, 1824, № 2, S. 423-483.

Online Lexikon für Psychologie & Pädagogik. Stangl, 2023. URL: <https://lexikon.stangl.eu/26489/cardillac-syndrom> (дата обращения: 17.09.2022).

Статья поступила в редакцию 11.01.2023; одобрена после рецензирования 09.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 11.01.2023; approved after reviewing 09.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

КОНЦЕПТ ПУСТОТЫ В РОМАНЕ «СЧАСТЬЕ КАНДИДА» С. КРУГОСВЕТОВА (компаративный анализ)

Дрейфельд Оксана Викторовна, кандидат филологических наук, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, filoxenia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3612-0237>

Аннотация. Смысловая пустота фактической реальности – важнейшая идея постмодернизма, которая связана с признанием относительности любых идей, философов, смыслов, концепты которых представляют собой «симулякры». За десятилетия существования русского литературного постмодернизма трактовка соотношения человека и реальности, вещи и концепта осмысливается заново относительно мировой культуры. С помощью сравнительно-сопоставительного анализа романов Саши Кругосветова «Счастье Кандида» и В. Пелевина «Чапаев и Пустота» было выявлено содержание концепта *пустота*, создающего центральный образ в обоих текстах, были изучены его смысловые и функциональные характеристики. В романе «Чапаев и Пустота» концепт *пустота* участвует в формировании экзистенциального сюжета, связанного с субъективным стремлением персонажей к выходу из пустоты, потому что она участвует в преодолении неизбежных социокультурных самоидентификаций, позволяет строить образ множественности в противоположность бинарным оппозициям. В романе Саши Кругосветова при описании образа реальности основной стратегией повествования является игра с читателем, основанная на соотношении функциональных копий объектов, замаскированных объектов, иллюзорных объектов и виртуальных копий, а главными приёмами их предъявления становятся буквализация метафоры и абсурдизация. *Пустота* в романе Саши Кругосветова – не только онтологическая характеристика, размывающая оппозицию «бытия» и «небытия», но и особенность стилистики, уходящей от любого конкретного стиля за счёт освоения и присвоения слишком большого количества стилевых маркеров. Актуальность исследования связана с изучением модификаций русского постмодернизма в современном литературном процессе.

Ключевые слова: «пустота», симулякр, русский постмодернизм, Саша Кругосветов, В. Пелевин, литературная пародия, пастиш.

Для цитирования: Дрейфельд О.В. Концепт *пустоты* в романе «Счастье Кандида» С. Кругосветова (компаративный анализ) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 117–122. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-117-122>

Research Article

THE CONCEPT OF “VOID” IN THE SASHA KRUGOSVETOV’S NOVEL “CANDIDE’S HAPPINESS” (comparative analysis)

Oksana V. Dreifeld, PhD candidate in Philology, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, filoxenia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3612-0237>

Abstract. The semantic “void” of actual reality is the most important idea of postmodernism, which is associated with the recognition of the relativity of any ideas, philosophies, meanings, the concepts of which are “simulacrum”. Over the decades of the existence of Russian literary postmodernism, the interpretation of the relationship between man and reality, thing and concept has been rethought in relation to world culture. With the help of a comparative analysis of the novels “Candide’s Happiness” by Sasha Krugosvetov and “Clay Machine Gun” by Victor Pelevin, respectively, the content of the concept “void”, which creates the central image in both texts, was revealed, its semantic and functional characteristics were studied. In the novel “Clay Machine Gun” the concept of “void” is involved in the formation of an existential plot associated with the subjective desire of the characters to get out of “void”, because it participates in overcoming the inevitable socio-cultural self-identifications, allows one building an image of plurality as opposed to binary oppositions. In the novel by Sasha Krugosvetov, when describing the image of reality, the basal narrative strategy is a game with the reader, based on the correlation of functional copies of objects, disguised objects, illusory objects and virtual copies, and the main methods

of their presentation are to demonstrate metaphors literally and absurd. "Void" in Sasha Krugosvetov's novel is not only an ontological characteristic that blurs the opposition of "existence" and "non-existence", but also a feature of style, moving away from any particular style due to the development and appropriation of too many stylistic markers

Keywords: "void", simulacrum, Russian postmodernism, Sasha Krugosvetov, Victor Pelevin, literary parody, pastiche.

For citation: Dreifeld O.V. The concept of "void" in the Sasha Krugosvetov's novel "Candide's Happiness" (comparative analysis). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 117–122. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-117-122>

Цель исследования – изучить смысловые и функциональные характеристики концепта *пустота* в позднем русском постмодернизме на материале романа Саши Кругосветова «Счастье Кандида» и романа Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота» с помощью компаративного и концептуального анализа и интерпретации.

Классическая литература, как известно со времен «Поэтики» Аристотеля, создавалась на основе мимесиса – поэтики подражания реальности. Во второй половине XX века постмодернизм отказывается от идеи репрезентации реальности через текст литературного произведения [Сейдашова: 449]. Теоретики постмодернизма приходят к выводу, что любой литературный текст отсылает не к реальности, а к «языкам» и «концептам» культуры.

Ж. Лиотар в работе «Состояние постмодерна» (1979) декларирует идею языка как конструкта, репрезентирующего не фактическую реальность, а определённую структуру понятий [Lyotard: 21–22]. Литературный текст, который подражает языкам искусства, отсылает, таким образом, не к универсальной единой фактической реальности, а к концептам и философемам определённых культурных парадигм.

Смысловая «пустота» фактической реальности сопряжена в постмодернизме с наличием «бесконечного Словаря культуры», концепты которого представляют собой «симулякры» (Джеймисон) – оболочки, лишённые субстанциональности, и копии, лишённые референции к объектам реальности [Jameson: 38]. Ранний постмодернизм ещё опирался на понимание сознания человека как реального процесса восприятия, вместилища индивидуального опыта взаимодействия человека с культурой [Гревцева: 5]. Но за десятилетия существования постмодернизма трактовка соотношения человека и реальности, вещи и концепта должна была варьироваться.

Мы предлагаем рассмотреть трансформацию постмодернистской трактовки взаимодействия человека и реальности на примере изменения трактовки концепта *пустота* в творчестве В. Пелевина («Чапаев и Пустота») и Саши Кругосветова («Счастье Кандида»).

Роман Саши Кругосветова «Счастье Кандида» характеризуется несколькими «слоями» «интертекстуальности»: наиболее очевидный слой закодирован в названии, но не менее интересно обратиться к тек-

стуальной параллели, реализованной в самом нарративе.

Начинаясь как условно «натуралистическое» повествование, нарочито делающее акцент на «физиологической» трактовке человека, нарратив инкорпорирует элементы, создающие образ гротескной реальности. Описание действительности, в которой обитает главный герой «Счастья Кандида» Кент, неожиданно дополняется «нереалистичными» элементами при помощи лингвистических приёмов (в первую очередь при помощи буквализации метафор). Например, в описании локуса подвала, выбранного персонажем для обитания, метафора буквализируется повествующим субъектом во фразе, где обозначается гротескная взаимосвязь предметного мира и реальности человеческих эмоций и оценок. Характеризуя несоответствие уровней улицы и внутреннего двора, повествующий субъект опирается в качестве объяснения на причинно-следственные связи между социальным статусом главного героя и состоянием пространства: «Жизнь его молодую поломали, искорежили – похоже на то, что и пространство вокруг него поехало от огорчения. Оно, пространство это, тоже, видимо, переживало за судьбу молодого и недооценённого обществом гражданина Российской Федерации» [Кругосветов: 12].

Интертекстуальность в начале повествования Саши Кругосветова опирается на роман Б. Виана «Пена дней». Широко известный эпизод в начале романа Виана, в котором Колен принимает душ и ухаживает за своей внешностью [Vian: 5], включает такие гротескные детали, как 1) живые бытовые предметы, используемые Коленом с целью повышения комфортабельности и гармонизации своего идиллического мира Дома (например, коврик, впитывающий воду, как живой организм), 2) органически независимые от своего носителя, но эстетичные части тела (отрастающие веки, которые Колен подрезает маникюрными ножничками), 3) сравнения внешности Колена и образов, отсылающих к идиллическому хронотопу («волны», на которые разделяет его волосы гребешок, уподоблены слоям абрикосового джема, который, в свою очередь, уподоблен пашне, освещённой закатным солнцем, на которой пахарь проводит борозды, вспахивая землю для сева).

В романе «Счастье Кандида» эти эпизоды дублируются в сниженном ключе. Если сравнить описание

процедуры причёсывания, то эстетизация, присутствующая у Виана, явно снимается: в образе «пробора», «смазанного машинным маслом» и кусающего алюминиевую расческу, соединяются органическая и механическая метафоры, а оживление элемента, разделяющего визуально волосы на две стороны, носит алогичный для повествователя характер. Этот эпизод не характеризует идеализированный гармоничный мир, как в романе Виана, наоборот, он вызывает недоумение повествователя: «Причесался на косой пробор. Пробор вел себя довольно строптиво – извивался, скрипел, пару раз укусил алюминиевую расческу и норовил соскочить с головы. Кент заправил машинным маслом специально приготовленную для такого случая масленку и смазал пробор. Это почему-то успокоило строптивца, он улегся между двумя волнами каштановых волос, однако довольно криво» [Кругосветов: 20].

Если говорить о приведённых приёмах повествования на языке семиотики, подобное совмещение знаков, относящихся к разным реальностям, оказывается совмещением разных знаковых систем. Подобное совмещение знаковых систем в классической литературе было характерно для пародийной авторской интенции. Но, помимо разрушения стилистической целостности, описанное совмещение в романе «Счастье Кандида» ведёт и к возникновению эффекта иллюзорности. Читатель текста вынужден переключаться из одного регистра в другой произвольно, следуя не логике описываемых событий, а только игре повествующего субъекта со стилями [см. об этом: Шубина].

Произвольность «переключений регистров» порождает сомнение в смысле эпизода. Например, рассказ о задабривании дворника подношением «переключает» внимание читателя на проблему онтологического статуса разного вида копий: «Шародей подарил ему две “Путинки”. Обе ненастоящие. Одну отпечатал на трехмерном принтере – в точности, как натуральная: и бутылка, и пробка, и наклейки, и содержимое максимально приближено к оригиналу. Вторая – виртуальная копия с имитацией всех тактильных и вкусовых ощущений. Вопрос только вот в чем: правильное ощущение виртуальной жидкости есть, а будет ли эффект опьянения? Виртуальную не жалко. Таких копий можно залить в телефон сколько угодно. Но конечный эффект Шародей не гарантировал» [Кругосветов: 20]. «Виртуальная копия» выступает здесь как предельно лишённая онтологического статуса «вещь в себе»: она создаёт «ощущение жидкости», но «заливается в телефон». Производя игру с прямым и переносным значением глагола «заливать» (слэнговое значение: обманывать, выдумывать), говорящий выводит окончательно описываемый объект из сферы действительно существующего и реализующего фактически наличные функции.

В этом же повествовательном фрагменте нарративная логика, связанная с выделением в качестве объекта восприятия иллюзорных (несуществующих) объектов-копий, дополняется демонстрацией копий фраз и афоризмов и даже копий персон мыслителей, чей онтологический и антологический статус имитируется: «Как сказал Феликс Максимович: “В человеке все должно быть прекрасно – и лицо, и все части тела и, что немаловажно, – некоторые особенные его части”» [Кругосветов: 20]. Это можно было бы воспринимать как разновидность низкопробного «бытового юмора», соответствующего традиции использования речевой характеристики персонажа, актуальной в реалистическом и натуралистическом нарративе, когда говорящий иронически, снижающе контаминирует фразы персон, выявляя либо иронию по отношению к культуре, либо кичевое неразличение культурных институций. Но в контексте первой главы, посвящённой «копиям копий», этот афоризм приобретает характер ироничной авторской рефлексии над проблемой, которая заявлена в названии второй главы, посвящённой «Пустоте».

Стратегия повествования во второй главе романа «Счастье Кандида» от натуралистического физиологизма переходит к письму, пародирующему логику гротескного повествования, буквально повторяющего фабульный ряд романа Виана «Пена дней». Во второй главе повествование освещает жизнь друга Кента, увлечённого философией и творчеством писателя Плезневича, автора произведения «Пустота».

Но если у Виана пародия в образе Жан-Соль Партра очевидна именно как регистр осмеяния определённого социокультурного явления, связанного с адаптацией идеалистической философской парадигмы под социально успешный проект, имеющий коммерческий успех (у Виана разорение одного из молодых героев связано с фанатичным приобретением изданий и атрибутики философа), то у Саши Кругосветова в романе «Счастье Кандида» Плезневич производит настолько абсурдные и в то же время концептуально содержательные опусы (книги о Пустоте с пустыми страницами, чтение которых имеет аккумулятивный эффект перехода со ступени на ступень в духовной практике постижения Пустоты), что создаётся эффект «знак знака», который как полностью лишён смысла, так и означен заново множеством культурных контекстов. В частности, нельзя отказать образу Плезневича в сходстве с Пелевиным по ряду признаков: начав с повествования о Чапаеве и Пустоте, а также о пустоте симулякров в повести «Омон-Ра», Пелевин популяризировал идеи философии буддизма о ценности *пустоты* в духовном опыте мыслителя.

Таким образом, читатель оказывается в галерее симулякров стилистического и сюжетного уровня:

следуя пародийной стратегии изображения, автор формирует имитацию сюжета Виана и в то же время работает с концептом *пустоты*, актуальным в русском постмодернизме. Это происходит благодаря связи виановских образов Сартра – Партра, повторённых в романе Кругосветова на уровне отражения образов Пелевина и Плезневича.

Итак, в романе «Счастье Кандида» при описании образа реальности читателю предлагаются: 1) вещи, которые замаскированы под другие вещи (создают иллюзию какого-то другого предмета); 2) вещи, которые функционируют в качестве других вещей; 3) вещи-копии («путинка»), похожие на настоящие, но не являющиеся подлинными (например, брендовыми); 4) виртуальные копии вещей; 5) пародийные копии и игровые стратегии языка, изменяющие отношения между объектами реальности и их предъявлением в речи; 6) копии копий («Плезневич, идеальный пророк Пустоты»).

Это определяет, на наш взгляд, стратегию восприятия данного произведения в контексте постмодернистского концепта «симулякр». Анализ произведений литературы раннего русского постмодернизма показывает, что «симулякр» трансформируется в русский вариант «пустота». Обратимся для анализа концепта *пустота* к роману Пелевина «Чапаев и Пустота».

На конференции «Москва – Токио 2001. Русские и японские писатели за круглым столом», отвечая на вопросы Мацүёси Нумано, Виктор Пелевин охарактеризовал «Чапаева и Пустоту» как «первый роман в мировой литературе, действие которого происходит в пустоте»¹. Роман, по сути, включает не только художественное исследование онтологического и гносеологического содержания понятия *пустота*, но и игру с номинацией персонажа, имя которого внесено в название.

Первое, на что обращает внимание читатель, – это «виртуальность» существования персонажей (Пустоты, Марии, Сердюка и Володина) в большинстве реальностей, которые они полагают «действительными». Следовательно, в первую очередь *пустота* имеет характер онтологически недостоверного, иллюзорного мира, который представляет собой симуляцию действительности. Однако эта «симуляция» обладает для персонажей притягательностью, поскольку имеет большой гносеологический потенциал – именно в «иллюзорной» действительности они взаимодействуют с культурно значимыми ситуациями и контекстами (например, Пётр Пустота оказывается комиссаром Чапаева). Таким образом, *пустота* характеризуется присутствием «знаков других знаков» – это происходит через семиотизацию новых контекстов, которые создаются «иллюзорными реальностями» персонажей. Автор ставит героев

в ситуацию, когда ценность их «иллюзорных реальностей» двойка для них самих: нулевая ценностная значимость *пустоты* как концепта, связанного с отсутствием пространственного и смыслового наполнения (для всех окружающих), дополняется субъективным стремлением персонажей к содержательному и осмысленному существованию, которое они могут обрести лишь в виртуальной «внутренней Монголии»: «Позвольте сказать вам напоследок одну вещь. Может быть, самую главную. Насчет того, куда попадает человек, которому удалось взойти на трон, находящийся нигде. Мы называем это место внутренней Монголией. – А где оно, это место? – В том-то и дело, что нигде. Нельзя сказать, что оно где-то расположено в географическом смысле. Внутренняя Монголия называется так не потому, что она внутри Монголии. Она внутри того, кто видит пустоту» [Пелевин: 255]. Движение к выходу из *пустоты* возможно потому, что она обладает свободой от общих смыслов и общепринятых акций и остаётся последним элементом после исчезновения реальности и сознания, воспринимавшего реальность. Эти наблюдения показывают, что в романе «Чапаев и Пустота», помимо изощрённой интертекстуальной игры с культурными концептами, парадигмами, цитатами, стилями, помимо деконструкции понятий «реальность», «истина» и других позитивистских конструктов, сюжет имеет отчётливую экзистенциальную проблематику.

Наблюдение исследователя М.В. Репиной, анализирующей в своей диссертации русский литературный постмодернизм и творчество Пелевина середины 90-х годов XX века, подтверждает наш вывод: «оставаясь по форме постмодернистскими, произведения, написанные в этот период, не только констатируют утрату реальности, но пытаются найти ориентиры в образовавшейся пустоте» [Репина: 25]. По мнению И. Скоропановой, концепт *пустоты* актуализируется для русского литературного постмодернизма в связи с отношением к миру как тексту, где оперирование симулякрами позволяет децентрализовать непреложный статус фактической данности и подготавливает обретение территории, на которой культурные смыслы не имеют статуса абсолютных [Скоропанова: 70]. Расширяя толкование Скоропановой на материале анализа концепта *пустота* в романе В. Пелевина, можно сказать, что «пустота» у Пелевина – это не только экзистенциальная философия [Суродина: 2], поскольку она участвует в расширении поля восприятия постмодернистских героев, в преодолении неизбежности социокультурных самоидентификаций, позволяет строить образ множественности в противоположность бинарным оппозициям.

Сопоставляя концепт *пустоты* в романе Саши Кругосветова «Счастье Кандида» с рассмотренными выше образами «пустоты» в романе В. Пелевина «Ча-

паев и Пустота», мы видим не только определённую историческую дистанцию между авторами («Счастье Кандида» опубликовано в 2021 г.). В романе Саши Кругосветова отношение к миру «не как к реальности, а как к тексту» [Скоропанова: 67] достигает уровня репрезентации персонажей исключительно как иллюзий, порождённых культурой, в буквальном смысле исчезающих в пустоте псевдолюдей, что является очередной постмодернистской цитатой из классического постмодернистского текста Х.Л. Борхеса «Las ruinas circulares» («В кругу руин») [Borges]. Все элементы изображённой в романе Саши Кругосветова реальности, включая людей, – это многократно реплицированные копии копий. Авторская стратегия повествования основана на открыто демонстрируемой игре с уже утратившими сакральное значение культурными архетипами, готовыми сюжетами, пародиями на литературные пародии и демаскировке повествовательных приёмов. Концепт *пустоты* оказывается наиболее актуальным способом утратить стиливую определённую: начиная с пародии на авангардистскую игру со словами и буквализацией метафор, свойственных роману Виана «Пена дней», наряду с использованием «наивного» героя, востребованного эпохой Просвещения для реализации сатирической оценки современного просветителям (Вольтеру, Монтескье и др.) человеческого общества, роман «Счастье Кандида» использует так много жанровых и стиливых стратегий, что это можно трактовать даже как «избыточность». Полистилистика, стиливая неоднородность, ведёт к полному растворению мимесиса: «пустота» здесь – это не только философия, интересующая персонажей, не только онтологическая характеристика, размывающая оппозицию «бытия» и «небытия», но и особенность стилистики, уходящей от любого конкретного стиля за счёт освоения и присвоения слишком большого количества стиливых маркеров. Текст романа «Счастье Кандида» может быть отнесён к позднему русскому постмодернизму, однако содержание концепта *пустота* отличается отсутствием экзистенциального содержания, присущего данному концепту в прозе Пелевина и раннего русского постмодернизма.

Примечания

¹ Язык улицы и язык поэзии: круглый стол в *Токійском университете с участием Вячеслава Курицына, Бориса Акунина, Сергея Гандлевского, Масахико Симады и Виктора Пелевина, 27 октября 2002 г.* URL: <https://pub.wikireading.ru/90642> (дата обращения: 17.02.2023).

Список литературы

Гревцева А.А. Парадигмы постмодернистского стиля мышления // Вестник Тамбовского универси-

тета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 5 (61). С. 374–379.

Кругосветов Саши. Счастье Кандида. Москва: АСТ, 2021. 416 с.

Пелевин В.О. Чапаев и Пустота // В. Пелевин Чапаев и Пустота. Жёлтая стрела. Москва: Вагриус, 2000. 414 с.

Репина М.В. Творчество В. Пелевина 90-х годов XX века в контексте русского литературного постмодернизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2004. 25 с.

Сейдашова А.Б. Мотив пустоты в романе В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота» // Вестник РУДН. Сер.: Литературоведение. Журналистика. 2017. Вып. 22 (3). С. 449–456. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2017-22-3-449-456>

Скоропанова И.С. Русская постмодернистская литература: новая философия, новый язык. Санкт-Петербург: Невский простор, 2001. 415 с.

Суродина Н.Р. Лингвокультурологическое поле концепта «пустота»: на материале поэтического языка московских концептуалистов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоград. гос. пед. ун-т, 1999. 20 с.

Шубина П.В. Пустота как онтологическая и гносеологическая категория: способы говорить об отсутствии в западноевропейской философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2005. 21 с.

Borges Jorge Luis. Las ruinas circulares. URL: <https://ciudadseva.com/texto/las-ruinas-circulares/> (дата обращения: 17.02.2023).

Jameson Fredric. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. USA, Duke University Press, 1996, 438 p.

Liotard Jean-François. La condition postmoderne: rapport sur le savoir. Paris, Minuit, 1979, p. 110.

Vian Boris. L'Écume des jours. Paris, Pauvert, 1963, 184 p.

References

Grevtseva A.A. *Paradigmy postmodernistskogo stila myshleniya* [Paradigms of postmodern style of thinking]. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Ser.: Humanities], 2008, vol. 5 (61), pp. 374-379. (In Russ.)

Krugosveton Sasha. *Schast'ie Kandida* [Kandid's happiness]. Moscow, AST Publ., 2021, 416 p. (In Russ.)

Pelevin V. *Chapaiev I Pustota. Zol'taia strela* [Chapaev and Emptiness. Yellow arrow]. Moscow, Vegrius Publ., 2000, 414 p. (In Russ.)

Repina M.V. *Tvorchestvo V. Pelevina 90-h godov XX veka v kontekste russkogo literaturnogo postmodernizma* [The works of V. Pelevin in the 1990s in the context of Russian literary postmodernism]. Moscow,

Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2004, 25 p. (In Russ.)

Seydashova A.V. *Motiv pustoty v romane V.O. Pelevina "Chapaev i Pustota"* [Motive of emptiness in V.O. Pelevin's novel "Chapaev and Pustota"]. *Vestnik RUDN. Ser.: Literaturovedenie. Zurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2017, vol. 22 (3), pp. 449-456. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/23129220-2017-22-3-449-456>

Skoropanova I.S. *Russkaia posmoderniskaia literatura: novaia filosofia, novyi iazyk* [Russian Postmodern Literature: New Philosophy, New Language]. Saint Petersburg, Nevsky Prostor Publ., 2001, 415 p. (In Russ.)

Shubina P.V. *Pustota kak ontologicheskaja i gnoseologicheskaja kategorija: sposoby govorit ob otsutstvii v zapadnoevropejskoi filosofii* [Emptiness as an ontological and epistemological category: ways to talk about the absence in Western European philosophy]. Arkhangel'sk, Pomor State University named after M.V. Lomonosov Publ., 2005, 21 p. (In Russ.)

Surodina N.R. *Lingvokulturologicheskoe pole koncepta "pustota": na material poeticheskogo tvorcest-*

va moskovskih kontseptualistov [Linguistic and cultural field of the concept "emptiness": on the material of the poetic language of Moscow conceptualists]. Volgograd, Volgograd Pedagogical University Publ., 1999, 20 p. (In Russ.)

Borges Jorge Luis. Las ruinas circulares. URL: <https://ciudadseva.com/texto/las-ruinas-circulares/> (дата обращения: 17.02.2023).

Jameson Fredric. Postmodernism, or, The Cultural Logic of Late Capitalism. USA, Duke University Press, 1996, 438 p.

Lyotard Jean-François. La condition postmoderne: rapport sur le savoir. Paris, Minuit Publ., 1979, p. 110.

Vian Boris. L'Écume des jours. Paris, Pauvert, 1963, 184 p.

Статья поступила в редакцию 18.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The article was submitted 18.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 21.03.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 123–131. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 123–131. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.1 Русская литература и литературы народов Российской Федерации

УДК 821.161.1.09"19"

EDN XOYCSZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-123-131>

ВРЕМЕНА ГОДА В ЦИКЛЕ К.К. СЛУЧЕВСКОГО «ИЗ ПРИРОДЫ»: АВТОРСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ МИРОЗДАНИЯ

Ворожцова Надежда Анатольевна, аспирант, Вятский государственный университет, Киров, Россия, nad3657@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3996-6465>

Аннотация. В данной статье анализируются стихи поэта, посвященные весне, лету, осени, зиме. Исследование сезонной лирики К.К. Случевского раскрывает связь лирического героя его произведений с эмоциональным состоянием и философскими раздумьями человека эпохи «бездвременья». Автор статьи отмечает в произведениях Случевского как традиционные, так и новаторские подходы к созданию пейзажной лирики, анализирует «сквозные мотивы», вечные темы, мифопоэтические образы «реки», «воды», «солнца» «земли», «древа мирового». В исследовании обращается внимание на специфический стиль поэта – усложнённое построение метафор, использование звукописи, персонификации природных явлений, наделение традиционных поэтических образов нетрадиционными свойствами. Автор статьи доказывает, что цикл «Из природы» может рассматриваться как отражение философской позиции Случевского, воспринимающего жизнь во всей ее многогранности и полноте. Поэт отражает во многих произведениях трагическое восприятие земного существования человека и неизбежность смерти. Одновременно в его творчестве присутствует как мотив смирения с неизбежностью страданий и готовности спокойно их принять, так и романтическая устремленность к иным «счастливым», но «чужим» мирам, осмысление смерти как возможного освобождения человека от оков трагического земного бытия.

Ключевые слова: русская поэзия XIX века, сезонная лирика, мифопоэтика и архетипы в литературе, философская лирика, литература эпохи «бездвременья».

Для цитирования: Ворожцова Н.А. Времена года в цикле К.К. Случевского «Из природы»: авторская концепция мироздания России и за рубежом // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 123–131. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-123-131>

Research Article

THE SEASONS IN THE CYCLE OF THE POEMS “ABOUT NATURE” BY KONSTANTIN SLUCHEVSKY: THE AUTHOR’S CONCEPT OF THE UNIVERSE

Nadezhda A. Vorozhtsova, PhD student, the Vyatka State University, City of Kirov, Russia nad3657@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3996-6465>

Abstract. This article analyses the poems dedicated to spring, summer, autumn, winter. The study of seasonal lyrics by Konstantin Sluchevsky reveals the connection of the lyrical hero of his works with the emotional state and philosophical reflections of the “timelessness” era human. The author of the article reveals both traditional and innovative approaches to creating landscape lyrics, analyses “cross-cutting motifs”, eternal themes, mythopoetic images of “river”, “water”, “sun”, “earth”, “world of trees”. The study draws attention to the specific style of the poet – the complicated construction of metaphors, the use of sound writing, the personification of natural phenomena, endowing traditional poetic images with non-traditional properties. The author of the article proves that the cycle “About Nature” can be considered as a reflection of Sluchevsky’s philosophical position, who perceives life in all its versatility and completeness. The poet reflects the tragic perception of the earthly existence of human and the inevitability of death in many works. At the same time, his works contain both the motif of resignation to the inevitability of suffering and readiness to calmly accept them, as well as a romantic aspiration to other “happy”, but “foreign” worlds, an understanding of death as a possible liberation of a person from the shackles of tragic earthly existence.

Keywords: 19th century Russian poetry, seasonal lyrics, mythopoetics & archetypes in literature, philosophical lyrics, “timelessness” era literature.

For citation: Vorozhtsova N.A. The seasons in the cycle of the poems “About Nature” by Konstantin Sluchevsky: the author’s concept of the universe. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 123–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-123-131>

Константин Константинович Случевский относится к числу наименее изученных поэтов второй половины XIX века. Вызвав неоднозначные оценки и критику многих современников, К.К. Случевский, однако, как подчеркивает А.В. Федоров, оказал огромное влияние на культуру России и последующее становление литературной русской мысли: «Оригинальность поэзии Случевского именно в ее лучших достижениях обеспечила ей видное место в русской литературе на рубеже двух веков и обусловила ее успех у представителей новых поэтических течений» [Федоров: 44].

В последнее время творчество К.К. Случевского все чаще привлекает внимание исследователей и становится объектом анализа в многочисленных научных работах, в том числе в монографиях Е.А. Тахо-Годи [Тахо-Годи], О.В. Мирошниковой [Мирошникова], А.Ю. Ипполитовой [Ипполитова], Т.Э. Смородинской [Смородинская] и диссертациях Н.В. Мадигиной [Мадигина] и А.Ю. Козыревой [Козырева]. Во всех литературоведческих работах отмечается новаторский характер лирики К.К. Случевского, его влияние на многих молодых поэтов-модернистов. В то же время творчество поэта исследовано лишь в отдельных его аспектах, многие произведения рассмотрены весьма поверхностно, в частности, утверждается, что некоторые лирические циклы Случевского, в том числе «Из природы», «Мгновения», «Лирические», «не обладают философской завершенностью» и «ничем не отличаются от аналогичных тематических разделов в сборниках других поэтов-восьмидесятников» [Козырева]. Подобные утверждения нуждаются в уточнении и пересмотре, что обуславливает актуальность обращения к более глубокому изучению творчества поэта, в частности тех его граней, которые до сих пор остаются за рамками исследовательского внимания.

Одной из особенностей творчества К.К. Случевского является объединение произведений в циклы, при этом автор придерживается разных принципов при группировке стихотворений. Так, произведения могут объединяться по философскому, тематическому или пространственному признакам. На наш взгляд, цикл у Случевского должен рассматриваться как особый способ художественного воплощения аксиологии и философии поэта. В доказательстве данного положения видится теоретическая значимость принятого исследования.

В данной статье мы обращаемся к анализу цикла «Из природы», который ранее не обращал на себя внимания исследователей. Цикл включает 20 произведений, объединенных по тематическому принципу: во всех стихотворениях изображается мир природы.

В целом стихотворений о природе у К.К. Случевского не так много. Он поэт философского склада, поэтому, как справедливо отмечает Ю.В. Леготина,

даже природные образы «предпочитает возводить... в метафорические» [Леготина]. В связи с этим стихи К.К. Случевского из анализируемого цикла – это не просто «волшебный, очеловеченный мир природы» [Дзуцева: 29], а отражение авторского философского взгляда.

Следует отметить, что поэт жил в период застоя культурной и литературной жизни, которому были присущи пессимистические настроения, что отразилось и в анализируемом здесь цикле «Из природы», который при подготовке собрания сочинений 1898 года включил в себя произведения различных лет написания и приобрел логичный и законченный вид [Федоров: 42].

Цель, которую мы ставим при исследовании цикла «Из природы», – рассмотреть авторскую концепцию мироздания, воплотившуюся в произведениях, посвященных различным временам года, и соотнести образы природы, созданные в цикле, с фольклорно-мифологическими представлениями, христианской традицией, элементами литературного и культурного контекстов.

Впервые цикл «Из природы» в полном объеме был опубликован в собрании сочинений 1898 г. До этого его разрозненные стихотворения издавались в многочисленных журналах и сборниках, некоторые стихотворения имеют 2-3 редакции. Большая часть произведений цикла – 13 из 20 – представляет собой сезонную лирику.

Открывается цикл **весенней группой произведений**. Первое стихотворение – «**На реке весной**», которое впервые было опубликовано в «Отечественных записках» в 1860 г. При подготовке издания 1898 г. первоначальный текст подвергся изменениям. В данном исследовании анализируется окончательный вариант. Стихотворение является своеобразным провозглашением весны. Автор изображает живую картину: приход весны, пробуждение, движение. Лед вот-вот тронется, напряжение достигает своего пика: «Последним льдом своим *спирая* / Судов высокие бока» (курсив мой. – Н.А. Ворожцова) [Случевский: 247]. В произведении большую роль играют философские мотивы, в частности мотивы жизни и смерти (рождения и умирания), сопряженные с контрастными образами мира земного с его страданиями и романтического идеального мира, который недостижим в реальности.

Основным образом в произведении является образ реки. Река – это значимый мифологический символ, «элемент сакральной топографии», выступающий «в качестве некоего “стержня” вселенной, мирового пути, пронизывающего верхний, средний и нижний миры» [Мифы народов мира: 861]. Река связана с одной из фундаментальных стихий мироздания, с водой, которая воплощает исходное состояние все-

го сущего [Мифы народов мира: 198]. В мифопоэтическом сознании река в синтезе с водой является «водяной дорогой-рекой» в другой мир [Мифы народов мира: 862].

Именно в таком значении – соединения противоположных миров – изображается река в стихотворении Случевского «На реке весной». Река представлена «потоком спокойным» «с журчаньем нежным». Образ реки персонифицирован, она – посланница, ее путь – из здешних краев в чужие, и лирический герой обращается к ней с просьбой поведать «другим звездам», «иным землям и людям дальним» о том, как непросто живется здесь. В то же время эти неведомые земли представляются «страной счастливой, но чужой». Используя прием антитезы, противопоставляя мир, существующий «здесь и сейчас», иному «счастливому» миру, автор передает свое трагическое мироощущение.

Кроме персонификации реки, ее метафоризации («работница-волна»), Случевский одушевляет и одновременно связывает весну, символизирующую жизнь, со смертью: «...смерть с весной здесь дружбу водит» [Случевский: 247]. И далее с помощью сравнения подчеркивается, что люди здесь «гаснут, как огни». Если в мифопоэтическом сознании зима – олицетворение смерти, то у автора в этой роли выступает весна, которая в традиционном понимании является возрождением жизни. В связи с этим можно отметить, что смерть для Случевского – это возрождение, возвращение к другой ипостаси жизни.

Автор продолжает весеннюю тематику вторым стихотворением цикла – «**Животворящий блеск весны...**» (впервые опубликовано в первом томе собрания сочинений в 1898 г.). Вынесенная в заголовок первая строка стихотворения задает возвышенный тон: «животворящий» – слово, отсылающее к религиозно-церковной тематике. Последняя строка – «Христос воскрес!» [Случевский: 248] – раскрывает смысл всего произведения. Дыхание весны, возрождение, пробуждение природы и, наконец, воскресение живого и растительного мира – как естественный процесс после зимнего «умирания» – соотносится со светлым праздником Воскресения Христова и тождества весны с человеколюбием. Одним из центральных образов является «солнце», этот образ вначале проявляется при помощи сложной метафоры «животворящий блеск весны», а в финале автор напрямую упоминает небесное светило. Солнце – источник энергии, тепла, света – является преобладающей мифологемой цикла «Из природы» в целом. С ним связано торжество жизни во всех ее проявлениях, единство человека с природой и, наконец, солнце связано со всеми природными явлениями – молнией, грозой, громом, ветром и т. д., что составляет «мифопоэтический космос солнечного культа» [Шохина: 81]. Согласно языческой

символике, солнечный бог – посредник между небом и землей, а согласно христианскому восприятию, солнце – это «естественный символ Христа» [Авдейчик: 39–46]. В связи с тем, что солнце – энергия жизни и способствует обновлению всего живого, оно у К.К. Случевского закономерно наделяется возрождающими функциями в весеннее время года: «Зеленый тронулся покров», «первый беленький цветок», «первые песни леса» [Случевский: 248]. Согласно мифологической логике, часть абсолютно тождественна целому, поэтому луч обладает всеми признаками самого солнца [Козубовская: 68]. Солнечный луч у Случевского: «Вздохнули волны и струи» [Случевский: 248] – символизирует весну, вследствие чего «И день становится длинней, / И небо дальше синей» [Случевский: 248]. Художественные средства, используемые для изображения весны, подчеркивают свежесть («Вздохнули волны и струи»), легкость («И первый виден мотылек»), хрупкость этой поры («И первый беленький цветок» [Случевский: 248]). Обращает на себя внимание наличие повторов как выразительного средства поэтической речи. Каждая строка второй части стихотворения (половина второй и вся третья строфа) начинается с союза «и»: «И день намного стал длинней, / И небо дальше синей... / И первый виден мотылек, / И первый беленький цветок, / И полон первых песен лес, / И солнце... и «Христос воскрес!» [Случевский: 248]. Автор вводит повторяющийся союз для передачи длительности изображаемого, как будто нанизывая эпизоды одной большой картины, чтобы запечатлеть в памяти все значимые детали весеннего пейзажа.

Заключительным аккордом весенней тематики выступает произведение «**Майским утром**» (впервые опубликовано во второй книге стихотворений 1881 г.). Само название отсылает к мифопоэтике времен года, когда представление о частях дня переносится в мифологии на год и на более длительные сакральные циклы. Утро, полдень, сумерки и ночь метафорически означают весенний, летний, осенний и зимний сезоны [Мифы народов мира: 503]. Таким образом, название стихотворения «Майским утром» наполняется новой семантикой в контексте равенства утра с весной.

Центральным выступает образ сада, утопающего в изобилии цветов: «Разодевшись, будто к празднику, / Все кусты в цветах стоят!» [Случевский: 249]. Лирический герой погружается в его чарующую атмосферу, вдыхая аромат весенних цветов: «Тянет запахом чарующим / От цветов, как от огней!» [Случевский: 249]. Цветочное буйство сравнивается с ярким пламенем: «Что ни цвет – то пламя жаркое! / Что ни почка – огонек!» [Случевский: 249]. И как следствие этого «пожара» – тянущийся дым, оставляющий после себя сладкий шлейф аромата

цветов: «Точно дымкой благовонною / С неисчисли-
мых стеблей / Тянет запахом чарующим / От цветов,
как от огней!» [Случевский: 249].

Интересна выведенная поэтом метафора, осно-
ванная на сравнении весенней природы с взросло-
ющим мальчиком, юношей: «У природы, знать, на ще-
ченьках / Обозначился пушок!» [Случевский: 249].
Как и в предыдущем стихотворении, здесь Случев-
ский также использует повторяющиеся анафори-
ческие конструкции: «Вот сирень идёт! Вот жимо-
лость! / Вот яминная волна! / Вот и липа к цвету
тронулась...» [Случевский: 250].

Естественно и объяснимо желание автора «пой-
мать» мгновение, остановить его и сберечь. И что,
как не цветок, может помочь сохранить весенние
воспоминания? Однако будет ли способен он, спрес-
сованный страницами «темной книжки», «как распы-
тый / И умерший на кресте!» [Случевский: 249] пере-
давать всю палитру запахов, красок и впечатлений?
Так в финале стихотворения подчеркивается мысль
о непрочности прекрасных мгновений бытия, их не-
долговечности.

Летнее время года представлено в цикле тремя
стихотворениями.

В стихотворении «**Рассвет в деревне**» (впервые
опубликовано в журнале «Отечественные записки»
в 1860 г., при подготовке издания 1898 г. первоначаль-
ный текст подвергся изменениям, в исследова-
нии анализируется окончательный вариант) нет упо-
минания сезона, но по отдельным деталям понятно,
о каком времени года идет речь. Так, из строки
«Идёт обоз с богатой кладью жита» следует, что дей-
ствие происходит в конце июля, после православ-
ного праздника пророка Ильи (2 августа, 20 июля
по старому стилю). Как говорили в народе, «Илья
лето кончает, жито зажинает». «Подсказка» кроется
еще и в цитате: «И тянет от полей гвоздикой и ме-
дом». Отсылка также к церковному празднику Медо-
вого Спаса (14 августа, 1 августа по старому стилю).
Считается, что соты в ульях к этому времени напо-
лены до отказа и пасечники приступают к сбору меда.

Кроме пейзажной тематики в стихотворении зву-
чат и философские мотивы, являющиеся сквозными
в творчестве Случевского: жизни и смерти, расцве-
та и увядания. В одном пространстве сосуществуют
изобилие, материальное его воплощение: «Идёт обоз
с богатой кладью жита» – и пустота, небытие: «А за
селом погост и низкие кресты» [Случевский: 251].

Данное стихотворение выделяется из всего цик-
ла: оно единственное, в котором присутствуют обра-
зы людей: «старик» и «девушка». Эти образы отража-
ют антитезу молодость – старость: «... в окне *старик*
седой / Глядит и крестится на первый луч рассвета; /
А вот и *девушка* извилистой тропой / Идёт к реке, ог-
нём зари пригрета» (курсив мой. – Н. В.) [Случев-

ский: 251]. Противопоставление «старый – молодой»
подчеркивает различие между увядающей и расце-
тающей жизнью.

Солнце наделяется функцией огня, жара: «Огонь,
огонь! На небесах огонь!» [Случевский: 251]. Сол-
нечный луч – знак света Творца, символ его перво-
родного безупречного мира, обозначение того, что
тьма повержена и торжествует свет. Старик лишь
из окна наблюдает за происходящим, тогда как де-
вушка «пригрета» солнцем, что символизирует ее
связь с согреваемой солнцем землей и ее плодono-
сящими силами.

Земля – еще один мифопоэтический образ, при-
сутствующий в стихотворении. В подтексте послед-
ней строки присутствует мотив земли-кормилицы:
«И тянет от полей гвоздикой и медом / И теплой све-
жестью распаханной земли» [Случевский: 251]. По-
нятие «земля-кормилица» с давних времен включено
в архетип сознания русского человека. В пословицах
и поговорках о «матери-кормилице» проявилось мно-
говековое благоговейное отношение наших предков
к земле как к залого будущего урожая, а также к тем
дарам, которые она дает людям.

В произведении поэт обращается и к такому мифо-
поэтическому образу, как река, которая представ-
лена во взаимосвязи с образом коня. Конь в русской
культуре является символом благородства, мощи, не-
укротимой энергии: «По грудь в реке стоит косматый
конь» [Случевский: 251].

Деревенский пейзаж украшает образ церкви,
метафора «И церковь древняя, чешуйками покры-
та» [Случевский: 251] указывает на облупившееся со
временем покрытие, выступающее символом много-
вековой веры, религии.

Так, через взаимосвязь образов старика – девуш-
ки – солнца – земли – воды – коня – церкви в стихо-
творении выражается, с одной стороны, мысль о не-
избежной смене поколений и вечном обновлении,
с другой – идея незаблемости и сакральности уста-
новленных веками традиций.

Произведение «**Тучи и тени**» (впервые опублико-
вано без заглавия в журнале «Нива» в 1884 г.) лишь
условно можно отнести к летней тематике, потому
что лето в этом стихотворении – лишь фон для наибо-
лее полной реализации идеи поэта, которая заклю-
чается в противопоставлении «мира горного» и «земной
юдоли». Контраст возвышенного и земного выражен
с помощью образов туч и их теней и представлен
верхним и нижним мирами. Земной мир, в котором
живут обычные люди, противопоставлен верхнему
миру – небу [Мифы народов мира: 192–193].

В стихотворении К.К. Случевского изображает-
ся диалог туч и их двойников-теней. Последние со-
крушаются, что их положение много ниже, откровен-
но завидуя тучам: «Вам ли счастье, радости, краски

не даны, / *Вам ли* нет раздоля, *вам ли* нет отрады / В переливах радужных светлой вышины?» [Случевский: 260]. Но тучи как создания более возвышенные и духовные понимают, что теням доступно то, чего нет у них: «Ближе вы к юдоли плача и страданья, / Но зато вы в близости радостей людских...» [Случевский: 260]. В этих строках выражается философская концепция Случевского, воспринимающего земную жизнь в ее амбивалентности: это не только мир страданий, но и мир радостей.

Следующее стихотворение «**Прощание лета**» (впервые опубликовано в журнале «Современник» в 1869 г.) сочетает в себе мотивы пейзажной и интимной лирики. Лето, уходя, в слезах сокрушается, улыбается земле сквозь слезы. Лето персонифицируется в образе уязвленной и обиженной женщины, чувствующей дух соперничества, которая, будучи не в силах справиться с ревностью, говорит: «Я уйду – роскошная южанка – / И к тебе, на выставшее ложе, / Низойдет любовница другая, / И свежей, и лучше, и моложе» [Случевский: 252]. По контрасту с летним «южным» образом создается образ зимы-северянки в прекрасном убранстве: «У неё алмазы в ожерелье, / Платье бело и синее льдами, / Щёки бледны, очи светло-сини, / Волоса осыпаны снегами...» [Случевский: 252]. Хоть наряд лета и не менее привлекателен: ленты и цветные платья, астры, изумруды и горячие объятья, но все-таки смена времен года неизбежна, и лето должно уступить. Кроме главных соперниц – лета и зимы – в тексте упоминается осень как переходный период между ними: «Осень землю золотом одела» [Случевский: 252].

В стихотворении персонифицируются зима и лето и показывается противоборство между ними. Они наделяются человеческими качествами, лето демонстрирует ревностное поведение, но далее, как бы успокаивая себя, заканчивает монолог фразой: «Я вернусь, согрею наше ложе, / Утомлю и утомлюсь с тобою!» [Случевский: 252], свидетельствующей о неизбежном возвращении летнего времени года, идущего на смену зиме и весне.

Осеннее время года представлено четырьмя стихотворениями: «**Осенний мотив**», «**В листопад**», «**На озере осенью**» и «**Первый мороз**». Причем каждое из них описывает разные периоды этой поры, различные состояния природы и человека.

Так, стихотворение «**Осенний мотив**» (впервые опубликовано в 1890 г.), написанное пятистопным ямбом, с первых же строк воссоздает торжественную атмосферу: старый клен еще «густ, и зелен, и тернист», «еще и птиц напевы голосисты», но лист его «уже слегка озолочен» [Случевский: 261].

Как и во всем рассматриваемом цикле, здесь помимо собственно пейзажных зарисовок присутствуют и философские мотивы. У природы процессы уя-

дания и обновления (жизни и смерти) повторяются из года в год, в то время как жизнь человеческая движется по линейной траектории, и в этом – одновременно ее трагедия и глубинный смысл. Монолог, обращенный к могучему дереву, сводится к антитезе: «Весь обновлён, листвою своею всецело / Отдашь ласкам будущей весны. <...> Но, старый друг, нет людям обновленья, / И жизнь идёт, как нить с веретена» [Случевский: 262]. «Нить с веретена» выступает как мифопоэтический символ долгой жизни, которую, однако, в любой момент могут оборвать богини судьбы мойры [Мифы народов мира: 835].

В этом произведении клён сравнивается с «древом мировым», являющимся одним из центральных в мифопоэтическом сознании образом, воплощающим универсальную концепцию мира [Мифы народов мира: 330]. Через прием олицетворения автор представляет клен как живое существо, которое способно испытывать чувства, предаваться воспоминаниям: «...твое воспоминанья, остатки чувств, испытанных тобой», наслаждаться ласками: «...листвою своею всецело отдашь ласкам будущей весны» [Случевский: 262]. В мифопоэтическом сознании «дерево мировое» выступает как связующее звено между вселенной и человеком и является местом их пересечения. Прежде всего, в мифопоэтике образ «древа» гарантирует целостный взгляд на мир, определение человеком своего места во вселенной [Мифы народов мира: 336]. В стихотворении данный подход выражается через мотив жизни и смерти, при сопоставлении человека и дерева: «Ты будешь жить и будущей весной. <...> Для нас – не то. Хотя живут стремленья» [Случевский: 262].

Обращают на себя внимание «монисты» клена – «семян созревших мотыльки», или, как их называют биологи, крылатки. В них заключена ДНК дерева, они хранят в себе информацию о нем, причем не только генетическую, но родовую память. Старый клен выступает как символ вековых природных традиций, символ вечного обновления и возрождения. Человек же, восхищающийся величием и спокойствием древа, без страха погружающегося в «глубокий сон зимы обледенелой» [Случевский: 262], осознает невозможность собственного возрождения и неизбежное угасание.

Осенняя тема продолжается в стихотворении «**В листопад**» (впервые опубликовано в книге первой, цикл «Думы и мотивы» в 1880 г. При подготовке издания 1898 г. первоначальный текст подвергся изменениям. В данном исследовании анализируется вариант 1898 г.). В этом произведении представлен уже иной пейзаж – осенняя непогода, в образе непокорной стихии передается тревожное настроение.

Поэзия Случевского рассчитана в одинаковой степени на слуховой и визуальный эффект. С каждым

последующим описанием общая картина дополняется новыми деталями: «ночь светла», «небо скрыто облаками», «роща бушует и бичуется», «ветер вьется», «листья скачут», «ветер гонит и терзает», «дорога мелькает», «вьется», «бьется», «копошится», в целом перечисляются явления, которые одновременно сосуществуют в едином пространстве.

Как и в большинстве поэтических произведений Случевского, пейзаж здесь становится фоном для философских обобщений. Читатель оказывается словно в театре теней, где видны лишь очертания, и фантазия может додумать собственные образы. Так, бесчисленное количество гонимых ветром и скачущих по дороге листьев напоминает бегущую толпу чело­вечков размером с кулак (именно такое значение в переводе с греческого имеет слово «пигмеи»): «Листья скачут вдоль дороги, / Как бессчётные пигмеи» [Случевский: 254]. Парадигма сравнений листьев постепенно расширяется, и вот это уже не просто маленькие люди: «Это – бывшие страдания, / Облетевшие мученья / И поблекшие желанья...» [Случевский: 254].

Осенняя листва гонима ветром так же, как человек гоним неизбежными страданиями: «*Всех их вместе ветер гонит / И безжалостно терзает!*» [Случевский: 254], что отражает общую безрадостную судьбу. Можно отметить трагическое настроение лирического героя, осознающего безысходность и неотвратимость человеческих страданий в земном бытии.

Еще одно сравнение с негативной коннотацией связано с образом дороги, которая имеет сходство со змеей: «Нет конца змее великой... / Вьётся, бьётся, копошится, / В даль и темень уползает, / Но никак не может скрыться» [Случевский: 255]. Случевский создает не просто метафору, дорога-змея обретает символические черты змея «темного» и «великого», властителя и искусителя земных человеческих душ, обрекающего их на страдания. Темная земная дорога человеческих страданий противопоставлена небесному свету: «Ночь светла», но свет этот скрыт от человека: «...звезд не видно, / Небо скрыто облаками» [Случевский: 255]. Все это вписывается в общее трагическое настроение осенних стихотворений поэта.

Стихотворение «**На озере осенью**» (впервые опубликовано в первом томе собрания сочинений в 1898 г.), в противоположность предыдущему, воссоздает не динамическую, а статическую картину осенней природы: «Спустилась осень. Обмелела / Вода на озере давно» [Случевский: 273]. Озеро как замкнутый водоем, в отличие от полного движения реки, предполагает инертность, оттого и «недры» его спокойны. Олицетворение как основной художественный прием используется и здесь: «спустилась осень», «озеро одето», «гладь не любит ярких красок света... отражать», вода «рисунки оставляла» [Слу-

чевский: 273]. Образ «солнца» в этом произведении уже не такой, как в стихотворениях весенней и летней тематики. Солнце скрывается от земли: «Заря как будто бы таит: / Где взглянет солнышко, вставая! / Совсем не то, что по весне!» – провозглашает поэт [Случевский: 274].

Тоска по весне дает понять, что осенняя пора у автора – не самая любимая. Это, скорее, то, что нужно пережить, переждать. Так, сравнивая осеннюю зарю с ее разлитым повсюду мраком и весну с негаснущими на востоке золотыми тучками, восклицанием «Совсем не то, что по весне!», поэт ясно выражает свою позицию: солнечная весна противопоставлена сумеречной осени. Скрытое от лирического героя солнце присутствовало и в другом проанализированном ранее осеннем стихотворении «В листопад», но если там скрывшееся от взгляда человека солнце подчеркивало трагичность земного существования человека, то здесь все-таки присутствует мысль о закономерности происходящих явлений.

Завершает осеннюю тему цикла стихотворение «**Первый мороз**» (впервые опубликовано в книге первой в цикле «Картинки и фантазии» в 1880 г.). Упоминание о замерзающих с первыми холодами цветах присутствует уже стихотворении «На озере осенью»: «Морозцем выжжены цветы» [Случевский: 274]. Теперь первый осенний мороз, знаменующий собой умирание растительного мира, становится основной темой произведения. Образ смерти, которая «глохнет жизнь с ветвей», зловещ и даже пугает. Усиливает эффект образ «листочков-покойничков», которые «тлеют вдоль полей» и вызывают ассоциации с многочисленной ратью воинов, polegших на поле битвы. Можно сравнить этот образ с листьями из стихотворения «В листопад», где они также сравнивались с «маленькими людьми» и их страданиями и мученьями, которым нет числа. Но, в отличие от трагического мироощущения, преобладающего в стихотворении «В листопад», здесь присутствует иное, жизнеутверждающее начало: третья строфа звучит как торжественный апофеоз, знаменующий победу новой жизни над смертью: «Не пируй, смерть лютая! / Погляди: с сучков / Смотрят почки новые / Будущих листков!» [Случевский: 254].

На основе анализа осенних стихотворений К.К. Случевского можно сказать, что взгляд поэта меняется вместе с меняющимся состоянием природы: от отчаяния и смирения – к уверенности в том, что не только природа, но и весь мир обновится весной. При этом неоднозначным представляется осмысление автором цикла таких составляющих человеческого бытия, как жизнь и смерть. Если в стихотворении «Осенний мотив» присутствует трагическое осмысление лирическим героем неизбежной смерти, а «В листопаде» трагически изобража-

ется земное бытие человека, погруженное в смятение и тьму, то в стихотворении «На озере» уже возникает мысль о весне, когда «в ночи, в часы любви, / Там, на востоке, в стороне, / Не гаснут тучки золотые, / И пламя тлеющее ждет – / Вот, вот раздует, как придет!» [Случевский: 274]. А в стихотворении «Первый мороз» звучит уже жизнеутверждающая мысль о победе жизни над смертью.

Завершает тему времен года в цикле Случевского описание **зимней поры**. В русской литературе образ зимы раскрыт глубоко и многогранно. Ее облик может быть торжественным и праздничным либо, напротив, замершим, безжизненным и подавленно-молчаливым. Зима также может являть собой бушующую стихию, внушающую страх и демонстрирующую ничтожность человека перед ее мощью и силой [Леготина]. В поэтических текстах зимней тематики Случевского актуализировались разные смыслы анализируемого времени года. Зимнюю лирику цикла «Из природы» составляют стихотворения: «**Мало свету**», «**Снега**» и «**Наши птицы**».

В стихотворении «**Мало свету**» (впервые опубликовано в журнале «Нива» в 1880 г.) говорится о коротких мрачных днях, оставляющих тяжелое, гнетущее впечатление, словно весь мир сузился до размеров одной избы с низким потолком, в которой темно и нечем дышать. В этом произведении поэт обращается к популярному у модернистов приему – наделению традиционных поэтических образов нетрадиционными свойствами. Так, воздух у него превращается практически в твердое тело: «Воздух *темен и нечист*, / Не подняться даже дыму – / Так он *грузен и слоист*» [Случевский: 257].

Интересен контекстуальный синонимичный ряд, имеющий общее значение непрозрачного воздуха, загрязненного пылью, дымом, копотью: *дым, туман, мгла*. В эту парадигму вписывается и метафоричное сочетание *дремота дня* как обозначение всеобщего полусонного, затуманенного состояния, марева. Конечно, в тексте нет упоминания конкретных мест, но с большой долей вероятности вырисовывается образ северной столицы России. В литературе XIX века за Петербургом закрепилась репутация города, где человек чувствует себя «маленьким» (вспомним один из охарактеризованных ранее осенних образов поэта – листья-маленькие люди), где его движения и желания скованы вязким туманом вперемешку с дымом и мглой. В произведении Случевского образ зимы мифологизируется, так как, соотносясь с понятием «ночь», символически воспроизводит мифологическую параллель: ночь и зима – это замирание жизни растительного мира [Мифы народов мира: 503].

Совершенно иное настроение у стихотворения «**Снега**» (впервые опубликован в журнале «Современник» в 1860 году). В отличие от первого зимнего

текста, здесь и тема, и мотивы, и настроение, и тон совсем иные. Картина природы светлая, торжественно-возвышенная.

Звучит и тема одиночества, но оно не угнетающее, не трагичное и отчаянное, но такое светлое и возвышенное, в котором можно приблизиться к Богу. Иллюстрацией такого одиночества может служить картина И. Шишкина «На севере диком» (1891), написанная по мотивам лермонтовского перевода стихотворения Генриха Гейне «Сосна стоит одиноко». Сопоставление К.К. Случевского с М.Ю. Лермонтовым неслучайно. Так, В.Г. Гаврилова подчеркивает: «...даже Аполлон Григорьев, восторженно отзывавшийся о стихах Случевского и подмечавший его оригинальность, все же сравнивал его поэзию с творчеством Лермонтова» [Гаврилова: 118]. Все это воссоздает культурно-эстетический контекст написанного Случевским стихотворения.

Центром зимнего пейзажа И. Шишкина становится огромная сосна, которая возвышается над серо-синим, ледяным безмолвием. То же и у Случевского: «Неподвижная ночь холодна, / И глубоко нема тишина» [Случевский: 258]. Лунный свет подчеркивает величие и размах степи: «Месяц в небе высоко стоит, / Степь, покрытая снегом, блестит» [Случевский: 258]. Тема космического, божественного, горного звучит здесь отчетливо: «И ломается в воздухе свет / Проплывающих звёзд и планет...» [Случевский: 258]. Все это дополняется одновременно мистическими и религиозными образами: из белых снегов встают белые люди и идут «на таинственный зов». То ли это языческие духи зимы, то ли христианские святые («Светят лики неясные их»), то ли бестелесные ангелы («И проходят одни сквозь других»). При этом ощущения страха перед этими существами не возникает. Скорее, напротив, присутствует детское любопытство и радость от их присутствия, пусть и с позиции наблюдателя.

Звукопись последней строфы с повторяющимися [з] и [с] помогает воспроизвести эффект свечения, сияния, мерцания, морозного дребезжания, звона: «Светят лики неясные их, / И проходят одни сквозь других, / И по степи мерцают вокруг / Много, много светящихся рук...» (выделено мной. – Н. В.) [Случевский: 258].

В цикле присутствует стихотворение «**Наши птицы**» (впервые опубликовано в книге первой в цикле «Картинки и фантазии» в 1880 г.). В стихотворении противопоставлены «счастливые страны», где зимние холода – редкость, русской природе, далеко не столь благоприятной для жизни: «Счастливым странам не столько известные, / Сколько известны отчизне моей...» [Случевский: 269]. Случевский напоминает о том, что Россия – холодная страна, несчастливая в климатическом отношении, указывая

на «долгую зиму в полях и лесах!» [Случевский: 269]. Поэт описывает ворон, галок и воробьев, которые близки русскому человеку. В отличие от привлекающих своей окраской и внешним видом экзотических южных птиц, русские «птихи» просты и неприхотливы. В стихотворении К.К. Случевского звучит своеобразный гимн самым простым птицам, способным согреть душу человека даже в холодные зимние дни: «Вы утешаете сердце подчас. / И для картины вы очень существенны / В долгую зиму в полях и лесах!» [Случевский: 269]. Несмотря на простоту внешнего вида и отсутствие какой-либо пестроты оперения, автор восхищается «птицами прелестными»: «Ваши окраски всё серые, чёрные, / Да и обличьем вы очень просты: / Клювы как клювы, прямые, проворные, / И без фигурчатых перьев хвосты» [Случевский: 269]. С теплотой и нежностью относится поэт к пернатым друзьям, особенно отмечая их преданность, ведь они остаются зимовать, не покидая наши холодные края: «В непогоду, вьюги, буруны, метелицы – / Всё вы, голубчики, тут, подле нас» [Случевский: 269]. Философский смысл этого произведения – в рассуждении, что всякая жизнь «благодать», хоть и «скромная», хоть и «малая» и «небольшая», и даже жизнь, «в испытаньях великих бывалая», способна «многое вновь испытать» [Случевский: 270].

Предпринятый в статье анализ цикла Случевского «Из природы» опровергает утверждение о том, что данный цикл традиционен и не обладает философской завершенностью. Напротив, цикл «Из природы», воспроизводящий различные стадии календарной смены времен года и показывающий многообразные изменения и состояния природы, может рассматриваться как отражение философской позиции К.К. Случевского, воспринимающего жизнь во всей ее многогранности и полноте. С одной стороны, поэт выражает философию эпохи «безвременья», подчеркивая во многих произведениях, соотносимых с осенней и зимней тематикой, трагическое восприятие земного существования человека и неизбежность смерти, с другой – в его произведениях присутствует как реалистическое смирение с неизбежностью страданий и готовность спокойно принять эту неизбежность, так и романтическая устремленность к иным «счастливым», но «чужим» мирам, осмысление смерти как возможного освобождения человека от оков трагического земного бытия.

Список литературы

Авдейчик Л.Л. Огненно-световая сфера природы в поэзии В.С. Соловьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Литературоведение. Журналистика, 2007. № 3–4. С. 39–46.

Гаврилова В.Г. К.К. Случевский в истории русской литературной критики // Вестник Таганрогского

государственного педагогического института. 2010. № 52. С. 118–123.

Ипполитова А.Ю. Случевский: философия, поэтика, интерпретация. Санкт-Петербург: Филол. фак. СПбГУ, 2006. 319 с.

Козубовская Г.П. Поэзия А.А. Фета и мифология: учеб. пособие. Барнаул: Изд-во БГПУ, 2005. 256 с.

Козырева А.Ю. Лирика К. Случевского, философские воззрения в системе поэтического дискурса: Циклы «Думы», «Мефистофель», «Черноземная полуса», «Мурманские отголоски»: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2003. 235 с. URL: <https://www.disscat.com/content/lirika-k-sluchevskogo-filosofskie-vozzreniya-v-sisteme-poeticheskogo-diskursa-tsikly-dumu-me> (дата обращения: 06.02.2023).

Леготина Ю.В. Образы Севера и зимы в лирике К.К. Случевского // Рябининские чтения – 2015: материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск: Музей-заповедник «Кижы», 2015. С. 492–495. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1612.html> (дата обращения: 06.12.2022).

Мадигожина Н.В. Поэтика К.К. Случевского: проблемы полифонизма и прозаизации лирики: дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991. 183 с.

Мирошникова О.В. Анализ и интерпретация лирического цикла: «Мефистофель» К.К. Случевского. Омск: ОмГУ, 2003. 137 с.

Мифы народов мира: энциклопедия. Москва, 2008. 1147 с. URL: <https://obuchalka.org/2013022069633/mifi-narodov-mira-enciklopediya-tokarev-s-a-2008.html> (дата обращения: 30.01.2023).

Сморodinская Т.Э. Константин Случевский. Невосвременно́нный поэт. Санкт-Петербург: ДНК, 2008. 280 с.

Случевский К.К. Сочинения Случевского К.К.: в 6 т. Т. 1. Стихотворения. Санкт-Петербург: Изд. А.Ф. Маркса, 1898. 368 с.

Тахо-Годи Е.А. Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне: монография. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 400 с.

Федоров А.В. Поэтическое творчество К.К. Случевского // Случевский К.К. Стихотворения и поэмы. Москва; Ленинград: Сов. писатель, 1962. С. 5–52.

Шохина Е.В. Аквагические и солярные мотивы в летних текстах русских поэтов начала XIX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2017. № 2. С. 81–84.

References

Avdeichik L.L. Ognenno-svetovaia sfera prirody v poezii V.S. Solov'eva [The fiery-light sphere of nature in the poetry of V.S. Solovyov]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Literaturovedenie.*

Zhurnalistsika [Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2007, No. 3-4, pp. 39-46. (In Russ.)

Gavrilova V.G. *K.K. Sluchevskii v istorii russkoi literaturnoi kritiki* [K.K. Sluchevsky in the history of Russian literary criticism]. *Vestnik Taganrogskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute], 2010, No. 52, pp. 118-123. (In Russ.)

Ippolitova A.Iu. *Sluchevskii: filosofii, poetika, interpretatsiia* [Sluchevsky: philosophy, poetics, interpretation]. Saint-Petersburg, Filol. fak. SPbGU Publ., 2006, 319 p. (In Russ.)

Kozubovskaia G.P. *Poeziia A.A. Feta i mifologiya: ucheb. posobie* [A.A. Fet's poetry and Mythology: a textbook]. Barnaul, Izd-vo BGPU Publ., 2005, 256 p. (In Russ.)

Kozyreva A.Iu. *Lirika K. Sluchevskogo, filosofskie vozzreniia v sisteme poeticheskogo diskursa: Tsikly «Dumy», «Mefistofel'», «Chernozemnaia poloska», «Murmanskie otgoloski»: dissertatsiia: kand. filol. nauk* [Lyrics by K. Sluchevsky, philosophical views in the system of poetic discourse: Cycles “Duma”, “Mephistopheles”, “Chernozem strip”, “Murmansk echoes”: PhD thesis, summary]. Saint-Petersburg, 2003, 235 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/lirika-k-sluchevskogo-filosofskie-vozzreniia-v-sisteme-poeticheskogo-diskursa-tsikly-dumy-me> (access date: 06.02.2023) (In Russ.)

Legotina Iu.V. *Obrazy Severa i zimy v lirike K.K. Sluchevskogo* [Images of the North and Winter in the lyrics of K.K. Sluchevsky]. *Riabininskie chteniia – 2015: materialy VII konferentsii po izucheniiu i aktualizatsii kul'turnogo naslediiia Russkogo Severa* [Ryabinin Readings – 2015: materials of the VII Conference on the study and actualization of the cultural heritage of the Russian North]. Petrozavodsk, Muzei-zapovednik «Kizhi» Publ., 2015, pp. 492-495. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2015/1612.html> (access date: 06.12.2022). (In Russ.)

Madigozhina N.V. *Poetika K.K. Sluchevskogo: problemy polifonizma i prozaizatsii liriki: dis. ... kand. filol. nauk* [K.K. Sluchevsky's Poetics: problems of polypho-

nism and Prose lyrics: PhD thesis, summary]. Alma-Ata, 1991, 183 p. (In Russ.)

Miroshnikova O.V. *Analiz i interpretatsiia liricheskogo tsikla: «Mefistofel'» K.K. Sluchevskogo* [Analysis and interpretation of the lyrical cycle: “Mephistopheles” by K.K. Sluchevsky]. Omsk, OmGU Publ., 2003, 137 p. (In Russ.)

Mify narodov mira: entsiklopediia [Myths of the peoples of the world]. Moscow, 2008, 1147 p. URL: <https://obuchalka.org/2013022069633/mifi-narodov-mira-entsiklopediya-tokarev-s-a-2008.html> (access date: 30.01.2023). (In Russ.)

Smorodinskaia T.E. *Konstantin Sluchevskii. Nesvoevremennyi poet* [Konstantin Sluchevsky. The Untimely Poet]. Saint-Petersburg, DNK Publ., 2008, 280 p. (In Russ.)

Sluchevskii K.K. *Sochineniia Sluchevskogo K.K.: v 6 t. T. 1. Stikhotvoreniia* [The writings of K.K. Sluchevsky: in 6 vols. Vol. 1. Poems]. Saint-Petersburg, Izd. A.F. Marksa Publ., 1898, 368 p. (In Russ.)

Takho-Godi E.A. *Konstantin Sluchevskii. Portret na pushkinskom fone: Monografiia* [Konstantin Sluchevsky. Portrait on Pushkin's background: monograph]. Saint-Petersburg, Aleteia Publ., 2000, 400 p. (In Russ.)

Fedorov A.V. *Poeticheskoe tvorchestvo K.K. Sluchevskogo. Sluchevskii K.K. Stikhotvoreniia i poemy* [Poetic creativity of K.K. Sluchevsky. Sluchevsky K.K. Poems and poems]. Moscow, Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1962, pp. 5–52. (In Russ.)

Shokhina E.V. *Akvaticheskie i soliarnye motivy v letnikh tekstakh russkikh poetov nachala XIX veka* [Aquatic and solar motifs in summer texts of Russian poets of the early XIX century]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filologiya. Zhurnalistsika* [Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Philology. Journalism], 2017, No. 2, pp. 81-84. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.02.2023; одобрена после рецензирования 18.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 03.02.2023; approved after reviewing 18.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 132–137. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 132–137. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

УДК 811.161.1

EDN XVDIOO

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-132-137>

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ – ЗНАЧЕНИЯ – ФУНКЦИИ

Беднарская Лариса Дмитриевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орёл, Россия, bednarskaya.l.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Аннотация. Сложнейшей теоретической проблеме – соотношению понятий *отношение – значение – функция* – даётся новое толкование. *Отношения* в языке – это отражённые мышлением отношения между языковыми значениями, отображающими в свою очередь осмысленные разумом «субстанции» действительности. Термин-понятие *отношение* в лингвистике включает потенциальную или уже определённую языковую форму выражения отношения – языковая форма обладает значением, которое в речи проявляется как функция. *Значение* представляет собой «знаковое содержание формы» в системе языка, превращаясь в категориальное значение, не зависящее от контекста, представляющее инвариантную форму любой синтаксической структуры. *Функция* реализуется в речи, наполняясь коннотативными смыслами, претендующими на выражение новыми языковыми формами разновидностей категориального значения.

Ключевые слова: синтаксические отношения, грамматические значения, функции и функционирование предложений.

Для цитирования. Беднарская Л.Д. Синтаксические отношения – значения – функции // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 132–137. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-132-137>

Research Article

SYNTACTIC RELATIONS – VALUES – FUNCTIONS

Larisa D. Bednarskaya, Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department, I.S. Turgenev Oryol State University, Oryol, Russia, bednarskaya.l.d@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6283-7346>

Abstract. A new interpretation is given to the most complex theoretical problem – the relation of concepts relation – value – function. The relations in language are the relations reflected by thinking between the linguistic meanings, which in turn reflect the “substances” of reality comprehended by the mind. The term-concept of relation in linguistics includes a potential or already defined linguistic form of expression of the relation – the linguistic form has a meaning that manifests itself in speech as a function. The meaning represents the “sign content of the form” in the language system, turning into a categorical meaning that does not depend on the context, representing the invariant form of any syntactic structure. The function is realised in speech, being filled with connotative meanings, claiming to be expressed by new linguistic forms of varieties of categorical meaning.

Keywords: syntactic relations, grammatical meanings, functions and functioning of sentences.

For citation: Bednarskaya L.D. Syntactic relations – values – functions. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 132–137. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-132-137>

Всё в мире взаимосвязано и взаимообусловлено, объективный мир пронизан отношениями, объединяющими познаваемые «субстанции». Для того чтобы осознавались отношения в объективном мире, должны были возникнуть компоненты структуры, отражающей этот мир. Нерасчленённый звукокомплекс, который до сих пор называется словом-предложением, постепенно превращается в инкорпорированное предложение, строящееся не по синтаксическому, а по лексическому принципу слияния нескольких слов-понятий в одно (*оленеубитиеохотник*) [Мещанинов: 78]. Внутри инкорпорированного слова-предложения с течением времени начинают формироваться синтаксические отношения, компоненты логического суждения разделяются, получают собственные формы грамматического выражения и оформляют логико-грамматические значения *объекта – процесса – субъекта-лица*. Причём объект – будущее дополнение – находится пока на первой позиции и в нерасчленённом слове-предложении, и в эргативном предложении. Это следующий – эргативный – этап развития предложения. Вот почему действительный и страдательный залого образывались параллельно и возникли очень рано. Инкорпорированное слово-предложение потенциально содержало два высказывания: *Олень* (как тотемный покровитель племени) *принёс себя в жертву охотнику* и *Охотник убил оленя*. В дальнейшем к структурно-информативному ядру эргативного предложения присоединились две признаковые позиции – определения и обстоятельства, бывшие вначале морфемами словоформы.

Развитие лексики и синтаксиса шло противоположными путями. В лексике наблюдаем процессы от конкретного к абстрактному. На более поздних этапах развития системы языка в синтаксисе сложного предложения отмечаем противоположные процессы: от диффузной языковой формы, выражающей недифференцированные синтаксические значения, – к её типовой и видовой синтаксической дифференциации [Беднарская].

С философских позиций *отношение* есть всегда отношение *вещей (субстанций)* по какому-либо свойству, присущему каждой из них, «вещей нет вне отношений» [Философская энциклопедия: 183]; «способность вещи есть... нечто внутренне присущее вещи, хотя это внутренне присущее ей свойство может проявляться только... в её отношении к другим вещам» [Маркс: 143]. В сущности, К. Маркс повторяет Г. Гегеля, определяющего свойства вещи как «... её определённые соотношения с другими; свойство имеет лишь как некоторый способ отношения друг к другу» [Гегель: 581]. Человеческий разум с помощью языка способен осознать отношения разного уровня абстрагирования посредством осмысления «вещей»-субстанций разной степени отвлечённости

в их взаимных соотношениях. *Отношение* в математике приближено к максимально абстрактной «субстанции», которая сама выступает как отношение.

Язык, отражая осознаваемую разумом действительность, тоже помогает увидеть онтологические отношения между объективно существующими «субстанциями», выражаемыми языковыми формами. ***Отношения в языке – это отражённые мышлением отношения между языковыми значениями, отображающими в свою очередь осмысленные разумом «субстанции» действительности.*** Термин-понятие *отношение* в лингвистике включает потенциальную или уже определённую языковую форму выражения отношения.

Как правило, в определениях *синтаксических отношений*, данных в словарях и монографиях, присутствует односторонний подход: учитывается или только типовая семантика грамматической категории, или только её формальное выражение, часто отождествляются понятия *отношение* и *значение*, хотя чуткие лингвисты давно ощущают разницу между ними. О несовпадении «отношений» и «значений» есть замечания у Р.А. Будагова [Будагов: 191–192], но это именно краткие замечания «по поводу».

В языке объективно существующие «субстанции» представлены как денотаты, своеобразные «символы», какая-то часть действительно существующих «субстанций», осознанных разумом, а ***отношения потенциально включают и содержательный, и формальный аспекты выражающего их языка.*** Сдвиг от объективной действительности к её отражению в языке почти не осознавался лингвистами, поэтому структуралисты вслед за Ф. де Соссюром абсолютизировали отношения, отождествляя язык и мышление [Ельмслев: 283]. У постструктуралистов преобладают крайние точки зрения о том, что «язык не отражает действительности», «язык прямо не связан с действительностью».

Что первично в осознании – «субстанции» или отношения? Этот вопрос имеет давнюю философскую историю, наиболее подробно он интерпретировался представителями европейских субъективистских школ эмпириокритицизма, несомненно, повлиявших на структуралистов XX века. Что же творит из «двух бесформенных, расплывчатых масс» (Ф. де Соссюр) язык? С помощью языка происходит осознание и постоянный поиск языкового выражения для называния новых «субстанций» и для выражения ***отношений*** между бесконечно многими «вещами» объективной действительности, нашедшими языковую форму. Чем более сложные языковые формы становятся доступными для их системного исследования в статике и динамике, тем скорее улечиваются сомнения и недоверие к языку, отражающему мир через мышление [Беднарская].

Работы предшественников структурализма зародили традицию не различать языковые формы разных уровней языка (предложения, слова, морфемы, слоги, фонемы). Считается, что все они условны, все одинаково характеризуются однотипными функциями и могут быть рассмотрены в едином процессе анализа. Тем самым принципиально снимаются различия между традиционными разделами языкознания: система может существовать отдельно и не выявляться в «тексте» (последовательном ряду). Необходимость дифференциации языковых форм вообще отрицается: «каждое научное утверждение должно быть утверждением о соотношениях, не предполагающих знания или описания самих элементов, входящих в соотношения» [Ельмслев: 54]. Странно, что отрицающие языковую форму лингвисты стали называться структуралистами. Для лингвиста, воспитанного в русле традиционной русской философии и психологии, классического русского языкознания, развивающегося в форме современного структурно-семантического направления [Бабайцева: 43–45], всё здесь неприемлемо.

Уникальность языка состоит в том, что он является одновременно и материальным, и идеальным. Звуковая волна или её письменная фиксация рождает смыслы и образы, призванные всё глубже проникать в объективную действительность, познавать её преобразованную и свёрнутую в материи языка идеальную форму существования объективного мира. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную действительность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свёрнутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, **раскрытых совокупной общественной практикой**. Чем сложнее языковая структура, тем отчётливее в ней проявляются элементы, соотносящиеся с объективной действительностью, и элементы, символизирующие человеческие понятия о мире, «мысль о мире». Высказывание не существует вне своей коммуникативной цели, вне интенции говорящего субъекта. Сама знаковая природа языка, отражая мышление, демонстрирует постоянные «вливания» индивидуально-го сознания в общее и общего в индивидуальное. Именно язык устанавливает взаимовлияющие связи между индивидуумом и обществом. Изучение грамматики языка подтверждает это базовое гносеологическое положение.

Главным в общетеоретической интерпретации языковой семантики остаётся признание её связи с отражательным мышлением – её онтологическая сущность. Реляционные свойства единиц языка имеют вторичный характер. Вместе они направле-

ны на реализацию главной функции языка – мыслительной, которая воплощается в коммуникативной функции, коммуникация же всегда структурно и семантически упорядочена, все взаимодействующие элементы в ней реляционно связаны.

Языковое выражение *отношений* – онтологическая основа «*строения*», синтаксиса, который, кстати, в западной лингвистике изучен крайне схематично. Синтаксис понимается структуралистами как отношение одних **знаков** к другим, то есть он предназначен только структурно организовывать линейное высказывание. Однако и наиболее чуткими структуралистами высказывались мысли о том, что «только для беспристрастного и стороннего наблюдателя связь между означающим и означаемым является чистой случайностью» [Якобсон: 7].

Современный постструктурализм основывается на трёх принципах: 1) отношения порождают язык, сеть отношений **порождает** языковые единицы всех уровней; 2) язык не зависит от экстралингвистических факторов; 3) язык – это система знаков. Отсюда следует, что язык – единственная данная человеку реальность. Упускается только один, но всё определяющий момент: отношения существуют объективно, а человеческий разум только отражает и выражает их – в какой-то мере. Интуитивно этот процесс предназначения человеческого разума, его роли во Вселенной осознают и поэты:

Когда ты стоишь на пустом плоскогорье, под
бездонным куполом Азии, в чьей синеве пилот
или ангел разводит изредка свой крахмал;
когда ты невольно вздрагиваешь, чувствуя, как ты мал,
помни: пространство, которому кажется ничего
не нужно, на самом деле нуждается сильно во
взгляде со стороны, в критерии пустоты.
И сослужить эту службу способен только ты.

И. Бродский. Назидание

Отношение, оформившееся как грамматическое значение, осознаётся уже в словоформе, выделившейся из предложения на основе синтаксической функции члена предложения по отношению к другому члену предложения. Отношение закодировано во флексиях, прежде всего главных членов предложения. Независимое «именование» «вещи»-денотата, задающей тему высказывания, осознаётся как подлежащее независимо от того, какой структурой оно выражено, важно, что оно «обёрнуто» формой «начального» именительного падежа. Первичное осознание отношений запечатлено в отношениях между словом-этикеткой и его словоформой-характеристикой – это начало предиктирования, то есть приписывания предмету признака, соотносящегося с объективной действительностью «здесь и сейчас». Массив «вещей», именуемых существительными, осознаётся как «предмет» и даже «предметность» в функции ло-

гической и коммуникативной темы / грамматического субъекта высказывания. Основным, типовым, категориальным признаком такого массива лексем становится их типовая семантика предметности и признак по роду, вначале этимологически мотивированному по половому признаку. Отметим, что во многих языках неодушевлённые существительные не дифференцируются по родовому признаку, а в других языках категория рода отсутствует. С течением времени признак по роду грамматикализуется, но остаётся в наборе сем, определяющих лексическое значение существительного.

Вторичное по отношению к слову-«этикетке» наименование-существительное приобретает квалифицирующую или характеризующую функцию, которая становится предикативной и оформляется глагольной связкой. Известно, что прилагательное возникло из существительных на основе общего синкретизма имени. Древнейшая аппликативная связь приложения с существительным, которое оно конкретизирует, существует до настоящего времени.

Слово конкретизирующее, характеризующее (преддицирующее), постепенно приобретает глагольные признаки, соотносит высказывание с действительностью сначала с помощью специальной связки – глагола бытия, осознаваемой как отдельная часть речи, а потом к «характеризующим» (будущим глагольным) корням присоединяются морфемы, указывающие на время и лицо (по Я. Гримму). Позднее синтаксические отношения оформляются как отношения между явлениями, ситуациями, фиксируются и отражаются языком как отношения между предикативными частями сложного предложения.

Синтаксические отношения занимают промежуточное положение в триаде *смысл – отношение – значение*. Различие между ними изящно выразил А.В. Бондарко: смысл ищет языковую форму и, найдя её, превращается в языковое значение. Организуется смысл, превращаясь в языковую структуру, посредством осознания и выражения синтаксических отношений, прежде всего, с помощью синтаксических, релятивных, форм, семантику которых «подпитывают» морфологические формы и лексическое значение компонентов синтаксической структуры.

Структурно-семантические компоненты и синтаксические отношения между ними, отражающие объективную действительность, **выражаются с помощью языковых средств, а не создаются ими**. По Р.А. Будагову, значение – это «понятие, выраженное в данной системе языка, преломлённое сквозь его призму». Понятие – это «мысль о предмете, выделяющая в нём общие и обычно наиболее существенные признаки». «Понятие – общечеловеческая категория, хотя и зависящая от степени развития мышления разных народов. Значение слова, напротив, прежде все-

го, категория данного языка, чаще всего существующая в пределах его системы» [Будагов: 3].

Отношение осознаётся на уровне понятий-смыслов, формирующихся в суждении, в них потенциально заложено единство языкового значения и форм его выражения. *Значение* – компонент отношения, нашедший языковую форму своего выражения. Новая форма осознаётся на основе существующего категориального значения как его структурно-семантический вариант. Многомерные смыслы всегда осознаются субъектами вариативно, поворачиваясь разными сторонами, и эти этапы процесса его осознания запечатлел язык. *Функция* – конкретное проявление значения в речевой ситуации. Одно и то же слово в зависимости от речевой ситуации может выступать или в функции именовании предмета, или в функции его характеристики. Это первый шаг к формированию предикативной основы предложения. «Всякую вещь, по Аристотелю, можно обозначать не только специальным высказыванием о ней, но и высказыванием, связанным основным образом с другой вещью» [Аристотель: 105]. Квалификация, характеристика – это уже отношение, опосредованное обозначение «вещи» в независимой позиции. В этом случае слово-лексема выделяет в содержании понятия его определённую сторону. Мысль отталкивается от названной, значит, познанной «вещи», «бежит» к другим «вещам», ассоциативно сопоставляя непознанное с познанным, стремясь найти для них новую языковую форму выражения. Этот процесс и составляет основной импульс развития языка. Любая синтаксическая структура включает «означающее» и «означающее» («объясняемое» и «объясняющее», по А.А. Потебне, тему и ремю). Этот коммуникативный импульс от известного к неизвестному проявляется, прежде всего, в речевом акте, в дискурсе, затем моделируется в простом предложении как тема и рема, в сложном предложении любой степени усложнённости и даже в сложном синтаксическом целом, когда рема предшествующего предложения становится темой последующего. Это древняя структура цепного текста, благополучно дожившая до нашего времени. Весь этот процесс выражает речевую деятельность, объективно детерминированную, направленную на выполнение бесконечно варьирующихся задач познания мира. Речевая деятельность влияет на структуру языка. Как это происходит? Исследование данной проблемы занимает умы лингвистов разных поколений и направлений, определяя их исследовательские векторы.

До сих пор в лингвистической литературе и в практике преподавания языка не всегда различаются понятия/термины *значение* и *функция* потому, что структуралисты не подвергают сомнению тезис Л. Витгенштейна: «*значение слова есть его*

употребление в языке» [Витгенштейн: 20]. Считается, что функция и есть значение языковой единицы. Может быть, это верно для системы фонетики и даже морфемики, но когда мы имеем дело с грамматикой, и особенно с синтаксисом, значение и функция уже словоформы, тем более компоненты сложного многокомпонентного предложения не совмещаются в составе целого. По меткому замечанию Р.А. Будагова, «функция лишь стремится опереться на значение, а значение лишь стремится наполнить содержанием функцию» [Будагов: 72]. Особенно ярко это проявляется в системе многокомпонентного сложного предложения, когда оно формирует законченное лирическое произведение – когда предложение формирует текст.

Проблема понимания как центральная проблема науки о языке осмысливается в виде триады *функция – значение – отношение*, если речь идёт о речевой деятельности, в языковой системе триада осознаётся по-другому, наоборот: *отношение – значение – функция*. Результаты осмысления таких соотношений получаются разные. Составляющие триады взаимосвязаны: синтаксическая единица парадигматически и синтагматически выражает определённые синтаксические отношения, осознаваемые как срез выражения смысла, который ищет новую языковую форму в конкретных условиях речевого функционирования и находит её, после чего она или может закрепиться в языковой системе, или нет.

Грамматическая форма всегда отражает какую-то часть смысла, пока не осознанного понятийного океана, с развитием языка границы между значениями и функциями меняются. Как показывают мои исследования, функциональные разновидности сложного предложения возникают на базе сформировавшегося категориального грамматического значения, его типов и видов. Функциональная разновидность, найдя грамматическую форму своего выражения, вписывается в систему видов, а затем становится основой для образования новой формы с дифференцированным синтаксическим значением. Функционирование языка проявляется в различных соотношениях формы и её содержания. Описание этих проявлений, взаимоотношений функций и семантики признаётся одной из основных задач лингвистики [Беднарская: 155–160].

На основании дифференциации понятий *значение* и *функция* предлагаются выводы: значение формы охватывается понятием «язык»; функция же связывает значения и внеязыковые цели общения. «Функции косятся в значениях, но отличаются ярко выраженной обращённостью к внеязыковым целям – к смыслам, которые нужно передать и воспринять в процессе коммуникации» [Бондарко: 32]. Категориальное значение языковых единиц относится к системно-категориальному аспекту языка, то есть к системе его

единиц, классов и категорий, заключающих в себе отражение и языковую интерпретацию мыслительных процессов. Значение предусматривает языковую форму своего выражения. Значение выражается в речи, но здесь оно уже не выступает «в чистом виде», как значение одной лишь данной единицы, а всегда отражает взаимодействие разных единиц друг с другом, а также с контекстом и с ситуацией. *Отношения* влияют на *функцию* через *значение*. Функция тоже связана с языковой системой, но прежде всего с её динамическим аспектом, то есть с закономерностями и правилами функционирования элементов системы языка. Отсюда – *выход к речи*, где функции раскрываются и реализуются как достигнутые цели. Но в речи функции «размывают» значение предложения, выводят его «за» грамматическую категорию. Категориальные грамматические значения, оформляющие компоненты предложения – его члены, – начинают переплетаться, образуя переходные и синкретичные участки, совмещающие несколько категориальных значений. На базе категориального грамматического значения в речи образуются комплексы структурно-семантических образований, оформляющих более конкретные синтаксические отношения-значения, прежде всего в сложных предложениях.

Категориальное значение формы не включает того, что исходит от контекста и речевой ситуации. Результаты взаимодействия категориальных значений с контекстом, лексическим значением слов и с речевой ситуацией связаны с понятием «частного значения грамматической формы». Но это понятие по существу очень близко к понятию *функции*. Специфика функций как раз и заключается в том, что они, выражая и потенциал, и результаты функционирования, предполагают взаимодействие грамматической формы и её контекстуального окружения. *Значения* языковых единиц (категориальные значения морфологических и синтаксических единиц) представляют собой в системе языка относительно замкнутую систему с ограниченным числом элементов. *Функции* же представляют собой систему незамкнутую и значительно более широкую, с ярко выраженной неопределённостью границ на периферии.

Таким образом, *значение* представляет собой знаковое содержание формы в системе языка, превращаясь в категориальное значение, не зависящее от контекста, представляющее инвариантную форму. *Функция* реализуется в речи, наполняясь коннотативными смыслами, претендующими на выражение новыми языковыми формами разновидностей категориального значения.

Список литературы

Аристотель. Метафизика. Москва: РИПОЛ классик, 2018. 384 с.

Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка. Москва: ФЛИНТА: Наука, 2015. 576 с.

Беднарская Л.Д. Основные закономерности в развитии сложного предложения в языке русской художественной прозы XIX–XX столетий. Орёл: Изд-во ОГУ, 2014. 170 с.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Ленинград: Наука, 1984. 136 с.

Будагов Р.А. К теории синтаксических отношений // Вопросы языкознания. 1973. № 1. С. 189–196.

Будагов Р.А. Человек и его язык. Москва: Изд-во МГУ, 1974. 429 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. Москва: Изд-во иностр. лит., 1958. 133 с.

Гегель Г. Сочинения: в 6 т. Т. 5. Москва: Соцэкгиз, 1937. 715 с.

Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1960. Вып. 1. С. 264–389.

Ельмслев Л. Метод структурного анализа в языке // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях: в 2 ч. Ч. 2. Москва: Просвещение, 1964. С. 50–62.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26, ч. 3. Москва: Политиздат, 1964. 681 с.

Мещанинов И.И. Проблемы развития языка. Ленинград: Наука, 1975. 352 с.

Философская энциклопедия: в 5 т. Москва: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4. 592 с.

Якобсон Р. В поисках сущности языка // Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. Москва, 1970. № 16. С. 3–16.

References

Aristotel'. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2018, 384 p. (In Russ.)

Babaitseva V.V. *Sintaksis russkogo iazyka* [The syntax of the Russian language]. Moscow, FLINTA, Nauka Publ., 2015, 576 p. (In Russ.)

Bednarskaia L.D. *Osnovnye zakonomernosti v razvitiu slozhnogo predlozheniia v iazyke russkoi khudozhestvennoi prozy XIX–XX stoletii* [The main patterns in the development of a complex sentence in the language of Russian artistic prose of the 19th–20th centuries]. Orel, Izd-vo OGU Publ., 2014, 170 p. (In Russ.)

Bondarko A.V. *Funktional'naia grammatika* [Functional grammar]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 136 p. (In Russ.)

Budagov R.A. *K teorii sintaksicheskikh otnoshenii* [On the theory of syntactic relations]. *Voprosy iazykoznanii* [Questions of linguistics], 1973, No. 1, pp. 189–196. (In Russ.)

Budagov R.A. *Chelovek i ego iazyk* [Man and his language]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1974, 429 p. (In Russ.)

El'msl'ev L. *Prolegomeny k teorii iazyka* [Prolegomena to the theory of language]. *Novoe v lingvistike* [New in linguistics]. Moscow, Izd-vo inostrannoi literatury Publ., 1960, vol. 1, pp. 264–389. (In Russ.)

El'msl'ev L. *Metod strukturnogo analiza v iazyke* [Method of structural analysis in language]. *V.A. Zvegintsev. Istoriiia iazykoznaniiia XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniiakh: v 2 ch. Ch. 2* [V.A. Zvegintsev. History of linguistics of the 19th–20th centuries in essays and extracts: in 2 hours, part 2]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1964, pp. 50–62. (In Russ.)

Filosofskaia entsiklopediia: v 5 t. T. 4 [Philosophical Encyclopedia: in 5 vols., vol. 4]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1967, 592 p. (In Russ.)

Gegel' G. *Sochineniia: v 6 t. T. 5* [Works: in 6 vols. Vol. 5]. Moscow, Sotsekgiz Publ., 1937, 715 p. (In Russ.)

Iakobson R. *V poiskakh sushchnosti iazyka* [In Search of the Essence of Language]. *Sbornik perevodov po voprosam informatsionnoi teorii i praktiki* [Collection of Translations on Information Theory and Practice]. Moscow, 1970, No. 16, pp. 3–16. (In Russ.)

Marks K., Engel's F. *Sochineniia. T. 26, ch. 3*. [Works, vol. 26, part 3]. Moscow, Politizdat Publ., 1964, 681 p. (In Russ.)

Meshchaninov I.I. *Problemy razvitiia iazyka* [Problems of language development]. Leningrad, Nauka Publ., 1975, 352 p. (In Russ.)

Vitgenshtein L. *Logiko-filosofskii traktat* [Logico-philosophical treatise]. Moscow, Izd-vo inostr. lit. Publ., 1958, 133 p.

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1'373.7

EDN VSYNIX

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-138-143>

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В ПОЗИЦИИ ЗАГЛАВИЯ (на примере текстов поэтического жанра стихофразы)

Попова Анна Ростиславовна, доктор филологических наук, доцент, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орёл, Россия, Studioaa2001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8228-2755>

Аннотация. В статье проанализирован статус и особенности семантического развёртывания заглавия-фразеологизма в поэтическом жанре стихофразы. Стихофраза представляет собой стихотворение, заглавием которого обязательно выступает фразеологическая единица, а текст тем или иным способом раскрывает её информационный потенциал: ядерные и периферийные семы значения фразеологизма, ассоциативный ряд, культурные и интертекстуальные соотношения и др. Фразеологическое заглавие в тексте данного жанра становится особой единицей – креатемой, семантически преобразованной и обогащённой смыслами последующего текста. Статья написана на авторском материале (более 60 текстов данного жанра, созданных в 2015–2022 гг.). Выявляется шесть типов основных содержательных соотношений фразеологизма-заглавия с последующим текстом стихофразы: персонификация образа, заложенного во фразеологизме; демонстрация содержания фразеологизма на основе вымышленных личностных примеров; создание сюжетного текста, отталкивающегося от семантики фразеологизма; буквализация фразеологического символа; представление не главного, но побочного аспекта заявленной фразеологизмом проблемы; возражение постулату фразеологизма. Анализируются особенности раскрытия информационного потенциала фразеологической единицы, её сюжетообразующие, жанрообразующие, текстообразующие особенности. Демонстрируется специфика формального и содержательного соотношения фразеологического заглавия с поэтическим текстом жанра стихофразы.

Ключевые слова: фразеологическая единица, креатема, заглавие, семантика, сильная позиция, стихофраза, поэтический текст.

Для цитирования: Попова А.Р. Преобразование семантики фразеологизма в позиции заглавия (на примере текстов поэтического жанра стихофразы) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 138–143. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-138-143>

Research Article

TRANSFORMATION OF PHRASEOLOGICAL SEMANTICS IN THE TITLE POSITION (in terms of the texts of the poetic genre of poemphrase)

Anna R. Popova, doctor of philological sciences, docent, I.S. Turgenev Oryol State University, Oryol, Russia, Studioaa2001@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8228-2755>

Abstract. The article analyses the status and features of semantic evolution of the title-phraseologism in the poetic genre of poemphrase. A poemphrase is a poem the title of which is a phraseological item and the text reveals its informational potential in one way or another – central and peripheral semes of the meaning of phraseologism, associative series, cultural and intertextual relations, etc. A phraseological title in the text of this genre becomes a special item, a createme semantically transformed and enriched with the meanings of the subsequent text. The article is based on the author's material (more than 60 texts of this genre created in 2015–2022). Six types of the main meaningful correlations a phraseological title with followed text of the poemphrase are revealed – personification of the image embedded in phraseology; demonstration of the content of phraseologism based on fictional personal examples; creating a plot text based on the semantics of phraseologism; literalisation of a phraseological symbol; representation of the phraseologism-stated problem side aspect rather than the main aspect; objection to the postulate of a phraseologism. The features of the disclosure of the information potential of a phraseological item, its plot-forming, genre-forming, text-forming features are analysed. The specificity of the formal and meaningful correlation of the phraseological title with the poetic text of the genre of poemphrase is demonstrated.

Keywords: phraseological item, createme, title, semantics, strong position, poemphrase, poetic text.

For citation: Popova A.R. Transformation of phraseological semantics in the title position (in terms of the texts of the poetic genre of poemphrase). Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 138–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-138-143>

Литературе известны многочисленные примеры расположения фразеологизма в сильной позиции заглавия. Таковы, например, заглавия ряда произведений Л.Н. Толстого, А.Н. Островского и многих других авторов. К.Н. Дубровина в монографии «Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре» [Дубровина] приводит объёмный перечень произведений разных родов и жанров литературы с фразеологическими заглавиями, восходящими к библейским текстам. Использование фразеологизма как в своём базовом, так и в модифицированном виде в качестве заглавия есть распространённый приём современной публицистики.

Любая сильная позиция, и заглавие в том числе, – это «специфическая организация текста, обеспечивающая выдвижение на первый план важнейших смыслов текста... установление иерархии смыслов, фокусирование внимания на самом важном, усиление эмоциональности и эстетического эффекта, установление значащих связей между элементами смежными и дистанционными, принадлежащими одному и разным уровням обеспечения связности текста и его запоминаемости» [Арнольд: 23–24].

Стихофраза представляет собой поэтический текст, имеющий заглавием фразеологическую единицу, внешняя (языковая) и внутренняя (смысловая) сторона которого подчинены развёртыванию семантики фразеологизма [Попова 2022: 5].

Взаимодействие с заглавием-фразеологизмом у прозаического произведения (особенно крупной формы) иное, чем у небольшого по объёму поэтического текста-стихофразы. В крупной прозе, драматургии, публицистике в принципе невозможно полностью подчинить произведение фразеологической единице, которая призвана наметить основные аспекты – идею, фабулу, проблематику и т. п. Однако в стихофразе вполне реально выстроить текст как развёртывание семантики конкретного фразеологизма. И.Р. Гальпериным предложен наглядный образ, объясняющий роль заглавия: заглавие – «это компрессированное, нераскрытое содержание текста...», его «можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развёртывания» [Гальперин: 133]. Таковой является фразеологическая единица (ФЕ) – прародитель по отношению к тексту стихофразы.

В тексте-стихофразе воплощается «семантический (денотативный, коннотативный, ассоциативный), сочетаемостный, стилистический, культурологический и (или) иной потенциал фразеологизма, многопланово высвечивается внутренняя форма текстообразующей ФЕ, вскрываются разного типа связи между её лексическими компонентами и единицами следующего за ним текста» [Попова 2022: 5].

На данный момент существует 60 текстов указанного жанра [Попова 2020]; далее, в 2021–2022 году, автором было создано ещё 13 текстов-стихофраз [Попова 2022: 242–254].

Заглавие, разумеется, не единственная сильная позиция в тексте – к таковым относятся и другие «относительно автономные фрагменты текста, являющиеся по большей части текстовыми знаками (заголовок, подзаголовок, метатекст в тексте, текст в тексте, цитата, эпитафия, анаграмма, прецедентный текст), которые играют существенную роль в понимании текста» [Лукин: 157]. Некоторые из перечисленных элементов присутствуют и в стихофразе, но доминантная роль фразеологического заглавия (даже если в тексте имеются и другие сильные позиции) не вызывает сомнений.

Одной из специфических черт жанра стихофразы является обязательная материальная выраженность позиции заглавия.

Написание художественного текста, творческий процесс, протекает не обязательно в хронологическом порядке следования частей произведения, и текст вполне может быть озаглавлен в последнюю очередь, когда его создатель располагает полноценной картиной, которую осталось только подписать. По тем или иным причинам авторы не всегда останавливаются на первоначальных вариантах заглавий, сохранились черновые названия некоторых книг. Тогда заглавие как бы подстраивается под текст, стремится адекватно охватить его суть, и он первичен. В стихофразе всё обстоит наоборот: первичен фразеологизм, его идея, жизненный урок, его внутренняя форма, а под параметры ФЕ уже подстраивается дальнейший текст.

Приведём пример – текст стихофразы *Сердце не камень*.

Ну, не камень – а что тогда? пошло-розовая картинка? симметричная валентинка? типографская ерунда?

Если б так. Если б в этом суть... Но тяжёлые глыбы, плиты – всё на нём. И оно болит, и – никого собой не спасу... У меня сумасшедший пульс – с каждым годом значенья больше... Как опасно частит приборчик, как спешит он, а ну и пусть. Алый, голый птенец, комок щиплет болью из-под лопатки. Не на месте. Уходит в пятки. Он иначе не жил, не мог, он – стихи, он внутри и нем, он вместилище столько судеб, заплетённый в гнездо, в сосуды, в пути счастья, в кровавый гнев,

он в подрёберной тесноте ждёт объятья, строки... таблетки. Замирает и бьётся в клетке. В той, грудной. Между тел и тем.

Если б камень! так это плюс, я бы просто жила без риска... Но, к нему принимая близко, но, к нему прижимая близко, – беззащитнее становлюсь.

Я не камень, я луч и мгла, кровь и воздух, дыхание, поры... Сердце – сильное без опоры. Сердце – слабое без тепла, без доверчивого на «ты», взгляда робкого в разговоре, сердце, сердце – оно живое, и большое – до тесноты. И набито, как старый склад, слишком памятными вещами, для чего же оно прощает, и стучит на особый лад...

сердце, пойманное не в сеть – а в любовь, не болит в навете,

сердце, отданное навеки, сердце, розданное на всех...

Заглавие-фразеологизм, как и любое значимое, материально выраженное заглавие, способно вместить в себя тему произведения, его идею, проблематику, хронотоп, героя/героев, эмоцию, установку на читателя – возможны различные варианты. Стихофраза пронизана связями «заглавие – текст»: фонетическими, морфемно-словообразовательными, семантическими, парадигматическими, фразеологическими, стилистическими – в любом наборе в зависимости от текста. Заметим, что, поскольку заглавие – достаточно автономная позиция текста, синтаксические связи с ним в стихофразе реализуются в незначительной степени – например, если первая строка стихотворения есть диалог с ФЕ-заглавием: *Ну, не камень – а что тогда? пошло-розовая картинка?*

Текст стихофразы обеспечивает разницу восприятия заглавного фразеологизма «до» и «после» – то есть разницу между словарным значением и значением креатемы, каковой и является заглавная ФЕ. «Креатема – это стратегически отобранная, осознанно реализованная или преобразованная языковая единица, а также индивидуально-авторское новообразование...» [Купина: 25]. Рассмотрим, как происходит реализация смыслов, преобразований таких креатем. Нами выделено шесть основных содержательных соотношений «ФЕ – текст стихофразы».

1. **Персонификация** образа, заложенного в ФЕ. При этом фразеологизм не обязательно есть номинация человека, соотносимая с личным именем существительным (и такие стихофразы есть в нашем материале, но их не столь много: *Маменькин сынок, Рыцарь на час*). В некоторых случаях мы имеем ещё одно фразеологическое основание для персонификации – соматический антропометризм (*Лёгкая рука, Руки связаны, Терять почву под ногами, Второе дыхание*). Однако такое указание на человека не обязательно. В подобных случаях создаются стихотворения-портреты.

Например, герой стихофразы *Маменькин сынок* – умный, по-своему талантливый, тонко чувствующий сын знаменитой матери, трагедия которого в том, что он не может ни светить отражённым светом, ни выйти из этой зависимости и найти себя.

«Я» героя может повествовать о себе, самораскрываться: в стихофразе *Кривое зеркало* – от первого лица рассказана трагедия пророка, чьи благие идеи безнадежно не поняты или злонамеренно извращены современниками: *В потёмках и провалах крапин – уже теряется лицо. / Я просто звал к добру и правде – и прозван психом и лжецом...*

Портрет может быть преподнесён извне – через «ты» (личностный рассказ о близком повествователю человеке): стихофраза *Лёгкая рука. Бабушкина* – душевный и тёплый портрет близкой родственницы, скромной беззаветной труженицы, вызывающей не просто любовь, но и уважение, восхищение: *...Помнишь ли ухват – наш «рогач» тяжёлый, и уютю – чугунный (поди погладь!), а походы в чащу – где глубже, глуше, а грибов корзинищи – руки рвать... а погодков дочек – да через лужи, маму с тётей Ниной под мышки хватать...*

Наконец, в рамках одного текста автор может «переключать» читателя с одной точки видения на другую – с объективной на субъективную и обратно. Такова, например, стихофраза *Впадать в детство*, где старая женщина показана то глазами её дочери, а то отстранённо, вообще, как типаж. Приведём ключительный фрагмент стихофразы:

...А детство ждёт своих бродяг, пока ещё жива лампада. Как в речку – не впадать, но падать. И дважды. И не выходя. И речка, память ждёт... целчка, рябит вода, дробятся лики... как телевизорные блики на переклеенных очках (Третье объективное лицо).

А мы сменяем, лопоча, уже закапанную блузку и вспоминаем свежий чай и много сахара вприкуску (Первое субъективное лицо).

Дорожки солнечных полос. Пришёл ноябрь – озябшим, голым. На солнце – мягким ореолом легчайший пух её волос (Третье объективное лицо).

2. Многогранное развёртывание, **иллюстрация семантики** ФЕ – демонстрация того, что ею обозначено и оценено, на личностных примерах. Фактически такие стихотворения есть ответы на вопросы «Почему это так?», «Как это работает в жизни?»

Такова, например, стихофраза с афористическим заглавием (оговорим, что мы придерживаемся широкого понимания фразеологии) *Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает...* (И.А. Гончаров «Обломов»). Героиня привыкла с детства воспринимать близкого ей человека именно по-дружески, у каждого – своя семья, эти двое не просто знают друг друга, но и почти сверхъестественно чувствуют...

...Теперь я крёстная твоей Алиски. Теперь ты крёстный моего Никитки. Мы просто чокнутые телепаты. Мы вовремя звоним, и это круто. И ты как знал: я разругалась с папой. В походе по скользи сломала руку... Так продолжается долгие годы, героиня

ня не сомневается в характере своего чувства, и лишь болезнь героя, страх потери открывают ей глаза: в её душе подспудно зрела любовь: *...Я прошу за него, я по крошкам рушусь, / я на брюхе ползу и скулю трусливо! / Это такой преисподний ужас, / такая небесная молитва... / Такая паническая атака, / текущая в небо кровавыми нитями... / Да хранит тебя любовь и твоя Наташа. / Да хранит тебя... / Да хранит тебя...*

Также, например, стихофраза *На роду написано*, действительно, даёт материально (письменно, фотографически, кинематографически) представленную, «написанную» историю семьи: это слова на могильных плитах, строки на обороте фото, память-кинолента военных лет, надписи на протоколе узи плода в утробе матери, голограмма из будущего: *Что чернильно горит в альбоме? Что написано на роду? ... Стёрта надпись на обороте. Только «тысяча восемьсот...» ... Точка, дочка, росток, тростинка, продолжение моей стези. Так написано на картинке: чёрно-белый квадрат узи... и т. д.* А идея стихофразы *Капли точат камень* (пагубность регулярного негатива, выливающегося обывателями на творца, энтузиаста) показана через ряд привычных бытовых ситуаций, героями которых становится окружение человека: врач, друг, мать подруги и другие.

3. Часть стихофраз – не лиричны, а лироэпичны, а это значит, что семантика ФЕ иллюстрируется через **сюжет**, развитие ситуации, через **историю** героя. Так, стихофраза *Мой дом – моя крепость* переносит нас в вымышленный мир, в антураж условного Средневековья, что, заметим, вообще распространено в современном прозаическом жанре романа фэнтези (компонент *крепость* дал повод для такого рода ассоциаций). Героиня – юная девушка – стремится уйти и наконец, вопреки сопротивлению родных, уходит из надёжной и безопасной крепости, изпод крыла мамы и папы – правителей, воинов.

Обнял ветер – словно губы о губы вытер, и бежал любить с другой недотрогой... Он-то вольный. А здесь-то крепость. Попробуй выйди, выползи попробуй, взлети попробуй. <...>

А наискосок в окно забредает лучик. / И шепчет: ты такая милая, самая лучшая, / никакие там не болота и не решётки, / хорошо там... / Ни стрела, ни сглаз тебя не достигнет, / ни ножу не поддашься, / ни грабежу...

Мама, папа, простите. / Я не очень верю. И всё-таки ухожу.

Или, например, компонент *изба* в ФЕ *не выносить сор из избы* послужил основой для создания истории домового, хранителя избы, который, несмотря на насмешки других существ и на очевидность ситуации (деревня давно заброшена), продолжает ждать дорогих ему людей и держит свою избушку

в порядке. *Так и хвалит своих хозяев, моет-чистит, колдует-бредит: / не сменяет простор на город, кто в деревне у нас рождён! / Ждать-то некого, понял, дурень?! К нам никто уже не придет. / Снег схоронит твою избушку. / Только этот не верит. Ждёт...*

Стихофразы *Рыцарь на час*, *Звёзд с неба не хватает*, *Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает...*, *Терять почву под ногами* – по сути, представляют собой сжатые биографии героев, чей путь, чьи жизненные уроки как раз и раскрывают семантику ФЕ. Например, стихофраза *Рыцарь на час* рисует историю подающего надежды, перспективного, талантливому юноши, однако – и это доказывает судьба героя – талант обязывает к работе вообще и работе над собой, иначе час славы будет недолог: *Эти рыцари... Вместе с ними / смотрели сны мы, / ослеплялись недостиженьем чужих вершин... / Час их минул. / И сгнил и сгинул... необъяснимо. / Но остался чёткий, безумно красивый снимок. / Одиноко летящей, звёздной твоей души.*

Интересно, что не каждая из таких стихофраз имеет заглавием ФЕ со значением действия, выраженного опорным глагольным компонентом. Сюжет не заложен в ФЕ, а является фантазией автора и становится оптимальной, с его точки зрения, иллюстрацией смысла заглавия.

4. Как следует из самой природы ФЕ, многие из них являются собой символы (личностей, поступков, качеств и т. п.). Редким в нашем материале, но возможным и интересным приёмом раскрытия содержания фразеологизма становится обратный приём – **буквализация** фразеологического символа, «**рассимволизация**», которая идёт за счёт актуализации внутренней формы ФЕ. В такой стихофразе заглавие прочитывается двояко: и как фразеологизм с преобразованной семантикой компонентов, с качественно новым значением, и как синтаксема, свободное словосочетание и предложение.

Такова, например, стихофраза *В одну реку не войти дважды*. Её иносказательный смысл демонстрируется вполне конкретно и зримо, преподносится личная история героини, и таковая история связана именно с рекой. Буквализация смысла заглавия прямо обозначается уже в начале стихофразы: *Всё было вправду: травица колкая, жара безумного сентября. И речка тоже... вполне знакомая. Не знак, не символ – а свет и рябь.*

Стихофраза показывает два временных плана: 1) воспоминания героини о далёкой юности: река и приречный пейзаж прежних времён, бывшая любовь; 2) настоящее героини – та же самая река, в лодке – юная влюблённая пара, и сильно изменившаяся территория берега. *...На речке лодка: парнишка с девочкой. На небе – облачное крыло. Всё хорошо, что – сбывлось и сделалось. Всё хорошо, что – давно*

ушло. И я, другая, гляжу без зависти. Теряюсь в смехе и брызготне... Два взгляда – юности и зрелости – приводят героиню к мудрой мысли о том, что горечь ностальгии, попытки остановить время и остаться в минувшем, пусть даже и счастливом, – не её путь. Она принимает себя изменившуюся, светло и благодарно вспоминает прошлое – и встаёт на путь к будущему.

Частично этот же приём использован в стихофразе *За семью замками*. Стихофраза содержит семь строф – по числу обозначенных числительным количества «замков» – то есть преград к душе лирического героя. Эти преграды есть обозначения чувств, душевных ран, болезненных событий прошлого. Буквализация осуществляется не в полной мере, но тем не менее она есть: героиня ведёт счёт этим «замкам», и некоторые из них описаны не как символы внутренних запретов, а как материальные объекты: *... Четвёртый – перекошен, кривится вязь. / Изячно лгут наклонные письма. / Его закрыла та, что тебе клалась. / Подосланная, милая допьяна. / У пятого обдушенные бока. / У пятого затерянные ключи. / Твой друг – который вот он, наверняка... / Тебя продавший... купленный... зло молчит. / И чаяния, и планы таить хитро. / И делать вид, что там, впереди – зенит! / Шестой – угрюм и мощен. Его нутро / издалика ладони мне леденит...*

5. Стихофразы нередко высвечивают иные грани фразеологического значения, поскольку опираются на периферийные, слабые, ассоциативные его семы. Тем самым тексты стихофраз выявляют не главный, а **побочный**, но весьма существенный **аспект** проблемы, ситуации, обозначенной ФЕ.

Например, *быть на высоте* – это не просто «удовлетворять самым строгим требованиям, быть одним из лучших». Стихофраза посвящена проблеме одиночества, сопутствующей интеллектуальной и духовной высоте сильной, значительно превосходящей своё окружение личности:

Отсюда видишь наносное, печально входил в роль судьи, недооцениваешь снова детей и детища свои. Отсюда клевета и зависть колеблют разве что слегка... Отсюда юность оказалась непоправимо далека. <...>

Душа, молитвенница-чтица, болит о каждом, вот беда...

Отсюда больше не спуститься.

Но только ждать – к себе. Сюда.

По прочтении стихофразы *Львиная доля* компонент заглавия *доля* понимается не только как «часть чего-либо», но и как удел, судьба правителя, который жёсткой рукой хранит порядок, однако понимает шаткость, опасность своего положения: слишком много претендентов жаждут «урвать» часть этой доли: *То шакалы подходы барские, / то осёл во песи за-*

плесневел, / то нещадно давлу в зародыше / выкрутасы моих гиен...

В стихофразе *Золотая середина* преподнесён не просто «образ действия, поведения, лишённый крайностей; промежуточное положение» (типичное, закреплённое значение ФЕ). Стихофраза подчёркивает, что расчётливое и осторожное стремление ничем не выделяться, ничего значимого не добиваться, но зато и ничем не рисковать – черта обывателя, эгоиста: *Я даже пощутить умею тонко, хоть не кропаю вирши втихаря. Я не останусь в памяти потомков – и чхал на это, честно говоря. Мне не грозит призыв к богам из штольни, лихой азарт, космический прыжок, а также слава – Герострата, что ли? Ну чувака, который храм поджжёт. Нас легион. Собой заполним норы. Не корчите презрительных гримас. Да, мы не идеал, а только норма. Но, гении, что вы без нас, без масс...*

6. Стихофраза организована следующим образом: текст есть развёрнутый ответ, «вторая реплика», идущая за первой – фразеологизмом. Чаще всего «вторая реплика» есть развитие, раскрытие первой, но, как и в диалоге, соотношение между репликами может представлять собой противопоставление. Тогда текст является **возражением** фразеологизму. Стихофраза вступает в полемику с постулатом, выраженным ФЕ, и отвечает на вопрос: «Так ли это? При каких обстоятельствах и почему эта мысль неверна?»

Такова, например, стихофраза *Время лечит...*, где данный тезис подаётся как самообман и проводится мысль о том, что отнюдь не всё подвластно «излечению»: *Да ничего Оно не лечит. / Ложится грузом на чело, / нестрит заплатами аптек, / дарует несколько осечек... / И ты, усталый человечек, / поверишь: вроде бы прошло...*

Или стихофраза *За каменной стеной*, где говорится о нахождении в безопасности, под защитой, в негативном ключе: на самом деле оно не полезно, а губительно для личности. *Я клянусь, по-другому не было, хоть убей. / Анфилады арок, башен лихой парад – / и стена. Я живу с тобой, за тобой, в тебе, я всего лишь хижина, ты мой усталый град. <...>*

Я живу за стеной – за спиной – здесь ветра слабей, / здесь и грозы льнут не ко мне – к твоему плечу. / Я умру за тебя. С тобой, за тобой, в тебе. / Я не вижу, а что там дальше... и не хочу.

Далеко не всегда данные типы содержательного соотношения представлены в стихофразе в чистом виде, они вполне могут комбинироваться. Важно, что образы (антропоморфные, природные, вещественные и другие), используемые нами в тексте стихофразы, продолжают тем или иным путём развитие генерального образа ФЕ. Задумывая цикл стихофраз и работая над ним, мы практически убедились в том, что «...художественный образ имеет импульсную при-

роду. ...Это нечто живое, развивающееся во времени и пространстве. Образ – суть художественной литературы, он действует подобно вспышке, озаряющей всё вокруг, импульсу, позволяющему понять сущность творящегося здесь и сейчас» [Беднарская: 15].

Безусловно, в каждом конкретном тексте и лингвистическая, и содержательная связь ФЕ-заглавия с телом текста – разные, но все вышеперечисленные элементы в определённых сочетаниях обязательно присутствуют. Тот факт, что в каждом тексте они представлены не единично, а именно в наборе, во многообразии, подчёркивает специфику жанра – усиленность, многоаспектность и многократность реализаций связи «фразеологизм – текст».

Список литературы

Арнольд И.В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–31.

Беднарская Л.Д. Художественный образ: смыслы и формы. Орёл: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2021. 399 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Москва: Наука, 1981. 140 с.

Дубровина К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. URL: <https://culture.wikireading.ru/57463> (дата обращения: 02.01.2023).

Купина Н.А. Креатемы в речи детей // Уральский филологический вестник. Сер. Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2012. Вып. 3. С. 22–27.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. Москва: Ось-89, 2005. 560 с.

Попова А.Р. Жанр стихофразы: креативные возможности русской фразеологии: монография. Орёл: Горизонт, 2022. 256 с.

Попова А.Р. Стихофразы. 2-е изд., доп. Орёл: Горизонт, 2020. 128 с.

References

Arnol'd I.V. *Znachenie sil'noi pozitsii dlia interpreta-tsii khudozhestvennogo teksta* [The importance of a strong position for the interpretation of a literary text]. *Inostrannye iazyki v shkole* [Foreign languages at school], 1978, № 4, pp. 23-31. (In Russ.)

Bednarskaia L.D. *Khudozhestvennyi obraz: smysly i formy* [Artistic image: meanings and forms]. Orel, Orel State University n. a. I.S. Turgenev Publ., 2021, 399 p. (In Russ.)

Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 140 p. (In Russ.)

Dubrovina K.N. *Bibleiskie frazeologizmy v russkoi i evropeiskoi kul'ture* [Biblical Phraseological units in Russian and European culture]. URL: <https://culture.wikireading.ru/57463> (access date: 02.01.2023). (In Russ.)

Kupina N.A. *Kreatemy v rechi detei* [Createmes in children's speech]. *Ural'skii filologicheskii vestnik* [Ural Philological Bulletin]. Ser.: *Iazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa* [The series «Language. System. Personality: Linguistics of Creativity»]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2012, vol. 3, pp. 22-27. (In Russ.)

Lukin V.A. *Khudozhestvennyi tekst: Osnovy lingvisticheskoi teorii. Analiticheskii minimum* [Literary text: Fundamentals of linguistic theory. Analytical minimum]. Moscow, Os'-89 Publ., 2005, 560 p. (In Russ.)

Popova A.R. *Zhanr stikhofrazy: kreativnye vozmozhnosti russkoi frazeologii* [Genre of verse phrases: creative possibilities of Russian phraseology]. Orel, Gorizont Publ., 2022, 256 p. (In Russ.)

Popova A.R. *Stihofrazy* [Poemphrase]. Iss. 2. Orel, Gorizont Publ., 2020, 128 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 28.02.2023; принята к публикации 01.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 28.02.2023; accepted for publication 01.03.2023.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В УСЛОВИЯХ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ИЗМЕНЧИВОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Третьякова Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, triffr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7981-3156>

Кудрявцева Елена Владимировна, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, lengoreva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1325-2466>

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема изменчивости фразеологических образов в условиях окказионального преобразования фразеологизмов-идиом. В качестве объекта исследования выбраны фразеологические единицы с компонентом-зоонимом, относящимся к тематической группе «Домашние животные»; именно этот компонент подвергается окказиональной замене. Особое внимание уделяется выявлению факторов, влияющих на трансформационную активность фразеологизмов, обуславливающих специфику новых – окказиональных – образов. Рассматриваются возможности окказиональных замен компонентов-зоонимов с учётом национально-культурной нагруженности анималистических компонентов, устанавливаются причины, влияющие на сходство и различие образных основ языковых фразеологических единиц и их трансформов. В качестве иллюстраций используются фразеологизмы, в образной основе которых отражены как уникальные свойства животных, так и типические их черты; также в образной основе запечатлены картины бытовой жизни человека и связанных с ней домашних животных. Выводы, сделанные в результате анализа фразеологического материала, иллюстрируются трансформациями фразеологизмов, имеющих особенности в отражении реалий окружающего мира. Новые фразеологические образы во фразеологических трансформах могут иметь сходство с языковыми при условии проявления в образах животных, именуемых компонентами-зоонимами, одинаковых или сходных черт. Однако чаще в качестве компонентов-заместителей используются анимализмы других тематических групп, а также слова иных фразеосемантических полей, именуемые людьми, предметами, явления, состояния. Существенное различие языкового компонента и компонента-заместителя влечёт за собой сложные трансформации образных основ, образование ирреальных образов. Авторы приходят к выводу о существенных изменениях фразеологических образов при трансформации компонентного состава фразеологизма, о создании новых образных основ, о движении образов в сторону ирреальности.

Ключевые слова: окказиональная фразеология; окказиональные преобразования фразеологизмов; фразеологический образ; образная основа фразеологической единицы.

Для цитирования: Третьякова И.Ю., Кудрявцева Е.В. Фразеологические образы в условиях окказиональной изменчивости фразеологизмов // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 144–150. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-144-150>

Research Article

PHRASEOLOGICAL IMAGES IN TERMS OF OCCASIONAL VARIABILITY OF IDIOMS

Irina Yu. Tretyakova, Doctor of Philological Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, triffr@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7981-3156>

Elena V. Kudryavtseva, Kostroma State University, Kostroma, Russia, lengoreva@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1325-2466>

Abstract. This article deals with the problem connected with variability of phraseological images in terms of idiomatic occasional transformations. Phraseological units with a zoonymic component from the thematic group «domestic animals» are chosen as the object of the research; it is the component that is substituted. Special attention is paid to identifying factors which affect transformational activity of phraseological units and determine specific features in image of a new occasional unit. We study probable occasional substitutions of zoonym components, taking into account a national and cultural role of animalistic components. While analysing, the authors define reasons affecting similarities and differences in the figurative

bases of linguistic phraseological units and their transformations. We apply as examples phraseological units in the figurative basis of which both unique animalistic features and their typical traits are reflected; also the idiomatic image basis must capture human everyday life and domestic animals participating in it. Transformations of phraseological units demonstrate several peculiarities in reflecting realities of the surrounding world. New phraseological images in transforms may depict similarities with linguistic ones, providing presentation of the same or similar features in animal images applied as zoonym components. However, more often substitute components belong to animalistic words from different thematic groups, as well as to words from other phraseosemantic fields, namely people, objects, phenomena, states. A significant difference between the language component and the substitute component leads to complex transformations of image bases and to formation of unreal images. The authors come to the conclusion about vital changes in phraseological images, creation of new figurative foundations and movement of images towards unreality, fantasy.

Keywords: occasional phraseology, idiomatic occasional transformations, phraseological image, phraseological unit image basis.

For citation: Tretyakova I.Yu., Kudryavtseva E.V. Phraseological images in terms of occasional variability of idioms. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 144–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-144-150>

Процессы окказионального преобразования фразеологических единиц (далее ФЕ) изучаются на протяжении нескольких десятилетий в разных аспектах. В трудах отечественных и зарубежных фразеологов представлены классификации приёмов окказионального преобразования ФЕ, описаны отдельные приёмы трансформации языковых единиц, выделены способы окказионального изменения знаков [Шадрин, Ройзензон, Мелерович, Мокиенко 1997]; опубликованы многочисленные работы, посвящённые описанию трансформаций ФЕ в произведениях различных стилей и жанров [Аймагамбетова, Абреимова, Baláková, Baĝa, Велĵановска, Мирчевска-Бошева, Дядечко, Militz, Tolgyesi]; появились исследования, в которых обращается внимание на функционирование ФЕ в условиях контекстного окружения [Кунин], на обусловленность трансформаций ФЕ экстралингвистическими факторами в условиях функционирования в различных дискурсах [Mlasek, Baláková; Третьякова 2017]. Также в трудах учёных-фразеологов выявляется связь изменений внутреннего и внешнего плана фразеологизмов с их семантическими, грамматическими, коннотативными особенностями, спецификой внутренней формы [Мелерович, Мокиенко 2011, Fedulenkova и др.]. Следует при этом заметить, что, несмотря на относительную разработанность этой проблемы, фактически отсутствуют исследования фразеологической образности в условиях окказиональной трансформации фразеологизмов.

Фразеологический образ играет определяющую роль в образовании идиом. О значимости фразеологического образа в различных аспектах высказывался известный учёный В.И. Зимин: «Для семантики фразеологизма самым важным является его образ, образно-ассоциативное основание. Образ фразеологизма в ономазиологическом плане является мотиватором выводного значения фразеологизма, в аксиологическом аспекте он провоцирует определённую оценку... в эмотивном аспекте он является “возбудителем” определённой эмоции-отношения, в лингвокультурологическом аспекте образ фразеологиз-

ма является источником и носителем культурной информации...» [Зимин: 48–49]. Фразеологический образ не единожды становился объектом научного внимания при рассмотрении вопросов, связанных с образованием фразеологических единиц. Однако при трансформации языковых фразеологических единиц, при образовании окказиональных вариантов ФЕ или окказиональных фразеологизмов фразеологические образы испытывают иное воздействие, «ведут себя» по-разному. Именно эти вопросы вызывают наш научный интерес. Целью данной работы является анализ образных основ фразеологизмов-идиом, которые подверглись окказиональным преобразованиям.

В качестве объекта исследования были выбраны фразеологизмы-идиомы с компонентом-зоонимом, именующим домашних животных. ФЕ с анималистическим компонентом составляют одну из самых объёмных групп в современной русской фразеологии и активно преобразуются в речи (см.: [Третьякова 2011, 2019; Кудрявцева]). Материалом для исследования послужили контексты с функционирующими в них трансформами, взятые из самых различных источников: художественных произведений разных эпох и жанров, публицистических текстов и выступлений политиков, интернет-форумов и «живой» речи.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом трансформируются посредством самых разных приёмов, однако для исследования образной основы ФЕ был выбран приём замены компонента-зоонима, так как именно утрата языкового компонента, а значит, элемента фразеологического образа, и появление нового компонента – и нового образного элемента – приводят к изменениям образной основы языковой ФЕ.

Анализ фразеологических единиц осуществлялся с использованием комплекса методов, среди которых методы семантического и структурно-грамматического анализа фразеологизмов, метод контекстуального анализа ФЕ, метод структурно-семантического моделирования, культурологический метод, метод окказионального моделирования фразеологизмов.

Окказиональные замены компонентов-зоонимов обусловлены несколькими факторами, и в частности – особенностью отражения картин реального мира.

1. Образные основы фразеологизмов могут воспроизводить реальные ситуации, связанные с поведением животных, с взаимодействием человека и животных (*лежать как собака на сене, смотрит как кот на сметану*), могут отображать и ирреальные, фантазийные ситуации (*как от козла молока, метать бисер перед свиньями*).

2. В образах могут быть представлены ситуации с акцентированием внимания на поведение, состояние животных (*жить как кошка с собакой, мартовский кот*), могут запечатлеваться поступки, действия человека, направленные на животных, связанные с животными (*взять быка за рога, купить кота в мешке, въехать на белом коне*).

Однако, несмотря на все особенности отображения мира животных, большая часть фразеологизмов с анималистическими компонентами предназначена для характеристики внутренних и внешних черт человека, его поступков, что и является стимулом для активной трансформации фразеологизмов.

Замены фразеологических компонентов-зоонимов относительно частотны и разнообразны. Окказиональные компоненты-заместители именуют: (1) животных, схожих с животными, запечатлёнными в образе языковой ФЕ; (2) животных, не имеющих большого сходства с животными, запечатлёнными в образе языковой ФЕ; (3) представителей других видов живых существ (птиц, рыб, насекомых и др.); (4) людей; (5) предметы; (6) явления. Такое разнообразие компонентов-заместителей объясняется ассоциативной способностью носителей языка связывать друг с другом различные реалии действительности, креативными способностями носителей языка, а также стремлением авторов текстов / речи конкретизировать ФЕ относительно ситуации, «вписать» фразеологизм в конкретную ситуацию. При этом образная основа языкового фразеологизма меняется, и диапазон этих изменений различен: от незначительного изменения образа до создания абсурдной, фантастической ситуации / картины.

Анализ речевого материала позволил выявить несколько факторов и условий, влияющих на трансформацию фразеологического образа, на широту диапазона окказиональных замен компонентов.

1. Фразеологические образы с акцентуацией уникальных качеств животных.

В образной «картинке» или в образном «сценарии» запечатлены животные, имеющие специфические признаки внешности, поведения, утилитарного предназначения: *ржать как лошадь* (уникальные голосовые данные коня), *как собака на сене* (охран-

ные функции собаки), *дойная корова* (производство коровой молока в больших количествах).

При трансформации фразеологизмов, имеющих данную особенность, окказиональными компонентами-заместителями становятся зоонимы, называющие животных, обладающих такими же или сходными признаками.

В качестве иллюстрации рассмотрим трансформации ФЕ *дойная корова* с мотивированным переносным значением (характеристика человека) – ‘тот, кто является источником материальных и нематериальных благ, которыми другие постоянно и беззастенчиво пользуются в своих интересах’. В образе коровы акцентированы специфические признаки животного – способность производить большое количество молока, которое использует человек для своих надобностей. Именно большое количество молока является главной составляющей мотивировки значения, поэтому при трансформации ФЕ в качестве компонентов-заместителей используются слова, именующие животных, способных давать человеку много этого ценного продукта: *корова – коза*. При замене компонентов *корова – коза* создаётся новый образ, соответствующий, подобно образу языковой ФЕ, бытовым реалиям жизни русских людей. Также компонентами-заместителями могут быть зоонимы, называющие корову по-иному: *корова – тёлка – тёлочка*. Трансформация образной основы в этих случаях (*корова – тёлка – тёлочка*) несущественна. Но поскольку замена компонента всегда обусловлена какими-либо причинами, постольку обязательными будут или появление новых оттенков смысла, или усиление экспрессивности, или буквализация образа, или другие причины. Значимость приобретают новые компоненты, имеющие национально-культурную обусловленность семантики, воспринимающиеся как стереотипные / эталонные / символические образы.

См. трансформ *дойная тёлочка* – такую характеристику в одном из современных фильмов дал сутенёр девушке лёгкого поведения, которая пользовалась успехом у мужчин и хорошо платила сутенёру за оказываемые им услуги. Собственно фразеологический образ при замене существенно не меняется (тёлочка – это молодая корова); замена связана с актуализацией ассоциаций человека с животным, с переносом акцента в восприятии образа: важным становится не только утилитарное использование тёлочки как животного, дающего большое количество молока, но и специфическая красота, свойственная молодым особям. Семантические приращения трансформ связаны с метафорическим значением компонента тёлочка: так русские мужчины называют сексуально привлекательных женщин. Таким образом, трансформ в контексте высказывания получает следующий смысл: *дойная тёлочка* – ‘привлекательная молодая женщи-

на, зарабатывающая своим телом много денег, являющаяся источником большого дохода для сутенёра, которым он постоянно и беззастенчиво пользуется¹.

Следует обратить внимание на то, что в окказиональном фразеотворчестве авторы выходят за пределы различных языковых норм, создают речевые единицы с новыми смыслами, рисуют фантастические, ирреальные образы, актуализируют ассоциативные связи между предметами и др. Поэтому нельзя исключать появления в речи фразеологических трансформов, образы которых противоречат реалиям.

ФЕ *дойная корова* является языковой базой для создания окказионального фразеологизма *дойный козёл*. Новый образ, созданный в трансформе, не соответствует реальному образу животного: козлы, как известно, не способны производить ни потомство, ни молоко. Однако, разрушая традиционное представление, создавая ирреальный образ, автор текста акцентирует внимание не на образе, а на значении нового фразеологизма, используя трансформ с целью дать иную характеристику человеку, внести добавочные элементы смысла. Образ козла выступает – в метафорическом плане – как стереотипный при характеристике человека: называя кого-либо козлом, говорящий подчёркивает такие качества характеризуемого, как глупость, непредсказуемость поступков, упрямство, внутреннюю нечистоплотность. Трансформ *дойный козёл* получает новый смысл: ‘тот, кто является источником материальных и нематериальных благ, но, будучи человеком глупым, плохо понимающий окружающих, не разбирающийся в ситуациях, позволяет людям присваивать создаваемые им ценности, беззастенчиво пользоваться ими’. См.: «Хочу найти дойного козла для создания красивой жизни!»¹.

2. Фразеологические образы без акцентуации уникальных качеств животных.

Во фразеологических образах запечатлеваются животные без выделения в их внешности, повадках, действиях каких-либо уникальных качеств.

ФЕ *как корова языком слизала* (‘что-либо пропало бесследно, исчезло’) восходит к представлению о корове, которая способна слизать языком пищу без остатка. Способность слизывать языком продукты питания не является свойством исключительно коровы, а потому окказиональными компонентами-заменителями становится большой ряд зоонимов, называющих животных, использующих таким же образом язык при поглощении пищи (*корова – верблюд – коза – собака – кошка* и др.). См.: «Галдят как ошалелые, что их судно потопила какая-то яхта. Какая яхта, куда и откуда она шла?.. Копы Балеарских островов хотели было про нее выяснить, но вот беда – арабов этих как верблюд языком слизал...»². Окказиональный заместитель *верблюд* конкретизирует значение фразеологизма в соответствии с местом художественного

действия. См.: «*Как кошка проблемы языком слизала*» – название статьи о магическом заговоре, «участница» которого – кошка – избавляет от всех проблем в процессе слизывания молока из миски³.

3. Фразеологические образы, запечатлевшие человека, его действия, связанные с животными, события, участниками которых стали люди и животные.

Человек всегда активно использовал животных в своих интересах. Такой утилитарный подход, естественно, отразился во многих фразеологических образах. В образных основах представлены действия человека, направленные на животных, причём образные «картинки» или сценарии часто имеют большое сходство с реальными процессами, происходящими в жизни человека. В анималистическом образе акцентируются черты животного, важные для человека в соответствии с заданной образной ситуацией. Отсутствие уникальных признаков животного и сходство многих животных по тому или иному признаку обуславливают широкий круг замен компонентов-зоонимов во ФЕ.

Фразеологизм *въехать на белом коне* (‘появиться в роли триумфатора, быть в роли победителя’) используется для характеристики победителей любых (не только военных) ситуаций. Ключевым компонентом ФЕ является словосочетание *белый конь*; в реальных жизненных ситуациях белый конь считается символом победы. Доминирующим атрибутом коня в данном случае является его масть, именно белый цвет воспринимается как символический цвет власти. При окказиональных трансформациях фразеологизма именно адъективный компонент *белый* становится смысловой доминантой фразеологического значения, компонент же *конь* понимается, в первую очередь, как средство передвижения (или транспорт); при этом не являются актуальными черты и свойства этого животного.

При окказиональных трансформациях фразеологизма активно осуществляются замены компонента-зоонима самыми разными словами, именующими средства передвижения человека.

(1) Слова, входящие с фразеологическим компонентом-зоонимом в одну тематическую группу «Животные»: *конь – слон – верблюд – осёл – бык* и под. См. строку из пародии на песню А. Малинина «Я хотел въехать в город на белом коне»: «Я хотел въехать в Харад на белом слоне»⁴.

(2) Слова тематической группы «Средства передвижения»: *конь – танк – мерседес – мерс* (= мерседес) и др. См.: «Стрелков въедет в Кремль на белом танке!»⁵; или: «А ведь скорую отставку Юльки(не) воровки предсказывали чуть ли не сразу после её назначения на должность. И ведь это для неё сейчас будет просто подарок судьбы... Она ведь снова станет “пострадавшей” и “мученицей” от власти... Что,

соответственно, даст ей шанс въехать на белом мерсе в выборы 2006 года»⁶. Образы фразеологических трансформов существенно отличаются от образной основы языковой ФЕ, конкретизируя фразеологизмы относительно характеризующих ситуаций. Широкий круг замен компонента-зоонима при трансформации фразеологизма объясняется отсутствием в компоненте *конь* акцентуации каких-либо ярких признаков животного, за исключением утилитарных свойств – быть средством передвижения для человека.

Широкий круг замен анималистического компонента и существенные преобразования образной основы наблюдаются при преобразовании ФЕ *подложить свинью* ('исподтишка причинять неприятности, совершать по отношению к кому-либо низкий поступок, подлость, подстраивать каверзы'). Фразеологический образ в данной языковой единице затемнён, этимологические версии о происхождении фразеологизма также не приносят точности и однозначности в образную основу ФЕ. Тем не менее образ свиньи является значимым при образовании семантики фразеологизма. Свинья в представлении русского человека – это животное нечистоплотное, прожорливое, тучное, внешне крайне непривлекательное. Однако эти качества животного в данной ФЕ не актуальны для метафорической характеристики человека, как, например, во многих других фразеологизмах с компонентом-зоонимом; здесь свинья воспринимается как собирательный образ всего плохого, подлого, каверзного, что может сильно навредить кому-либо. Такая широкая манифестация плохого в образе свиньи обуславливает широкие ряды окказиональных заменителей языкового компонента.

(1) Слова-анимализмы, называющие живых существ, также неприятных для человека (*свинья – змея – жаба – крыса* и др.), которые – метафорически – связываются с каверзами, подлостью, низкими поступками. См., к примеру: «Организаторы Олимпиады-2014 подложили жабу интернет-сообществу»⁷; «Депутатам подложили крысу»⁸.

(2) Слова, именующие предметы, также воспринимаемые как вредные, опасные, угрожающие жизни и под.: «Швейцария подложила миру франк»⁹, «Путин подложил США и Японии “курильскую мину”»¹⁰.

(3) Слова, называющие людей, способных принести вред кому-либо. См.: «Подарок с подвохом: японцы подложили Путину Путятину» (Путятин – русский адмирал, подписавший в 1855 году договор России с Японией о передаче последней четырёх Курильских островов; японский премьер-министр Абэ подарил Путину художественный свиток с изображением Путятини)¹¹.

(4) Слова, называющие абстрактные понятия, явления, чувства: «Когда подложили пакость, стоит ли отвечать адекватно?»¹². Такой широкий круг замен

обусловлен обобщённостью значения, репрезентируемого компонентом-зоонимом.

Исследования образных основ фразеологических трансформов позволили сделать следующие выводы. Окказиональные преобразования ФЕ, производимые посредством замены компонентов-зоонимов, приводят, за редким исключением, к изменениям образной основы фразеологизмов. При этом новые фразеологические образы окказиональных трансформов могут иметь сходство с образными основами языковых фразеологических единиц при условии проявления в компонентах-зоонимах обоих фразеологизмов одинаковых или сходных черт. Существенное же различие языкового компонента и компонента окказионального влечёт за собой сложные трансформации образных основ, часто – образование ирреальных, фантастических образов.

Диапазон изменчивости фразеологических образов (от *дойной тёлочки* до *дойного козла*), количество окказиональных замен, трансформационный потенциал языковых ФЕ во многом определяются культурной маркированностью компонентов-зоонимов, уникальностью либо универсальностью проявляющихся в образах особенностей внешности, поведения, предназначения. Чем уникальнее черты, актуализированные в анимализме (*дойная корова*), тем менее активны окказиональные замены компонента-зоонима. В то же время акцентуация во фразеологическом значении элементов, не связанных с уникальными чертами животного, даёт возможность производить большое количество трансформаций языковых фразеологизмов, обуславливает появление нескольких разных рядов окказиональных компонентов-заместителей (*подложить свинью – змею, жабу, крысу; франк, мину; Путятину; пакость* и т. п.)

Примечания

¹ <https://proshkolu.ru/user/Profi50/blog/341462>

² https://dom-knig.com/read_318368-94

³ <https://vanilla.su/kak-koshka-problemy-yazykom-slizala.html>

⁴ <https://power.gybka.com/song/93051751/Ryazanych>

⁵ <https://kot-sapog.livejournal.com/149636.html>

⁶ <http://forum.mediaport.ua/>

⁷ <http://yablor.ru/blogs/orgkomitet-sochi-2014>

⁸ <http://www.rg.ru/2007/12/27/mosgorduma.html>

⁹ <https://e-news.su/in-world/42317-shveycariya-podlozhila-miru-frank.html>

¹⁰ <https://rusvesna.su/news/1482758587>

¹¹ <https://www.mk.ru/politics/2016/12/16/>

¹² <https://sprashivalka.com/q/44485995>

Список литературы

Аймагамбетова М.М. Функционирование трансформированных фразеологических единиц в за-

головках газет и новостных сайтов // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни: сб. науч. статей к юбилею профессора А.М. Мелерович / отв. ред. и сост. И.Ю. Третьякова, предисл. А.Е. Якимов. Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2018. С. 12–29.

Абреимова Г.Н. Структурно-семантические преобразования глагольных фразеологизмов в дневниках М.М. Пришвина // Фразеология и паремология в синхронии и диахронии (от архаизации к неологизации): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 24–25 сентября 2020 г.) / под науч. ред. И.Ю. Третьяковой. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. С. 127–129.

Зимин В.И. Основные роли образа в семантической структуре фразеологизма // Современная фразеология: тенденции и инновации: монография. Москва; Санкт-Петербург; Брянск: Новый проект, 2016. С. 32–51.

Кудрявцева Е.В. Особенности окказиональных трансформаций фразеологических единиц с компонентом *корова* // Фразеология и паремология в синхронии и диахронии (от архаизации к неологизации): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Кострома, 24–25 сентября 2020 г.) / под науч. ред. И.Ю. Третьяковой. Кострома: Костромской гос. ун-т, 2020. С. 89–91.

Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва: Высшая школа, 1996. 381 с.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. Москва: Русские словари, 1997. С. 17–35.

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 456 с.

Ройзензон Л.И. Лекции по русской и общей фразеологии: учеб. пособие. Самарканд: Изд-во СГУ, 1973. 223 с.

Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология: монография. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011. 290 с.

Третьякова И.Ю. Особенности использования фразеологических единиц в педагогическом дискурсе // Дискурс Пи, 2017. № 3–4. С. 191–198.

Третьякова И.Ю. Окказиональные трансформации компонентов-анимализов в русской фразеологии // Анималистическая фразеология в славянских языках (Лингвистические и культурнолингвистические аспекты): коллективная монография. Greifswald: Universität Greifswald 2019. S. 46–51.

Шадрин Н.Л. Средства окказиональных преобразований фразеологических единиц как система элементарных приёмов // Лингвистические исследования: сб. науч. трудов, 1972. Москва: Ин-т языкознания АН СССР, 1973. Ч. 2. С. 78–97.

Bąba S. Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny. Wydawnictwo Naukowe UAM. Poznań, 1989, p. 185.

Baláková D. Uplatnenie frazém a ich modifikácie v publicistických textoch. Новое в славянской и русской фразеологии: сб. науч. ст. Olomouc, Vydala Univerzita Palackého, 2020, pp. 188–194.

Велжановска К, Мирчевска-Бошева Б. Авторски трансформации на фраземите во македонскиот јазик // Новое в русской и славянской фразеологии: сб. науч. ст. Olomouc, Vydala Univerzita Palackého, 2020, pp. 383–388.

Дядечко Л.П. Варіювання – трансформація – карнавалізація у фразеології східнослов'янських мов // Слов'янські обрії, 2018, № 9, с. 43–53.

Militz H.-M. Phraseologische Wendungen in literarischen Texten // Sprachpflege, Jg. 29, 1980, h. 5, pp. 99–101.

Mlacek J., Baláková D. Pragmatika ako podnet transformácií v súčasnej slovenskej frazeológii. Slovenska frazeologija i pragmatika. Ur. Ž. Fink Arsovska, A. Hrnjak. Zagreb, Knjižica, 2007, pp. 159–166.

Tolgyesi T. Kdo jinemu jamu kopa... Transformace příslovi ve slovanských jazycích, němčině a maďarštině // Новое в русской и славянской фразеологии / гл. ред. А. Архангельская. Olomouc, Vydala Univerzita Palackého, 2020, pp. 446–450.

Fedulenkova T. Isomorphism and Allomorphy of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor // Phraseology 2005: The many faces of Phraseology: Proceedings of an interdisciplinary conference. Louvain-la-Neuve, 2005, pp. 125–128.

References

Ajmagambetova M.M. *Funkcionirovanie transformirovannyh frazeologicheskikh edinic v zagolovkah gazet i novostnyh sajtov* [Functioning of transformed phraseological units in the headlines of newspapers and news sites]. *ZHizn' frazeologii – frazeologiya v zhizni: sb. nauch. statej k jubileju professora A.M. Melerovich* [The life of phraseology – phraseology in life: collection of scientific. articles for the anniversary of Professor A.M. Melerovich], ed. and comp. by I.Y. Tretyakova, preface by A.E. Yakimov Kostroma, Publishing House of Kostroma State University, 2018, pp. 12–29. (In Russ.)

Abreimova G.N. *Strukturno-semanticheskie preobrazovaniya glagol'nyh frazeologizmov v dnevnikh M.M. Prishvina* [Structural and semantic transformations of verbal phraseological units in M.M. Prishvin's diaries]. *Frazeologiya i paremiologiya v sinhronii i diahronii (ot arhaizacii k neologizacii): materialy Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (Kostroma, 24–25 sentyabrya 2020 g.)* [Phraseology and paremiology in synchrony and diachrony (from archaization to neologization): mate-

rials of the International Scientific and Practical Conference (Kostroma, September 24-25, 2020)], under the scientific editorship of I.Y. Tretyakova. Kostroma, Publishing House of Kostroma State University, 2020, pp. 127-129. (In Russ.)

Kudryavceva E.V. *Osobennosti okkazional'nykh transformacij frazeologicheskikh edinic s komponentom korova* [Features of occasional transformations of phraseological units with the cow component]. *Frazeologiya i paremiologiya v sinchronii i diahronii (ot arhaizacii k neologizacii): materialy Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (Kostroma, 24–25 sentyabrya 2020 g.)* [Phraseology and paremiology in synchrony and diachrony (from archaization to neologization): materials of the International Scientific and Practical Conference. Kostroma, September 24–25, 2020], under the scientific editorship of I.Y. Tretyakova. Kostroma, Publishing House of Kostroma State University, 2020, pp. 89-91. (In Russ.)

Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka* [The course of phraseology of modern English]. Moscow, Higher School Publ., 1996, 381 p. (In Russ.)

Melerovich A.M., Mokienko V.M. *Frazeologizmy v russkoj rechi: slovar'* [Phraseological units in Russian speech: dictionary]. Moscow, Russian Dictionaries Publ., 1997, pp. 17-35. (In Russ.)

Melerovich A.M., Mokienko V.M. *Sovremennaya russkaya frazeologiya (semantika – struktura – tekst): monografiya* [Modern Russian phraseology (semantics – structure – text): monograph]. Kostroma, Publishing House of Kostroma State University, 2011, 456 p. (In Russ.)

Rojzenzon L.I. *Lekcii po russkoj i obshchej frazeologii: ucheb. posobie* [Lectures on Russian and general phraseology: studies. stipend]. Samarkand, Publishing House of SSU, 1973, 223 p. (In Russ.)

Tret'yakova I.YU. *Okkazional'naya frazeologiya: monografiya* [Occasional phraseology: monograph]. Kostroma, Publishing House of Kostroma State University, 2011, 290 p. (In Russ.)

Tret'yakova I.YU. *Osobennosti ispol'zovaniya frazeologicheskikh edinic v pedagogicheskom diskurse* [Features of the use of phraseological units in pedagogical discourse]. *The discourse of Pi*, 2017, No. 3-4, pp. 191-198. (In Russ.)

Tret'yakova I.YU. *Okkazional'nye transformacii komponentov-animalizmov v russkoj frazeologii* [Occasional transformations of Animalism components in Russian Phraseology]. *Animalisticheskaya frazeologiya v slavyanskix yazykax (Lingvisticheskie i kul'turnolingvisticheskie aspekty): kollektivnaya monografiya* [Animalistic phraseology in Slavic languages (Linguistic and cultural-linguistic aspects): collective monograph]. Greifswald, University of Greifswald Publ., 2019, pp. 46-51. (In Russ.)

Shadrin N.L. *Sredstva okkazional'nykh preobrazovaniy frazeologicheskikh edinic kak sistema elementarnykh priyomov* [Means of occasional transformations of phraseological units as a system of elementary techniques]. *Lingvisticheskie issledovaniya: sb. nauch. trudov – 1972* [Linguistic research: collection of scientific papers – 1972]. Moscow, Institute of Linguistics of the USSR, Academy of Sciences Publ., 1973, part 2, pp. 78-97. (In Russ.)

Zimin V.I. *Osnovnye roli obraza v semanticheskoi strukture frazeologizma* [The main roles of the image in the semantic structure of phraseology]. *Sovremennaya frazeologiya: tendencii i innovacii: monografiya* [Modern Phraseology: Trends and innovations: monograph]. Moscow, St. Petersburg, Bryansk, New project Publ., 2016, pp. 32-51. (In Russ.)

Bąba S. *Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny*. Wydawnictwo Naukowe UAM. Poznań, 1989, p. 185.

Baláková D. *Uplatnenie frazém a ich modifikácie v publicistických textoch*. Новое в славянской и русской фразеологии: сб. науч. ст. Olomouc, Vydala Univerzita Palackého Publ., 2020, pp. 188-194.

Велјановска К, Мирчевска-Бошева Б. Авторски трансформации на фраземите во македонскиот јазик. Новое в русской и славянской фразеологии: сб. науч. ст. Olomouc, Vydala Univerzita Palackého Publ., 2020, pp. 383-388.

Дядечко Л.П. Варіювання – трансформація – карнавалізація у фразеології східнослов'янських мов. Слов'янські обрії, 2018, No. 9, с. 43-53.

Militz H.-M. *Phraseologische Wendungen in literarischen Texten*. Sprachpflege, Jg. 29, 1980, h. 5, pp. 99-101.

Mlacek J., Baláková D. *Pragmatika ako podnet transformácii v súčasnej slovenskej frazeológii*. *Slavenska frazeologija i pragmatika*. Ur. Ž. Fink Arsovska, A. Hrnjak. Zagreb, Knjigra Publ., 2007, pp. 159-166.

Tolgyesi T. *Kdo jinemu jamu kopa...* Transformace příslovi ve slovanských jazycích, němčině a maďarštině. Новое в русской и славянской фразеологии, гл. ред. А. Архангельская. Olomouc, Vydala Univerzita Palackého Publ., 2020, pp. 446-450.

Fedulenkova T. *Isomorphism and Allomorphy of English, German and Swedish Phraseological Units Based on Metaphor*. *Phraseology 2005: The many faces of Phraseology: Proceedings of an interdisciplinary conference*. Louvain-la-Neuve, 2005, pp. 125-128.

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 15.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 15.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 151–156. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 151–156. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 811.161.1

EDN EHDFAV

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-151-156>

СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ НЕОДНОРОДНОГО СОПОДЧИНЕНИЯ С ОДНИМ УСЛОВНЫМ КОМПОНЕНТОМ В НАУЧНОМ СТИЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА (на материале текстов математических произведений)

Волкова Елена Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, lenka@mail.mipt.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2267-0438>

Коротун Владилена Леонидовна, старший преподаватель, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия, vladakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7590-2541>

Аннотация. В научном стиле русского языка особый интерес представляют многокомпонентные сложноподчинённые предложения неоднородного соподчинения. Они позволяют разложить сложную мысль на составляющие и доходчиво передать ее адресату, что очень важно в текстах математических произведений. Однако такие конструкции нельзя рассматривать как «механическое» сцепление разных предложений – это цельная коммуникативная единица, обладающая единой модальностью, в которой можно выделить доминирующую синтаксическую связь. Наиболее продуктивной конструкцией в научном стиле оказывается трёхкомпонентное сложноподчинённое предложение неоднородного соподчинения, где главная часть сочетается с компонентом нерасчленённой структуры (изъяснительным, присубстантивно-атрибутивным, местоименно-союзным соотносительным) и одним условным компонентом. В тексте математических произведений, где большую роль играет ход логических рассуждений, условная часть помогает выявлению связи между двумя ситуациями, чёткому структурированию научной мысли, способствует реализации текстообразующей функции таких конструкций. Материалом для исследования послужили произведения известных математиков XX–XXI века, авторов целого ряда научных работ и учебных пособий в области алгебраической и дифференциальной топологии и теории индекса, стиль изложения которых в научном сообществе считается классическим. В статье исследуются различные случаи сочетания условного компонента и компонента нерасчленённой структуры в одном сложноподчинённом предложении. Рассматриваются структурно-семантические особенности конструкций с препозитивным, интерпозитивным и постпозитивным условным компонентом. Наиболее ярко условная семантика проявляется в первом случае, в последнем же – условная придаточная часть приобретает дополнительный, ограничительный оттенок. Придаточная часть нерасчленённого типа утрачивает свою самостоятельность, уподобляется полупредикативной единице и тесно сливается с главной частью. В сложноподчинённом предложении создаются два организующих центра – в главной части и в условной придаточной. Таким образом, получается, что многокомпонентная синтаксическая конструкция оказывается в состоянии равновесия, где сложная главная часть сбалансирована условной придаточной частью. Такое деление совпадает с актуальным членением предложения и легче воспринимается читателем.

Ключевые слова: многокомпонентное сложноподчинённое предложение, неоднородное соподчинение, условная придаточная часть, главная часть, придаточная часть нерасчленённой структуры

Для цитирования: Волкова Е.Б., Коротун В.Л. Сложноподчинённые предложения неоднородного соподчинения с одним условным компонентом в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 151–156. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-151-156>

COMPLEX SENTENCES OF HETEROGENEOUS SUBORDINATION WITH ONE CONDITIONAL COMPONENT IN THE SCIENTIFIC STYLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE (based on texts of mathematical works)

Elena B. Volkova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, lenka@mail.mipt.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2267-0438>

Vladilena L. Korotun, Senior Lecturer, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia, vladakor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7590-2541>

Abstract. In the scientific style of the Russian language, of particular interest are multicomponent complex sentences of heterogeneous subordination. They allow decomposing a complex idea into components and conveying it to the addressee intelligibly, which is very important in the texts of mathematical works. However, such constructions cannot be considered as a “mechanical” coupling of different sentences – it is an integral communicative unit that has a single modality in which the dominant syntactic connection can be distinguished. The most productive construction in the scientific style is a three-component complex sentence of heterogeneous subordination, where the main part is combined with a component of an indivisible structure (object, attributive, pronominal-conjunction correlative clauses) and one conditional clause. In the text of mathematical works, where the course of logical reasoning is of great importance, the conditional part helps to identify the connection between two situations, to clearly structure scientific thought, and it contributes to the implementation of the text-forming function of such constructions. The material for the study was the works of famous mathematicians of the 20th – 21st century, the authors of a number of scientific papers and textbooks in the field of algebraic and differential topology, the presentation style of which is considered classical in the scientific community. The article explores various cases of combining a conditional and a component of an indivisible structure in one complex sentence. Structural and semantic features of constructions with prepositive, interpositive and postpositive conditional components are considered. The most pronounced conditional semantics is manifested in the first case; while in the latter case, the conditional clause acquires an additional, restrictive connotation. The subordinate part of the indivisible type loses its independence, becomes like a semi-predicative unit and closely merges with the main part. In a complex sentence, two organising centres are created – in the main clause and in the conditional clause. Thus, it turns out that the multicomponent syntactic construction is in a state of equilibrium, where the complex main clause is balanced by the conditional subordinate part. Such a division coincides with the actual division of the sentence and is easier for the reader to perceive.

Keywords: multi-component complex sentence, heterogeneous subordination, conditional clause, main clause, subordinate clause of indivisible type.

For citation: Volkova E.B., Korotun V.L. Complex sentences of heterogeneous subordination with one conditional component in the scientific style of the Russian language (based on texts of mathematical works). *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 1, pp. 151–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-151-156>

В данной статье мы рассмотрим структурно-семантические особенности сложноподчинённых предложений (далее СПП) неоднородного соподчинения в одной из самых замкнутых областей научного стиля русского языка – стиле точных наук. Именно здесь грамматическая структура предложений представлена в наиболее чётком, «обнажённом» виде с целью выполнения главной коммуникативной задачи – точно и ясно передать мысль. Многокомпонентные СПП характерны для данной области функционирования русского языка, поскольку позволяют рассмотреть сложный предмет с разных сторон, а их грамматикализованный вид способствует адекватному восприятию хода логических рассуждений автора.

Материалом для нашего исследования послужили произведения выдающихся математиков XX–XXI вв. А.Б. Александрова, В.П. Маслова, Л.С. Понтрягина, Б.В. Федосова и других специалистов в области алгебраической и дифференциальной топологии и тео-

рии индекса. Эти математики отличаются безупречным стилем изложения материала.

Напомним, что под соподчинением вслед за И.А. Василенко, Н.С. Ганцовской, В.В. Казминым, Г.Ф. Калашниковой и др. мы будем понимать «всякое одноступенное подчинение двух или более придаточных главному предложению (во всём его объеме или по отношению к его членам)» [Ганцовская: 91].

Под «неоднородным соподчинением» мы подразумеваем «соподчинение нескольких придаточных разных структурно-семантических характеристик всей главной части в целом, отдельному его члену или членам, или соподчинение придаточных одинакового типа разным членам главной части» [Волкова, Коротун: 130].

Такие конструкции уже были предметом нашего рассмотрения [Волкова, Коротун: 130]. Однако тогда мы ограничились рассмотрением трёхкомпонентных СПП с придаточными нерасчленённой структу-

ры. На этот раз одним из компонентов исследуемых СПП будет придаточная часть условного типа. «Условные высказывания играют особую роль в научных рассуждениях, с одной стороны, требующих всестороннего, объективного рассмотрения возможных ситуаций (построение гипотез о различных альтернативных ситуациях), с другой стороны, отвечающих требованиям точности, логичности, мотивированности представленной информации (обоснование одного путем ссылки на нечто другое)» [Галкина: 64]. Придаточные условного типа относятся к придаточным расчленённой структуры (или функционального типа [Поспелов: 24]) и синтаксически противопоставляются придаточным нерасчленённой структуры, поскольку относятся не к одному опорному (контактному) слову, а ко всему предложению в целом и имеют относительно самостоятельную коммуникативную нагрузку в составе предложения. По мнению Н.С. Ганцовской, проводившей всестороннее исследование многокомпонентных СПП в научном стиле, самой типичной моделью многокомпонентных СПП является структура, где сочетаются придаточные разной степени взаимосвязи с главной частью: придаточные нерасчленённой структуры и расчленённой структуры (или «функциональные»). По данным этого исследователя, наиболее продуктивны среди многокомпонентных предложений с неоднородным соподчинением (65 %) трехкомпонентные СПП с одним компонентом расчленённой структуры, а другим – нерасчленённой [Ганцовская: 132]. Рассмотрим такие конструкции на материале текстов математических произведений.

Немаловажными факторами при анализе многокомпонентного предложения с неоднородным соподчинением является порядок следования компонентов предложения и средства союзно-относительной связи частей сложного предложения. Рассмотрим основные структурно-семантические модели многокомпонентного СПП неоднородного соподчинения с одним компонентом условного типа. По данным Н.П. Галкиной, проводившей обширное исследование СПП со значением обусловленности в научном стиле русского языка, 91 % условных предложений оформлены с помощью союза *если* и его модификаций [Галкина: 65]. Поэтому мы ограничимся рассмотрением конструкций с условной придаточной частью, построенной с помощью союза *если*.

В исследуемых предложениях, кроме придаточной условной части, употребляется придаточная А) присубстантивно-атрибутивная, Б) изъяснительная или В) местоименно-союзная соотносительная часть.

А. Чаще таким придаточным нерасчленённой структуры в предложениях с неоднородным соподчинением в отличие от предложений с последова-

тельным подчинением оказывается присубстантивно-атрибутивная придаточная часть.

Как правило, эти предложения начинается условная придаточная часть (иной порядок малопродуктивен). Господствующими союзными словами в придаточных присубстантивно-атрибутивных являются *который* и *где*, другие встречаются в единичных случаях.

Условной придаточной части противопоставлена следственная главная часть (главная часть + придаточная присубстантивно-атрибутивная). Придаточная присубстантивно-атрибутивная часть может замыкать всю конструкцию или быть в середине главной части, образуя с ней более монолитную структуру.

Если элемент a имеет конечный порядок, то числовое значение этого порядка определим как минимальное натуральное число r , для которого $a^r = e$ [Понтрягин: 15].

Если A и B – два подмножества группы G , то через AB обозначим подмножество, составленное из всех элементов вида $xу$, где $x \in A$, $y \in B$ [Александров: 117].

Если A есть одновременно правый и левый смежный класс по H , то $A = Ha = aH$, где a есть произвольный элемент из A [Федосов: 169].

В предложениях с постпозитивной придаточной условной частью эта часть имеет характер дополнительного, ограничительного условия ко всему ранее сказанному. Частица *лишь* еще больше усиливает ограничительную семантику.

В случае, когда P есть поле действительных или комплексных чисел, группа эта естественным образом становится топологической, если за базисную окрестность в ней принять совокупность всех таких матриц [Понтрягин: 222].

Сумма $n_1 a_p + \dots + n_r a_p$, где коэффициенты – целые, может быть целым числом, лишь если все коэффициенты обращаются в нуль [Понтрягин: 265].

Б. Среди предложений с придаточной условной и изъяснительной частью также единичны примеры с препозитивной придаточной частью нерасчленённой структуры. Придаточное изъяснительное имеет, как правило, союз *что*, реже *чтобы*, *ли*. Вся конструкция с препозитивной условной частью и придаточной изъяснительной, так же как и с придаточной присубстантивно-атрибутивной, имеет условно-следственный характер, что подчёркивает частица *то*, начинающая вторую часть предложения. Эта противопоставляемая придаточному условному следственная часть представляет собой сложную главную часть, нерасчленённую структуру. Если придаточное условное интерпозитивно по отношению к главной части, то оно может приближаться к вводному. Однако следственный оттенок сложной главной части, хотя и в ослабленном виде, сохраняется:

Если для двух нормальных делителей N_1 и N_2 группы G с единицей e выполнены условия

$$N_1 N_2 = G, \quad (3)$$

$$N_1 \cap N_2 = e, \quad (4)$$

то говорят, что G распадается в прямое произведение своих подгрупп N_1 и N_2 [Понтрягин: 31].

В сложной главной части основная смысловая нагрузка концентрируется в придаточной изъяснительной части, главная же часть является «модальной оправой» (выражение Л.Ю. Максимова) для придаточной изъяснительной. Вследствие формализации своих функций главная часть редуцируется до нескольких слов – главных членов предложения.

В предложениях с препозитивным придаточным изъяснительным, так же как и в предложениях с препозитивным присубстантивным (также немногочисленных), постпозитивное условное придаточное имеет дополнительно-ограничительное значение:

Говорят, что группа G распадается в прямое произведение множества Ω своих подгрупп, если выполнены условия

$$\Pi(\Omega) = G, \quad (11)$$

$$\Delta(\Omega) = e \quad (12) \text{ [Понтрягин: 31].}$$

Непосредственно видно, что Δ представляет собой централизованную систему, и потому, если мощность ее меньше t , то пересечение ее не пусто [Маслов: 282].

В. В наших исследованиях оказалось немного случаев с придаточным местоименно-союзным соотносительным как вторым придаточным наряду с придаточным условным. Придаточное условное в этих конструкциях обязательно препозитивно:

Если треугольники a_1, a_2, a_3 и b_1, b_2, b_3 перспективны, то существуют такие три точки c_1, c_2, c_3 , что все нижеследующие тройки точек (7) линейно зависимы [Понтрягин: 56].

Если точка a не принадлежит множеству M , то a тогда и только тогда является предельной точкой для M , когда $a \in M$ [Федосов: 260].

Действительно, если Σ есть базис пространства R , то существует такая система Σ' областей из Σ , что G есть сумма всех областей, входящих в Σ' [Понтрягин: 64].

Мы рассмотрели, как складываются синтаксические отношения в трёхкомпонентном СПП с неоднородным соподчинением придаточных двух типов: условного и нерасчленённой структуры. Такие предложения чрезвычайно характерны для соподчинения в научном стиле.

В данном типе сложного предложения мы наблюдаем чёткие взаимоотношения между его компонентами. Наиболее сильными, организующими предикативными единицами в предложении являются главная часть и придаточная условного типа. Придаточные нерасчленённой структуры, в том числе при-

субстантивно-атрибутивные распространительно-повествовательного характера, по сравнению с этими центрами, образуют несамостоятельные единицы, структурно и по смыслу связанные с этими организующими центрами. Придаточные нерасчленённой структуры по своей роли уподобляются полупредикативным причастным и деепричастным оборотам.

В исследуемых нами предложениях с неоднородным соподчинением придаточные условного типа, как правило, препозитивны, а сложной является главная часть, «поглотившая» придаточное нерасчленённой структуры. Л.Д. Беднарская при исследовании многокомпонентных СПП подчеркивает необходимость выявления в них доминирующей связи [Беднарская: 28]. В исследуемых нами конструкциях придаточные нерасчленённой структуры теснее связаны с главной частью, чем условная часть, поскольку эта связь создается как компонентами главной части, так и придаточной. Поэтому доминирующая связь в СПП с неоднородным соподчинением формируется между сложной главной и условной частью, чаще препозитивной. Придаточная условная часть, будучи коммуникативно незавершённой, как правило, «формирует тему высказывания, а остальная усложнённая его часть – рему» [Беднарская: 30]. Придаточные нерасчленённой структуры легче поддаются поглощению главной частью, а это «ведёт к созданию компактной конструкции, чётко оппозиционной с точки зрения выражения синтаксических отношений» [Беднарская: 31], поскольку соответствует актуальному членению высказывания.

Таким образом, многокомпонентные СПП неоднородного соподчинения с одним условным компонентом – на первый взгляд очень сложные конструкции – образуют некое диалектическое единство противоположностей, то есть по сути имеют бинарную структуру и продуктивны в текстах математических произведений, поскольку в значительной степени способствуют наиболее точному донесению сложной мысли до адресата.

Список литературы

- Александров А.Б.* Теория функций в шаре // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1985. Т. 8. С. 115–190.
- Беднарская Л.Д.* Закономерности грамматического членения многокомпонентных сложных предложений: монография. Орёл: ГОУ ВПО «ОГУ», 2010. 154 с.
- Василенко И.А.* Сложноподчинённое предложение с неоднородным соподчинением // Русский язык в школе. 1953. № 6. С. 23.
- Волкова Е.Б., Коротун В.Л.* Трёхкомпонентные сложноподчинённые предложения с неоднородным

соподчинением в научном стиле русского языка (на материале текстов математических произведений) // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28, № 1. С. 129–133.

Галкина Н.П. Сложноподчинённые предложения со значением обусловленности в научном стиле современного русского языка (на материале произведений естественнонаучного цикла): дис. ... канд. филол. наук. Орёл, 2014. 225 с.

Ганцовская Н.С. Многокомпонентные сложноподчинённые предложения в научном стиле современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1967. 274 с.

Казмин В.В. Структурные типы предложений с неоднородным соподчинением двух придаточных в современном русском литературном языке // Труды КГПИ. Краснодар, 1963. Вып. 31: Вопросы изучения русского языка. С. 64.

Калашникова Г.Ф. Сложное предложение с соподчинением и последовательным подчинением в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1963. 242 с.

Максимов Л.Ю. Сложное предложение / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов // Современный русский язык: учебник для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.»: в 3 ч. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. 2-е изд., перераб. Москва: Просвещение, 1987. 256 с.

Маслов В.П. Математическое разрешение парадокса Гиббса // Математические заметки. 2011. Т. 89, вып. 2. С. 272–284.

Понтрягин Л.С. Непрерывные группы. Москва: Едиториал УРСС, 2009. 520 с.

Поспелов Н.С. Сложноподчинённое предложение и его структурные типы // Вопросы языкознания, 1959. № 2. С. 21–27.

Федосов Б.В. Теоремы об индексе // Итоги науки и техники. Сер.: Современные проблемы математики. Фундаментальные направления. 1991. Т. 65. С. 165–268.

References

Aleksandrov A.B. *Teoriya funktsij v share* [Theory of functions in a ball]. *Itogi nauki i tekhniki. Ser.: Sovremennye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya* [The results of science and technology. Part: Modern problems of Mathematics. Fundamental Directions], 1985, vol. 8, pp. 115–190. (In Russ.)

Bednarskaya L.D. *Zakonomernosti grammaticheskogo chleneniya mnogokomponentnykh slozhnykh predlozhenij* [Patterns of grammatical division of multicomponent complex sentences]. Oryol, OGU Publ., 2010, 154 p. (In Russ.)

Fedosov B.V. *Teoremy ob indekse* [Index theorems]. *Itogi nauki i tekhniki* [The results of science and

technology]. *Ser.: Sovremennye problemy matematiki. Fundamental'nye napravleniya* [Modern problems of Mathematics. Fundamental Directions], 1991, vol. 65, pp. 165–268. (In Russ.)

Galkina N.P. *Slozhnopodchinjonnye predlozhenija so znacheniem obuslovlennosti v nauchnom stile sovremennogo russkogo jazyka (na materiale proizvedenij estestvennonauchnogo cikla): dis. ... kand. filol. nauk* [Complex sentences with the meaning of conditionality in the scientific style of the modern Russian language (based on the works of the natural science cycle): PhD thesis]. Oryol, 2014, 225 p. (In Russ.)

Gancovskaya N.S. *Mnogokomponentnye slozhnopodchinjonnye predlozheniya v nauchnom stile sovremennogo russkogo jazyka: dis. ... kand. filol. nauk* [Multicomponent complex sentences in the scientific style of the modern Russian language: PhD thesis]. Moscow, 1967, 274 p. (In Russ.)

Kazmin V.V. *Strukturnye tipy predlozhenij s neodnorodnym sopodchineniem dvuh pridatochnykh v sovremennom russkom literaturnom yazyke* [Structural types of sentences with heterogeneous subordination of two subordinate clauses in the modern Russian literary language]. *Trudy KGPI* [Proceedings of KSPI]. Krasnodar, 1963, vol. 31: Voprosy izucheniya russkogo jazyka [Issues of learning the Russian language], p. 64. (In Russ.)

Kalashnikova G.F. *Slozhnoe predlozhenie s sopodchineniem i posledovatel'nym podchineniem v sovremennom russkom literaturnom yazyke: dis. ... kand. filol. nauk* [A complex sentence with subordination and sequential subordination in the modern Russian literary language: PhD thesis]. Rostov-na-Donu, 1963, 242 p. (In Russ.)

Maksimov L.Yu. *Slozhnoe predlozhenie* [Complex sentence], V.V. Babajceva, L.Yu. Maksimov. *Sovremennyy russkij jazyk: uchebnik dlja studentov ped. in-tov po spec. № 2101 «Рус. яз. и лит.»* [Modern Russian language. Textbook for students of ped. univ. in the spec. 2101 “Russian language and literature”]: in 3 vols. Vol. 3. *Sintaksis. Puntuacija* [Syntax. Punctuation], 2-е изд., перераб. Moscow, Prosveshhenie Publ., 1987, 256 p. (In Russ.)

Maslov V.P. *Matematicheskoe razreshenie paradoksa Gibbisa* [Mathematical resolution of the Gibbs's paradox]. *Matematicheskie zametki* [Math notes], 2011, vol. 89, iss. 2, pp. 272–284. (In Russ.)

Pontryagin L.S. *Nepreryvnye grupy* [Continuous groups]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2009, 520 p. (In Russ.)

Pospelov N.S. *Slozhnopodchinjonnoe predlozhenie i ego strukturnye tipy* [Complex sentence and its structural types]. *Voprosy jazykoznanija* [Issues of Linguistics], 1959, No. 2, pp. 21–27. (In Russ.)

Vasilenko I.A. *Slozhnopodchinjonnoe predlozhenie s neodnorodnym sopodchineniem* [Complex sentence with

heterogeneous subordination]. RYASH [Russian Language at School], 1953, № 6, p. 23. (In Russ.)

Volkova E.B., Korotun V.L. *Trjohkomponentnye slozhpodchinjonnye predlozhenija s neodnorodnym sopodchineniem v nauchnom stile russkogo jazyka (na materiale tekstov matematicheskikh proizvedenij)* [Three-component complex sentences with heterogeneous subordination in the scientific style of the Russian language (based on texts of mathematical works)]. *Vestnik*

Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Kostroma State University], 2022, vol. 28, № 1, pp. 129–133. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.02.2023; одобрена после рецензирования 15.03.2023; принята к публикации 21.03.2023.

The article was submitted 28.02.2023; approved after reviewing 15.03.2023; accepted for publication 21.03.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 157–161. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 157–161. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 81`371

EDN WUUMIQ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-157-161>

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭРГОНИМОВ-РЕПЛИК В ГОРОДСКОМ ОНОМАСТИКОНЕ АСТРАХАНИ

Васильева Юлия Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева, Астрахань Россия, gis_00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9374-1136>

Аннотация. Целью статьи является исследование структурно-семантических особенностей эргонимов-реплик в составе регионального ономастикона. Анализ номинаций коммерческих объектов города Астрахани позволил выявить пласт эргонимов, появившихся в результате лексикализации коммуникативных структур. Стилистические черты разговорной речи придают эргонимам-репликам эмоционально-экспрессивную окраску. Восполнение информативной неполноты анализируемых номинаций происходит за счёт удлинения эргонима с помощью лексемы – родового идентификатора (функционала), указывающего на профиль городского объекта (магазин, кафе, аптека, банк и т. п.).

Ключевые слова: эргонимы-реплики, семантика, ономастикон, эргонимика, реплика-стимул, реплика-реакция.

Для цитирования: Васильева Ю.А. Структурно-семантические особенности эргонимов-реплик в городском ономастиконе Астрахани // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 157–161. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-157-161>

Research Article

STRUCTURAL AND SEMANTIC CHARACTERISTICS OF REPLICA ERGONYMS IN THE ONOMASTICON OF THE CITY OF ASTRAKHAN

Julia A. Vasileva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Modern Russian Language, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev, Astrakhan Russia, gis_00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9374-1136>

Abstract. The purpose of the article is to study the structural and semantic features of replica ergonyms as part of regional onomasticon. The analysis of the nominations of commercial objects of the City of Astrakhan revealed a layer of ergonyms that had appeared as a result of the communicative structures' lexicalisation. Stylistic features of colloquial speech give replica ergonyms an emotionally expressive colouring. The information incompleteness of the analysed nominations is replenished by lengthening the ergonym with the help of a lexeme – a generic identifier (functional) indicating the profile of an urban object (shop, cafe, pharmacy, bank, etc.).

Keywords: replica ergonyms, semantics, onomasticon, ergonymics, replica-motivations, replica reactions

For citation: Vasileva J.A. Structural and semantic characteristics of replica ergonyms in the onomasticon of the City of Astrakhan. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 157–161. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-157-161>

Особенности ономастического пространства города включены в область научного интереса многих современных исследователей, изучающих социолингвистику, ономастику и психолингвистику. Термин «ономастическое пространство», впервые употреблённый В.Н. Топоровым относительно совокупности названий [Топоров 1969: 33–34], постепенно расширял своё значение. Так, А.В. Суперанская определяла его как сумму имён собственных для именования объектов и их отдельных состояний, воспринимаемых предметно. При этом в ономастическое

пространство лингвист включала имена отдельных живых существ, неодушевлённых предметов, мест на поверхности земли, под землёй и за пределами Земли, а также звуки, движения и даже идеи [Суперанская 1985: 47–48]. В «Словаре русской ономастической терминологии» ономастическое пространство характеризуется как «комплекс имён собственных всех классов, употребляемых в языке данного народа в данный период для именования реальных, гипотетических и фантастических объектов» [Подольская 1988: 94].

Б.Я. Шарифуллин, исследуя языковое пространство города, включает в него следующие взаимосвязанные компоненты: тексты городской среды (городская реклама, вывески предприятий, письменные объявления, плакаты, листовки и пр.); литературные формы речи, обиходную речь («городское просторечие»), регионально окрашенную речь, различные типы жаргонов; ономастическое пространство как существенную составляющую городского семиотического образа, формируемого в языковом сознании горожан и туристов [Шарифуллин 2007: 45]. В рамках предпринятого нами исследования интерес для нас представляют эргонимы как составная часть языка города. Элементы языкового быта города (указатели, вывески, объявления) отражают его социальную, экономическую, национально-культурную и региональную специфику, формируя определённое лингвокультурное пространство. Цель статьи – охарактеризовать новую продуктивную группу городских эргонимов – эргонимов-реплик – и определить их специфику, связанную с особенностями разговорной речи. Онимы указанной группы передают высказывания коммуникантов в процессе диалога.

В качестве источника материала было использовано 70 русскоязычных номинаций города Астрахани, зафиксированных в результате непосредственного наблюдения. Основной структурной особенностью эргонимов-реплик является их неразрывная связь с диалоговой речью, несамостоятельность вне вопросно-ответного единства. И.В. Крюкова подчёркивает эмоционально-стилистическую функцию эргонимов-реплик в репрезентации эмоционального отношения номинатора к городским объектам [Крюкова 2004: 5–6]. Т.В. Шмелева акцентирует внимание на факторе дискурсивности, называя в своём исследовании эргонимы-реплики «фразочками-брызгами речевого потока повседневности», что «погружает онимы в современные дискурсивные практики» [Шмелева: 121]. Своеобразная имитация разговорного синтаксиса приводит к тому, что названия кафе, магазинов, салонов и других городских объектов вызывают в сознании адресатов желание вступить в диалог, ответить на реплику, размещённую на вывеске. Описанная ситуация является следствием «коллоквиализации публичных сфер общения (то есть насыщения их разговорными элементами)» [Вепова 2019: 925], повышения коммуникативной значимости устных форм публичной речи.

Особенности разговорной речи – диалогичность (наличие двух сторон коммуникации), спонтанность речевых актов, неофициальность и тесная связь речи с ситуацией общения: «Ситуация, которая предполагает речевое общение, включение собеседников на тематическом и композиционном уровне в речевой акт, в его диалогический и монологический

контекст. В речевой ситуации актуализируются языковые формы и значения, используемые для выражения конкретных мыслей, волеизъявлений и чувств в соответствии с целями и условиями общения, темой и содержанием беседы, дискуссии и любой иной формы диалога» [Жеребило 2010: 329].

Контактоустанавливающая стратегия, реализуясь в процессе номинации городских объектов, рождает эргонимы-реплики, которые можно характеризовать как единицы разговорного диалогического синтаксиса. Их коммуникативная функция определяется семантическими связями высказываний в структуре диалогического единства, то есть наличием реплики-стимула и реплики-реакции, в совокупности создающими общий контекст. Адресаты воспроизводят гипотетический диалог, репликами одной стороны в котором являются эргонимы. Наиболее информативны номинации из двух и более слов, однако следует учитывать семантическую несамостоятельность реплик как компонента диалога.

Основная модель диалога – вопрос – ответ: один из коммуникантов запрашивает информацию, а другой отвечает на этот запрос. Опираясь на типологию реплик, изложенную в диссертации И.А. Кузнецова [Кузнецов 2020], считаем целесообразным выделить в исследуемых типах эргонимов две группы: реплики-стимулы и реплики-реакции.

Реплики-стимулы

1. Побуждение к действию, волеизъявление (предложение, призыв): музыкальная школа *Играй*, магазин-чайная *Чай-пей*, служба доставки готовых блюд *Ешь*, автомойка *Мой сам*, магазин инструментов *Режь! Сверли! Точи!*, клиника иммунологии *Дыши и чувствуй*, магазин швейных принадлежностей *Шейте с нами*, лавка сувениров *Подари Астрахань*, центр развития детей *Знай-ка*, магазин рыболовных принадлежностей *Рыбу/Лови*, магазин мобильных аксессуаров *Купи чехол*, магазин кальянов *Ваще Забей*, кафе *БлинБери*.

В этой подгруппе особого внимания заслуживают эргонимы, содержащие отсылки к прецедентным текстам: магазин товаров для праздника *Ну, приходи!* (фраза «Ну, погоди!» из одноимённого мультфильма), магазин морепродуктов *Ловись рыбка* (прецедентное высказывание «Ловись, рыбка, большая и маленькая» из народных сказок о хитрой лисе и глуповатом волке). Интересен эргоним *Суши-Вёсла* (ресторан паназиатской кухни). У гребцов команда «сушить вёсла» означает вынуть их из воды, расслабиться, набираться сил. Такое своеобразное приглашение к отдыху в сочетании с омонимией лексем (омографы: *суши* как императив глагола / *суши* как блюдо традиционной японской кухни) и элементами графической трансформации (слитное написание двух слов), на наш взгляд, очень оригинально,

хотя эргоним неинформативен без своего идентификатора.

Отметим и другие эргонимы, в составе которых присутствуют элементы прецедентных текстов. Название магазина *Хлеб соль* восходит к устаревшему разговорному наименованию пищи. В прошлом «Хлеб-соль» было также приветствием, обращённым к участникам трапезы, выражением гостеприимства. Неоднозначно название магазина *Ёлки-Палки*. Выбранное номинатором просторечное экспрессивное выражение может означать широкий спектр эмоций: досаду, порицание, гнев, удивление, извинение, радость или даже восхищение.

Подобные номинации являются яркими элементами ономастического пространства города и способны привлечь внимание потенциального потребителя. Отметим и лингвометодический потенциал подобных языковых единиц. Коммуникативный эффект при включении в состав эргонимов пословиц, крылатых выражений достигается посредством «свёрнутого» выражения мысли. Однако для этого коммуниканты должны иметь общий «культурный фон», владеть сходным набором речевых штампов как извлекаемых из памяти воспроизводимых сочетаний. Только в этом случае исходный прецедентный текст адекватно дешифруется адресатом. Опора на национально-культурные языковые единицы (национально-культурные стереотипы, устойчивые словоупотребления, отсылки к прецедентным феноменам) представляет ценность для обучения русскому языку как иностранному (например, при изучении императива глагола можно приводить в качестве примеров языковых единиц перечисленные номинации).

2. Утверждение, информирование, сообщение: юридическая компания *Быть добру*, салон оптики *Я вижу*, компания *Мы с вами*, клининговое агентство *Будет чисто*, компании *Строим вместе* и *Мы строим дом*, студия красоты *Между нами*, рыболовный магазин *Поймаешь*, магазин праздничных товаров *Мы шарим*, салон красоты *Здесь все*, салон массажа *Промассажем*.

3. Похвала, одобрение: агентство *Супер Весело*, столовая *Вкусно как дома*, кафе *Как у мамы*, школа английского и русского языка *Опять пять*, пекарня *Ай да пирог!*, студия уникального праздника *Ух ты*.

4. Осуждение, порицание: компания по реставрации мебели *Снова за старое*, служба доставки *Не те роллы*.

5. Фатические акты (установление и поддержание контакта: приветствие, прощание, комплимент и т. п.): детский центр *Hello kids* (англ. «Привет, дети»), столовая *Добро пожаловать*, веб-студия *Hello*.

6. Извинение: тату-студия *I'm sorry mama* (англ. «Извини, мама»).

Реплики-реакции

1. Информирование: комиссионный магазин *Мы из СССР*, магазин рыбной продукции *Родом из Астрахани* (ответная реакция на реплику-стимул «Вы откуда?»), туристическое агентство *Лечу куда хочу* (в качестве гипотетической назовём реплику-стимул «Ты куда?»), студия эстетики *Я-красивая*; торговый комплекс *За цирком* (возможная реплика-стимул – «Где это?»); кафе *Ты, я и шаурма* (предполагаемый ответ на реплику-стимул «Кто там будет?» в ситуации диалога, когда кто-либо собирается посетить кафе, ресторан, пойти в гости и т. п.); пекарня *Хлеб из тандыра* (ответ на реплику-стимул «Откуда хлеб? / Что за хлеб?»); цветочный салон *Орхидеи тут*, магазины *Двери здесь* и *По пути* (возможные реплики-стимулы – «Где орхидеи?», «Где двери?», «Где магазин?»); эргонимы с частицей «нет» в значении предикатива: установочный центр *Угона нет*, магазин противопожарного оборудования *Огня нет*, магазин разливных напитков *Хочу пива* (как ответ на реплику-стимул «Что ты хочешь?»), клиника *Варикоза нет* (гипотетическая реплика-стимул коммуниканта – посетителя заведения – «Есть...?»); суши-бар *I love sushi* (как ответ на реплику-стимул «Что ты любишь есть?»); магазин японской кухни *Суши даром* (ответ на вопрос о стоимости товаров); автосервис *Невозможное возможно* (возможная реплика-стимул клиента – «Это можно починить?»).

Один эргоним мы выделили в качестве «гибридной» формы реплик-стимулов и реплик-реакций – служба доставки *Хочу. Могу*. Эта номинация представляет собой не оформленный графически диалог, вопросно-ответное единство, в котором один из коммуникантов выражает свою потребность в доставке продуктов, а другой демонстрирует возможность эту потребность удовлетворить, выполнив заказ клиента.

2. Реплики – стандартные ответы: проектная компания *Да! дизайн* (как ответ на стимул – телефонный звонок – с информированием о сути деятельности фирмы); аптечные сети *Будь здоров!* и *На здоровье*, банный комплекс *С лёгким паром!* (как клишированные этикетные формулы).

3. Оценка: специализированный застройщик *Хорошо*, ресторан *Точно Сочно*, салон *Роскошные волосы*, кафе *Клёвое место*, автосервис *Хорошие колёса*, салон красоты *Белиссимо* (итал. *bellissimo* – прекрасно) (возможная реплика-стимул – «Как тебе здесь?»).

Рассмотрим наиболее частотные типы предложений астраханского ономастикона. Среди односоставных предложений преобладают конструкции с глаголом в повелительном наклонении, в том числе с отрицательной частицей (аптека *Не болей-ка*, магазин *Не парься* и др.). Они выполняют функцию прямого обращения к потенциальному коммуниканту и используются номинаторами для создания фак-

тора дружеского участия. При этом «тон» подобного воздействия может варьироваться от напористого, агрессивного (*Рыбу! Лови, Режь! Сверли! Точи!, Мой сам и т. п.*) до мягкого, рекомендательного (*Дыши и чувствуй, Шейте с нами, Подари Астрахань* и др.).

Менее частотными являются группы определённо-личных предложений с глаголами первого лица (парикмахерская *Стрижём и точка*, компания *Строим вместе*, салон массажа *Промассажим*, магазин *Люблю-куплю*, турагентство *Лечу куда хочу* и др.). Встречаются и двусоставные предложения: магазин праздничных товаров *Мы шарим*, кафе-пиццерия *Папа жарит*, суши-бар *I love sushi*, тату-студия *I'm sorry tata*, компания *Мы строим дом*.

Эргонимы-реплики с нулевыми глаголами наиболее ярко репрезентируют присущую разговорной речи ситуативную неполноту. Подобные номинации корректно интерпретируются только в контексте диалога. На нулевой глагол в тексте указывают «грамматические показатели приглагольного члена (принадлежность к определённой части речи, падеж существительного и пр.), которые определяют возможности синтаксической сочетаемости этого члена» [Земская 1973: 293]. Например, название кафе *На высоте* представляет собой усечённый фразеологизм «быть на высоте» со значением ‘удовлетворять самым строгим требованиям, добиваться максимального успеха в поставленных целях’. Фразеологизм построен по принципу метафорического переноса: достигая больших успехов, в глазах других людей человек возвышается, оказывается «на высоте». Астраханское кафе расположено на шестом этаже торгового центра; с его окон и веранды открывается вид на главную достопримечательность города – Кремль. Таким образом, название кафе не только соответствует расположению этого городского объекта, но и вызывает у посетителей ассоциации с успехом, качеством блюд и обслуживанием на высшем уровне. Подобные номинации: кафе-бар *На лайте*, магазин *В гостях у котэйки*, тату-студия *На игле*, секонд-хенд *В порядке вещей*, кафе *Вкусно как дома*, столовая *Vau! Какао*.

Семантическая недостаточность эргонимов-реплик порождает вариативность толкований подобных номинаций адресатами. В работах И.Т. Вепревой [Вепрева 2019; Вепрева, Шалина, Матвеева 2019] интересующие нас онимы дифференцируются по принципу информативности/неинформативности. Информативные эргонимы содержат указание на вид деятельности городского объекта, поэтому у потенциальных клиентов обычно не возникает коммуникативных трудностей: кафе *I love sushi*, парикмахерская *Стрижём и точка*, кафе *Вкусно как дома*, компания *Строим вместе*, пекарня *Хлеб из тандыра* и т. п. К неинформативным эргонимам мы относим онимы, не включающие информации о сфере

деятельности объекта номинации. Часто подобная информация раскрывается только благодаря идентификаторам на вывеске заведений (кафе, автосервис, салон красоты и т. п.). Большую часть этой группы эргонимов-реплик составляют номинации группы «Оценка», подчёркивающие атмосферу заведений: застройщик *Хорошо*, ресторан *Точно Сочно*, кафе *Клёвое место*, салон красоты *Белиссимо* и другие.

Среди неинформативных эргонимов встречаются единицы, обречённые на коммуникативную неудачу по причине различной языковой компетенции адресата и адресанта. Например, в названии магазина праздничных товаров *Мы шарим* использовано слово активной лексики с сильным семантическим полем вне контекста идентичности бренда: *шарить* – ‘хорошо разбираться в чём-либо, понимать, быть компетентным’. Помимо неинформативности, неузнаваемости без идентификатора «магазин праздничных товаров», название включает сленговую лексему, что с большой долей вероятности отрицательно скажется на имидже заведения (сравните: «Мы шарим» / «Мы профессионалы», «Мы умеем»). Это своего рода окказиональный эргоним, поскольку номинатор, очевидно, пытался создать оригинальное название по существующей в русском языке словообразовательной модели: *шар* – *шарить* (т. е. надувать шары на праздник). Однако в первую очередь адресат считает именно контекст, связанный с акцентированием внимания на опыте, профессионализме предоставляющих эту услугу.

Приведём в качестве примера ещё один неудачный эргоним – тату-студия *На игле*. Выражение «сидеть (быть) на игле» означает ‘регулярно употреблять наркотики (внутривенно)’. Возникновение подобных ассоциаций связано с тем, что внимание потенциального потребителя привлечено, но не учтены возможные варианты интерпретации языковой единицы. Таким образом, даже неинформативные номинации городских объектов заключают в себе потенциал для дешифрования интересных названий.

Выводы. Влияние разговорного синтаксиса на формирование городского ономастикона всё чаще привлекает интерес исследователей в аспекте современной языковой культуры. Эргонимы-реплики как относительно новый вид номинации репрезентируют особенности разговорной речи и часто передают специфику спонтанного общения коммуникантов. Вторичная номинация (то есть использование в акте номинации существующей единицы в качестве имени для нового обозначения) городских объектов часто сопряжена с использованием вопросно-ответных конструкций. На таких синтаксических конструкциях (реплика-стимул и реплика-реакция) основано диалогическое общение, поэтому большинство эргонимов-реплик вызывают у адресатов положительные ассоциации. Мы исследовали эргонимы-реплики оно-

мастического пространства Астрахани как синтаксические единицы разговорной речи и пришли к заключению, что даже неинформативные номинации в современном городском ономастиконе свидетельствуют о лингвокреативности номинаторов и дают адресатам возможность самостоятельной интерпретации языковых единиц.

Список литературы

Вепрева И.Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики. 2019. № 16 (4). С. 168–179.

Вепрева И.Т., Шалина И.В., Матвеева Т.В. Русская разговорная речь: аспекты изучения и актуальная проблематика // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 3. С. 919–936.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. Москва: Наука, 1973. 485 с.

Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004. 44 с.

Кузнецов И.А. Национально обусловленные модели фатической диалогической вопросно-ответной коммуникации в современной русской речи: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2020. 244 с.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. Москва: Наука, 1988. 192 с.

Суперанская А.В. Что такое топонимика? Москва: Наука, 1985. 182 с.

Топоров В.Н. О палийской топонимике // Ономастика Востока: Исследования и материалы. Москва: Наука, 1969. С. 31–50.

Шарифуллин Б.Я. Языковое пространство, языковой быт и коммуникативная среда города // Язык города. Бийск: Бийский педагогический гос. ун-т, 2007. С. 45–51.

Шмелева Т.В. Атрактивность городского имени: заведения еды // Journal of applied linguistics and lexicography. 2019. Т. 1, № 1. С. 117–126.

komunikacii v sovremennoj russkoj rechi [Nationally determined models of fatichesky dialogical question-and-answer communication in modern Russian speech]. Nizhnij Novgorod, 2020, 244 p. (In Russ.)

Podol'skaya N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoj terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1988, 192 p. (In Russ.)

Sharifullin B.Ya. *Yazykovoe prostranstvo, yazykovoj byt i kommunikativnaya sreda goroda* [Language space, language life and the communicative environment of the city]. *Yazyk goroda* [The language of the city]. Bijsk, Bijsk Pedagogical State University Publ., 2007, pp. 45–51. (In Russ.)

Shmeleva T.V. *Attraktivnost' gorodskogo imeni: zavedeniya edy* [Attractiveness of the city name: food establishments]. Journal of applied linguistics and lexicography, 2019, vol. 1, № 1, pp. 117–126. (In Russ.)

Superanskaya A.V. *Chto takoe toponimika?* [What is toponymy?] Moscow, Nauka Publ., 1985, 182 p. (In Russ.)

Toporov V.N. *O palijskoj toponomastike* [About Pali toponomastics]. *Onomastika Vostoka: Issledovaniya i materialy* [Onomastics of the East: Research and materials]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 31–50. (In Russ.)

Vepreva I.T. *Sovremennyy ergonimikon: v poiske novyh form vyrazheniya* [Modern ergonymicon: in search of new forms of expression]. *Voprosy onomastiki* [Onomastics questions], 2019, No. 16 (4), pp. 168–179. (In Russ.)

Vepreva I.T., Shalina I.V., Matveeva T.V. *Russkaya razgovornaya rech': aspekty izucheniya i aktual'naya problematika* [Russian colloquial speech: aspects of study and topical issues]. *Quaestio Rossica*, 2019, vol. 7, № 3, pp. 919–936. (In Russ.)

Zherebilo T.V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Nazran', Piligrim Publ., 2010, 486 p. (In Russ.)

Zemskaya E.A. *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian colloquial speech]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 485 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.01.2023; одобрена после рецензирования 24.02.2023; принята к публикации 27.02.2023.

The article was submitted 19.01.2023; approved after reviewing 24.02.2023; accepted for publication 27.02.2023.

References

Kryukova I.V. *Reklamnoe imya: ot izobreteniya do precedentnosti* [Advertising name: from invention to precedent]. Volgograd, 2004, 44 p. (In Russ.)

Kuznecov I.A. *Nacional'no obuslovlennyye modeli faticheskoj dialogicheskoj voprosno-otvetnoj*

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 162–170. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 162–170. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

УДК 347.961

EDN WYBSKP

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-162-170>

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Богданова Екатерина Ильинична, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, katybgdvn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0566-4020>

Бриль Геннадий Геннадьевич, доктор юридических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, g_bril@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4750-8341>

Мельников Иван Николаевич, кандидат юридических наук, Костромской государственный университет, Кострома, Россия, Melnikk44@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4758-5961>

Аннотация. В статье исследуется процесс зарождения и развития нотариальной деятельности в Российском государстве в дореволюционное и советское время. Авторами проанализированы нормативно-правовые акты, регулировавшие нотариальную деятельность на разных этапах ее становления. Отмечается, что зарождение нотариата было обусловлено развитием гражданско-правовых отношений в Российском государстве. Анализ источников правового регулирования позволил провести периодизацию формирования законодательства о нотариальной деятельности. Авторами выделено десять этапов его становления: от издания первых документов, отражавших появление отдельных предпосылок возникновения нотариата, до принятия актов, которыми сопровождалось его учреждение и интенсивное развитие. Авторы указывают на нестабильность правового регулирования нотариальной деятельности в советское время: неоднократно периоды совершенствования института нотариата сменялись его регрессивными преобразованиями. В работе отмечено, что советская власть не раз предпринимала попытки ликвидации института нотариата, однако проведенный анализ истории развития нотариальной деятельности позволил сделать вывод о невозможности нормального функционирования гражданско-правового оборота без нотариальных органов, что указывает на необходимость развития нотариата и на современном этапе.

Ключевые слова: нотариат, нотариальная деятельность, площадные подьячие, нотариальные действия, дореволюционное время, советское время.

Для цитирования: Богданова Е.И., Бриль Г.Г., Мельников И.Н. Этапы становления законодательства о нотариальной деятельности в России // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 162–170. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-162-170>

Research Article

STAGES OF FORMATION OF LEGISLATION ON NOTARY ACTIVITY IN RUSSIA

Ekaterina I. Bogdanova, Kostroma State University, Kostroma, Russia, katybgdvn@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-0566-4020>

Gennadiy G. Bril, Doctor of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, g_bril@ksu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4750-8341>

Ivan N. Melnikov, Candidate of Jural Sciences, Kostroma State University, Kostroma, Russia, Melnikk44@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4758-5961>

Abstract. The article examines the process of origin and development of notary activity in the Russian state in pre-revolutionary and Soviet times. The authors analysed the normative legal acts regulating notary activity at different stages of its formation. It is noted that the rise of the notary was due to the development of civil law relations in the Russian state. The analysis of the sources of legal regulation made it possible to carry out the notarial activity legislation formation periodisation. The authors identified ten stages of its formation – from the publication of the first acts reflecting the emergence of certain prerequisites for the emergence of a notary, to the adoption of acts that accompanied its establishment and intensive development. The authors point to the instability of the legal regulation of notary activity in the Soviet era – repeatedly,

periods of improvement of the institute of notary were replaced by its regressive transformations. The paper notes that the Soviet government did repeatedly attempt to liquidate the institute of notaries; however, the notarial activity development historical analysis led to the conclusion that the normal functioning of civil law turnover is impossible without notary bodies, thus the need for the development of notaries at the present stage is indicated.

Keywords: notary, notary activity, areal clerks, notary actions, pre-revolutionary time, Soviet time.

For citation: Bogdanova E.I., Bril' G.G., Melnikov I.N. Stages of formation of legislation on notary activity in Russia. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 162–170. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-162-170>

История развития мирового нотариата берет свое начало в Древнем Риме. Развитие гражданского оборота в этом государстве обусловило необходимость учреждения должностей писцов (в переводе с латинского языка «notarius» – писарь), которые находились на службе как у государства, так и у частных лиц и исполняли обязанности по оформлению документов и т. п. Несколько позже появились табеллионы, которые не были государственными служащими и составляли юридические акты и судебные бумаги за вознаграждение. Абсолютный прототип нотариата был сформирован в Италии в XIV в. [Асватурова: 41]. В России нотариат как отдельный институт был выделен лишь во второй половине XIX в., однако появление предпосылок к возникновению нотариальной деятельности произошло задолго до этого момента.

Стоит отметить, что среди ученых не сложилось единого мнения относительно даты возникновения первых протонотариальных институтов. Т.В. Зими́на отмечает, что истоки нотариальной деятельности в России берут свое начало в конце XV – начале XVI в. [Зими́на: 111]. А.А. Кулаковская, М.И. Никитин и Л.А. Осипов указывают, что необходимость в осуществлении ряда нотариальных функций возникла еще в Киевской Руси X в. [Кулаковская: 385; Никитин, Осипов: 43]. Аналогичной позиции придерживается А.Г. Галикеева, отмечая, что зарождение нотариальной деятельности имело место в период правления князя Олега, заключившего ряд договоров с греками [Галикеева: 61]. Н.И. Комаров отмечает, что необходимость в совершении нотариальных действий возникает вместе с появлением собственности и ее правового регулирования, однако учреждение нотариата в этот период невозможно в связи с низким уровнем развития права [Комаров: 13].

На наш взгляд, закрепление в памятниках русского права X в. норм, устанавливающих порядок совершения ряда юридически значимых действий, позволяет говорить о начале планомерного развития правовой системы и о возникновении отдельных предпосылок к появлению нотариальной деятельности. Исходя из этого, определим временные рамки первого этапа развития нотариальной деятельности в Российском государстве:

с X в. по 1497 г. – период, для которого характерно наличие норм, определяющих особенности регулиро-

вания договорного права в целом, а не специальных норм, составляющих институт нотариата. Указанные нормы послужили предпосылкой к формированию нотариальной деятельности.

Анализ положений Русской Правды показывает, что для совершения некоторых сделок необходимо было соблюдение особой формы. К примеру, ст. 102 гласила: «Холопство обелное трое: оже кто хотя купить до полу гривны, а послухи поставить, а ногату дать перед самем холопомь»¹. Согласно указанной норме договор купли-продажи холопа признавался действительным только при условии присутствия минимум двух свидетелей при его заключении. Как отмечает Н.В. Демина, институт свидетелей, присутствующих при заключении сделки и фиксирующих данный факт, заменял собой нотариат [Демина: 9].

Псковская Судная грамота сохраняет институт свидетелей: согласно ст. 100 договор дарения должен был заключаться или в присутствии священника, или при свидетелях, – однако происходит постепенный переход к письменной форме заключения договора: исходя из смысла ст. 10–13, договор купли-продажи недвижимого имущества требовал письменного оформления².

Данные нормы, на наш взгляд, говорят лишь о совершенствовании договорного права, а не о возникновении нотариата в России. Появление института, которому были присущи функции, аналогичные нотариальным, произошло в конце XV в. Полагаем, это позволяет определить начало второго этапа становления нотариальной деятельности:

с 1497 г. по 1649 г. – период появления первых протонотариальных органов. Начало данного этапа связано с принятием Судебника Ивана III 1497 г., которым в Российском государстве был учрежден институт «подьячих». Согласно ст. 22 «подьячему, который грамоту правую напишет», полагалось вознаграждение «с рубля по три деньги»³. В Судебнике Ивана IV 1550 г. указанная норма была сохранена. Таким образом, появилось новое сословие, представители которого оформляли документы за плату. Составленные ими грамоты в обязательном порядке регистрировались в Оружейной палате. Деятельность представителей этого профессионального сословия находилась под надзором Приказа крепостных дел. Подьячие объединялись в артели, контролируемые старостами [Никитин, Осипов: 44].

Форма заключения договора, подобная нотариальной, нашла свое отражение в «Приговоре о служилых холопах» царя всея Руси Федора Иоанновича от 1 февраля 1597 г. Согласно ст. 1 документа предусматривалась особая форма договора – «крепостная». Крепость утверждалась дьяком и записывалась в специальную книгу Холопьяго приказа⁴.

Временные рамки следующего этапа развития законодательства, регулирующего нотариальную деятельность, ограничим периодом с 1649 г. по 1866 г.

Считаем справедливым мнение А. Тасмана, согласно которому Соборное уложение 1649 г. положило начало новому этапу развития нотариата в России, поскольку в этом акте были систематизированы нормы, регулировавшие его до этого момента [Берова, Москаленко: 37]. Не можем не согласиться с тем, что систематизация в указанном памятнике права актов, касавшихся крепостной формы совершения сделок и деятельности площадных подьячих, позволяет говорить о более высоком уровне правового регулирования нотариальной деятельности.

Как отмечает Асватурова, именно в Соборном уложении 1649 г. произошло закрепление исключительного права площадных подьячих на «площадное письмо» [Асватурова: 42]. Действительно, подтверждение этому содержится в ряде статей указанного памятника права, в частности в ст. 246, которая гласила: «...а мимо площадных подьячих и без послухов никому ни на кого крепостей не писати»⁵. Крепости, составляемые площадными подьячими, записывались в книги соответствующего приказа, за что уплачивалась пошлина, после чего к ним прикладывалась государственная печать в Печатном приказе. В приказах хранились не только документы, но и информация о владении недвижимой собственностью [Шаповалова: 14].

Часть функций, подобных нотариальным, была отражена в Указе от 30 марта 1688 г.⁶ Документ предписывал регистрировать сделки по продаже вотчинных крестьян в Поместном приказе, взимая за это плату в размере «пошлины с рубля по алтыну», а с крепостей, в которых «денег не написано», – «с человека по три алтына».

Реформы Петра I, затронувшие многие сферы, коснулись и нотариальной деятельности. Стремясь искоренить произвол со стороны площадных подьячих, злоупотреблявших отсутствием прямого контроля за их деятельностью, царь осуществил ряд преобразований. Указом от 22 января 1699 г. Петр I ввел гербовую бумагу и предписал «под сею мерою герба писать всякие крепости». Изготовлением гербовой бумаги ведал Оружейный приказ, а составление крепостей на обычной бумаге влекло их недействительность. Институт площадных подьячих был ликвидирован Указом Петра I от 9 декабря 1699 г. [Кабашов: 29]. Указом Петра I от 1 января 1700 г. было пред-

писано «всякия крепости писать в Ратуше, Ратушския Палаты добрым подьячим, а не площадным»⁷. Однако уже в 1701 г. был восстановлен институт площадных подьячих в виде «подьячих крепостных дел». Надзор за их деятельностью стала осуществлять Оружейная палата [Кабашов: 29]. Указом Петра I от 8 января 1706 г. крепостные дела были переданы в ведение Ратуш, Указом от 31 октября 1711 г. была создана Палата крепостных дел, но уже в 1719 г. Указом от 20 октября ведение над крепостными делами было передано Юстиц-коллегии и учрежденной при ней Конторе крепостных дел [Беляев: 885].

В Вексельном уставе от 16 мая 1729 г., принятом в годы правления Петра II, впервые в истории российского законодательства появляется термин «нотариус». Устав возлагал на «публичного нотариуса» обязанность принимать протесты при отказе должников совершать платежи по векселю⁸. Несколько позже, в 1781 г., были учреждены должности нотариусов в сфере торговых сделок, а в 1831 г. – биржевых нотариусов [Никитин, Осипов: 44].

При Екатерине II совершение крепостных актов было возложено на уездные суды и палаты гражданских судов [Кулаковская: 386]. Е.А. Кириллова отмечает, что процедура составления письменных актов при судах нашла свое отражение в Своде законов Российской империи и имела следующий вид: письменный акт об отчуждении крепостных людей и недвижимости составлялся крепостными писцами и надсмотрщиками, а затем направлялся на рассмотрение присутствия суда, где осуществлялась проверка личности каждой из сторон сделки, право лиц на отчуждение имущества, а также отсутствие иных противоречащих закону обстоятельств [Кириллова: 8]. Отметим, что данная процедура схожа с существующим на сегодняшний день порядком нотариального удостоверения сделок.

Следующий этап развития законодательства о нотариате длился с 1866 г. по 1917 г. Это период учреждения нотариата и его интенсивного развития в Российской империи. В годы правления Александра II сферу нотариальной деятельности затронули серьезные преобразования. Правление императора было ознаменовано проведением «великих реформ». В рамках судебной реформы произошло учреждение нотариата в Российской империи. 14 апреля 1866 г. было принято Положение о нотариальной части⁹, ставшее нормативно-правовой основой функционирования нотариата. С этого момента нотариат стал самостоятельным правовым институтом и был отделен от судебной власти.

Изначально Положение включало 4 раздела, состоящих из 217 статей.

Первый раздел содержал нормы об устройстве нотариальной части. Нотариусы определялись в «столи-

цахъ, губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а въ случаѣ надобности – въ уѣздахъ»⁹. В местах, где не учреждалась или не была замещена должность нотариуса, нотариальные функции выполняли мировые, городские судьи или уездные члены окружного суда (ст. 2). Ст. 5 предусматривала требования, предъявляемые к лицу, претендующему на должность нотариуса: им мог быть лишь совершеннолетний российский подданный, не опороченный судом или общественным приговором, а также не занимающий иные должности государственной или общественной службы. Согласно ст. 8 Положения претендент обязан был внести залог для обеспечения взыскания в случае ненадлежащего исполнения обязанностей нотариуса. Правовой статус нотариусов имел свои особенности: несмотря на то, что нотариусы состояли на государственной службе и им присваивался VIII класс по должности, они, согласно ст. 17, не имели права на присвоение чинов, выплату пенсии, а их труд не оплачивался государством. Кроме того, существовало нетипичное для нашего времени деление нотариусов на старших и младших.

Второй раздел Положения устанавливал круг и порядок действий младших нотариусов. В их обязанности входили: совершение актов всякого рода, за исключением актов в отношении близких родственников; выдача выписок из актовых книг и копий актов; засвидетельствование явки актов; принятие на хранение документов и составление проекта раздела наследства (ст. 65).

Круг и порядок действий старших нотариусов был регламентирован третьим разделом Положения. Ст. 154 на старшего нотариуса были возложены: заведывание нотариальным архивом; выдача выписок из хранящихся в этом архиве актовых книг и копий документов; утверждение актов о недвижимом имуществе; выдача свидетельств на имения, предоставляемые в залог, и др.

Четвертый раздел Положения был посвящен нотариальным издержкам, включавшим в себя казенные пошлины, сборы с нотариальных актов, плату нотариусу за совершение актов и засвидетельствований и выдачу выписок и копий, в том числе из нотариального архива, крепостных книг и реестров крепостных дел (ст. 193). Согласно ст. 208 за каждое нотариальное действие нотариусы, независимо от указанных издержек, получали плату в свою пользу. Ее размер определялся соглашением с клиентом, а при недостижении согласия – по особой таксе, устанавливаемой Министерством юстиции совместно с Министерством внутренних дел и финансов.

В последующие годы содержание Положения претерпевало изменения. В 1875 г. оно было дополнено пятым разделом, посвященным нотариальной части в губерниях Варшавского судебного округа,

а в 1889 г. – разделом шестым о нотариальной части в Прибалтийских губерниях. Положение о нотариальной части действовало вплоть до 1917 г., а многие его нормы легли в основу современного законодательства о нотариате.

Начало следующего периода развития нотариата связано с Октябрьской революцией 1917 г. и принятием советской властью актов, направленных на упразднение действовавших ранее органов и учреждений.

Отметим, что исследователи нередко пренебрегают выделением этапов в развитии законодательства, регулировавшего нотариальную деятельность в советское время. К примеру, Зимина выделяет пять периодов становления нотариата, среди которых время с 1917 г. по 1993 г. представляет собой один неделимый этап [Зимина: 112]. Полагаем, что развитие правового регулирования нотариальной деятельности в советском законодательстве целесообразно разделить на этапы, исходя из того, что периоды совершенствования института нотариата сменялись его регрессивными преобразованиями.

Определим временные рамки пятого этапа развития нотариата периодом с 1917 г. по 1921 г. В это время происходили снижение роли нотариата и ликвидация отдельных нотариальных органов.

Стоит отметить, что с приходом новой власти в 1917 г. не было издано общереспубликанского акта об упразднении нотариальных учреждений царского времени. 24 ноября 1917 г. Совет народных комиссаров РСФСР (далее – СНК РСФСР) принял декрет «О суде»¹⁰, которым были упразднены действовавшие на тот момент судебные установления. Ликвидация окружных судов привела к закрытию находившихся при них нотариальных архивов. Нотариат не был упразднен данным актом, однако коренные изменения в иных сферах, например отмена частной собственности, значительно снизили значение этого правового института. Советская власть воспринимала нотариат как институт «полукommerческого типа», действующий с извлечением выгоды, а, стало быть, не соответствующий условиям советского строя, о чем несколько позже, 10 ноября 1923 г., было написано в «Еженедельнике юстиции» [Трунев: 1015]. 23 марта 1918 г. СНК Москвы и Московской губернии принял Положение о муниципализации нотариальных контор [Зимина: 112]. Имущество нотариальных контор было муниципализовано, они закрывались на всей территории государства, а в ряде городов вместо них создавались нотариальные отделы при местных Советах, возглавляемые «народными нотариусами». Однако и они были ликвидированы циркуляром Народного комиссариата юстиции РСФСР (далее – НКЮ РСФСР) № 9 от 9 декабря 1918 г., а их функции были переданы частично – народным судьям, частично – отделам юстиции.

В период осуществления политики «военного коммунизма» значение нотариальных учреждений значительно снизилось, количество совершаемых сделок сводилось к минимуму. Циркулярами НКЮ РСФСР № 20 от 27 августа 1920 г. и № 24 от 2 октября 1920 г. были ликвидированы нотариальные отделы. Однако востребованность в нотариальных услугах возникла вновь, когда государство взяло курс на проведение новой экономической политики. Началось постепенное возрождение нотариальной деятельности. На наш взгляд, этим обусловлено начало нового этапа развития законодательства о нотариате, в который был создан советский нотариат и учреждены новые нотариальные органы.

Период с 1921 г. по 1930 г. начался с принятия декрета СНК РСФСР от 12 августа 1921 г., который предусматривал учреждение нотариальных столов при губернских отделах юстиции и уездных бюро юстиции и закреплял за ними функции по засвидетельствованию сделок. В то же время была установлена обязательная нотариальная форма для ряда сделок, круг которых был очень узок: договоры государственного подряда и поставки, акты отчуждения строений. Нотариальная деятельность постепенно развивалась, началась работа над созданием советского нотариата.

НКЮ РСФСР разработал проект положения о нотариате, который был принят Совнаркомом 4 октября 1922 г.¹¹ Данным актом был учрежден государственный нотариат, начался следующий этап развития нотариальной деятельности. Уже в октябре 1922 г. в Москве было открыто четыре нотариальных конторы, в иных губерниях этот процесс начался в начале 1923 г. Согласно статистическим данным, представленным в «Еженедельнике советской юстиции», к 1 июля 1923 г. на территории РСФСР действовало 398 нотариальных контор. Если в первой четверти 1923 г. было совершено 123 905 нотариальных действий, то во второй четверти того же года – уже 149 961 нотариальное действие [Трунев: 1016]. Полномочия нотариусов были расширены, в их число входили: совершение актов, для которых законом установлен нотариальный порядок; засвидетельствование договоров, заключаемых государственными, кооперативными, общественными учреждениями, предприятиями, организациями между собой и с частными лицами; совершенствование и засвидетельствование по желанию сторон таких договоров, которые не требуют по закону нотариального совершения или засвидетельствования; совершение протеста векселей и др. Данные полномочия сохранились за нотариатом и с принятием декрета от 24 августа 1923 г. «О введении в действие Положения о государственном нотариате»¹², отменившего действие прежнего Положения.

14 мая 1926 г. Центральный исполнительный комитет (далее – ЦИК) и СНК СССР приняли постановление «Об основных принципах организации государственного нотариата»¹³. В ст. 2 постановления было обозначено место нотариата в системе государственных органов: государственные нотариальные конторы состояли в ведении уездных и равных им по уровню судов. В акте были отражены принципы, действующие в несколько измененном виде и по сей день. К примеру, согласно ст. 4 нотариусы не могли занимать иные государственные должности, за исключением выборных и преподавательских, участвовать в торговых и промышленных предприятиях и т. д. Вознаграждение за труд нотариусы получали исключительно от государства (ст. 6), а за совершение нотариальных действий выплачивались сборы, которые поступали на счет народных комиссариатов юстиции и для которых законодательством союзных республик устанавливались таксы (ст. 7). Примером такого акта может служить Постановление СНК РСФСР от 29 июля 1927 г.¹⁴

21 декабря 1927 г. содержание государственных нотариальных контор было переведено на государственные бюджеты союзных республик¹⁵.

Следующий этап развития законодательства о нотариате определим периодом с 1930 г. по 1936 г., когда государство вновь стремилось минимизировать роль нотариата, делегируя его функции иным государственным органам, что приводило к сокращению количества нотариальных контор в СССР.

В 1930 г. было принято новое Положение о Государственном нотариате РСФСР¹⁶. В нем нашло отражение тенденция к снижению значимости нотариата. В частности, районные или соответствующие им исполнительные комитеты, а также городские советы городов и поселков, не являющихся районными центрами, в населенных пунктах, где не было нотариальных контор, могли выполнять абсолютно все нотариальные действия, которые были уполномочены совершать государственные нотариальные конторы. Это привело к сокращению количества нотариальных контор в СССР: в 1935 г. действовало лишь 122 конторы, из них 74 – в РСФСР¹⁷. В статье «Что есть нотариус», опубликованной в 1935 г. в журнале «Советская юстиция», было отмечено, что население стремилось обращаться за совершением нотариальных действий не в Советы, а к нотариусам, что приводило к большой перегрузке нотариальных контор. К примеру, в Москве осталась лишь одна нотариальная контора, а количество ее посетителей ежедневно достигало 800 человек. В Советах не была налажена четкая система совершения нотариальных действий, в ходе выборочной проверки было выявлено, что 90 % нотариальных надписей были совершены с нарушением закона [Кодинцев: 39–42].

Происходившее разрушение системы нотариата показало его значимость для упорядочения гражданского оборота, поэтому государство приняло меры по его возрождению и расширению функций нотариальных органов, что, по нашему мнению, составило новый виток развития нотариата – с 1936 г. по 1941 г.

10 июня 1936 г. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О реорганизации нотариальных органов»¹⁸ нотариальные действия были изъяты из ведения Советов и переданы нотариальным конторам и нотариальным столам при народных судах. Этим актом были расширены функции нотариата: оформление наследственных прав, выдача залоговых свидетельств, право признания гражданина умершим или безвестно отсутствующим и т. д. Выдача судебных приказов также перешла в компетенцию нотариусов. В иных союзных республиках были приняты аналогичные постановления.

Предпринятые меры привели к росту числа совершаемых нотариальных действий и увеличению количества нотариальных контор. Уже в 1937 г. их число в СССР возросло до 1 537 [Кодинцев: 39–42].

В 1940 г. было принято Постановление СНК РСФСР «Об организации и руководстве деятельностью нотариальных контор РСФСР»¹⁹. Интересным является факт, что в 1940 г. существовало деление нотариусов на старших и младших, которое впервые мы увидели в положении 1866 г. Однако анализ актов показывает, что сходство в этом делении имеется лишь терминологическое, поскольку теперь старшие нотариусы не были ограничены кругом нотариальных действий, закрепляемых за старшими нотариусами в Положении 1866 г. Разница состояла в месте нахождения нотариальных органов. В п. 3 Постановления было установлено, что в республиканских, краевых и областных центрах свою деятельность осуществляли старшие нотариусы, а во всех остальных нотариальных конторах – нотариусы.

Следующий этап начался в 1941 г. и закончился в 1945 г. Особенность данного этапа заключается в том, что его выделение связано не с коренными преобразованиями в сфере нотариальной деятельности, а с началом Великой Отечественной войны в 1941 г., вследствие чего был принят ряд актов, определяющих порядок совершения нотариальных действий в военное время.

В годы Великой Отечественной войны число нотариальных контор стало сокращаться, большая часть нотариусов была призвана на фронт. Если 1 июля 1941 г. на территории РСФСР действовала 1 251 нотариальная контора, то 1 октября 1942 г. – уже 557 нотариальных контор.

Период военного времени нашел отражение в законодательстве о нотариате. Был принят ряд актов, регулировавших деятельность нотариусов во вре-

мя войны. К примеру, директивным письмом Д-42 от 28 апреля 1942 г. был определен порядок засвидетельствования копий документов, предоставленных военными служащими; 15 апреля 1942 г. СНК СССР принял постановление, которым определил порядок удостоверения командирами воинских частей и начальниками госпиталей завещаний и доверенностей военными служащими.

С окончанием войны вновь произошел подъем нотариальной деятельности²⁰. Начался период планомерного развития законодательства, регулирующего нотариальную деятельность в Советском государстве, который длился с 1947 г. по 1993 г. Нотариат более не подвергался попыткам упразднения со стороны государства, напротив, принимаемые акты были направлены на поддержание стабильности нотариальной деятельности.

31 декабря 1947 г. было принято новое Положение о государственном нотариате²¹. Согласно ст. 11 Положения нотариальные действия наряду с нотариусами могли совершать исполнительные органы сельских Советов депутатов трудящихся. Нотариусом, согласно этому акту, могло стать лицо, имеющее среднее или высшее юридическое образование или ранее замещавшее ряд должностей (судьи, прокурора и пр.) в течение двух лет (ст. 5). Требование об образовании было установлено впервые. Согласно ст. 7 Положения, руководство нотариальными органами осуществляло Министерство юстиции РСФСР.

Количество актов, регулирующих нотариальную деятельность, постоянно росло. В 1965 г. было принято новое Положение о государственном нотариате²². В Положении перед нотариатом были поставлены задачи укрепления социалистической законности, предупреждения правонарушений, охраны прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Были повышены требования к уровню образования нотариуса – им могло стать лицо, имеющее высшее юридическое образование (ст. 13). Кардинальных изменений Положением произведено не было. Его принятие было обусловлено введением в действие новых Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов.

В 1973 г. был принят Закон СССР «О государственном нотариате», в соответствии со ст. 2 которого в республиках должны были приниматься свои законы о нотариате. В связи с этим был принят Закон РСФСР от 2 августа 1974 г. «О государственном нотариате»²³, который также не внес существенных изменений и действовал вплоть до момента принятия Основ законодательства РФ о нотариате в 1993 г.

Таким образом, в истории правового регулирования нотариальной деятельности в дореволюционном и советском законодательстве наблюдались периоды подъема и спада его развития. Проведенный анализ законодательства о нотариате позволяет условно раз-

делить историю развития нотариальной деятельности в Российском государстве на десять этапов.

Ключевым моментом развития законодательства о нотариате в дореволюционное время, несомненно, стало принятие Положения о нотариальной части в 1866 г. На содержание акта существенное влияние оказала рецепция зарубежного опыта, а отдельные нормы Положения находят отражение и в современном законодательстве, регулирующем нотариальную деятельность.

В советское время государство не раз пыталось ликвидировать институт нотариата, что ясно прослеживается в первых документах советской власти, рассмотренных нами, Положении о Государственном нотариате РСФСР 1930 г. и иных нормативно-правовых актах. Отметим, что советская власть полностью отказалась от использования дореволюционного опыта регулирования нотариальной деятельности, что негативно отразилось на последовательном развитии нотариата. Несмотря на множество проблем, с которыми столкнулся нотариат за годы своего существования, государство осознало невозможность нормального функционирования гражданско-правового оборота без нотариальных органов и вернуло нотариату былое значение. Существенное обновление нотариального законодательства произошло в 1993 г., что обуславливается переходом к рыночным экономическим отношениям. С этого момента начинается современный период развития нотариальной деятельности. В настоящее время, как и в разные периоды своей истории, нотариат – это институт, призванный обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Неоспоримая важность нотариата для укрепления законности и правопорядка, предупреждения правонарушений путем удостоверения сделок обуславливает необходимость изучения и совершенствования законодательства о нотариальной деятельности на современном этапе его развития.

Примечания

¹ Русская Правда (пространная редакция) // Древнерусская литература: сайт. URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/russkaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm> (дата обращения: 07.11.2022).

² Псковская Судная грамота // Библиотека древних рукописей: сайт. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovc_sud_gr/text.php (дата обращения: 07.11.2022).

³ Судебник 1497 г. // Заметки на полях: сайт. URL: <http://his95.narod.ru/1497.htm> (дата обращения: 07.11.2022).

⁴ Приговор о служилых холопах от 1 февраля 1597 г. // Хрестоматия по истории СССР. XVI–

XVII вв. Москва, 1962. С. 209–213. URL: <https://studfile.net/preview/2794910/page:5/> (дата обращения: 09.11.2022).

⁵ Соборное Уложение 1649 г. // Электронная библиотека Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: сайт. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 14.11.2022).

⁶ О записи купчих и поступных на вотчинных и поместных крестьян в Поместном приказе, а кабал и ссудных записей – в приказе Холопьяго суда и о взыскании пошлин с этих крепостных актов: Указ от 30 марта 1688 г. // Legislation.live: сайт. URL: https://legislation.live/gosudarstva_prava_istoriya/1688-marta-ukaz-zapisi-kupchih-postupnyih-94381.html (дата обращения: 15.11.2022).

⁷ О писании всяких крепостей в Ратуше, а на извозчиков нанимающихся возить товары, в Московской Таможне: Указ Петра I от 1 января 1700 г. // История Государства Российского в документах и фактах: сайт. URL: <http://www.historyru.com/docs/rulers/piter-1/piter-1-doc-1740.html#/overview> (дата обращения: 17.11.2022).

⁸ Устав вексельный: Устав от 16 мая 1729 г. // Гарант: справ. правовая система. URL: <https://base.garant.ru/55006736/> (дата обращения: 22.11.2022).

⁹ Положение о нотариальной части от 14 апреля 1866 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire_iframe&bpas=303 (дата обращения: 22.11.2022).

¹⁰ О суде: Декрет СНК от 24.11.1917 // Гарант-Сервис: сайт. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5312/> (дата обращения: 29.11.2022).

¹¹ Положение о государственном нотариате: Декрет СНК от 04.10.1922 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901869002> (дата обращения: 30.11.2022).

¹² О введении в действие Положения о государственном нотариате: Декрет СНК РСФСР от 24.08.1923 г. // Интернет архив законодательства СССР: сайт. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1803.htm (дата обращения: 30.11.2022).

¹³ Об основных принципах организации государственного нотариата: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14.05.1926 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901869000> (дата обращения: 05.12.2022).

¹⁴ Об утверждении Правил оплаты нотариальных действий, таксы оплаты их, перечня изъятий по нотариальному сбору и таксы оплаты технических услуг, оказываемых нотариальными конторами: Постановление СНК РСФСР от 29.07.1927 г. // E-ecolog.ru: сайт. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/HhQ2CJqOLGeznZbXxCo-M> (дата обращения: 05.12.2022).

¹⁵ О переводе нотариальных органов на государственный бюджет: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 21.12.1927 г. // E-ecolog.ru: сайт. URL: https://e-ecolog.ru/docs/KQ64TNOR8x_BRKwIkEUao (дата обращения: 05.12.2022).

¹⁶ О введении в действие Положения о Государственном нотариате РСФСР: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20.07.1930 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901868996> (дата обращения: 05.12.2022).

¹⁷ История нотариата в России // Федеральная нотариальная палата: официальный сайт. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/federal-notary-chamber/o-notariate/istoriya/istoriya-notariata-v-rossii/> (дата обращения: 07.12.2022).

¹⁸ О реорганизации нотариальных органов: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.06.1936 г. // E-ecolog.ru: сайт. URL: https://e-ecolog.ru/docs/Ty4PME1Mpaomg3wp_KzYD (дата обращения: 07.12.2022).

¹⁹ Об организации и руководстве деятельностью нотариальных контор РСФСР: Постановление СНК РСФСР от 20.07.1940 г. № 575 // E-ecolog.ru: сайт. URL: <https://e-ecolog.ru/docs/hIMDI3TQgEKJ6cMLv6m0k> (дата обращения: 07.12.2022).

²⁰ Нотариат в период Великой Отечественной войны: самоотречение во имя профессии // Федеральная нотариальная палата: официальный сайт. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/notariat-v-period-velikoi-otechestvennoi-voiny-samootrenchenie-vo-imia-professii> (дата обращения: 07.12.2022).

²¹ Об утверждении Положения о государственном нотариате РСФСР: Постановление Совмина РСФСР от 31.12.1947 г. № 980 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901868998> (дата обращения: 08.12.2022).

²² Об утверждении Положения о государственном нотариате РСФСР: Указ Президиума ВС РСФСР от 30.09.1965 г. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=14141#sVERITZ7sJLo7Uc> (дата обращения: 08.12.2022).

²³ О государственном нотариате: Закон РСФСР от 2 августа 1974 г. // Гарант: справочно-правовая система. URL: <https://base.garant.ru/5218907/> (дата обращения: 08.12.2022).

Список литературы

Асватурова М.Б. История возникновения нотариата в России // Нотариус. 2014. № 5. С. 40–44.

Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / предисл. А.Д. Каплина, отв. ред. О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2011. 896 с.

Берова Д.М., Москаленко И.В. Формирование российского нотариата в дореволюционный период и его роль в гражданском обороте // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2. С. 36–39.

Галикеева И.Г. Из истории возникновения нотариата в России // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 1 (43). С. 60–65.

Демина Н.В. Формирование и развитие нотариата в контексте эволюции государственности России: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2010. 19 с.

Зимина Т.П. История развития института нотариата в России // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 1. С. 111–113.

Кабашов С.Ю. Организация работы с обращениями граждан в истории России: учеб. пособие. Москва: Флинта: Наука, 2010. 312 с.

Кириллова Е.А. Нотариат: учеб. пособ.; под ред. Р.А. Курбанова. Москва: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2017. 115 с.

Кодинцев А.Я. Разрушение и восстановление системы советского нотариата в середине 30-х годов XX в. // Нотариус. Москва: Юрист, 2006. № 4. С. 39–42.

Комаров Н.И. Нотариат в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2004. 23 с.

Кулаковская А.А. Историческая характеристика становления контроля и надзора в сфере нотариата // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 385–388.

Никитин М.И., Осипов А.Л. История развития нотариата в России // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 43–46.

Трунев П. О государственном нотариате РСФСР // Ежедневник советской юстиции. 1923. № 44. С. 1015–1017.

Шановалова Л.Л. Становление и развитие института нотариата в России: Историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2000. 25 с.

References

Asvaturova M.B. *Istoriia vozniknoveniia notariata v Rossii* [The history of the notary in Russia]. *Notarius* [Notary], 2014, No. 5, pp. 40-44. (In Russ.)

Beliaev I.D. *Lektsii po istorii russkogo zakonodatel'stva* [Lectures on the history of Russian legislation], ed. by O.A. Platonov. Moscow, Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2011, 896 p. (In Russ.)

Berova D.M., Moskalenko I.V. *Formirovanie rossiskogo notariata v dorevoliutsionnyi period i ego rol' v grazhdanskom oborote* [Formation of the Russian notary in the pre-revolutionary period and its role in civil

turnover]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2006, No. 2, pp. 36-39. (In Russ.)

Galikeeva I.G. *Iz istorii vozniknoveniia notariata v Rossii* [From the history of the notary in Russia]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriia i praktika* [The rule of law: theory and practice], 2016, No. 1 (43), pp. 60-65. (In Russ.)

Demina N.V. *Formirovanie i razvitie notariata v kontekste evoliutsii gosudarstvennosti Rossii: istoriko-pravovoi aspekt: avtoref. dis. ... kand. iuridicheskikh nauk* [Formation and development of the Notary in the context of the Evolution of Russian Statehood: historical and legal aspect: PhD thesis, summary]. Saint Petersburg, 2010, 19 p.

Kabashov S.Iu. *Organizatsiia raboty s obrashcheniiami grazhdan v istorii Rossii: ucheb. posobie* [Organization of work with citizens' appeals in the history of Russia: study guide]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2010, 312 p. (In Russ.)

Kirillova E.A. *Notariat: ucheb. posob* [Notary Public: study guide], ed. by R.A. Kurbanova. Moscow, REU im. G.V. Plekhanova Publ., 2017, 115 p. (In Russ.)

Kodintsev A.Ia. *Razrushenie i vosstanovlenie sistemy sovetskogo notariata v seredine 30-kh godov XX v.* [Destruction and restoration of the Soviet notary system in the mid-30s of the XX century]. *Notarius* [Notary]. Moscow, Iurist Publ., 2006, No. 4, pp. 39-42. (In Russ.)

Komarov N.I. *Notariat v Rossiiskoi imperii vo vtoroi polovine XIX - nachale XX v.: avtoref. dis. ... and. iurid. nauk* [Notary in the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX century: PhD thesis, summary]. Moscow, 2004, 23 p. (In Russ.)

Kulakovskaia A.A. *Istoricheskaia kharakteristika stanovleniia kontroliia i nadzora v sfere notariata* [Historical characteristics of the formation of control and supervision in the field of notary]. *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia* [Theory and practice of social development], 2012, No. 8, pp. 385-388. (In Russ.)

Nikitin M.I., Osipov A.L. *Istoriia razvitiia notariata v Rossii* [The history of the development of the notary in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2014, No. 2, pp. 43-46. (In Russ.)

Trunev P. *O gosudarstvennom notariate RSFSR* [About the State Notary of the RSFSR]. *Ezhenedel'nik sovetskoi iustitsii* [Weekly of Soviet Justice], 1923, No. 44, pp. 1015-1017. (In Russ.)

Shapovalova L.L. *Stanovlenie i razvitie instituta notariata v Rossii: Istoriko-pravovoi aspekt: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Formation and development of the Institute of Notary in Russia: Historical and legal aspect: PhD thesis, summary]. Stavropol, 2000, 25 p. (In Russ.)

Zimina T.P. *Istoriia razvitiia instituta notariata v Rossii* [The history of the development of the Institute of Notary in Russia]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 2009, No. 1, pp. 111-113. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одобрена после рецензирования 08.02.2023; принята к публикации 08.02.2023.

The article was submitted 13.01.2023; approved after reviewing 08.02.2023; accepted for publication 08.02.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 171–180. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 171–180. ISSN 1998-0817

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Научная статья

УДК 341.3

EDN WZUQZW

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-171-180>

ПРАВОПОНИМАНИЕ ЗАКОННОСТИ ОБСТРЕЛОВ АТОМНЫХ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Метельков Александр Николаевич, кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева, Санкт-Петербург, Россия, metelkov5178@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6113-8981>

Аннотация. В 2022 году актуальность обстрелов атомных электростанций и нападений на них впервые стала чрезвычайно опасной реальностью. Целью статьи является теоретико-правовой анализ санкционированных государством обстрелов атомных электростанций, реально угрожающих международному миру и безопасности, государству и обществу на основе толкования источников позитивного права. Угрозы ядерной катастрофы, возникающие вследствие вооруженных действий и террористической деятельности, подрывают государственную, общественную и радиационную безопасность, создают опасность нанесения ущерба окружающей среде. В период обострения глобального противостояния, в эпицентре которого оказалась Россия, актуально углубление правового содержания противодействия ядерному терроризму для теоретического обоснования выработки государственно-правовых ограничительных мер по правовому регулированию применения военных действий в отношении атомных электростанций или вблизи них ввиду опасности возбуждения разрушительных ядерных сил и радиационного заражения людей и загрязнения территорий. Выработка правовых норм, ограничивающих военную и диверсионно-террористическую деятельность государств в отношении ядерных объектов на международном и национальном уровнях, позволит минимизировать угрозы ядерной и радиационной безопасности.

Ключевые слова: ядерный терроризм, государство, право, регулирование, теория систематизации законодательства, угрозы, риск, радиационные последствия.

Для цитирования: Метельков А.Н. Правопонимание законности обстрелов атомных электростанций в современной юридической науке // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 171–180. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-171-180>

Research Article

UNDERSTANDING THE LEGALITY OF NUCLEAR FACILITY SHELLING IN CONTEMPORARY LEGAL SCHOLARSHIP

Alexander N. Metelkov, Candidate of Law, St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after the Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev, St. Petersburg, Russia, e-mail metelkov5178@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6113-8981>

Annotation. The potential for shelling and attacking nuclear power plants for the first time became an extremely dangerous reality in 2022. What is the purpose of this article, is legal-theoretical analysis of nuclear power plants shelling that would be state-sanctioned and unequivocally threaten world peace and global security, as well as the state and society; it is an analysis based on an interpretation of the sources of positive law. The threats of nuclear catastrophe, which may result from warfare and terrorist acts, loom over the state, society and the planet's radiation balance, creating the potential for environmental damage. At a time of escalating global confrontation with Russia, deepening the legal content of counter-nuclear terrorism to theorise and develop state-legal restrictive measures to legally limit military activities at nuclear power plants or in their immediate vicinity is relevant because of the danger of releasing destructive nuclear forces, radioactive contamination of people and territorial pollution. Developing legal norms that would limit military and subversive-terrorist activities of certain states in relation to nuclear facilities at the international and national levels would minimise threats to nuclear and radiation safety.

Keywords: nuclear terrorism, state, law, regulation, legislation systematisation theory, threats, risk, radiation consequences.

For citation: Metelkov A.N. Understanding the legality of nuclear facility shelling in contemporary legal scholarship. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, No. 1, pp. 171–180. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-171-180>

Введение. XXI век стал свидетелем серьезных вызовов традиционному мнению, что международное гуманитарное право регулирует применение силы в вооруженных конфликтах [Watkin: 1], в которых обеспечение безопасности ядерных объектов – это проблема не одного государственного органа, государства, а всех стран мира.

Системный анализ деятельности государства с точки зрения его внешних и внутренних связей, необходимых для его функционирования в виде целостного образования, требует учитывать и «системоразрушающие связи, подрывающие, а в некоторых случаях даже разрушающие целостность государства» [Марченко: 83].

В условиях глобальных угроз ядерного терроризма многое зависит от правовых оснований, правопонимания и правового алгоритма принятия государствами и государственными органами решений, затрагивающих судьбы миллионов людей. Структурная обособленность государственных органов от других органов государства и общественных институтов выражается в возможности выступать самостоятельным субъектом в «правоотношениях и в пределах компетенции принимать решения, не нуждающиеся в каком-либо... одобрении другими органами» [Сырых: 31]. Технологические и экологические риски «могут порождать эколого-правовые риски» [Кичигин: 141]. Связанность государства правом делает насущной для лиц, принимающих такие решения, задачу соединения «гуманизма и политики» [Фролова: 205] с нормами права. С учетом «возможных перспектив растворения теории систематизации законодательства в частно-научных теориях источников права и правотворчества» [Липень: 144] требуется консолидированный подход к развитию теории правового регулирования борьбы с актами ядерного терроризма и теории минимизации их последствий в праве вооруженных конфликтов. Неопределенность в теории права и практике правопонимания международного законодательства способствовала в 2022 г. обстрелу Запорожской атомной электростанции (АЭС) вооруженными сторонниками правящего на Украине режима, представляющими государственные органы.

Исследование взаимосвязи и взаимозависимости государства и права способствует выработке предложений по снижению рисков и угроз безопасности государства, личности, общества и окружающей среды. Решая общие для теории государства и права методологические задачи, теория государства и права «решает и политико-юридические задачи» [Марченко: 51]. Среди политико-юридических задач борьба с актами ядерного терроризма, в которой тесно переплетаются политические и юридические проблемы, занимает особое место.

Отражение американской теории ограниченного удара по АЭС в нападениях на АЭС: правовой анализ. Официальная государственно-правовая идеология выражается в общей концепции правоприменения, вырабатываемой высшими органами государственной власти с привлечением научного сообщества и представителей различных общественно-политических сил. Наиболее серьезные изменения в правоприменительной политике происходят «при существенной трансформации ее концептуальной части» [Малько: 8].

В своей знаменитой работе «Общество риска: на пути к новой современности» Ульрих Бек, стремясь уловить основную динамику конца двадцатого века разработкой концепций, известных как постановка, организованная безответственность и освободительный катастрофизм, привлек общественное внимание к порожденным капиталистической модернизацией антропогенным опасностям. Для демонстрации этих понятий исследователь использовал феномен терроризма. Его теоретическая концепция организованной безответственности применительно к реагированию на обстрелы АЭС в ходе вооруженного конфликта на Украине находит свое подтверждение в правовой оценке ситуации недружественными России странами Запада, в основе которой лежат устоявшиеся в США концептуальные установки.

Обострение оперативной обстановки вокруг ЗАЭС совпало с принятием 8 августа 2022 г. главой военно-гражданской администрации Запорожской области политического решения, юридически оформленного приказом о проведении референдума о воссоединении с Россией. Вопросы правовой оценки на основе международных соглашений опасных действий украинской стороны, связанные с нападениями на АЭС, привлекли внимание политиков и юристов, потребовали осмысления и внесения правовой определенности. В Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №2 675 (9.12.1970) об «Основных принципах, касающихся защиты гражданского населения во время вооруженного конфликта» звучит призыв к государствам-участникам при проведении военных операций прикладывать все усилия для того, чтобы уберечь гражданское население от разрушительных последствий. Следовательно, использование оружия должно иметь своей «единственной законной целью ослабление военных сил неприятеля» [Савенков: 495].

Безусловно, применительно к обеспечению ядерной безопасности и предотвращению актов ядерного терроризма «реакция правопорядка на выявляемые случаи правовой неопределенности, нарушений прав и охраняемых законом интересов должна быть адекватной, то есть своевременной, основанной на законе, эффективной, соразмерной масштабу выявленной

проблемы в правоприменении и неотвратимой» [Коновалов: 259]. Поэтому для охраны здоровья населения, безопасности окружающей среды, национальной и международной безопасности жизненно важное значение имеет физическая защита ядерных объектов.

Особенностью одного из источников права – основополагающих документов, принятых в ядерной сфере на упреждение и нейтрализацию угроз, – явился невоенный, мирный характер Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, принятой 13 апреля 2005 г. (далее Конвенция). В Конвенции (ч. 2 ст. 4) определено регулирование международным гуманитарным правом действий вооруженных сил во время вооруженного конфликта. В процессе подготовки проекта поправки к этому международному договору проходили острые дискуссии, касающиеся обсуждения возможности применения норм Конвенции к действиям вооруженных сил иностранных государств. Такой позиции перед принятием Конвенции при обсуждении придерживались ядерные державы. Американские эксперты заявляли, что военнослужащие, нанесящие ущерб ядерным установкам и при этом не опирающиеся на законодательство государства местонахождения установки, подлежали бы тогда ответственности и выдаче согласно ст. 7. Такой подход не устраивал американскую сторону, которая на протяжении десятилетий инициировала вооруженные конфликты, вела и ведет гибридные войны за пределами своей территории. Поэтому ряд стран во главе с США занял позицию исключения действий вооруженных сил из сферы применения Конвенции. В конвенциональном закреплении изложенная позиция была поддержана с учетом российской точки зрения о том, что Конвенция не должна распространять свои требования на военные объекты и не может подменять собой действующие нормы международного гуманитарного права. Отвечающая интересам России формулировка была выдвинута КНР и способствовала достижению общего согласия по данному чувствительному аспекту. В итоговом документе действия вооруженных сил были выведены за сферу применения Конвенции. Подчеркивающая приоритет соблюдения режима ядерной безопасности, Конвенция уравнивает положение об исключении действий вооруженных сил и укрепляет заложенную в ст. 2 правовую основу – уважение суверенитета государства, его полную ответственность за обеспечение физической защиты ядерных материалов и установок на своей территории. Важно иметь в виду, что современные серьезные проблемы в защите объектов атомной энергетики в контексте права воздушной и ракетной войны вытекают как из быстрых темпов развития новых технологий, так и острой необходимости противодействия новым методам ведения войны, внедренным международ-

ным терроризмом. С 11 сентября 2001 г. вооруженный конфликт побудил охватить правом использование угнанного гражданского авиалайнера в качестве оружия (см. Правило 63 (b) Руководства по международному праву, применимому к воздушной и ракетной войне) [HPCR Manual].

Анализ изложенных в общедоступной научной литературе теоретических взглядов ученых Запада приводит автора к выводу, что обстрелы украинской стороной Запорожской АЭС основаны на политических и теоретико-правовых взглядах американского военно-политического руководства. Материалы одного из семинаров по праву наглядно подтверждают этот тезис и демонстрируют различные подходы к решению этой проблемы внутри США и за его пределами. В 1987 г. Американский Красный Крест и Вашингтонский юридический колледж в рамках Программы международных юридических исследований организовали семинар по обычному праву и дополнительным протоколам 1977 года к Женевским конвенциям 1949 г. (далее Протокол I и Протокол II), на котором рассматривалась позиция США через призму этих протоколов в аспектах формирования общего международного права, международного обычного права в отношении ведения военных действий в немеждународных вооруженных конфликтах и в отношении военных действий и защиты гражданского населения в международных вооруженных конфликтах. Профессор права Акронского университета Гамильтон Дессосур (Hamilton Desasure) попросил участника семинара – заместителя юрисконсульта Государственного департамента США Майкла Дж. Мэтисона (Michael J. Matheson) – объяснить очевидное несоответствие между неприятием Соединенными Штатами положений ст. 56 Протокола I и одновременно принятием ст. 15 Протокола II, содержащей аналогичные положения. Мэтисон сообщил, что американские военные теоретики основывают свои возражения на прагматичной оценке развития различных ситуаций. Американские теоретики полагают, что в международных конфликтах может возникнуть множество ситуаций, связанных с необходимостью атак и уничтожения элементов электросети АЭС или гидроэлектростанции. Однако во внутренних конфликтах в США такой потребности в реальности возникнуть не должно. Сохранение военного варианта в международных конфликтах, где атомные станции и иные потенциально опасные объекты могут стать законными военными целями, является, по мнению заместителя юрисконсульта Госдепа США, очень важным для американцев аспектом. В процессе дискуссии профессор Сон (Sohn) поинтересовался у Мэтисона, могли бы США оставить за собой возможность уничтожить атомную электростанцию, когда последствия могут оказаться не толь-

ко локальными, а отразиться, как это показала Чернобыльская катастрофа, на всем мире? Мэтисон пояснил, что применяются другие правила ведения войны, предназначенные для защиты гражданского населения (правила соразмерности, разумных мер предосторожности и заблаговременного предупреждения, управления атаками). Поэтому Соединенные Штаты придерживаются позиции невозможности соглашения с почти полным запретом на такие нападения, содержащимся в ст. 56 Протокола I. В любом случае в ситуациях, когда вооруженные силы США нацеливаются на часть энергосистемы, соединенную с АЭС, им придется учитывать возможные последствия для гражданского населения и стремиться к достижению своей военной цели способами, не оказывающими сильного воздействия на население. Однако, отвечая на вопрос Дитера Флека (Бонн, ФРГ) о разъяснении позиции США, согласно которой общее правило соразмерности в любой конкретной ситуации будет регулировать атаки на атомные электростанции, Мэтисон все же пришел к выводу, что это правило не применяется, когда военные преимущества несоразмерны с риском для гражданского населения. Принцип соразмерности уравнивает требования военной необходимости и гуманности. Это положение нашло подтверждение в правилах Программы гуманитарной политики и исследования конфликтов (HPICR), Руководстве по международному праву, применимому к воздушной и ракетной войне. Обобщающий в правиле 14 принцип соразмерности запрещает нападение, в результате которого возможно причинение побочного ущерба, чрезмерного по отношению к ожидаемым конкретным и прямым военным преимуществам [Wolftrum: 680]. Вооруженные силы не имеют неограниченного права в отношении выбора методов и средств ведения войны. Необходимо во всех обстоятельствах проводить четкое различие между гражданскими и военными объектами. Объект не может быть объектом нападения, если такое нападение может привести к высвобождению опасных сил и, как следствие, большим потерям среди гражданского населения [Kosirnik: 504].

Райан Гудман полагает, важным наследием администраций Дж. Буша и Б. Обамы после 11 сентября в США могут быть решения о возможности нацеливания на определенные виды объектов. Эти решения сильно влияют на успешные действия США в продолжающихся конфликтах и могут стать прецедентами для военных атак. Для достижения цели по уничтожению террористической организации «Исламское государство» (запрещена в России) президент Б. Обама пошел на то, что в юридическом научном сообществе длительное время считалось запретным: нацеливание на средства ведения войны, такие как экономическая инфраструктура, использу-

емая для получения доходов в интересах вооруженных сил противника. Как нам представляется, Р. Гудман, осторожно критикуя этот подход и подчеркивая отсутствие теоретических обоснований для таких решений, деликатно отметил, что академическим дискуссиям еще предстоит столкнуться с убедительными и четкими доказательствами в поддержку точки зрения США на законность таких решений о нацеливании [Goodman: 663].

Материалы обсуждения и интерпретации американским научным сообществом правовых положений ст. 56 Протокола I подтверждают строгую приверженность военно-политического руководства Вооруженными силами Украины теоретических и практических установок американской научной правовой доктрины и взглядов военного командования США при обосновании обстрелов инфраструктуры ЗАЭС, включая хранилища отработавшего ядерного топлива. В устоявшемся американском теоретическом подходе [Frequently asked questions] считается весьма маловероятным событие, что в результате нападения на бассейн выдержки отработавшего топлива или хранилище сухих контейнеров произойдет какой-либо существенный радиоактивный выброс. Ввиду надежности хранилищ отработавшего топлива в случае аналогичного событию 11 сентября 2001 г. террористического акта не возникнет отрицательного воздействия на радиоактивные материалы. В бассейнах с отработавшим топливом и контейнерах для сухого хранения нет легковоспламеняющихся материалов, которые могли бы стать причиной длительных пожаров, в отличие от разрушенных 11 сентября 2001 г. сооружений. Комиссия по ядерному регулированию США (NRC – Nuclear Regulatory Commission) проводит всестороннюю оценку, которая включает рассмотрение потенциальных последствий террористических атак с использованием различных взрывчатых веществ или других методов разрушительного воздействия в отношении бассейнов с отработавшим топливом и контейнеров для сухого хранения. Оценка масштабов загрязнения в результате выброса радиации зависит от типа и степени повреждения бассейна, местонахождения повреждения, близости хранилища к населенным пунктам, метеорологических условий во время события и других факторов. В рамках этой оценки NRC рассматривает необходимость дополнительных требований для повышения безопасности лицензиата и общественной безопасности, пересматривает требования по повышению безопасности отработавшего топлива. Информационной основой NRC для оперативной оценки и координации на предмет выработки возможных ответных мер служит существенный и постоянный поток информации из национального разведывательного сообщества, правоохранительных органов и лицензиатов.

Раскрывая содержание действий вооруженных сил, необходимо остановиться на содержании понятия «нападение». Значение термина «нападение» в Протоколе I не совпадает с обычным значением этого слова. В словарях преобладает идея инициирования боя и нанесения первыми удара. В Кратком Оксфордском словаре этот термин как «нападение с враждебными действиями» точнее отражает значение термина, используемого в Протоколе. Согласно исследованию, проведенному среди членов американского Международного общества военного права и права войны, в целом значение, придаваемое в Протоколе слову «нападение», не вызывает проблем, несмотря на то, что военные инструкции многих стран определяют нападение как наступательный акт, направленный на уничтожение сил противника и завоевание его позиций. Однако определение, применяемое в Протоколе, имеет более широкий смысл, охватывая наступательные и оборонительные, включая «контратаки», действия, поскольку и те и другие могут затронуть гражданское население. В конечном варианте по этой причине было выбрано широкое определение. Термин «атака» означает «боевое действие», что необходимо учитывать при обучении вооруженных сил, которые должны четко понимать, что установленные гуманитарным правом ограничения на применение силы должны соблюдаться обороняющимися и наступающими.

Государства имеют исключение из их обязанности уважать право на жизнь: при определенных обстоятельствах они могут применить смертную казнь в судебном порядке. Ни в том ни в другом случае это не означает, что вооруженные негосударственные субъекты (боевики террористических организаций, частных военных компаний и т. п.) могут пользоваться этими исключениями из своих обязанностей. М. Винер и Э. Клэпэм полагают, что только государства имеют привилегию пользоваться исключениями, изложенными в договорах о правах человека [Wiener, Clapham: 732].

Ядерные отношения имеют характерные черты и связаны со всеми складывающимися в обществе отношениями. Каждому направлению использования атомной энергии соответствует своя группа общественных отношений. Отдельную группу представляют отношения, связанные с физической защитой «ядерных материалов и ядерных установок; предотвращением использования ядерных материалов, оборудования и технологий в военных целях; возмещением ядерного ущерба» [Балюк: 9–14]. Особенно тесно они взаимосвязаны с экологическими, административными, гражданскими, уголовно-правовыми отношениями. Согласно ст. 2 (b) Конвенции 2005 преступным актом ядерного терроризма признаётся умышленное повреждение ядерного объекта, созда-

ющее опасность высвобождения радиоактивного материала с намерением причинить смерть, серьезное увечье, нанести существенный ущерб собственности или окружающей среде. Такие действия обусловлены намерением субъектов ядерного терроризма вынудить государство (международную организацию) совершить какое-либо действие или воздержаться от него. Для закрепления приверженности сторон Конвенции основополагающим принципам международного (мирное урегулирование споров, невмешательство во внутренние дела суверенных государств и др.) положения международного соглашения не могут толковаться как правомерное разрешение применения силы или угрозы ее применения в отношении ядерного материала или ядерных установок, используемых в мирных целях.

Другим важным правовым аспектом рассматриваемой проблемы нападения на АЭС является вопрос обеспечения безопасности гражданского персонала, обслуживающего АЭС, и непосредственно связанную с ней инфраструктуру, а также населения близлежащих городов и населенных пунктов. В Консультативном заключении 1996 г. о законности угрозы ядерным оружием или его применения Международный суд признал «принцип различия» между комбатантами и некомбатантами (гражданскими лицами) как основополагающий и непреложный принцип обычного международного права. Требование проведения различия между комбатантами и гражданскими лицами лежит в основе *jus in bello*, что отражено в ст. 48 Протокола I. В ней, в частности, отмечено, что конфликтующие стороны должны различать гражданское население и комбатантов, гражданские объекты и военные цели. Проведение военных операций возможно только в отношении военных целей. Протокол I кодифицирует и развивает международное гуманитарное право. Протокол I стал первым с 1907 г. договором о методах и средствах ведения войны, защите гражданского населения от ее последствий. Не умаляя положительный с гуманитарной точки зрения вклад Протокола в юриспруденцию при осуществлении военных операций, заметим, что обеспечение стабильности и международной безопасности требует дальнейшего совершенствования теоретических подходов к методам ведения войны в отношении потенциально опасных для безопасности населения и экологии объектов и их правового закрепления в нормах международного и национального права. Решение президента США в январе 1987 г. об инициализации процедуры ратификации явилось результатом ошибочного совета, неверно истолковывавшего гуманитарный и анти-террористический инструмент как инструмент, способный оказать помощь «террористам» [Aldrich].

Согласно применимым в вооруженных конфликтах положений ст. 15 Протокола II, АЭС, если в слу-

чае атаки возможно высвобождение опасных сил и последующих серьезных потерь среди гражданского населения, даже военные объекты не должны подвергаться нападению [Protocol II]. Статьей 56 (1) запрет налагается до события (*ex ante* – лат.).

С учетом изложенного и точек зрения зарубежных юристов рассмотрим правовую оценку сложившейся ситуации вокруг обстрелов ЗАЭС.

К.И. Косачев на основе правового анализа ситуации пришел к выводу, «что систематические нападения на Запорожскую АЭС выбраны ими в качестве метода ведения войны, что запрещено международным правом и общими принципами гуманности, человечности и здравого смысла» [Косачев]. Доцент международного права Школы права и дипломатии Флетчера Т. Данненбаум, исследовавший вопросы террористической стратегии, возмещения ущерба и философские основы наказания за жестокость, совершенную государством, допускает атаки на атомные электростанции [Dannenbaum]. Его трактовка международных норм теоретически обосновывает и принципиально допускает саму возможность обстрела АЭС и поэтому близка к противоположной «проамериканской» точке зрения. Данненбаум полагает, что отсутствие радиоактивной утечки или серьезных потерь среди гражданского населения не исключает незаконности нападения, несмотря на риск таких последствий. По его мнению, преимущество кодификации устраняет двусмысленность, присущую оценкам возможного уменьшения потерь и пропорциональности, заменяя эти расплывчатые принципы ясной и простой презумпцией – нельзя наносить удары по АЭС или военным объектам в районе их расположения. Отклонение от этого предположения допустимо только в случае субъективной уверенности принимающего решение командира, что опасные силы не будут высвобождены или их высвобождение не приведет к большим жертвам среди гражданского населения. В этом случае усиленная защита АЭС не срабатывает. Данненбаум в духе американской доктрины полагает, что станцию или объекты в ее окрестностях можно считать законными целями, хотя любая атака по-прежнему должна соответствовать правилам сомнения, дискриминации, мер предосторожности и соразмерности. Другое основание, по его мнению, для преодоления предполагаемого запрета нанесения ударов по АЭС или военным объектам, расположенным вблизи них, применяется даже в случае соответствия станции критериям повышенной защиты. Это исключение сформулировано применительно к атакам на электростанцию и на военные объекты в ее окрестностях. При определенных условиях специальная защита АЭС, отвечающая вышеизложенным критериям, прекращается (п. 2 (b) ст. 56 Протокола I). Такими условиями являются:

станция обеспечивает электроэнергией регулярную, значительную и непосредственную поддержку военных операций; нападение является единственно возможным способом прекратить такую поддержку. По условиям этого положения не может быть никаких других исключений из усиленных мер защиты, предусмотренных в п. 1 ст. 56. Рассматриваемое исключение является, по мнению Данненбаума, требованием, включающим три основных и один процессуальный критерий. По смыслу статьи АЭС должна осуществлять «непосредственное обеспечение военных действий» электроэнергией. Такое положение требует более тесной связи с военными действиями, чем это указано в общем определении военных объектов. Определение военного объекта согласно ст. 52 (2) Протокола I распространяется только на объекты, вносящие «эффективный вклад в военные действия», независимо от того, является ли этот вклад прямым. Военная цель как объект нападения обосновывается в намерениях противника, отраженных в планах на случай непредвиденных обстоятельств, основанных на худшем варианте развития событий. Когда намерения противника ясны, отнесение объекта по его назначению к военной цели не представляет какой-либо сложности. Однако большинство замыслов противника скрытны, замаскированы, поэтому принятие решения во многом зависит от анализа собранной информации, которая может быть неточной и неполной. В случае сомнения в полноте и достоверности информации при принятии решения о нападении требуется повышенная осторожность.

Критерием «назначения» объекта в качестве военной цели является его фактическое использование. В ст. 52 (2) предписано «цель» сопоставить с характером объекта и его использованием. Автор статьи придерживается мнения, что целевое предназначение объекта является самостоятельным основанием для отнесения его к военному объекту. Цель определяется с учетом первоначального предназначения объекта до его фактического применения. В частности, целью и предназначением АЭС является производство электроэнергии, что с самого начала прямо не отражается на цели ее возможного военного предназначения. В противном случае цель была бы военной. Военное предназначение АЭС может вытекать и из установленного намерения воюющей стороны в отношении будущего использования АЭС. В официальном комментарии Международного комитета Красного Креста (Комментарий МККК) сказано, что критерий цели связан с предполагаемым использованием объекта в будущем, тогда как критерий использования связан с его текущей функцией. Красной нитью, проходящей через международное гуманитарное право, и основным его принципом является защита гражданских лиц и гражданских объектов

Автор разделяет теоретическое положение, что определение объекта в качестве военного не всегда может являться решающим фактором для легитимации нападения. Положения ст. 56 (1) Протокола нужно трактовать расширительно: ни при каких условиях АЭС не должны становиться объектом нападения, даже если они являются военными объектами. Запрещающим условием признается нападение, способное вызвать высвобождение опасных сил. Последствиями такого высвобождения могут быть большие потери среди мирного населения. Кроме того, другие военные объекты и установки, расположенные на этих объектах или поблизости от них, не должны становиться целями для нападения, если такое нападение может вызвать высвобождение опасных сил и следующие большие потери среди гражданского населения. При этом учитывается, что специальная защита согласно ст. 56 (2) Протокола I в принципе не является безусловной. Защита прекращается, когда АЭС регулярно, существенно и непосредственно поддерживает боевые действия, и другого способа прекращения такой поддержки не существует. Женевские конвенции запрещают нападения, кроме нападений на военные объекты, которые не защищены как таковые – могут быть незаконными в силу принципа соразмерности. Согласно этому принципу, сопутствующий ущерб или ранение гражданских лиц (или разрушение объектов) не должны быть чрезмерными. Термин «атака» в ст. 49 (1) Протокола I или II определяется как акты насилия против противника в нападении или обороне. Любой акт насилия соответствует этому подходу, а не только массированным воздушным атакам или артиллерийским обстрелам.

Актуален вопрос о допустимости нападения на гражданских лиц – персонала, обслуживающего АЭС, и населения близлежащих моногородов. Анализ показывает, что эта норма учитывается тогда, когда действие является единственным каузальным шагом от возможности причинения вреда противнику. Интерпретируемый в этом свете, по мнению специалистов Международного Комитета Красного Креста (МККК), порог было бы очень трудно соблюсти. В частности, можно оспаривать положение о том, будет ли подача электроэнергии в общую сеть с объединенными генерирующими мощностями, из которой затем вооруженные силы получают необходимые мощности, являться прямой поддержкой военных операций (п. 2165). Очевидно, электроснабжение должно «приносить пользу самим военным операциям, а не только промежуточным целям, которые сами были бы связаны с такими операциями. Даже АЭС, поставляющая электроэнергию промышленным предприятиям оборонной промышленности, может быть сочтена «спорной» целью на том основании, что непосредственно ведение войны в таком случае обеспе-

чивает промышленность, а не электростанция. Кроме того, поддержка военных операций должна быть регулярной. Этому критерию не удовлетворяли бы нерегулярное использование либо применение в качестве резервного источника в интересах вооруженных сил. Комментарий МККК [Cameron, Demeeyere, Henckaerts] предполагает наличие некоторой «преемственности в использовании или, по крайней мере, определенного ритма» (п. 2162). Наконец, по существенным критериям поддержка или вклад в военные операции должны быть значительными, то есть иметь «реальное и эффективное влияние» (п. 2162). Даже при наличии всех вышеуказанных существенных критериев атаку нельзя осуществлять при наличии возможности использовать какой-либо альтернативный способ прекращения этой поддержки. Одним из очевидных альтернативных способов в дополнение к предупреждениям и просьбам о прекращении электроснабжения атомной электростанции было бы нацеливание на главные электрические цепи или трансформаторные подстанции на расстоянии от станции, достаточном для устранения риска высвобождения опасных сил, содержащихся в них (п. 2166). Подобные удары наносились вооруженными силами Украины по инфраструктуре ЗАЭС.

Схожий подход к военным объектам на АЭС или вблизи нее заключен в § 2 (с) ст. 56. Такие объекты могут быть атакованы в случае их использования для военных операций. Условиями такой поддержки является регулярность, существенность и непосредственность. Обязательным является соблюдение условия о возможности прекращения такой поддержки единственно возможным способом – атакой. Существенная особенность заключается в распространении исключения на поддержку, не связанную с обеспечением электроэнергией. Материальные и процессуальные критерии не изменяются. Несмотря на правовую допустимость нападения на АЭС в соответствии с исключительным разрешением, предусмотренным в Протоколе I, разъясняется, что установки, возведенные с целью защиты охраняемых работ или установок от нападения, не должны становиться объектом нападения «при условии, что они не используются в военных действиях» (п. 2 (с), п. 5 ст. 56 Протокола I). Исключениями определены оборонительные действия, необходимые для реагирования на нападения на охраняемые сооружения или установки. При этом их вооружение ограничивается оружием, способным лишь отражать враждебные действия против защищаемых сооружений. Поэтому было предложено исключить военные объекты, регулируемые § 5, из положения, сформулированного в п. 2 (с). В этом случае возникает противоречие содержанию п. 2 (с), в котором указывается исключительный контекст возможности нанесения ударов только по расположенным на АЭС

или рядом с ней военным объектам. Вместо этого п. 5 регулирует пассивные меры предосторожности и исключения из них. Он дополняет запрет в п. 2 (с) утверждением: ничто в этом положении не предполагает, что оно предназначено для создания исключения из этого запрета.

В соответствии с п. 3 ст. 56 важно подчеркнуть, что применение этой правовой нормы не заменяет кумулятивные требования дискриминации мер предосторожности и соразмерности для сдерживания нападения, даже если оно не исключается положениями ст. 56.

По мнению некоторых западных исследователей, в российской версии правовой оценки ситуации взятия под контроль в марте 2022 г. атомной электростанции в ходе специальной военной операции почти не делается попыток сформулировать операцию в конкретных условиях исключений согласно ст. 56. Вместо этого в объяснении действий по взятию под контроль ЗАЭС 4 марта 2022 г. акцентируется внимание на обеспечении безопасности атомной станции. Доминирование содержательного подхода над формально юридическим, но не игнорирование последнего, безусловно, в сложившейся ситуации могло быть оправдано.

В дополнение к правилам, ограничивающим нападения на военные объекты, п. 5 ст. 56 устанавливает пассивные меры предосторожности, связанные с расположением военных объектов вблизи таких объектов. Конфликтующие стороны должны стремиться избегать размещения военных объектов поблизости, за исключением оборонительных сооружений, какими в рассматриваемом случае с нападениями на ЗАЭС, на наш взгляд, являются сооружения сил и средств вооруженной охраны Росгвардии.

Косвенное подтвержденное инспекторами МАГАТЭ утверждение России о том, что АЭС подверглась сильному обстрелу вблизи электростанции, может свидетельствовать о нарушении ст. 56 (5) со стороны ВСУ – инициатора обстрелов. Оборонительные сооружения, используемые для обороны, не могут быть объектом нападения. Однако несоблюдение украинской стороной требования ст. 56 (5) не отменяет принятие Росгвардией мер защиты, предоставляемой любым военным объектам вблизи электростанции с учетом существования в § 2 (с) исключительных условий, при которых такие цели могут быть объектом нападения.

Следует подчеркнуть, что военные объекты, которые не являются оборонительными, не должны располагаться вблизи электростанции. Они также не могут быть объектом нападения, за исключением случаев, разрешенных положениями статьи 2 (с). Уточнение в п. 4 ст. 56 подтверждает запрещение делать какие-либо сооружения или военные объекты,

упомянутые в п. 1, объектом репрессалий. Сам факт нарушения одной из противоборствующих сторон требований пункта 5 не допускает нарушения п. 2 (с) как механизма правоприменения. Такой вывод корреспондирует с общим положением ст. 51 (8) Протокола I о защите гражданского населения.

Как показывают события, связанные с обстрелами Запорожской АЭС, существует настоятельная необходимость определения и закрепления более четкой правовой позиции в международном и национальном законодательстве государств в отношении недопустимости нападений на АЭС.

Анализ показывает, что критерий для военного преступления, указанный в виде серьезных нарушений Протокола I, – более жесткий по сравнению с основным положением. В ст. 85 (3) (с) это правонарушение определяется как нападение на работы или установки, содержащие опасные силы, зная, что такое нападение приведет к чрезмерным человеческим жертвам, ранениям среди гражданского населения или повреждению гражданских объектов, как это определено в ст. 57, п. 2 (а) (iii). Согласно положениям вводной части, нападение достигнет уровня серьезного нарушения в случае его умышленного совершения в нарушение соответствующих положений Протокола I и если оно повлекло смерть человека или серьезные телесные повреждения.

Выводы и предложения:

1. Концептуальные подходы политических и государственно-правовых кругов США способствует признанию допустимости актов ядерного терроризма (в социально-политическом и правовом аспектах) в вооруженных конфликтах немеждународного характера.

Прецедент координации Украиной нападений на атомные электростанции с использованием поддержки некоторых западных государств в духе доктринальных политико-правовых и государственно-правовых взглядов правящих кругов США ставит задачу совершенствования международного и национального права применительно к ситуации субсидиарной юридической ответственности субъектов права, принимающих решения в разрез интересов обеспечения мира и международной безопасности.

2. Специальная военная операция российских Вооруженных сил на Украине обнажила новые риски масштабных радиологических последствий вследствие обстрела тяжелым артиллерийским и ракетным вооружением инфраструктуры Запорожской АЭС, что требует разработки теоретических правовых положений для подготовки и инициализации международного соглашения о принципиальном запрете всех вооруженных нападений и атак на ядерные реакторы и обеспечивающую их инфраструктуру с использованием любых средств поражения.

3. Предлагается отнесение актов ядерного терроризма, представляющих собой использование средств воздействия на ядерно и радиационно опасные объекты и природную среду, в условиях вооруженных конфликтов с обоснованно предполагаемыми масштабными и серьезными долгосрочными последствиями в качестве способов нанесения ущерба или причинения вреда одному или нескольким государствам должны подпадать под юрисдикцию Международного уголовного суда как международные преступления.

4. Современное развитие международного и соответствующего ему национального гуманитарного права требует теоретического обоснования с государственно-правовых позиций учета новых технологий и их влияния на ведение боевых действий в борьбе с терроризмом и в вооруженных конфликтах при обсуждении, выработке и применении специальных договорных норм.

Список литературы

Балюк Г.И. Ядерное право Украины: современное состояние и перспективы развития // Энергетическое право. 2008. № 2. С. 9–14.

Кичигин Н.В. Эколого-правовые риски как универсальный критерий оценки экологического законодательства // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 3. С. 138–151.

Коновалов А.В. Принципы права: монография. Москва: Норма, 2022. 792 с.

Косачев К. Telegram, 13:42. 2022. 6 авг. URL: <https://t.me/s/Kosachev62> (дата обращения: 02.02.2023).

Липень С.В. Трансформация теории систематизации законодательства в эпоху цифровизации права. Lex russica. 2022. Т. 75, № 2. С. 132–147.

Малько А.В., Рудковский В.А. Правоприменительная политика: понятие, содержание, назначение // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 3. С. 5–14.

Марченко М.Н. Системное познание и системный характер государства Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2018. № 1. С. 74–85.

Савенков А.Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права: монография: в 3 т. Т. 1. Москва: Наука, 2021. 608 с.

Сырых В.М. Теория государства и права: учебник для вузов. Москва: Юстицинформ, 2006. 704 с.

Фролова М.И. Человек в гуманистической философии XX века: проблемы существования и перспективы развития. Москва: Ленанд, 2022. 256 с.

Aldrich G. Prospects for United States Ratification of Additional Protocol I to the 1949 Geneva Conventions. American Journal of International Law, 1991, 85 (1), 1-20. <https://doi.org/10.2307/2203556>

Dannenbaum T. A Special Tribunal for the Crime of Aggression? Journal of International Criminal Justice, 2022 (September), vol. 20, iss. 4, pp. 859-873. URL: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqac047> (date access: 21.09.2022).

Frequently asked questions about NRC's Response to September 11, 2001 <https://www.nrc.gov/security/faq-911.html#3> (date access: 21.09.2022).

Cameron L., Demeyere B., Henckaerts J.-M., Haye Eve La, Niebergall-Lackner H. The Updated Commentary on the First Geneva Convention – A New Tool for Generating Respect for International Humanitarian Law INT'L L. STUD. 157, 2017, vol. 93, URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1701&context=ils> (date access: 02.03.2023).

Goodman R. The Obama Administration and the Targeting of 'War-Supporting' Targets in Non-International Armed Conflicts. American Journal of International Law, 2016, 110, pp. 663-679.

HPCR Manual on International Law Applicable to Air and Missile Warfare Cambridge University Press. 2013 (September). URL: https://assets.cambridge.org/97811070/34198/frontmatter/9781107034198_frontmatter.pdf (date access: 13.03.2023).

Kosirnik Rene. The 1977 Protocols: A Milestone in the Development of International Humanitarian Law. International Review of the Red Cross 320, 1997, pp. 483-505.

National Research Council. Making the Nation Safer: The Role of Science and Technology in Countering Terrorism. Washington, DC, The National Academies Press, 2002, pp. 440. <https://doi.org/10.17226/10415> (date access: 13.03.2023).

Watkin K. Controlling the Use of Force: A Role for Human Rights Norms in Contemporary Armed. The American Journal of International Law, 2004, vol. 98, № 1, pp. 1-34.

Wolfrum R. Distinguished Essay: Proportionality: Reconsidering the Application of an Established Principle in International Law. International Law Studies INT'L L. STUD, 2022, vol. 99, pp. 676-697.

Wiener M., Clapham A. Human Rights of Conscientious Objectors vis-à-vis Armed Non-State Actors and De Facto. INT'L L. STUD, 2022, vol. 99, pp. 731-772.

References

Balyuk G.I. *YAdernoe pravo Ukrainy: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya* [Nuclear law of Ukraine: current state and development prospects]. Energeticheskoe pravo [Energy law], 2008, No. 2, pp. 9-14. (In Russ.)

Frolova M.I. *CHelovek v gumanisticheskoy filosofii XX veka: problemy sushchestvovaniya i perspektivy razvitiya* [Man in the humanistic philosophy of the 20th cen-

ture: problems of existence and development prospects]. Moscow, Lenand Publ., 2022, 256 p. (In Russ.)

Kichigin N.V. *Ekologo-pravovye riski kak universal'nyj kriterij ocenki ekologicheskogo zakonodatel'stva* [Ecological and legal risks as a universal criterion for evaluating environmental legislation]. Zhurnal Rossijskogo prava [Journal of Russian law], 2021, vol. 25, No. 3, pp. 138-151. (In Russ.)

Konovalov A.V. *Principy prava* [Principles of law]: monograph. Moscow, Norma Publ., 2022, 792 p. (In Russ.)

Kosachev K. Telegram, 13:42, 2022, August 6. URL: <https://t.me/s/Kosachev62> (access date: 02.02.2023). (In Russ.)

Lipen S.V. *Transformaciya teorii sistematizacii zakonodatel'stva v epohu cifrovizacii prava* [Transformation of the theory of systematization of legislation in the era of digitalization of law]. Lex russica, 2022, vol. 75, No. 2, pp. 132-147. (In Russ.)

Malko A.V., Rudkovsky V.A. *Pravoprimenitel'naya politika: ponyatie, sodержание, naznachenie* [Law enforcement policy: concept, content, purpose]. Pravoprimerenie [Law enforcement], 2017, vol. 1, No. 3, pp. 5-14. (In Russ.)

Marchenko M.N. *Sistemnoe poznanie i sistemnyj karakter gosudarstva* [Systemic knowledge and systemic nature of the state]. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 11: Right, 2018, No. 1, pp. 74-85. (In Russ.)

Savenkov A.N. *Gosudarstvo i pravo: Prava cheloveka i mirovoj poryadok, osnovannyj na verhovenstve prava* [State and Law: Human Rights and the World Order Based on the Rule of Law]: monograph: in 3 vols. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 2021, 608 p. (In Russ.)

Syrykh V.M. *Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnyk dlya vuzov* [Theory of State and Law: A Textbook for High Schools]. Yustitsinform Publ., 2006, 704 p. (In Russ.)

Aldrich G. Prospects for United States Ratification of Additional Protocol I to the 1949 Geneva Conventions. American Journal of International Law, 1991, 85 (1), 1-20. <https://doi.org/10.2307/2203556>

Dannenbaum T. A Special Tribunal for the Crime of Aggression? Journal of International Criminal Justice, 2022 (September), vol. 20, iss. 4, pp. 859-873. URL: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqac047> (date access: 21.09.2022).

Frequently asked questions about NRC's Response to September 11, 2001 <https://www.nrc.gov/security/faq-911.html#3> (дата обращения: 21.09.2022).

Cameron L., Demeyere B., Henckaerts J.-M., Haye Eve La, Niebergall-Lackner H. The Updated Commentary on the First Geneva Convention – A New Tool for Generating Respect for International Humanitarian Law INT'L L. STUD. 157, 2017, vol. 93, URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1701&context=ils> (date access: 02.03.2023).

Goodman R. The Obama Administration and the Targeting of 'War-Supporting' Targets in Non-International Armed Conflicts. American Journal of International Law, 2016, 110, pp. 663-679.

HPCR Manual on International Law Applicable to Air and Missile Warfare Cambridge University Press. 2013 (September). URL: https://assets.cambridge.org/97811070/34198/frontmatter/9781107034198_frontmatter.pdf. (date access: 13.03.2023).

Kosirnik Rene. The 1977 Protocols: A Milestone in the Development of International Humanitarian Law. International Review of the Red Cross 320, 1997, pp. 483-505.

National Research Council. Making the Nation Safer: The Role of Science and Technology in Countering Terrorism. Washington, DC, The National Academies Press, 2002, pp. 440. <https://doi.org/10.17226/10415>. (date access: 13.03.2023).

Watkin K. Controlling the Use of Force: A Role for Human Rights Norms in Contemporary Armed. The American Journal of International Law, 2004, vol. 98, № 1, pp. 1-34.

Wolfrum R. Distinguished Essay: Proportionality: Reconsidering the Application of an Established Principle in International Law. International Law Studies INT'L L. STUD., 2022, vol. 99, pp. 676-697.

Wiener M., Clapham A. Human Rights of Conscientious Objectors vis-à-vis Armed Non-State Actors and De Facto. INT'L L. STUD., 2022, vol. 99, pp. 731-772.

Статья поступила в редакцию 15.02.2023; одобрена после рецензирования 13.03.2023; принята к публикации 13.03.2023.

The article was submitted 15.02.2023; approved after reviewing 13.03.2023; accepted for publication 13.03.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 181–188. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 181–188. ISSN 1998-0817

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 342

EDN ZMYPFU

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-181-188>

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В 1917–1919 ГГ. НА СОВРЕМЕННОЙ ТЕРРИТОРИИ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Усачёва Александра Александровна, старший преподаватель, Донецкий национальный университет, г. Донецк, Российская Федерация, usacheva_aa@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6162-3432>

Аннотация. Статья посвящена историко-правовым особенностям и истокам формирования государственного суверенитета Донецкой народной республики. Проблема формирования государственного суверенитета Донецкой народной республики многогранна и во многом уникальна. Сегодня наблюдается дефицит специальных исследований, а имеющиеся работы носят скорее фрагментарный характер, концентрируясь на отдельных аспектах проблемы. Практически лишены научного внимания принципиально важные вопросы методологической, теоретической и практической направленности. На основе привлечения комплекса документов политико-правового характера автор проанализировал существовавшие в 1917–1919 гг. на территории современной ДНР различные государственно-политические проекты. Анализируя историко-правовые особенности и истоки формирования государственного суверенитета ДНР, автор обратился к историко-правовым методам исследования. Данные методологические ориентиры обосновываются междисциплинарным характером вопроса, что позволяет комплексно рассмотреть конкретные явления, по-новому взглянув на уже сложившиеся взаимосвязанные факты и события в регионе. Это позволяет нам точнее расставить правовые оценки с позиции прошлого состояния его формы, содержания и сущности, а также сквозь призму современного понимания. Анализ материалов позволил прийти к ряду выводов и сделать обобщения. Цель статьи состоит в анализе историко-правовых особенностей и истоков формирования государственного суверенитета Донецкой народной республики на основе привлечения документов политико-правового характера, затрагивающих период 1917–1919 гг.

Ключевые слова: суверенитет, государственность, Донбасс, Донецкая народная республика, советская власть, Россия.

Для цитирования: Усачева А.А. Историко-правовые особенности формирования государственного суверенитета в 1917–1919 гг. на современной территории Донецкой Народной Республики // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 181–188. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-181-188>

Research Article

HISTORICAL AND LEGAL FEATURES OF THE FORMATION OF THE STATE SOVEREIGNTY OF DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC IN 1917–1919

Aleksandra A. Usacheva, Senior Lecturer of Donetsk University, Donetsk, Russian Federation usacheva_aa@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6162-3432>

Abstract. The article is devoted to the historical and legal features and origins of the formation of the state sovereignty of Donetsk People's Republic (hereinafter the DPR). The problem of the formation of the state sovereignty of the DPR is multifaceted and in many ways unique. Today, there is a shortage of special studies, and the available works are rather fragmentary, concentrating on certain aspects of the problem. Fundamentally important issues of methodological, theoretical and practical orientation are practically deprived of scientific attention. Based on the involvement of a set of documents of a political and legal nature, the author analysed the existing in 1917–1919 various state-political projects on the territory of the modern DPR. Analysing the historical and legal features and origins of the formation of the state sovereignty of the DPR, it seems appropriate appeal to historical and legal methods of research. The methodological guidelines are substantiated by the interdisciplinary nature of the issue, which allows comprehensively considering specific phenomena, taking a fresh look at the already established and interconnected facts and events in the region. It allows us to more accurately place legal assessments from the standpoint of the past state of its form, content and essence, as well as through the prism of modern understanding. The analysis of the materials allowed coming to a number of conclusions and making some generalisations. The purpose of the article is to attempt to analyse the historical and legal features and origins of the formation of the DPR state sovereignty based on the involvement of documents of a political and legal nature, affecting the period 1917–1919.

Keywords: sovereignty, statehood, Donbass, Donetsk People's Republic, Soviet power, Russia.

For citation: Usacheva A. A. Historical and legal features of the formation of the state sovereignty of Donetsk People's Republic in 1917–1919. *Vestnik of Kostroma State University*, 2023, vol. 29, № 1, pp. 181–188. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-181-188>

Анализ научных и других видов источников демонстрирует нам поступательность и комплексность государственно-правового генезиса на территории современной ДНР. Прежде всего, важно выяснить, каким образом юридическая наука трактует государственный суверенитет. В Большом юридическом словаре приводится трактовка, согласно которой данное понятие (от фр. *Souverainete* – верховная власть) означает верховенство и независимость власти. В науке конституционного права различаются несколько видов суверенитета: 1) государственный – верховенство власти внутри страны и ее независимость во внешней сфере, то есть полнота законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории, исключая подчинение властям иностранных государств, в том числе в сфере международного общения, кроме случаев явно выраженного и добровольного согласия со стороны государства на ограничение своего суверенитета; 2) национальный – полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни, включая, прежде всего, способность политически самоопределяться вплоть до образования собственного государства; 3) народный – полновластие народа, то есть обладание социально-экономическими и политическими средствами для реального участия в управлении делами общества и государства [Большой: 533].

Ещё со времен античности известно о последовательно сформированных и существовавших на территории Донбасса прото-государственных политических образованиях, эволюционировавших в государства. В средние века Донбасс стал существенным элементом Приазовской Булгарии и Хазарского каганата, позднее войдя в более совершенное и институционально развитое государство – Золотую Орду – и возникшее на её обломках в XV веке Крымское ханство. Власть Крыма распространялась на большую часть земель современной Донецкой народной республики вплоть до ликвидации Крымского ханства в 1783 г. и включения его бывших владений в состав Российской империи.

С распадом Российской империи в 1917 г. произошли серьёзные социально-политические и экономические трансформации. Февральская и Октябрьская революции в России привели к появлению национальных республик, которые немедленно повели борьбу за расширение границ своей юрисдикции и территориальных рубежей. Предложенная большевиками модель создания социалистической

республики имела на Донбассе значительное число сторонников. Следует заметить, что именно эти силы возглавили на Донбассе государственно-политические процессы.

Характерной особенностью указанных процессов в бывших юго-западных губерниях России было наличие нескольких (трёх) центров, выступавших одновременно с диаметрально противоположными политическими проектами. Важное место во всех трёх моделях отводилось Донбассу и, собственно, территории современной Донецкой народной республики. Речь идёт о параллельно действовавших вплоть до 25 октября 1917 г. российских структурах власти и управления: Временном правительстве с одной стороны и не имевших чёткой правовой основы, но обладавших военной силой и поддержкой населения Советах рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов – с другой.

Кроме этого, весной того же 1917 г. группа украинских националистических партий и организаций оформили третий центр влияния – самопровозглашённую Украинскую центральную раду (УЦР). Изначально она позиционировала себя в качестве автономной части России: «...мы, Центральная Рада... всегда стояли за то, чтобы не отделять Украину от России»¹. 23 (10) июня 1917 г. в 1-м Универсале УЦР провозглашалась автономия Украины в составе России и суверенитет. Среди прочего утверждалось, что «не отделяясь от всей России... народ украинский должен сам хозяйничать своей жизнью. ...Отныне сами будем творить нашу жизнь» [Конституційні: 58–59]. Судя по формулировкам, заложенным в документе, и исходя из приведённых выше в Большом юридическом словаре трактовок суверенитета, речь шла больше о народном, чем о национальном типе суверенитета. Оснований утверждать о наличии элементов государственного суверенитета в приведённом выше отрывке из документа УЦР нет.

4 (17) августа 1917 г. глава Временного правительства А. Керенский подписал «Временную инструкцию Генеральному секретариату Временного правительства на Украине», где в п. 2 были впервые определены территориальные рамки украинской автономии. Она распространялась «на губернии Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую...»² Как видно из Временной инструкции, украинская юрисдикция не распространялась на большую часть земель бывшей Новороссии (Екатеринославская, Херсонская и Таврическая губернии), Харьковской и частично Черниговской губерний.

Тогда же наблюдается политическое и институциональное оформление Донбасса. На I Областном съезде Советов Донецкого и Криворожского бассейнов (Донкривбасса), открывшемся 25 апреля 1917 г. в Харькове, был создан Областной комитет Донкривбасса и заявлено об административном объединении Харьковской и Екатеринославской губерний, а также Криворожского и Донецкого бассейнов. Важно отметить, что для промышленников Донкривбасса существовавшее до этого разделение цельного региона между тремя административными единицами – Екатеринославской и Харьковской губерниями, а также Областью войска Донского, было неприемлемо. Более того, сама идея об «экономической неделимости» Донкривбасса, по словам известного донецкого исследователя В. Корнилова, «постепенно завладела массами и стала использоваться и левыми, и правыми» [Корнилов: 29]. В состав Донкривбасса включили также Макеевку и Мариуполь, ранее входивших в Область войска Донского, и Кривой Рог, бывший частью Херсонской губернии [Скворцова: 87–94].

Вынашивая планы по расширению границ своей юрисдикции, Центральная рада также претендовала на Донбасс, что нашло своё отражение в нескольких документах. Воспользовавшись свержением большевиками Временного правительства и завершением периода «троевластия», УЦР в одностороннем порядке решила расширить границы своей юрисдикции на новые, не указанные в Инструкции земли. В частности, 7 ноября 1917 г. 3-м универсалом УЦР новые границы распространили на Волынскую, Подольскую, Киевскую, Полтавскую, Черниговскую, Харьковскую, Екатеринославскую [Конституційні: 67].

Поползновения УЦР вызвали острую реакцию у пророссийских политических сил Донкривбасса. Попытки формирования подчинённых Киеву администраций пленум совета Донкривбасса решительно осудил [Великая: 65]. 16 ноября 1917 г. была принята резолюция, в которой ответом на попытки Киева отделить спорные области от России был призыв «развернуть широкую агитацию за то, чтобы оставить весь Донецко-Криворожский бассейн с Харьковом в составе Российской Республики и отнести эту территорию к особой, единой административно-самоуправляемой области». Как заметил В. Корнилов, речь шла не об «отделении от Украины, куда политические партии Донкривбасса не причисляли свой регион изначально, речь шла об «оставлении» этого региона в составе России» [Корнилов: 140–141].

В основе вылившегося в войну гражданского противостояния лежала необходимость выбора между предложенным большевиками революционным проектом построения советского государства и консервативным Белым движением, стоявшим на позициях сохранения прежней социально-экономической

формации. Заметим, что сторонники обоих проектов были патриотами России, однако виденье её будущего у противоборствующих сил кардинально отличалось. Третий центр влияния – украинский национал-сепаратизм – в силу своей ограниченности и разобщённости, без внешней поддержки был обречён. Последующие в 1918 г. события это ярко продемонстрировали.

Примечательно, что, выступая с позиций сохранения целостности российского государственного суверенитета, Белое движение допускало партнёрство с украинскими национальными силами. Так, 14 ноября 1917 г. войсковым правительством А. Каледина был подписан договор о «Союзе Юго-Восточных областей и Украины» [Триумфальное: 156]. В нём стороны разделяли между собой территорию южнорусских губерний, в том числе и Донбасса, запретив вывоз зерна и угля за его пределы и закрыв границу между УНР и Советской Россией. В обращении большевиков «Ко всему населению» о борьбе с контрреволюционным восстанием Каледина и Дутова от 25 ноября (8 декабря) 1917 г. утверждалось, что «буржуазная Центральная рада Украинской республики, ведущая борьбу против украинских Советов, помогает Каледину стягивать войска на Дон, мешая Советской власти направить необходимые военные силы по земле братского украинского народа для подавления калединского мятежа. Союз позволил в декабре 1917 г. очистить от большевиков промышленные центры Донбасса и ликвидировать часть местных Советов»³.

УЦР вынашивала экспансионистские планы и рассчитывала распространить свою юрисдикцию далее на Кубань, населённую, по их мнению, преимущественно украинцами. В Киеве высказывались за образование более представительного правительства, куда следовало включить не только представителей Дона, но и Кубани и Кавказа, Украины и центральных организаций «всероссийской революционной демократии» [Венков: 171]. По мнению известного донецкого исследователя А. Венкова, «пути Украины и Дона разошлись, когда УЦР изменила внешнеполитическую ориентацию с Антанты на Германию и Австро-Венгрию». А сам Юго-Восточный союз распался, будучи непрочным верхушечным объединением, которое не выдержало «напряжения борьбы с большевиками» [Венков: 171].

Лишь на III Областном съезде Советов рабочих и солдатских депутатов Донецко-Криворожского бассейна, проходившем 7–9 декабря 1917 г. в Харькове, планировалось провозгласить Донецкую республику в качестве автономного субъекта в составе России (федерации). Однако по инициативе выехавших из Киева в Харьков депутатов-большевиков в Харькове 11–12 декабря 1917 г. состоялся I съезд Советов

рабочих и солдатских депутатов Украины, на котором было провозглашено создание Украинской Народной Республики Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов (УНРС). Аббревиатура УНРС, как и сама республика, были альтернативой провозглашённому УЦР унитарному проекту Украинской Народной Республики (УНР).

Согласно планируемому федеративному административно-территориальному устройству в состав Украины планировалось включить Донбасс. В дальнейшем УНРС в качестве автономного субъекта должна была войти в состав федеративной Российской Советской Республики. Известный российский исследователь права Э. Тадевосян понимает сущность суверенитета и его роль в федеративном государстве в характере взаимоотношений федерации и субъекта, вводя в научное пространство понятие равноуровневых суверенитетов, зависящих друг от друга [Тадевосян: 21].

В начале 1918 г. УЦР утратила контроль практически над всей территорией Малороссии, уступив её большевикам, вошедшим в Киев. В таких условиях вновь был актуализирован вопрос о самоопределении Донкривбасса. На открывшемся 27 января (9 февраля) 1918 г. IV Областном съезде Советов Донкривбасса один из лидеров большевиков Артём (Ф.А. Сергеев) выступил с требованием создания независимой от Киева самоуправляющейся автономной Донецкой области. На данном съезде вопрос «О выделении Донецкого бассейна» получил поддержку. 30 января (12 февраля) 1918 г. было провозглашено образование Донецко-Криворожской республики [Корнилов: 14]. По мнению В. Корнилова, с юридической точки зрения провозгласивший создание ДКР съезд являлся легитимным органом власти, «поскольку возник демократическим путём и имел законные полномочия для провозглашения нового государства» [Корнилов: 154–165].

Кроме этого, на съезде поддержали идею формирования новых советских республик не по национальному признаку, а исходя из экономической целесообразности. Именно этим следует объяснить причины провозглашения ДКР, лежавшие в плоскости модернизационных мероприятий и хозяйственной целесообразности административного объединения Донецкого и Криворожского районов в единый экономический комплекс. Как и важно упомянуть желание сторонников ДКР сохранить Донбасс в составе обновлённой России, обезопасив республику от посягательств киевских властей, пытавшихся распространить на Донбасс чуждые региону национальные идеи.

Институциональное оформление государственного суверенитета ДКР шло довольно быстрыми темпами. Уже 14 февраля 1918 г. под председательством Артёма (Ф. Сергеева), который заявил о готовно-

сти выполнять постановления Совнаркома РСФСР, был сформирован Совнарком ДКР. Изначально состав правительства был многопартийным. Кроме собственно большевиков, в него вошли представители оппозиционных к РСДРП(б) партий: 1 меньшевик и 3 эсера. Однако в дальнейшем в работе СНК ДКР участвовали только большевики: Артём, М. Жаков, В. Филов, С. Васильченко, В. Межлаук, Б. Магидов, М. Рухимович и А. Каменский [Корнилов: 174].

Как известно, одним из неотъемлемых элементов государственного суверенитета являются вопросы безопасности, международного признания и государственных границ. ДКР возникла в границах, в основе которых были заложены экономические мотивы, в отличие от УНР, где государственные рубежи обуславливались этнографическими критериями, которые, как правило, имеют слабую локализацию. Не удивительно, что наибольшие пограничные споры возникли с Украинской Народной Республикой. В соответствии с особой декларацией СНК ДКР, в состав республики вошли территории современных Донецкой и Луганской народных республик, земли Днепропетровской, Запорожской, Харьковской, Сумской, Николаевской, Херсонской областей, а также отдельные районы нынешней Ростовской области. Заметим, что границы ДКСР во многом совпадали с историческими границами Новороссии.

Важным этапом на пути укрепления и развития суверенитета ДКСР как автономного субъекта Советской России стала необходимость её признания со стороны российского СНК. Важно сразу отметить сложность вопроса и отсутствие у Москвы единого на тот момент видения административно-территориального устройства государства. 17 февраля 1918 г. председатель российского ВЦИК Я. Свердлов получил телеграмму за подписью Артёма, в которой уведомлялось о создании новой республики. На что, однако, ДКР получила негативный ответ Москвы: «Отделение считаем вредным» [Большевистские: 558–559].

Провозгласив свой суверенитет, лидеры новообразованной республики приступили к реализации социально-экономических реформ. В этом направлении была проведена национализация заводов и шахт, их объединение в единый промышленный комплекс, а также установление рабочего контроля [Корнилов: 218–225]. Кроме этого, были установлены минимальная заработная плата с уравниванием зарплат женщин и мужчин, 8-часовой рабочий день, запрет труда детей в шахтах и учреждение конфликтных комиссий при профсоюзах для решения трудовых споров [Корнилов: 250–252]. Были также внедрены нововведения в судебной системе: введены «единообразные формы судопроизводства во всех судах» в виде «народных судов» на принципах выборности и применения общероссийских законов [Корнилов: 279].

Меры по осуществлению национализации предприятий были возложены на Южный областной совет народного хозяйства (ЮОСНХ), входивший в структуру Петроградского Высшего совета народного хозяйства. Первый глава ЮОСНХ В. Бажанов организовал на местах 14 районных совнархозов. Были введены новые правила внутреннего распорядка, восстановлена трудовая дисциплина и оптимизированы нормы выработки. Это позволило экономическому блоку Совнаркома добиться стабилизации и даже обозначить рост производства [Корнилов: 206–214]. В итоге ЮОСНХ продемонстрировал высокую эффективность советских хозяйственных структур, которые смогли в условиях нарастания хаоса Гражданской войны восстановить экономический потенциал Донбасса.

Важное место в государственных мероприятиях ДКР отводилось реформированию образовательной сферы. В декларации о деятельности правительства ДКР этому направлению отводилась почти треть от всего объёма. Совнарком молодой республики возложил эту работу на рабочие культурно-просветительские организации, учредив Советы народного образования, развернув сеть внешкольного образования и дошкольного воспитания. При этом был сделан акцент на создание обширных колоний для детей трудовой бедноты. Немаловажным также стало введение всеобщего бесплатного обучения и переустройства школы на началах однотипности трудового принципа самоуправления учащихся и политехнического образования» [Донецкий].

Успешный ход большинства социально-экономических реформ, проводимых руководством ДКР, был остановлен интервенцией войск стран Четверного Союза, с которым 27 января (9 февраля) 1918 г. в Брест-Литовске Центральная рада подписала соглашение о взаимопомощи. В обмен на сырьё, продовольствие и официальное признание суверенитета УНР в границах, на которые претендовала УЦР, союзники обязывались оказать ей военную помощь в борьбе против Советов. В эти границы входили территории исторической Новороссии, и ДКР в частности. Направленный на Украину для переговоров с правительством УНР Д. Мануильский отмечал исключительную необходимость пребывания Донбасса в составе России: «Исключить Донбасс из хозяйственного тела России – значит вызвать ее экономическую катастрофу» [Известия ЦИК].

Важно отметить стремление большевиков (в силу разных причин) к выполнению условий заключённого с Центральными державами Брест-Литовского договора. Так, 19 марта 1918 г. делегаты II Всеукраинского съезда Советов приняли резолюцию «О государственном устройстве», объявившую о прекращении федеративной связи Украины с Советской Федерацией: «...трудящиеся массы Украины рассма-

тривают Украинскую Советскую Республику как республику федеративную, объединяющую все советские объединения – вольные города и республики, как автономные части Украинской Федеративной Советской Республики» [Хронологічне: 381].

Поддержка лидерами ДКР последующего решения о включении республики в состав УФСР можно объяснить ситуативным желанием не противоречить и соответствовать мнению СНК во главе с В.И. Лениным. Очевидно, в сложившейся для большевиков неблагоприятной обстановке на Украине создание отдельных советских республик виделось ими целесообразным и единственно верным. В то же время часть руководства ДКР не разделяла взглядов лидера большевиков В. Ленина на малороссийское население как на особую украинскую нацию, имеющую право на собственную государственность. Отмечалась также тенденция борьбы большевиков с русским национальным сознанием в угоду наднациональному пролетарскому, без учёта интересов русского народа, который оказался разделён в нескольких административных единицах [Варгатюк].

Подчинение ДКР украинской юрисдикции было продиктовано также стремлением большевистских лидеров укрепить свои позиции среди формирующейся украинской политической элиты, имевшей весьма мобильные и не сформировавшиеся на тот момент ценностно-мировоззренческие и политические ориентиры. Это стремление полностью соответствовало курсу большевиков на интернационализм и «дружбу народов», вокруг которых планировали в будущем строить государство. Решение интегрировать ДКР в состав Украины вызвало правительственный кризис. Сторонники сохранения государственного суверенитета Донецко-Криворожской республики (В. Филон, С. Васильченко и М. Жаков) 29 марта 1918 г. подали в отставку.

Правительственный кризис совпал с продвижением немецко-австрийских воинских контингентов вглубь Донбасса. В итоге Совнарком ДКР вынужден был эвакуироваться сначала в г. Луганск, а затем за Дон. Накануне эвакуации глава СНК ДКР Артём опубликовал 7 апреля 1918 г. «Воззвание Совнаркома Донецко-Криворожской республики к мировой общественности», где обозначил свою позицию относительно войны, которую «развязало Киевское Правительство, наводнившее страну германскими войсками» [Шкуренко: 4]. Примечательно, что «Воззвание» было подписано им не только в качестве председателя Совнаркома, но и как народного комиссара иностранных дел. Это позволяет говорить, что лидеры республики по-прежнему считали ДКР суверенным субъектом международного права.

Произошедшие на этом фоне кадровые перестановки в системе государственного управления До-

нецко-Криворожской республики были продиктованы необходимостью решения сложных задач, направленных на обеспечение функционирования ведомств в условиях обороны республики. Превосходящие силы австро-немецких войск вынудили части 5-й армии ДКР 22 апреля отступить из Юзовки. Накануне, 20 апреля 1918 г., руководство ДКР на Вседонецком совещании представителей Советов и приняло план организованной и планомерной эвакуации многочисленных беженцев и материальных ценностей, шедшей под лозунгом «Ни одного гвоздя немецким грабителям» [Астахова: 157]. 28 апреля 1918 г. пала столица ДКР – Луганск, а остатки 5-й армии ДКР с боями отступили в район Миллерово и далее на Волгу.

В этот период позиция руководства РСФСР оставалась неизменной – Донбасс рассматривался исключительно в составе Советской Украины [Борисенок: 256]. Однако регион в тот период был оккупирован немецко-австрийскими войсками, которые сформировали в Киеве марионеточное правительство Украинской державы во главе с гетманом П. Скоропадским и грабили оккупированные области. Что интересно, Донбасс занимал в планах этих марионеточных структур центральное место. После нескольких раундов переговоров 8 августа 1918 г. стороны подписали договор об основных принципах двусторонних отношений, взаимно признав суверенитет и независимость и отказываясь от территориальных претензий. В качестве границ определили бывшую административную границу между Областью войска Донского и Воронежской, Харьковской и Екатеринославской губерниями. В районе Мариуполя украинцам передали ряд волостей для «обеспечения целостности административно-хозяйственного управления городом и портом»⁴. В итоге Донбасс вошёл в состав Украины.

В ноябре 1918 г. стало очевидно, что Первая мировая война завершается поражением Центральных держав, их воинские контингенты стали отзываться на Родину, а прогерманские силы на Украине лишились военной поддержки извне. На Украине началось антигетманское восстание, чем воспользовались большевики, начавшие на Донбассе уже в начале ноября силами рабочих отрядов разоружать гетманские части. Тогда же глава Реввоенсовета УССР И. Сталин в интересах интернационализма предложил продолжить интеграцию Донбасса с Центральной Украиной. Он заявил: «Никакого Донкривбасса не будет и не должно быть, пора бы бросить заниматься глупостями». 17 февраля 1919 г. Ленин подписал постановление: «Просить т. Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение Кривдонбасса» [Корнилов: 502]. По мнению В. Корнилова, никто официально ликвидации ДКР не провозглашал. Созданная в январе 1918 г., «она, в отличие от ЦИК Украины, никог-

да так и не была распущена. И это давало основания сторонникам идеи её существования добиваться возрождения административно-территориального обособления территорий, входивших в состав Донецкой республики» [Корнилов: 502–503].

Хаосом и разрухой на Донбассе воспользовались также силы белогвардейцев, которые 4 мая захватили Луганск, и в том же месяце – Юзовку [Какурин: 148]. Вплоть до декабря 1919 г. Донбасс находился под властью Добровольческой армии генерала А. Деникина. Его центральной идеей было воссоздание единой и неделимой России. Однако она, как и ряд других мер (денационализация предприятий, запрет рабочих организаций, насильственная мобилизация и др.) не нашли массовой поддержки у населения Донбасса. Ситуацию осложнял перенос решения «земельного вопроса» до победы над большевизмом. В октябре – декабре 1919 г. главные силы Добровольческой армии были разбиты частями Красной армии и к началу 1920 г. покинули Донбасс [Деникин: 233], где вновь были восстановлены советские органы власти.

Вышеизложенное позволяет нам сделать ряд выводов и обобщений. Во-первых, истоки государственного суверенитета Донецкой народной республики берут своё начало в политико-правовых процессах, протекавших на территории Донбасса в 1917–1919 гг. Распад Российской империи в 1917 г. привёл к крушению единого российского государства, на обломках которого возникли несколько суверенных политических проектов. Во-вторых, к строительству собственной государственности приступили в Украинской Народной Республике (центр – г. Киев) и Донецко-Криворожской республике (первая столица – г. Харьков), создававшейся на принципах неразрывной связи с Россией. В-третьих, эти реализовывавшиеся параллельно государственно-политические проекты имели кардинальные отличия. Если в основе УНР лежали национал-сепаратистские принципы и отделение от России, то ДКР с самого начала позиционировалась в качестве российского автономного субъекта. В-четвертых, в отличие от УНР, падение государственности ДКР произошло не вследствие внутренних противоречий, а в результате вторжения оккупационных германско-австрийских войск и последующей формальной ликвидации республики большевиками. Определяющим фактором стало решение лидеров большевиков строить Украинскую Советскую Республику как эталон решения национального вопроса и их желание увеличить число своих сторонников на Украине.

Примечания

¹ Временная инструкция Генеральному секретариату Временного правительства на Украине // Архив новейшей истории России. Т. IX. Журналы заседаний Временного правительства: Март – октябрь

1917 года: в 4 т. Т. 3: Июль – август 1917 года. Москва: РОССПЭН, 2004. 417 с.

² Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. Москва: Гос. Узд-во полит. лит-ры, 1957. 640 с.

³ Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦГАВОВУ Украины). Ф. 1115. Оп. 1. Д. 5.

⁴ ЦГАВОВУ Украины. Ф. 3766. Оп. 1. Д. 126.

Список литературы

Астахова В.И. Революционная деятельность Артема в 1917–1918 годах. Харьков: ХГУ, 1966. 178 с.

Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность. Февраль 1917 – июль 1918. Киев: Изд-во полит. лит-ры Украины, 1990. 799 с.

Большой юридический словарь / под общ. ред. В.Н. Додонова; авт. кол.: В.Н. Додонов, В.Д. Ермаков, М.А. Крылова. Москва: Инфра, 2001. 790 с.

Борисёнок Е.Ю. Украина и Россия: спор о границах в 1920-е годы // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе / отв. ред. Л.Е. Горизонтов. Москва: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 205–237.

Варгатюк П.Л. Донецько-Криворізька Радянська Республіка в оцінці В.І. Леніна // Український історичний журнал. 1988. № 4. С. 33–44.

Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине: в 3 т. Т. 2. Киев: Наукова думка, 1967. 731 с.

Венков А.В. Идея Доно-Кавказского союза и Южно-Русского союза в 1918 г. // Новое прошлое. 2019. № 2. С. 168–182.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооружённые силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск: Харвест, 2002. 464 с.

Донецкий пролетарий. 1918. 19 февр.

Известия ЦИК (Москва). 1918. 18 июля.

Какурин Н.Е. Гражданская война, 1918–1921. Санкт-Петербург: Полигон, 2002. 670 с.

Конституційні акти України. 1917–1920. Невідомі конституції України. Киев: Філософська та соціологічна думка, 1992. 332 с.

Корнилов В.В. Донецко-Криворожская республика: Расстрелянная мечта. Харьков: Фолио, 2011. 608 с.

Скворцова Л.А. Донбасс – «разменная монета» в политической борьбе 1917–1919 гг. // Культура и цивилизация. 2017. № 1 (5). С. 87–94.

Тадевосян Э.В. К вопросу о характере государственной власти субъекта Федерации // Государство и право. 2000. № 3. С. 17–26.

Триумфальное шествие Советской власти. Ч. 2. Москва: АН СССР, 1963. 495 с.

Хронологічне зібрання законів, указів Президії Верховної Ради, постанов і розпоряджень уряду УРСР 1917–1961. Киев, 1962. Т. 6.

Шкуренко О. Курс краткой истории Донецко-Криворожской Советской Республики // Коммерсант. 2015. 13 февр. С. 4.

References

Astahova V.I. *Revolucionnaya deyatel'nost' Artema v 1917–1918 godah* [Artyom's revolutionary activity in 1917–1918]. Har'kov, HGU Publ., 1966, 178 p. (In Russ.)

Bol'shevistskie organizacii Ukrainy: organizacionno-partijnaya deyatel'nost'. Fevral' 1917 – iyul' 1918 [Bolshevik organizations in Ukraine: organizational and party activities. February 1917 – July 1918]. Kiev, Izd-vo politicheskoy literatury Ukrainy Publ., 1990, 799 p. (In Russ.)

Bol'shoj yuridicheskij slovar' [Big Law Dictionary], ed. by V.N. Dodonova; comp. V.N. Dodonov, V.D. Ermakov, M.A. Krylova. Moscow, Infra-M Publ., 2001, 790 p. (In Russ.)

Borisyonok E.Yu. *Ukraina i Rossiya: spor o granicah v 1920-e gody. Regiony i granicy Ukrainy v istoricheskoy retrospektive* [Ukraine and Russia: border dispute in the 1920s. Regions and borders of Ukraine in historical retrospective], ed. by L.E. Gorizontov. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2005, pp. 205–237. (In Russ.)

Denikin A.I. *Ocherki russkoj smuty. Vooruzhyonnye sily yuga Rossii. Zaklyuchitel'nyj period bor'by. Yanvar' 1919 – mart 1920* [Essays on the Russian turmoil. The Armed Forces of the South of Russia. The final period of the struggle. January 1919 – March 1920]. Mn., Harvest Publ., 2002, 464 p. (In Russ.)

Doneckij proletarij [Donetsk Proletarian], 1918 g., 19 fevralya. (In Russ.)

Hronologichne zibrannya zakoniv, ukaziv Prezidii Verhovnoi Radi, postanov i rozporjadzhen' uryadu URSR 1917–1961 [Chronological selection of laws, decrees of the Presidium of the Verkhovna Rada, decrees and orders to the order of the URSR 1917–1961]. Kyiv, 1962, vol. 6. (In Ukr.)

Izvestiya CIK (Moskva) [Izvestiya Central Committee (Moscow)], 1918, 18 iyulya. (In Russ.)

Kakurin N.E. *Grazhdanskaya vojna, 1918–1921* [Civil war, 1918–1921]. Saint Petersburg, Poligon Publ., 2002, 670 p. (In Russ.)

Konstitucijni akti Ukraini, 1917–1920. Nevidomi konstitucii Ukraini [Constitutional acts of Ukraine, 1917–1920. Unknown constitutions of Ukraine]. K., Filososfs'ka ta sociologichna dumka Publ., 1992, 332 p. (In Ukr.)

Kornilov V.V. *Donecko-Krivorozhskaya respublika: Rasstrelyannaya mechta* [Donetsk-Kryvorozh Republic: The Shot Dream]. Har'kov, Folio Publ., 2011, 603 p. (In Russ.)

Shkurenko O. *Kurs kratkoj istorii Donecko-Krivo-rozhskoj Sovetskoj Respubliki* [Course in a Brief History of the Donetsk-Krivoi Rog Soviet Republic]. *Kommer-sant* [The Businessman], 2015, 13 fevralya, 4 p. (In Russ.)

Skvorcova L.A. *Donbass – «razmennaya mone-ta» v politicheskoy bor'be 1917–1919 gg.* [Donbass is a “currency” in the political struggle of 1917–1919]. *Kul'tura i civilizaciya* [Culture and civilization], 2017, № 1 (5), pp. 87-94. (In Russ.)

Tadevosyan E.V. *K voprosu o haraktere gosudar-stvennoj vlasti sub'ekta Federacii* [To the question about the nature of the state power of the subject of the Federation]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2000, No. 3, pp. 17-26. (In Russ.)

Triumfal'noe shestvie Sovetskoj vlasti [The triumphal procession of Soviet power]. Moscow, AN SSSR Publ., 1963, part 2, 495 p. (In Russ.)

Vargatyuk P.L. *Donec'ko-Krivoriz'ka Radyans'ka Respublika v ocinci V.I. Lenina* [The Donetsk-Kryvoriz-

ka Soviet Republic in the assessment of V.I. Lenin]. *Ukrains'kij istorichnij zhurnal* [Ukrainian Historical Journal], 1988, No. 4, pp. 33-44. (In Ukr.)

Velikaya Oktyabr'skaya socialisticheskaya revolyuciya na Ukraine [The Great October Socialist Revolution in Ukraine]: in 3 vols. Vol. 2. K., Naukova dumka Publ., 1967, 731 p. (In Russ.)

Venkov A.V. *Ideya Dono-Kavkazskogo soyuza i Yuzhno-Russkogo soyuza v 1918 g* [The idea of the Dono-Caucasus Union and the South-Russian Union in 1918]. *Novoe proshloe* [The New Past], 2019, No. 2, pp. 168-182. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.01.2023; одоברה после рецензирования 20.02.2023; принята к публикации 21.02.2023.

The article was submitted 13.01.2023; approved after reviewing 20.02.2023; accepted for publication 21.02.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 189–195. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2021, vol. 29, № 1, pp. 189–195. ISSN 1998-0817

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Научная статья

УДК 340.12

EDN ZWQYRJ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-189-195>

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИЙ XVIII–XIX ВВ.

Силантьева Виктория Александровна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, misvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8837-1062>

Аннотация. К фундаментальным основам человеческой культуры следует отнести похоронно-поминальную обрядность, в которой отражается жизненный цикл этноса. При чрезвычайных ситуациях происходят изменения привычного образа жизни людей и концентрация общественного внимания на ритуальной сфере. Такой ситуацией можно считать эпидемии, отличающиеся масштабом смертности. В статье на основе анализа нормативно-правовых актов XVIII–XIX вв. исследуется влияние эпидемий на погребальный процесс в России. По мнению автора, на первых этапах развития эпидемических болезней старались придерживаться традиционных правил погребения усопших. Однако с увеличением числа умерших государство ввело ограничения, которые касались и погребального процесса. В работе рассмотрены этапы погребального процесса и его особенности в период эпидемий XVIII–XIX вв.: упрощение подготовки и транспортировки тела к месту захоронения, изменение сроков, времени и места погребения, формальное выполнение обрядовых практик. Особое внимание уделено реакции населения на введенные властью запреты. В статье сформулирован основной вывод о том, что после масштабных эпидемий произошла трансформация погребального процесса, получившая отражение в российском законодательстве XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: эпидемия, чума, холера, правовое регулирование, погребальный обряд, похороны, кладбище.

Для цитирования: Силантьева В.А. Нормативно-правовое регулирование погребального процесса в России в период эпидемий XVIII–XIX вв. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 189–195. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-189-195>

Research Article

LEGAL REGULATION OF THE FUNERAL PROCESS IN RUSSIA DURING THE 18TH–19TH CENTURIES EPIDEMICS

Viktoriya A. Silantyeva, Candidate of Historical Sciences, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Russia, misvik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8837-1062>

Abstract. The fundamental foundations of human culture should include funeral and memorial rites, which reflect the life cycle of an ethnic group. In emergency situations, there are changes in the habitual image of people and the concentration of public attention on the ritual sphere. Epidemics that differ in the scale of mortality can be considered to be such situations. The article examines the influence of epidemics on the funeral process in Russia on the basis of the analysis of the 18th–19th centuries normative legal acts. According to the author, at the first stages of the development of epidemic diseases, people tried to adhere to the traditional rules of burial of the deceased. However, with the increase in the number of deceased, the state imposed restrictions that also applied to the funeral process. The paper considers the stages of the funeral process and its features during the 18th–19th centuries epidemics – simplification of the preparation and transportation of the body to the burial site, changing the term, time and place of burial, formal performance of ritual practices. Special attention is paid to the reaction of the population to the prohibitions imposed by the authorities. The article formulates the main conclusion that after large-scale epidemics, there had been a transformation of the funeral process, which the 18th–19th centuries Russian legislation reflected.

Keywords: epidemic, plague, cholera, legal regulation, funeral rite, funeral, cemetery.

For citation: Silantyeva V.A. Legal regulation of the funeral process in Russia during the 18th–19th centuries epidemics. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 189–195. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-189-195>

Похоронно-погребальная обрядность представляет собой важную часть социокультурного процесса, являясь отражением целостной системы взглядов, связанной как с религиозными воззрениями, так и с социально-политической структурой общества. Специфика похоронно-поминальной обрядности заключается в сохранении архаических принципов, с одной стороны, и зависимости от различных процессов, с другой. Важное влияние на ритуальную сферу в истории человечества оказывают эпидемии, которые, распространяясь, уносят тысячи жизней. Ни одна война не принесла столько жертв, сколько эпидемии. Эпидемии оставляют след в общественной памяти, дают новое представление о болезни, медицине и здоровье человека в целом. Но любая эпидемия вызывает нарушение привычного образа жизни людей: соблюдение санитарно-эпидемиологических мер, ограничение свободы, неопределенность – все это влияет на коллективное здоровье. Страх смерти приводит к тому, что в зоне общественного внимания оказывается такая значимая сфера, как ритуальная, являющаяся важным компонентом традиционной культуры.

По мнению И.Е. Левченко, «погребальный процесс состоит из этапов: 1) подготовка погребения (уход за телом умершего, выбор места захоронения, определение состава участников и их ролей в похоронах; 2) транспортировка умершего (вынос тела, шествие); 3) захоронение (помещение в могилу, закрытие сооружения, установка знака, отмечающего погребение). Обрядовые практики обычно осуществляют профессионалы – священнослужители, гробовщики, могильщики и др.» [Левченко: 158].

В XVIII–XIX вв. «повальные и заразные болезни» пугали не только масштабностью, но и низкой эффективностью лечения, непонятной природой возникновения болезни. В России эпидемии породили изменения в правилах погребального процесса: массовая смертность населения приводила к тому, что умерших от эпидемических заболеваний было запрещено хоронить по традиционным похоронным обрядам.

Нормативно-правовые акты XVIII–XIX вв. Российского государства строго регламентировали погребальный процесс во время эпидемий. Так, запрещалось не только омовение, но и прикосновение к телу умершего и его одежде. Все вещи покойного подлежали сжиганию. В Сенатском указе «О запрещении проходить и проезжать мимо учрежденных застав по запрещенным дорогам и провожать на погребение тела умерших от заразы, а тем паче прикасаться к оным»¹ от 15 октября 1771 г. запрещалось родственникам прикасаться и сопровождать усопшего от заразной болезни на одной повозке. Нарушивших указ мужчин определяли в погребатели, а женщин –

в лазареты до тех пор, пока болезнь не прекратится. Вновь эту норму закрепили в Сенатском указе от 11 ноября 1771 г.: жителям запрещалось усопших от заразной болезни родственников провожать, прощаться с ними, прикасаться к ним².

«Инструкция сотскому с товарищами» от 19 декабря 1774 г.³ предписывала, что если кто в зараженном доме скоропостижно умрет, то, не прикасаясь к нему голыми руками, только в рукавицах или обернув руки намоченными в уксусе или кислом квасе тряпицами, класть крючьями, наложенными на длинные шесты в той одежде, в которой умерли, зарывать в глубокие ямы и сверху высоко накидывать песок. Присутствовать при погребении могли только жители дома, в котором умер покойник. Стоять при закапывании следовало по ветру. Отпевание производилось священником на могиле после закапывания.

Запрещались похороны на обычных кладбищах. Эта традиция зародилась довольно давно: в русских землях в XIII – начале XVII в. в условиях чрезвычайных ситуаций, сопровождавшихся массовой гибелью населения, устраивали скудельницы. По мнению Р.Г. Скрынникова, новгородские скудельницы – это места, «куда в дни мора на время со всей округи собирали мертвые тела», которые «при первой возможности... отпевали и предавали земле за городом» [Скрынников: 103–104]. Первоначально скудельницы являлись наземными загородками, огороженными частоколом, а впоследствии представляли собой могильные ямы [Сорокин: 232–234].

Сенатский указ «О мерах по пресечению в Санкт-Петербурге заразных болезней: оспы, кори, лопухи и т. п.»⁴ от 18 октября 1755 г. – определил 4 церкви Санкт-Петербурга, в которые могли ходить заболевшие и их родственники (остальные жители не имели права посещать ни под каким предлогом); умерших от повальной болезни велено было в церковь не вносить, хоронить в закрытом гробу на кладбищах при этих четырех церквях по всем христианским обычаям (богослужение вели священники и причетники только этих церквей).

Эпидемия чумы 1771–1772 гг. в России достигла невероятных размеров: в Москве вымирали целыми дворами, московские приходские и монастырские кладбища оказались переполненными новыми захоронениями. Родственников не оставалось, хоронить было некому [Борей: 25]. Сенатский указ «О предосторожностях от заразной болезни» от 11 ноября 1771 г. обязал умерших хоронить особо, зарывать в глубокие ямы, учредив отдельные кладбища⁵. Таким образом, все кладбища в городской черте были закрыты и устроены десять новых кладбищ: около села Новое Ваганьково, Введенское (Немецкое) на Лефортовском холме, Даниловское близ Даниловой слободы, Калитниковское за Камер-Коллеж-

ским валом, Рогожское за Покровской заставой [Саладин: 104] и др.

В сенатском указе «О точном исполнении сделанных учреждений и распоряжений для пресечения язвы»⁶ от 15 ноября 1771 г. было предписано при кладбищах строить церкви, в которых отправлять по закону настоящее богослужение на поминовение душ. Первоначально были устроены деревянные храмы, имеющие статус кладбищенских. По мнению В.И. Борей (архимандрита Михаила), специфика таких храмов состояла в том, что богослужения совершались либо по необходимости отпевать усопших, либо в большие праздники, когда поминали. Собственных приходов в таких храмах не было [Борей: 25].

Для захоронения представителей благородного сословия выделили кладбища в Новодевичьем, Спасо-Андрониковом и Донском монастырях [Сироткин: 136].

Вследствие того, что умирали целыми семьями, погребальный процесс в период эпидемий осуществлялся полицией. Служащие полиции следили за исполнением запрета не переодевать покойников, занимались вывозом и захоронением умерших за пределами города. На кладбище порой вывозили на одной подводе по нескольку тел, в наскоро сколоченных ящиках или просто прикрытых ветшью и соломой [Борей: 25]. Однако число погибших продолжало стремительно расти [Палеев, Оноприенко, Молочков], поэтому уборкой трупов с улиц и дворов, а также погребениями стали заниматься «мортусы», назначенные из колодников, осужденных на поселение. На каждый съезжий двор полагалось по 6 человек (в случае необходимости количество менялось) под присмотром караула. Было велено содержать колодников не закованными в построенных при съезжих дворах избах. На их содержание отпускали карантинные суммы и кормовые по 6 коп. в день⁷. После прекращения эпидемии Сенатский указ «О разных распоряжениях по случаю прекращения моровой язвы»⁸ от 30 ноября 1772 г. оставил колодников, используемых для погребения умерших, в ведомстве Предохранительной комиссии на «всякий внезапный случай».

В начале XIX в. захоронения умерших от заразных болезней вели с повышенной защитой. «Гроб обрабатывали дезинфицирующими средствами, увеличили глубину могил до 4 аршин, а также насыпь. Особое внимание следовало уделять захоронениям мусульман и евреев, практикующих неглубокую засыпку» [Шестова: 134].

Во время эпидемии холеры 1830–1831 гг. в Санкт-Петербурге, по свидетельству генерал-майора И.Р. Ховена (1812–1881), бесконечные похороны и погребальные процессии приводили жителей в уны-

ние – они разбегались при виде верениц черных осмоленных гробов [Ховен: 198]. С целью прекращения упаднических настроений «полицией была объявлена высочайшая воля: «Умершие от холеры впредь имеют быть хоронимы не днем, а по ночам». Теперь все похороны проводились ночью, чтобы убрать с городских улиц бесконечные похоронные процессии. По свидетельству очевидцев, умерших от холеры хоронили в общих могилах во время эпидемии, что было вызвано необходимостью захоронить большое количество покойников за короткое время. Было дано разрешение продолжить захоронение на Митрофаньевском кладбище, которое позднее также продолжало использоваться как холерное» [Барабанова: 141].

Согласно исследованию Л.В. Выскочкова и А.А. Шелаевой, анализирующих воспоминания, письма, газетные заметки 1830–1831 гг., в Санкт-Петербурге в этот период можно было наблюдать как «с одиннадцати часов вечера тянулись по улицам целые обозы, нагруженные гробами, без духовенства, без молитвы... Одно из кладбищ находилось на Выборгской стороне на Куликовом поле. Там были индивидуальные и братские могилы (человек на 50)» [Выскочков, Шелаева: 283].

15 июня 1831 г. от холеры скончался в Витебске цесаревич Константин Павлович. Военный конвой, привезший его тело в Петербург, подвергся карантину. «В связи с санитарными предосторожностями тело цесаревича провезли мимо Царского Села и на три дня выставили в Петропавловском соборе среди траурного убранства. Публика не допускалась. Императорская фамилия не присутствовала на панихидах» [Выскочков, Шелаева: 275].

«Устав о карантинах»⁹ от 20 октября 1832 г. определил: умершие от заразы должны были погребаться на карантинном кладбище в ямах не менее одной сажени глубины, без гробов, или в открытых гробах, засыпаться негашеной известью (однако во время Ветлянской чумы 1878–1879 гг. представители медицинского сообщества выступали за то, чтобы отказаться от похоронного обряда и предлагали хоронить без гробов и саванов под слоем негашеной извести [Пироговская: 215], что свидетельствует о нарушении «Устава о карантинах»). Участвующие в погребении содержались в особом отделении, а впоследствии подлежали 28-дневному карантину. Посторонние люди и процессии не допускались. Умершие от чумы погребались немедленно после осмотра карантинными медиками, их нельзя было хоронить на городских или деревенских кладбищах, для этого выделялись особые места, которые обносили изгородью или глубоким рвом. Впоследствии после прекращения эпидемии на кладбищах, где были погребены умершие от чумы, никого нельзя было хоронить.

Именной указ Александра II «Об устройстве в Санкт-Петербурге на всех городских кладбищах особых барачков для помещения там на определенный срок тел умерших от холеры»¹⁰ от 24 июня 1866 г. требовал устроить на всех городских кладбищах особые бараки, с тем чтобы тела умерших от холеры во временных лечебницах и на квартирах отправляли туда немедленно после смерти и оставляли в течение определенного срока до разложения.

«Временные правила о принятии мер к прекращению чумной заразы при появлении ее внутри Империи» от 3 июня 1897 г.¹¹ устанавливали, что умершие от чумы должны были быть погребены не позже 24 часов после смерти в особо отведенных местах. Еще раз запрещалось по прекращении заразы хоронить кого бы то ни было на чумном кладбище. Закрытые чумные кладбища подлежали обеззараживанию.

Эти меры вызывали непонимание и недовольство значительной части общества, что приводило к нарушению не только правовых норм, но и религиозно-нравственных. Кроме того, с одной стороны, представители власти в любой момент могли запретить скопления людей, в том числе многолюдные похороны, а с другой – семьи зачастую не могли обеспечить умершим пристойные индивидуальные похороны. Возникал некий протест и неоднозначная реакция на государственные противоэпидемические меры. Так, В.А. Зверев отмечает, что в некоторых селениях Верхнего Приобья жители впадали в панику, «забросив свои повседневные занятия, начинали пьянствовать, буйствовать, отказывались хоронить умерших и даже делать гробы» [Зверев: 2].

Были известны случаи, когда в период эпидемии выбрасывали трупы умерших на улицу без христианского погребения, тайно зарывали в не отведенных для этого местах. Так, в именном указе окольничим Ивану и Матвею Милославским «О внесении их в Московский список за утайку в доме матери их заразной болезни»¹² было замечено, что в доме их матери Милославской и в ее деревне обнаружена болезнь с язвами, о которой не известили царский двор, а умерших же хоронили во дворах.

Подобное стало массовым во время эпидемии чумы 1771 г. В своем произведении «Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы» писатель и журналист М.И. Пыляев так описывал это событие: «народ умирал ежедневно тысячами; фурманщики, или, как их тогда называли, “моргусы”, в масках и воцанных плащах длинными крючьями таскали трупы из выморочных домов, другие поднимали на улице, клали на телегу и везли за город, а не к церквам, где прежде покойников хоронили. Человек по двадцати разом взваливали на телегу. Трупы умерших выбрасывались на улицу или тайно зарывались в садах, огородах и подвалах» [Пыляев: 8].

По свидетельству очевидца врача Иоганна Якоба Лерхе, составившего санитарные правила для москвичей, «каждый день на улицах можно было видеть больных и мертвых, которых вывозили. Многие трупы лежали на улицах: люди либо падали мертвыми, либо трупы выбрасывали из домов. У полиции не хватало ни людей, ни транспорта для вывоза больных и умерших, так что нередко трупы по 3–4 дня лежали в домах» [Гутман, Захарцев, Сальников: 44].

Чтобы это пресечь, был издан ряд нормативно-правовых актов. В 1771 г. вышел Сенатский указ «О неутайке больных и о невыбрасывании из домов мертвых тел»¹³ от 26 августа, согласно которому было запрещено москвичам утаивать заболевших, а умерших выкидывать в публичные места. Нарушителей подвергали наказанию в виде каторжных работ. Манифест от 9 сентября 1771 г. «О наказании сопротивляющихся мерам, установленным для отвращения заразных болезней; о порядочном содержании взятых в карантин людей; о неделании им никаких притеснений, и о невынуждении от них взятки»¹⁴ предписывал строжайше наказывать виновных в подобных преступлениях. С целью предотвращения таких преступлений было установлено, что в случае скорострительной смерти кого-либо из домочадцев хозяин дома должен был доложить полиции¹⁵.

Сенатский указ «О объявлении частным смотрителям о телах, похороненных во время заразной болезни в домах и садах и сокрытии без зарытия и о награждении доносителей»¹⁶ от 27 февраля 1772 г. содержал сведения о том, что в Москве во время заразной болезни скрывали не только заболевших, но и умерших, зарывая последних во дворах и в садах весьма мелко, а иных бросали в потайных местах, что является небезопасно. Поэтому, если у кого в доме или саду похоронены умершие либо без зарытия сокрыты, следовало немедленно известить частных смотрителей. Виновные, не сообщившие о таких деяниях, подлежали наказанию по всей строгости. Донесшим о подобных преступлениях предоставляли вознаграждение в размере 20 руб.

Сложная ситуация была в местах проживания мусульманских народов. В Дагестане, по мнению С.Б. Манышева, некоторые народы выслали больных в поле подальше от селения, где те либо выздоравливали, либо умирали. Дагестанские адаты регламентировали и то, что «к погребению их общество не приступает; только ближайшим родственникам, если сами пожелают, предоставляется право хоронить их, но с тем, однако, что они в селение не могут возвратиться, пока болезнь совершенно не прекратится» [Манышев: 93].

В период эпидемии холеры 1892 г. местному населению Туркестана «запретили хоронить по мусульманскому обычаю на следующий день, были закрыты

кладбища, покойников разрешалось хоронить только на одном кладбище, находящимся за городом, на могилах проводилась дезинфекция. Предусматривался также осмотр тел умерших, а поскольку трупов было очень много, а медицинского персонала недостаточно, то осмотр откладывался, в условиях невыносимой жары трупы разлагались» [Брежнева: 148]. Коренное население прятало трупы умерших, с тем чтобы предать земле по мусульманскому обычаю. Даже в начале XX в. Бакинский губернатор писал, что «хуже всего обстоит дело с погребением умерших от холеры. По укоренившимся религиозным убеждениям мусульмане не допускают к покойнику никаких дезинфекционных средств. Попытки полицейскими и насильственными мерами добиться исполнения правил о погребении привели к тому, что мусульмане стали скрывать умерших и хоронить их тайно»¹⁷.

Таким образом, законодатель четко регулировал сферу ритуальных услуг в период распространения повальных и заразительных болезней XVIII–XIX вв., что приводило к существенной трансформации погребального процесса. Были ограничены важнейшие компоненты похоронного ритуала: омовение, облачение, прощание с покойником. Заметным изменениям подверглись сроки и время погребения. Значимым являлся и запрет хоронить на обычных городских и сельских кладбищах. С окончанием эпидемии чумы 1771–1772 гг. возникла новая тенденция: упразднение приходских кладбищ и вынесение их за пределы городской черты, дальнейшее распространение получила практика создания братских могил. Однако можно утверждать, что власть, осуществляя столь непопулярные меры, заботилась в силу своих возможностей о народном здравии.

Примечания

¹ О запрещении проходить и проезжать мимо учрежденных застав по запрещенным дорогам и провозить на погребение тела умерших от заразы, а тем паче прикасаться к оным: Сенатский указ от 15 октября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13680.

² О предосторожностях от заразительной болезни: Сенатский указ от 11 ноября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13696.

³ Инструкция сотскому с товарищами // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 19. 1774. № 14231.

⁴ О мерах по пресечению в Санкт-Петербурге заразительных болезней: оспы, кори, лопухи и т. п.: Сенатский указ от 18 октября 1755 г. // ПСЗРИ. 1755. Собр. 1. Т. 14. № 10476.

⁵ О предосторожностях от заразительной болезни: Сенатский указ от 11 ноября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13696.

⁶ О точном исполнении сделанных учреждений и распоряжений для пресечения язвы: Сенатский

указ от 15 ноября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13697.

⁷ О разных распоряжениях по случаю прекращения моровой язвы: Сенатский указ от 30 ноября 1772 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13641.

⁸ О разных распоряжениях по случаю прекращения моровой язвы: Сенатский указ от 30 ноября 1772 г. // ПСЗРИ. 1772. Собр. 1. Т. 19. 13913.

⁹ Устав о карантинах от 20 октября 1832 г. // ПСЗРИ. 1832. Т. 7. № 5690.

¹⁰ Об устройстве в Санкт-Петербурге на всех городских кладбищах особых барачков для помещения там на определенный срок тел умерших от холеры: Именной указ от 24 июня 1866 г. // ПСЗРИ. 1866. Собр. 2. Т. 41. № 43425.

¹¹ Временные правила о принятии мер к прекращению чумной заразы при появлении ее внутри Империи: Высочайше утверждены 3 июня 1897 г. // ПСЗРИ. 1897. Собр. 3. Т. 17. № 14267.

¹² О внесении их в Московский список за утайку в доме матери их заразительной болезни: именной указ окольничим Ивану и Матвею Милославским от 2 декабря 1655 г. // ПСЗРИ. 1655. Собр. 1. Т. 1. № 168.

¹³ О неутайке больных и о невыбрасывании из домов мертвых тел: Сенатский указ от 26 августа 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13648.

¹⁴ О наказании сопротивляющихся мерам, установленным для отвращения заразительных болезней; о порядочном содержании взятых в карантин людей; о неделании им никаких притеснений, и о невынуждении от них взятков: Манифест от 9 сентября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13653.

¹⁵ О мерах предохранения жителей от прилипчивой болезни: Объявление Главной Санкт-петербургской полиции от 10 октября 1771 г. // ПСЗРИ. 1771. Собр. 1. Т. 19. № 13674.

¹⁶ О объявлении частным смотрителям о телах, похороненных во время заразительной болезни в домах и садах и сокрытии без зарытия и о награждении доносителей: Сенатский указ от 27 февраля 1772 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 19. 1772. № 13768.

¹⁷ Врачебный вестник. 1905. № 17. С. 23.

Список литературы

Барабанова К.С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия и отношения к ним горожан // Труды Института российской истории РАН. 2014. № 12. С. 130–144.

Борей В.И. (архимандрит Михаил). Упразднение Московских приходских погостов и создание первых городских кладбищ после событий 1771 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 24–26.

Брежнева С.Н. «Холерный бунт» в Ташкенте в 1892 г.: стихийный взрыв или намеренное противодействие власти // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2021. С. 145–151.

Высочков Л.В., Шелаева А.А. Холерная пандемия 1830–1831 гг. в Российской империи по воспоминаниям и письмам, газетным заметкам, текстам административных указов и другим личным и официальным источникам // *Studia Historica Gedanensia*. 2021. Т. 12. С. 259–288.

Гутман М.Ю., Захарцев С.И., Сальников М.В. Образцы поведения монархов и руководителей силовых ведомств во время эпидемий и пандемий как бесценный опыт и личный пример потомкам // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 3. С. 39–60.

Зверев В.А. Санитарная культура и жизнесохранительное поведение крестьянства Верхнего Приобья (два сюжета из второй половины XIX – первой трети XX в.) // Бердск: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. и материалов науч.-практ. конф. Новосибирск: НГПУ, 1996. Вып. 1. С. 1–8.

Левченко И.Е. Погребальные практики (историко-социологический экскурс) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3. Общественные науки. 2009. № 4 (70). С. 158–165.

Маньшнев С.Б. Здравоохранение Дагестана (конец XVIII – первая половина XIX в.): дис. ... канд. истор. наук. Москва, 2020. 308 с.

Палеев Ф.Н., Оноприенко Г.А., Молочков А.В. Эпидемия чумы XVIII века и развитие здравоохранения в Москве // Альманах клинической медицины. 2015 (Март). № 37. С. 6–9.

Пироговская М.М. Ветлянская чума 1878–1879 гг.: санитарный дискурс, санитарные практики и (ре)формирование чувствительности // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 198–229.

Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. Санкт-Петербург: Изд. А.С. Суворина, 1891. 132 с.

Саладин А. Т. Очерки истории московских кладбищ. Москва: Книжный сад, 1997. 343 с.

Сироткин А.С. Чума в Москве в 1770–1772 г. и санитарные меры правительства и московских властей // Вестник Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2014. № 17 (139). С. 130–141.

Скрынников Р.Г. Трагедия Новгорода. Москва, 1994. 188 с.

Сорокин А.Н. Скудельницы древнего Новгорода (к вопросу об особенностях древнерусского погребального обряда в чрезвычайных ситуациях) // Исторические исследования. Журнал Историческо-

го факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2015. № 2 (3). С. 230–256.

Ховен И.Р. Холера в Санкт-Петербурге в 1831 году // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 2. С. 194–199.

Шестова Т.Ю. Эпидемии чумы в России в XVIII – первой половине XIX в. // «Вызов» в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 2021. С. 132–135.

References

Barabanova K.S. *Pervaja holera v Sankt-Peterburge v 1831 g.: protivojepidemicheskie meroprijatija i ot-noshenija k nim gorozhan* [The first cholera in St. Petersburg in 1831: anti-epidemic measures and the attitude of citizens towards them]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN* [Proceedings of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences], 2014, No. 12, pp. 130-144. (In Russ.)

Borej V.I. (arhimandrit Mihail). *Uprazhdenie Moskovskih prihodskih pogostov i sozdanie pervyh gorodskih kladbishh posle sobytij 1771 g.* [The abolition of Moscow parish pogosts and the creation of the first urban cemeteries after the events of 1771]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theory and Practice], 2017, No. 5 (79), pp. 24-26. (In Russ.)

Brezhneva S.N. *«Holernyj bunt» v Tashkente v 1892 g.: stihijnyj vzryv ili namerennoe protivodejstvie vlasti* [The «Cholera Riot» in Tashkent in 1892: Spontaneous Explosion or Intentional Counteraction to Power]. *«Vyzov» v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost'*. *Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [«Challenge» in the Everyday Life of the Russian Population: History and Modernity: materials of the International Scientific Conference]. Sankt-Peterburg, 2021, pp. 145-151. (In Russ.)

Gutman M.Ju., Zaharcev S.I., Sal'nikov M.V. *Obrazcy povedenija monarhov i rukovoditelej silovyh vedomstv vo vremja jepidemij i pandemij kak bescennyj opyt i lichnyj primer potomkam* [Patterns of behavior of monarchs and heads of law enforcement agencies during epidemics and pandemics as an invaluable experience and personal example for descendants]. *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'* [Legal Science: History and Modernity], 2022, № 3, pp. 39-60. (In Russ.)

Hoven I.R. *Holera v Sankt-Peterburge v 1831 godu* [Cholera in St. Petersburg in 1831]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina* [Bulletin of O.E. Kutafin University], 2017, № 2, pp. 194-199. (In Russ.)

Levchenko I.E. *Pogrebal'nye praktiki (istoriko-so-cio-logicheskij jekskurs)* [Funeral practices (historical

and sociological excursus)]. *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3: Obshhestvennye nauki* [News of the Ural State University. Series 3: Social Sciences], 2009, № 4 (70), pp. 158-165. (In Russ.)

Manyshev S.B. *Zdravoohranenie Dagestana (konec XVIII – pervaja polovina XIX v.): diss. ... kand. istor. nauk* [Health care of Dagestan (late 18th - first half of the 19th century)]. DSc thesis. Moscow, 2020, 308 p. (In Russ.)

Paleev F.N., Onoprienko G.A., Molochkov A.V. *Jepidemiya chumy XVIII veka i razvitie zdravooohranenija v Moskve* [Plague epidemic of the 18th century and the development of health care in Moscow]. *Al'manah klinicheskoj mediciny* [Almanac of Clinical Medicine], 2015, March, No. 37, pp. 6-9. (In Russ.)

Pirogovskaja M.M. *Vetljanskaja chuma 1878–1879 gg.: sanitarnyj diskurs, sanitarnye praktiki i (re) formirovanie chuvstvitel'nosti* [Vetlyanskaya plague of 1878–1879: sanitary discourse, sanitary practices and (re) formation of sensitivity]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2012, № 17, pp. 198-229. (In Russ.)

Pyljaev M.I. *Staraja Moskva: Rasskazy iz byloj zhizni pervoprestol'noj stolicy* [Old Moscow: Stories from the past life of the capital]. Sankt-Peterburg, 1891, A.S. Suvorin Publ., 132 p. (In Russ.)

Saladin A. T. *Ocherki istorii moskovskih kladbishh* [Essays on the history of Moscow cemeteries]. Moscow, Knizhnyj sad Publ., 1997, 343 p. (In Russ.)

Sirotkin A.S. *Chuma v Moskve v 1770-1772 gg. i sanitarnye mery pravitel'stva i moskovskih vlastej* [Plague in Moscow in 1770-1772 and sanitary measures of the government and Moscow authorities]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities], 2014, № 17 (139), pp. 130-141. (In Russ.)

Shestova T.Ju. *Jepidemii chumy v Rossii v XVIII - pervoj polovine XIX v.* [Plague epidemics in Russia in the 18th - first half of the 19th centuries], «*Vyzov*» v povsednevnoj zhizni naselenija Rossii: istorija i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch. konf. [«Challenge» in the

Everyday Life of the Russian Population: History and Modernity: materials of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, 2021, pp. 132-135. (In Russ.)

Skrynnikov R.G. *Tragedija Novgoroda* [The tragedy of Novgorod]. Moscow, 1994, 188 p. (In Russ.)

Sorokin A.N. *Skudel'nicy drevnego Novgoroda (k voprosu ob osobennostjakh drevnerusskogo pogrebal'nogo obrjada v chrezvychajnyh situacijah)* [Mass graves of ancient Novgorod (to the question of the features of the ancient Russian funeral rite in emergency situations)]. *Istoricheskie issledovanija. Zhurnal Istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova* [Historical research. Journal of the Faculty of History of Moscow State University named after M.V. Lomonosov]. 2015, № 2 (3), pp. 230-256. (In Russ.)

Vyskochkov L.V., Shelaeva A.A. *Holernaja pandemija 1830-1831 gg. v Rossijskoj imperii po vospominanijam i pis'mam, gazetnym zametkam, tekstam administrativnyh ukazov i drugim lichnym i oficial'nym istochnikam* [Cholera pandemic of 1830-1831 in the Russian Empire according to memoirs and letters, newspaper notes, texts of administrative decrees and other personal and official sources]. *Studia Historica Gedanensia*, 2021, vol. 12, pp. 259-288. (In Russ.)

Zverev V.A. *Sanitarnaja kul'tura i zhiznesohranitel'noe povedenie krest'janstva Verhnego Priob'ja (dva sjuzheta iz vtoroj poloviny XIX – pervoj tretej XX v.)* [Sanitary culture and life-saving behavior of the peasantry of the Upper Ob region (two plots from the second half of the 19th - the first third of the 20 th century)]. *Berdsck: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: sbornik statej i materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Berdsck: Past, Present, Future: Collection of Articles and Materials of the Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, NGPU Publ., 1996, iss. 1, pp. 1-8. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.01.2023; одобрена после рецензирования 03.02.2023; принята к публикации 08.02.2023.

The article was submitted 28.01.2023; approved after reviewing 03.02.2023; accepted for publication 08.02.2023.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ СИСТЕМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА

Широкова Полина Витальевна, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, shirokov4444@mail.ru

Аннотация. На современном этапе цифровизация общественных отношений активно внедряется во все сферы жизни общества, что ведет к качественным изменениям. Основой указанного процесса служит формирование и распространение новых моделей работы, в том числе в деятельности органов прокуратуры. Работник прокуратуры как субъект государственной власти в своей профессиональной деятельности не может оставаться в стороне от системы современных технологий, используя которые прокурор способен умело реализовывать предоставленные ему полномочия в практической деятельности, добиваться действенных результатов по обеспечению верховенства закона, защите прав и свобод человека и гражданина, законных интересов общества и государства, исключив формальный подход для достижения указанных целей. В статье рассмотрен вопрос использования информационных систем в деятельности прокуратуры, а именно государственной автоматизированной системы правовой статистики (далее – ГАС ПС), переход на электронный документооборот. Называются имеющиеся на сегодняшний день проблемные аспекты возможностей, предоставленных ГАС ПС, как инструмента ненадзорной деятельности прокуратуры, а также приводятся конкретные предложения по их решению. Автором сделан вывод об актуальности вопросов оптимизации подходов использования ГАС ПС в прокурорской деятельности, что способно качественно повысить эффективность выполнения задач и достижения целей прокуратуры, вытекающих из требований Конституции Российской Федерации и закрепленных в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации».

Ключевые слова: информационная система, цифровая трансформация, государственная автоматизированная система правовой статистики.

Для цитирования: Широкова П.В. К вопросу о применении информационных систем в деятельности прокурора // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 196–200. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-196-200>

Research Article

ON THE ISSUE OF THE USE OF INFORMATION SYSTEMS IN THE ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR

Polina V. Shirokova, Senior Lecturer of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases, Saint-Petersburg Law Institute (branch) of the Federal State Establishment of Higher Education «University of prosecutor's office of the Russian Federation», Saint Petersburg, Russia, shirokov4444@mail.ru

Abstract. At the present stage, the digitalisation of public relations is actively introduced into all spheres of society, which leads to qualitative changes. The basis of this process is the formation and dissemination of new models of work, including in the activities of the prosecutor's office. An employee of the prosecutor's office, as a subject of state power, in its professional activities cannot remain aloof from the system of modern technologies using which, the prosecutor is able to skillfully implement the powers granted to it in practice, achieve effective results in ensuring the rule of law, protecting human rights and freedoms and citizen, the legitimate interests of society and the state, excluding a formal approach to achieve these goals. The article considers the issue of using information systems in the activities of the prosecutor's office, namely the state automated system of legal statistics (hereinafter referred to as GAS PS), the transition to electronic document management. The current problematic aspects of the opportunities provided by the GAS PS as a tool for non-supervisory activities of the prosecutor's office are named, and specific proposals for their solution are given. The author concluded that the issues

of optimising approaches to the use of the GAS PS in prosecutorial activities are topical, which can qualitatively increase the efficiency of fulfilling the tasks and achieving the goals of the prosecutor's office, arising from the requirements of the Constitution of the Russian Federation and enshrined in the relating Federal Law of the Russian Federation.

Keywords: information system, digital transformation, state automated system of legal statistics.

For citation: Shirokova P.V. On the issue of the use of information systems in the activities of the prosecutor. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 196–200. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-196-200>

Стремительное развитие компьютерных технологий, информационно-телекоммуникационных сетей и связанная с этим активная цифровизация общественных отношений потребовала проведения масштабной работы по внедрению в деятельность государственных органов различных информационных систем.

Дефиниция информационной системы определена Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», согласно которому информационная система – это совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

Во исполнение Указа Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» невозможно не отметить активное стремление к «цифровой зрелости» ведущих отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления, качественные изменения во всех значимых сферах, переход на электронный документооборот органов власти всех уровней.

Не стала исключением в процессе использования информационных систем и деятельность органов прокуратуры.

Некоторые авторы, выделяя основополагающие принципы цифровизации прокуратуры, называют оптимизацию, стандартизацию, виртуализацию, унификацию, модульность, консолидацию, импортозамещение и информационную безопасность [Середа, Чесноков: 271].

Другие добавляют принцип системных инноваций как обязательное условие организации технологических систем для всех сфер жизнедеятельности. Такие инновации способны активировать работу многих подсистем организации [Долидзе, Ионкина: 55].

Е.А. Иванченко, М.А. Кистанова убеждены, что оперативность обмена информацией будет способствовать повышению результативности надзорной деятельности в сфере восстановления нарушенных прав граждан [Иванченко, Кистанова: 8].

Соглашаясь с позицией указанных авторов, следует отметить, что, основываясь на приведенных ими принципах, в целях совершенствования информационного обеспечения органов и организаций прокуратуры Российской Федерации цифровая трансфор-

мация прокурорской деятельности является одной из основных современных задач, успешное решение которой может быть достигнуто путем развития и гармонизации нормативно-правовой и информационно-технологической базы, комплексной оптимизации прокурорской деятельности в целом.

В настоящее время в прокурорской деятельности используются различные автоматизированные информационные комплексы и системы, процесс совершенствования которых не останавливается.

Поскольку сегодня государственная автоматизированная система правовой статистики (далее – ГАС ПС) – это наиболее эффективный инструмент правовой статистики, возможности именно этой системы выделим отдельно. Правовые основы функционирования системы регламентированы Правительством Российской Федерации.

Благодаря ГАС ПС на федеральном уровне функционирует единое хранилище статистических данных, что способствует увеличению степени контроля за достоверностью правовой статистики. Кроме того, такой формат хранения предоставляет возможность проверки процессуальных документов любого уголовного дела.

Создание, развитие, ввод в эксплуатацию и обеспечение функционирования ГАС ПС осуществляется Генеральной прокуратурой Российской Федерации в целях государственного единого статистического учета.

Указанное программное обеспечение представляет собой комплексное техническое решение для функций органов прокуратуры и выполнено в виде самостоятельных блоков-модулей.

ГАС ПС способствует оперативному выявлению и решению задач, стоящих перед прокуратурами всех уровней, помогает эффективно взаимодействовать между собой, позволяя обеспечить согласованность принимаемых решений, несмотря на разные исходные условия прокуратур, с целью обеспечить все структурные элементы прокурорской системы к 2025 году эффективностью функционирования в условиях цифровой экономики согласно требованиям информационного общества.

Из позитивных моментов использования возможностей ГАС ПС прежде всего необходимо отметить обеспечение максимальной прозрачности, достоверности и полноты всего комплекса статистических сведений, поскольку аккумуляция информации

для отражения в ГАС ПС начинается с момента получения правоохранительными органами сообщения о преступлении и продолжается на всех стадиях уголовного судопроизводства до разрешения уголовного дела по существу.

При изучении содержания информационной системы видно, что структура программного обеспечения ГАС ПС состоит из следующих компонентов: «Мое производство», «Учет работы прокуроров», «Обработка документов», «Реестры», «Аналитика», «Администрирование», «Отчеты». В свою очередь каждый из них структурирован на разделы. Например, компонент «Аналитика» включает разделы: «Свободный поиск», «Свободный поиск КУСП», «Аналитические панели», «Карта преступности», «Типовые нарушения», «Конструктор отчетов ФБД» и «Конструктор отчетов ДПУ».

Для установления единого порядка учета работы прокуроров, ведения ведомственной статистической отчетности и создания единой базы данных в органах прокуратуры создан модуль «Учет работы прокуроров» (далее – Модуль). При использовании Модуля текущая работа прокурора по основным направлениям деятельности органов прокуратуры отражена в учетных карточках в электронном виде с последующим автоматизированным формированием ведомственных форм статистической отчетности. Работники органов прокуратуры являются пользователями Модуля, используя для доступа в систему ГАС ПС персональный логин и пароль при наличии «Рутокена».

Вход в систему ГАС ПС, таким образом, предотвращает несанкционированный доступ к загруженным данным и обеспечивает защиту системы от недостоверной информации. Наличие персональных паролей позволяет разделять права доступа пользователей к функционалам ГАС ПС. Работники высшего звена прокуратуры контролируют полноту заполнения статистических карточек подчиненными прокурорами, осуществляя мониторинг материалов в электронном виде на всех уровнях, что позволяет проверять нижестоящие прокуратуры удаленно, а следовательно, оперативно и своевременно.

Представляется, что цифровая трансформация направлена на повышение уровня используемых в прокурорской деятельности технологий, а также переход на электронный документооборот в связи с использованием внутренней закрытой сети, обладающей надежной защищенностью данных, реализуемой органами прокуратуры Российской Федерации исключительно для служебного пользования, а также сети, которая связывает органы прокуратуры с другими лицами, как юридическими, так и физическими, которые могут обратиться в органы прокуратуры на всей территории страны, получить разъяснение

правового характера, ознакомиться с результатами прокурорских проверок и т. п.

В конечном итоге преимущество цифровой трансформации состоит в простоте и доступности документооборота как внутри конкретной прокуратуры или прокуратуры отдельно взятого субъекта Российской Федерации, так и на всей территории Российской Федерации.

Вместе с тем, несмотря на уникальность возможностей ГАС ПС в практической прокурорской деятельности, нами выделяются некоторые сложности реализации всех возможностей системы на данном этапе внедрения ее в работу.

Так, определенные затруднения вызывает эффективное совмещение процесса оперативного внесения данных в ГАС ПС с выполнением текущих задач прокурорской деятельности, в связи с существенным объемом информации, подлежащей занесению в систему, что представляет собой трудоемкий и времязатратный процесс.

Ряд практических работников предлагает определить конкретных сотрудников, выполняющих исключительно данные функции. Между тем считаем нерациональным предложение о создании либо выделении отдельных штатных единиц для внесения сведений в ГАС ПС, поскольку в чистом виде отнести такую работу к прокурорской деятельности нельзя. Возложить названные функции только лишь на работников гражданской службы органов прокуратуры представляется нецелесообразным ввиду широчайшего спектра прокурорских полномочий, а также особенностей их исполнения, которые могут быть до конца не ясны государственным служащим.

Полагаем, что решить указанные проблемы возможно, руководствуясь требованиями приказов Генерального прокурора Российской Федерации от 18.01.2016 № 18 «О проведении опытной эксплуатации государственной автоматизированной системы правовой статистики» от 21.01.2022 № 15 «О проведении опытной эксплуатации модуля «Учет работы прокуроров» модернизированного специального программного обеспечения государственной автоматизированной системы правовой статистики», соблюдая установленные в них сроки проверки, утверждения и направления статистических карточек для учета и обработки в ГАС ПС, введения данных, характеризующих работу прокурора, и прикрепления сканированных копий актов прокурорского реагирования и иных материалов в Модуль. Выполняя указанную работу на системной основе, возможно преодолеть эту проблему. Кроме того, в перспективе ведомственная отчетность, которая сегодня составляется прокурором с использованием системы «АРМ-Статистика» в течение нескольких дней, в Модуле будет сформирована за несколько минут по всем формам отчет-

ности, поскольку показатели формируются автоматически.

Также для обеспечения надежного функционирования собственной цифровой инфраструктуры прокуратуры, согласно Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года, представляется важным обеспечить возможность качественного обучения работе в ГАС ПС оперативных сотрудников, повышая их цифровую грамотность, что позволит как молодым специалистам, так и любому прокурорскому работнику в ходе самообразования, а также в рамках проводимых рабочих групп и обучающих семинаров ознакомиться с возможностями ГАС ПС, усовершенствовать свои навыки работы в системе [Лихачёва: 129].

Кроме того, в практической деятельности выделяется проблема ведения параллельного учета данных, поскольку учет сведений о работе прокурора в информационной системе не отменяет обязанность составления ведомственных статистического отчетов в «АРМ-Статистика», представляемых вышестоящему прокурору на бумажном носителе, и последующего их хранения в прокуратуре. Полагаем, такое дублирование отчетов носит временный характер, что неизбежно на переходном этапе на электронный документооборот, и с течением времени будет устранено, поскольку ГАС ПС непосредственно способствует переходу от хранения колоссального объема служебной документации на бумажных носителях к оперативному и точному поиску требуемых документов, их обмену как на уровне прокуратур субъекта, так и на территории всей страны, что существенным образом способно повысить качество в информационно-аналитической сфере деятельности прокурора, оперативность решения поставленных задач.

Сегодня наибольшие трудности вызывает перевод используемых программ на новую платформу, а также разработка новой функциональности по сформированным практическим требованиям и интеграция ведомственных информационных систем правоохранительных органов, посредством которых будет предоставляться первичная информация в систему.

Продление в настоящее время сроков ввода в эксплуатацию ГАС ПС обусловлено обстоятельствами, связанными с необходимостью комплексной доработки ГАС ПС, полного импортозамещения ее программно-технических средств, а также проведения опытной эксплуатации и приемочных испытаний специального программного обеспечения в рамках заключенных государственных контрактов. Требуется тестирование работы ГАС ПС в рамках опытной эксплуатации, а также интеграция информационных систем правоохранительных органов Российской Федерации по итогам внедрения новых технологических

решений и архитектуры, полномасштабных изменений аппаратно-программной инфраструктуры.

В этой связи приказом Генерального прокурора РФ от 10.01.2023 № 3 «О временном приостановлении опытной эксплуатации государственной автоматизированной системы правовой статистики» в настоящее время до особого распоряжения использование ГАС ПС в РФ приостановлено.

Несмотря на имеющиеся сегодня трудности, возникающие при внедрении в работу прокурора и использовании системы ГАС ПС, полагаем, что данный информационный ресурс как инструмент прокурорской деятельности активно способствует повышению достоверности, оперативности и актуальности накапливаемых статистических сведений о надзорной и ненадзорной деятельности прокуратуры, о состоянии преступности, о социально-криминологической характеристике преступлений. В целом при отлаженном функционировании ГАС ПС способна значительно повысить эффективность выполнения задач, стоящих перед органами прокуратуры на современном этапе.

Между тем для снижения трудоемкости сбора и накопления необходимой информации, аккумулируемой в ГАС ПС, представляется необходимым оперативно выявлять текущие проблемы в данной сфере и своевременно их устранять.

Список литературы

Долідзе Н.И., Іонкіна Р.С. Современные технологии правового просвещения и правового информирования как инструмент профилактической деятельности прокуратуры // Российский следователь. 2021. № 9. С. 54–57.

Іванченко Е.А., Кістанова М.А. Организация деятельности прокуратуры в условиях дальнейшего научно-технического прогресса и цифровизации общества // Основы экономики, управления и права. 2020. № 1 (20). С. 7.

Серєда Е.В., Чесноков Н.А. Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации и стран СНГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 2 (835). С. 271.

Лихачёва Е.Ю. Подготовка кадров и дополнительное профессиональное образование работников органов прокуратуры в условиях цифровой трансформации // Теоретические, организационные и правовые проблемы создания цифровой среды органов прокуратуры Российской Федерации: монография / под общ. ред. О.С. Капинус; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. Москва: Проспект, 2021. С. 129.

References

Dolidze N.I., Ionkina R.S. Sovremennye tekhnologii pravovogo prosveshcheniya i pravovogo informirovaniya

как instrument profilakticheskoy deyatelnosti prokuratury [Modern technologies of legal education and legal information as a tool for the preventive activities of the prosecutor's office]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian investigator], 2021, № 9, pp. 54-57. (In Russ.)

Ivanchenko E.A., Kistanova M.A. *Organizatsiya deyatelnosti prokuratury v usloviyakh dalneyshogo nauchno-tekhnicheskogo progressa i tsifrovizatsii obshchestva* [Organization of the activities of the prosecutor's office in the context of further scientific and technological progress and digitalization of society]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava* [Fundamentals of Economics, Management and Law], 2020, № 1 (20), p. 7. (In Russ.)

Sereda E.V., Chesnokov N.A. *Tsifrovaya transformatsiya organov prokuratury Rossiyskoy Federatsii i stran SNG* [Digital transformation of the prosecutor's office of the Russian Federation and CIS countries]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education

and pedagogical sciences], 2020, № 2 (835), pp. 271. (In Russ.)

Likhacheva E.Yu. *Podgotovka kadrov i dopolnitelnoe professionalnoe obrazovanie rabotnikov organov prokuratury v usloviyakh tsifrovoy transformatsii* [Training of personnel and additional professional education of employees of the prosecutor's office in the context of digital transformation]. *Teoreticheskie, organizatsionnye i pravovye problemy sozdaniia tsifrovoi sredy organov prokuratury Rossiiskoi Federatsii: monografiia* [Theoretical, organizational and legal problems of creating a digital environment of the prosecutor's office of the Russian Federation: monograph], ed. by O.S. Kapinus; University of the Prosecutor's Office Ros. Federation. Moscow, Prospect Publ., 2021, p. 129. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.02.2023; одобрена после рецензирования 03.03.2023; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted 26.02.2023; approved after reviewing 03.03.2023; accepted for publication 09.03.2023.

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 201–205. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 201–205. ISSN 1998-0817

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Научная статья

УДК 34.096

EDN YPUKZB

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-201-205>

СМИ КАК ИНСТИТУТ ПРАВОВОГО ИНФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ

Медведчук Анна Александровна, Луганская академия внутренних дел имени Э.А. Дидоренко, ЛНР, г. Луганск, Россия, medved1313@inbox.ru

Аннотация. Данная статья посвящена актуальному на сегодняшний день вопросу правового информирования населения с помощью средств массовой информации. На современном этапе информационное право находится в стадии становления, это и объясняет такое разнообразие терминов, с использованием которых специалисты пытаются определить его содержание. В статье проанализированы концепции различных подходов к определению понятия «информационное право». Определяются основные предметы правового регулирования в информационном праве, а также информационные отношения как основа в информационном праве. Аргументированно обосновывается связь информационного права со средствами массовой информации. Применяя главную идею определения институтов информационного права, на основе анализа автор формулирует категорию «института правового информирования СМИ». Особое внимание уделено понятию правовой культуры как степени зрелости, образованности человека, его образу мышления и нормам поведения в правовой сфере. Определяется содержание правовой культуры общества, включающей в себя: правовую информированность человека; ее убеждения и отношения в сфере реализации права; характер и уровень правовой деятельности, а также правового поведения. В результате исследования автор приходит к выводу о том, что целесообразно определить место правового информирования СМИ в системе права как правового института отрасли информационного права.

Ключевые слова: СМИ, правовое информирование, проблемы, вопросы, информационное право, законодательство о СМИ, регулирование СМИ.

Для цитирования: Медведчук А.А. СМИ как институт правового информирования населения России // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 201–205. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-201-205>

Research Article

MEDIA AS AN INSTITUTION OF LEGAL INFORMING THE POPULATION OF RUSSIA

Anna A. Medvedchuk, Didorenko Lugansk Academy of Internal Affairs, Lugansk, LPR, Russia, medved1313@inbox.ru

Abstract. This article is devoted to the current issue of legal informing the population through the media. At the present stage, information law is in its infancy and this explains such a variety of terms with the use of which, experts try to determine its content. The article analyses the concepts of various approaches to the definition of the concept of “information law”. The main subjects of legal regulation in information law, as well as information relations as a basis in information law, are determined. The connection of information law with the mass media is argued. Applying the main idea of defining the institutions of information law, based on the analysis, the author formulates the category of “the institution of legal informing the media”. Particular attention is paid to the concept of legal culture, as the degree of maturity, education of a person, its way of thinking and norms of behaviour in the legal sphere. The content of the legal culture of society is determined, which includes the legal awareness of a person; its beliefs and attitudes in the field of law enforcement; the nature and level of legal activity, as well as legal behaviour. From the foregoing, the author comes to the conclusion that it is advisable to determine the place of legal informing the media in the system of law as a legal institution in the field of information law.

Keywords: media, legal information, problems, issues, information law, media legislation, media regulation.

For citation: Medvedchuk A.A. Media as an institution of legal informing the population of Russia. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 201–205. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-201-205>

Проблема правового просвещения является неотъемлемой составляющей общей, новой, научной, юридической сферы – информационного права. Информационное право – новая отрасль законодательства и отрасль права – только формируется, но играет важную роль в развитии современной отечественной системы права и развитии общества. Именно в структуре отношений, регулируемых нормами информационного законодательства, развиваются институты, которые можно охарактеризовать как совокупность взаимоотношений, складывающихся на почве вопросов о получении гражданами информации о правовой действительности. С одной стороны, данный вопрос исследуется в этой научной сфере как определенный объем проблем правового режима деятельности СМИ. С другой стороны, речь идет об исследовании категориального аппарата сферы правового информирования через СМИ.

В научной юридической литературе можно выделить целый спектр понятий, с помощью которых авторы предпринимают попытки определить эту сферу знаний и новую отрасль права. К таким терминам можно отнести: «программное право», «правовая информатика», «право информатики», «компьютерное право», «информационно-компьютерное право», «право знать», «право на доступ к информации», «право на информацию», а также «телекоммуникационное право», «информационное право» [Копылов: 46].

Информационное право находится в стадии становления, и потому понятно разнообразие терминов, с использованием которых специалисты пытаются определить его содержание. В то же время на стадии становления находится и составляющая этой сферы юридической науки – правовое просвещение. Все эти термины определяются исследователями с учетом характеристики объектов, по отношению к которым (или в связи с которыми) возникают общественные отношения, приводящие к урегулированию правовыми нормами.

Весь круг терминов, которые охватываются этой научной юридической сферой и содержанием определенных юридических норм, институтов и отрасли информационного права, можно условно разделить на две группы.

В терминах первой группы применяются понятия, определяющие информационные права и свободы, которые должны гарантироваться информационным правом, – «право знать», «право на доступ к информации», «правовая информированность», «право на знание своих прав, свобод и обязанностей» и т. д.

Вторая группа терминов формируется на основании представлений об объектах, в связи с которыми возникают общественные отношения, которые могут быть урегулированы нормами информационно-пра-

вовой сферы. Это разнообразные носители информации: печатная и аудиовизуальная информация, компьютерные программы и сами компьютеры. Кроме того, это та система отношений, которая возникает по поводу обработки, распространения, а также выработки информации. Так, в основу программного права положены отношения, возникающие при создании, производстве, распространении и употреблении программных продуктов.

Несмотря на разнообразие упомянутых терминов, все они семантически близки и легко объединяются в один класс с понятием «информационная сфера», в которой они применяются либо выступают как ее составные части, которые ассоциируются с ней.

В последнее время все чаще применяется термин «информационное право». Одним из первых использовал этот термин в своих исследованиях Ю.М. Батурич [Батурич: 168]. Название «информационное право» содержит название основного объекта, общественных отношений, требующих правового урегулирования, подобно таким отраслям права, как, например, аграрное, экологическое, предпринимательское. В основе наименования этих отраслей также находятся объекты правоотношений – экология, предпринимательство, аграрное производство и др.

Использует термин «информационное право» в своих работах и Ю.А. Тихомиров для определения новой комплексной отрасли права, которую он относит к публичному праву [Тихомиров: 97]. Характеризуя содержание этой отрасли, он отмечает, что в рамках этой отрасли можно выделить комплекс специфических правовых вопросов, которые им охватываются. Речь идет, прежде всего, об информационных отношениях как предмете правового регулирования, объектах и субъектах информационных отношений, правовом режиме получения, передачи, хранения и использования информации, юридических режимах информации разного содержания, пользовании банками и базами данных, информационных свободах и правах, информационной ответственности. В таком виде информационное законодательство и отрасль права находятся на стадии формирования, могут охватить комплекс нормативного массива, что разными авторами характеризуется как «компьютерное право», «право информатики», «коммуникационное право».

Термин «информационное право» встречаем у А.Б. Агапова, который хотя и применяет его, но не дает его определения. Впрочем, он определяет, что совокупность отношений по выработке информации и массовой информации следует считать частью состава информационных отношений [Агапов: 116].

Большее внимание определению «информационного права» уделяет в своих работах В.А. Копылов. Так, в свою монографию, которая вышла в 1997 году,

он включает такое определение информационного права: это система социальных норм и отношений, охраняемых силой государства и возникающих в информационной сфере – сфере производства, преобразования и потребления информации. Основные предметы правового регулирования здесь – это информационные отношения, то есть отношения, возникающие при осуществлении информационных процессов: процессов создания, сбора, обработки, накопления, хранения, поиска, распространения и потребления информации [Копылов 1996: 69].

Позже, в 2002 году, тот же автор формулирует более распространённое понятие «информационного права», дополняя перечень информационных процессов категорией «передача информации» [Копылов 2002: 312].

У Н.Н. Рассолова также находим определение информационного права, предложенного им в 1999 году. Автор формулирует его как отраслевую юридическую науку: «Информационное право – это отраслевая юридическая наука, которая изучает совокупность норм права, регулирующих информационные отношения в обществе и содержащих предписания, относящиеся к информационной сфере в целом» [Рассолов: 178].

И.Л. Бачило в своих публикациях попыталась сформулировать свою концепцию информационного права [Бачило 2015: 124]. Центральной идеей ее определения можно охарактеризовать следующей дефиницией: информационное право – совокупность доктринальных положений юридической науки, правовых норм государства, которые формируют самостоятельный массив национального права, норм международного законодательства, а также состояние правового сознания субъектов права в области информационной деятельности и отношений, связанных с информационными ресурсами, функционированием информационных систем и сетей в условиях применения современных информационных технологий, которые ориентированы на обеспечение безопасного удовлетворения информационных потребностей граждан, их организаций, государства и общества в целом, обеспечение адекватной реакции юридической системы на нарушение установленных законодательством правил в сфере информации и информатизации [Бачило 2023: 216].

Без формулировки дефиниций обращается к этой проблеме также академик С.С. Алексеев: «В настоящее время формируются своеобразные сферы комплексного характера, юридически опосредующие новые прослойки социальности» (экологическое право, информационное право, предпринимательское право) и, более того, нарастает тенденция их перерастания в основные отрасли» [Алексеев: 312].

В работе Е.А. Овчинникова упоминается следующее определение: «Информационное право – ком-

плексная отрасль права РФ, представляющая собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в сфере оборота информационных ресурсов, развития и использования соответствующих технологий, а также установления мер по обеспечению безопасности в информационной сфере» [Овчинникова].

В своей работе В.И. Кайнов предлагает иное определение информационного права: «Информационное право – совокупность юридических норм, устанавливающих, регулирующих (стимулирующих) и охраняющих общественные отношения в информационной сфере поиска и производства, закрепления и преобразования, хранения, передачи и потребления информации, а также обеспечения тайны и информационной безопасности сообразно общеправовым идеям: свободы личности, справедливости общественных отношений и стабильности государства» [Кайнов]. При этом он отмечает, что информационные отношения – начальная база, методологическая основа и цель реализации идеи свободы, справедливости и стабильности.

Он говорит о том, что информационные отношения – главные в информационном праве. Они представляют собой опосредованные нормами права отношения по поводу:

- 1) создания информации;
- 2) определения информационной правосубъектности;
- 3) сбора, поиска, получения и приобретения информации;
- 4) обработки, хранения, передачи, обмена и распространения информации;
- 5) обеспечения доступа к общественно значимой информации;
- 6) потребления информации, обеспечения безопасности информации и защиты специально охраняемой законом и конфиденциальной информации от неправомерного воздействия;
- 7) предупреждения и противодействия информационным преступлениям и правонарушениям.

При этом явно прослеживается связь со СМИ. Так, институт журналистского права выступает как совокупность норм, регулирующих отношения по поводу деятельности журналистов, их прав и обязанностей как специальных субъектов информационных отношений, профессионально собирающих, создающих, обрабатывающих и распространяющих информацию.

Применяя главную идею определения институтов информационного права, можно попытаться сформулировать категорию «института правового информирования СМИ»: совокупность норм, регулирующих систему мероприятий, осуществляемых средствами массовой информации по распространению информации о правовой действительности в государстве,

содержанием которой является действующее законодательство и право, правовая идеология, правовые формы деятельности государства.

Большинство институтов информационного права можно охарактеризовать как межотраслевые институты: институты уголовной, административной, дисциплинарной и гражданской ответственности в информационной сфере; институт персональных данных; институты регулирования информационных отношений в налоговом или банковском праве и т. п.

К правовым институтам, которые можно в полной мере отнести к отрасли информационного права, относят институт доступа к информации, институт обеспечения информационной безопасности, институт трансграничной передачи информации и др.

Тем не менее назвать любой институт информационного права однозначно принадлежащим исключительно к отрасли информационного права не совсем верно, поскольку информация, информационные ресурсы и информационные технологии пронизывают практически все общественные отношения и регулируются нормами любой отрасли права.

Учитывая то, что в национальном информационном законодательстве достаточно широко используются и разрешения, и запреты, и обязательства, можно сделать предположение о формировании в информационном праве комплексного метода правового регулирования.

Активно осуществляются в России и научные попытки систематизации нормативно-правового материала в информационной сфере. Так, М.А. Кудрявцев в своей работе, представленной в «Систематизации и кодификация информационного законодательства», говорит о возможности кодификации [Кудрявцев: 157]. Нельзя отрицать и того очевидного факта, что в российской правовой системе накопился некий объем законодательного и иного – нормативного – материала, правовых актов разного уровня и ведомственной принадлежности, так или иначе затрагивающих либо непосредственно регулирующих ту область общественных отношений, которые можно в самом общем виде определить как «информационные правоотношения». Вместе с тем в современных российских реалиях именно путь совершенствования и постепенного развития существующего информационного законодательства представляется оптимальным. Автор отмечает, что кодификация может пойти по пути, «инкорпорация – консолидация – кодификация». На данный момент кодификация не была проведена.

М.С. Главная в своей работе отмечает, что правовая информация представляет собой совокупность сведений о праве, идеях, принципах, законодательной, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Она рассматривает это понятие в свя-

зи с правовой информированностью и национальной правовой культурой. Говоря о правовой культуре, она отмечает, что для человека свойственно уважительное отношение к праву, обусловленное интересом личности, степенью восприятия и осознания правовой информации. Согласно определению М.С. Главной, «правовая культура – это степень зрелости, образованности человека, его образ мышления и нормы поведения в правовой сфере. Своим содержанием правовая культура общества включает: правовую информированность человека; ее убеждения и отношения в сфере реализации права; характер и уровень правовой деятельности, а также правового поведения» [Главная]. Позиция исследователя, представленная в работе, свидетельствует о влиянии на правовую культуру личности и общества в целом со стороны правовой информации. М.С. Главная поднимает вопрос о важности создания профессиональной системы правовой информированности общества в России при активном участии самих субъектов в системе образования.

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать вывод о том, что целесообразно определить место правового информирования СМИ в системе права как правового института отрасли информационного права. Отметим, что правовое информирование СМИ как институт права может быть определено как совокупность норм, регулирующих систему мероприятий, осуществляемых средствами массовой информации по распространению информации о правовой действительности в государстве, содержанием которой является действующее законодательство и право, правовая идеология, а также сведения о правовых формах деятельности государства.

Список литературы

- Аганов А.Б.* Основы федерального информационного права России. Москва: Экономика, 1995. 219 с.
- Алексеев С.С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. Москва: Статут, 1999. 712 с.
- Батурин Ю.М.* Проблемы компьютерного права. Москва: Юридическая литература, 1991. 272 с.
- Бачило И.Л.* Систематизация и кодификация информационного законодательства: сб. науч. работ. Москва: ИГП РАН: Канон+, 2015. 216 с.
- Бачило И.Л.* Информационное право: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2023. 419 с.
- Главная М.С.* Правовая информированность российского гражданина в контексте национальной правовой культуры // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 23. С. 1045–1050. EDN KVXLIG. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44488964> (дата обращения: 04.01.2023).

Копылов В.А. Информационное право. Москва: Юристъ, 1996. 180 с.

Копылов В.А. Информационное право. Москва: Юристъ, 2002. 512 с.

Кайнов В.И., Семухин О.А., Семухина Е.В. Информационное право: учебник. Москва: КноРус, 2023. 393 с. URL: <https://book.ru/book/946345> (дата обращения: 04.01.2023).

Овчинникова Е.А., Новиков С.С. Основы информационного права Российской Федерации: учеб. пособие. Новосибирск: Сибирский государственный университет телекоммуникаций и информатики, 2021. 138 с. URL (по подписке): <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=695007> (дата обращения: 02.01.2023).

Рассолов М.М. Информационное право. Москва: Юристъ, 1999. 400 с.

Тихомиров Ю.А. Публичное право: учебник для юрид. факультетов и вузов. Москва: Бек, 1995. 485 с.

References

Agapov A.B. *Osnovy federal'nogo informatsionnogo prava Rossii* [Fundamentals of federal information law in Russia]. Moscow, Ekonomika Publ., 1995, 219 p. (In Russ.)

Alekseev S.S. *Pravo: azbuka – teoriia – filozofia: Opyt kompleksnogo issledovaniia* [Law: ABC - Theory - Philosophy: An Experience of Comprehensive Research]. Moscow, Statut Publ., 1999, 712 p. (In Russ.)

Baturin Iu.M. *Problemy komp'iuternogo prava* [Problems of computer law]. Moscow, Iurid. literature Publ., 1991, 272 p. (In Russ.)

Bachilo I.L. *Sistematizatsiia i kodifikatsiia informatsionnogo zakonodatel'stva: sb. nauch. rabot* [Systematization and codification of information legislation]. Moscow, IGP RAN, Kanon+ Publ., 2015, 216 p. (In Russ.)

Bachilo I.L. *Informatsionnoe pravo: uchebnik dlia vuzov* [Information law: a textbook for universities],

5-e izd., pererab. i dop. Moscow, Iurait Publ., 2023, 419 p. (In Russ.)

Glavnaia M.S. *Pravovaia informirovannost' rossiiskogo grazhdanina v kontekste natsional'noi pravovoi kul'tury* [Legal awareness of a Russian citizen in the context of national legal culture]. Innovatsii. Nauka. Obrazovanie, 2020, No. 23, pp. 1045-1050. EDN KVXLIG. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44488964> (date access: 04.01.2023). (In Russ.)

Kopylov V.A. *Informatsionnoe parvo* [Information law]. Moscow, Iurist' Publ., 1996, 180 p. (In Russ.)

Kopylov V.A. *Informatsionnoe parvo* [Information law]. Moscow, Iurist' Publ., 2002, 512 p. (In Russ.)

Kainov V.I., Semukhin O.A., Semukhina E.V. *Informatsionnoe pravo: uchebnik* [Information law: textbook]. Moscow, KnoRus Publ., 2023, 393 p. URL: <https://book.ru/book/946345> (date access: 04.01.2023). (In Russ.)

Ovchinnikova E.A., Novikov S.S. *Osnovy informatsionnogo prava Rossiiskoi Federatsii: uchebnoe posobie* [Fundamentals of information law of the Russian Federation: textbook: E.A. Ovchinnikova, S.S. Novikov]. Novosibirsk, Sibirskii gosudarstvennyi universitet telekommunikatsii i informatiki Publ., 2021, 138 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=695007> (date access: 02.01.2023). (In Russ.)

Rassolov M.M. *Informatsionnoe parvo* [Information law]. Moscow, Iurist' Publ., 1999, 400 p. (In Russ.)

Tikhomirov Iu.A. *Publichnoe pravo: uchebnik dlia iurid. fakul'tetov i vuzov* [Public law: Textbook for legal. faculties and universities]. Moscow, Bek Publ., 1995, 485 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 09.03.2023.

The article was submitted 26.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 09.03.2023.

ФЕЙКОВЫЙ ХАРАКТЕР ИНФОРМАЦИИ: К ВОПРОСУ О ПРЕДЕЛАХ КОМПЕТЕНЦИИ ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА

Ахунзянова Фарида Тагировна, кандидат культурологии, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, farida.ahunzyano@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>

Аннотация. Введение в УК РФ и в КоАП РФ правовых новелл, связанных с распространением недостоверной (фейковой) информации, ставит вопрос об особенной роли в таких делах эксперта-лингвиста, так как это речевые правонарушения. Опираясь на методические материалы Министерства юстиции РФ, а также на собственную экспертную практику автор статьи определяет пределы компетенции эксперта-лингвиста, но демонстрирует при этом коммуникативно и законодательно обоснованную возможность их расширения. Цель статьи – определить пределы компетенции эксперта-лингвиста в делах, связанных с распространением недостоверной (фейковой) информации, указать на коммуникативно и законодательно обоснованную возможность их расширения. При проведении исследования применялись эмпирические методы описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики. Результаты: 1) определены пределы компетенции эксперта-лингвиста в делах, связанных с распространением недостоверной (фейковой) информации; 2) продемонстрированы коммуникативно и законодательно обоснованные возможности расширения пределов компетенции эксперта-лингвиста.

Ключевые слова: судебная экспертология, лингвистическая экспертиза, распространение заведомо ложной (недостоверной) информации, пределы компетенции эксперта-лингвиста

Для цитирования: Ахунзянова Ф.Т. Фейковый характер информации: к вопросу о пределах компетенции эксперта-лингвиста // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 206–210. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-206-210>

Research Article

FAKE NATURE OF INFORMATION: ON THE QUESTION OF THE LIMITS OF THE COMPETENCE OF EXPERT LINGUIST

Farida T. Akhunzianova, Candidate of Cultural Studies, Kostroma State University, Kostroma, Russia, farida.ahunzyano@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4610-5241>

Abstract. The introduction of legal novelties related to the dissemination of false (fake) information raises the question of the role of an expert linguist in such cases, since we are talking about speech offences. Based on the methodological materials of the Ministry of Justice of the Russian Federation, as well as on her own expert practice, the author of the article determines the limits of the competence of an expert linguist, but at the same time demonstrates the possibility of expanding them communicatively and legally. Purpose is to determine the limits of competence of an expert linguist in cases related to the dissemination of false (fake) information, to point out the communicatively and legally justified possibility of their expansion. Methods include empirical methods of description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic. Results: 1) the limits of competence of an expert-linguist in cases related to the dissemination of false (fake) information are determined; 2) possibilities for expanding the limits of the competence of an expert linguist demonstrated communicative and legal justification.

Keywords: forensic expertology, linguistic expertise, dissemination of deliberately false (fake) information, limits of competence of expert linguist.

For citation: Akhunzianova F.T. Fake nature of information: on the question of the limits of the competence of expert linguist. Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 206–210. (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-206-210>

Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ (Российский федеральный центр судебной экспертизы) при Минюсте России 17 июня 2022 года протоколом № 2 было утверждено методическое письмо «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз информационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации», подготовленное под руководством директора ФБУ РФЦСЭ доктора юридических наук, профессора А.И. Усова, кандидата филологических и юридических наук В.О. Кузнецова [Кузнецов].

В письме даны рекомендации о назначении и проведении лингвистических экспертиз в рамках рассмотрения дел по новым статьям УК РФ и КоАП РФ. Речь идет об административной и уголовной ответственности за распространение заведомо ложной информации о Вооруженных силах РФ.

В рамках дел о распространении заведомо ложной информации авторы письма напоминают, что уже есть сложившаяся практика проведения лингвистических экспертиз. Кроме того, Верховный суд РФ в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанной с применением законодательства и мер по противодействию распространению коронавирусной инфекции (утв. Президиумом Верховного суда 30 апреля 2020 года), дал разъяснения по квалифицирующим признакам этих преступлений: что считать заведомо ложной информацией и что понимается под ее распространением¹. Эти же квалифицирующие признаки имеют место и в диспозиции ст. 270.3 УК РФ², а также ч. 9, 10, 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ³.

Задача эксперта-лингвиста состоит в том, чтобы установить, в какой форме была подана спорная информация и допускает ли способ ее подачи проверку на соответствие действительности, то есть выражалась ли информация в форме утверждения о фактах или в форме мнения, оценки. Юридически значимы будут высказывания в форме утверждения.

Авторы письма подчеркивают, что в компетенцию лингвиста-эксперта не входит юридическая (правовая) квалификация действий. За пределы специальных знаний также выходит решение вопросов, связанных с установлением заведомо ложной информации, квалификации информации как фейка, выявление признаков фейковой информации, проверка информации на соответствие действительности.

В качестве типового вопроса эксперту предлагается следующий: «Содержится ли в тексте информация о [...], выраженная в форме утверждения о фактах и событиях?» [Кузнецов]. Однако, на наш взгляд, учитывая тот факт, что объект экспертизы в данном случае должен исследоваться только с учетом всей коммуникативной ситуации, в которой он использовался (что отдельно выделяют авторы письма), поми-

мо основного вопроса следует дополнительно поставить на разрешение эксперта следующие вопросы:

1. Каковы тематика и смысл представленных для исследования высказываний?
2. Содержится ли в данных высказываниях информация о каких-либо действиях Вооруженных сил РФ?
3. Если информация о каких-либо действиях Вооруженных сил РФ имеется, то выражена ли она в форме утверждения о фактах и событиях либо представляет собой оценочное суждение или выражение чьего-либо субъективного мнения?

Данные вопросы позволяют выявить в спорных материалах фактивные и нефактивные предикаты. Однако фейковая информация, претендуя на фактологическую точность, включает в себя и другие компоненты, выявление и описание которых вполне вписывается в парадигму специальных знаний лингвиста-эксперта. Речь идет, в частности, о наборе коммуникативных приемов аргументации. Перечень таких приемов давно является предметом научной лингвистической рефлексии, достаточно упомянуть таких авторов, как С.И. Поварнин [Поварнин: 56–110], О.С. Иссерс [Иссерс: 160–176], А.М. Шестерина [Шестерина: 240–241], Ю.В. Ивлев [Ивлев: 245–251] и др.

В случае с фейками мнимая достоверность достигается посредством выстраивания речевой модели, сходной с такими видами речевого воздействия, как убеждение и коммуникативное давление, которые в свою очередь реализуются через такие приемы аргументации, как апелляция к личному опыту, опыту схожей с адресатами социальной группы, навешивание ярлыков, брань, нагнетание неприглядных деталей, тревожных настроений, предъявление ложных дилемм и т. д. Эти приемы имеют специфическое лексико-синтаксическое выражение, их наличие и коммуникативная цель могут быть без особого труда определены экспертом-лингвистом.

Также важным компонентом, используемым с целью более основательного подтверждения достоверности сообщаемого, являются ссылки на источники, цифровые примеры (особенно точные числа и процентные показатели), статистические данные, инфографика, иллюстративный ряд, медийные включения (репортажи, свидетельства «очевидцев», аудио-записи).

Учитывая вышесказанное, считаем, что на разрешение эксперта-лингвиста может быть поставлен и такой факультативный вопрос: «Содержит ли информация о действиях Вооруженных сил РФ указания на какой-либо источник информации или иные коммуникативные средства аргументации? Если да, то каковы его (их) характеристики?»

Проиллюстрируем наши размышления примером. В одной из записей на странице пользователя

сети «ВКонтакте» тем же пользователем была размещена следующая информация: «10 самых кровавых терактов России в Украине. Россия постоянно обстреливает мирные города и села, их ракеты прилетают в школы, больницы, дома, где спят мирные люди. Журналисты собрали самые кровавые ракетные обстрелы Украины с начала полномасштабного вторжения РФ в Украину». Далее в тексте перечисляются последствия военных действий, происходящих на Украине, а именно: ракетных обстрелов Винницы, Кременчуга, Часова Яра, Мариуполя, Одессы, Сергеевки, Белогоровки в Луганской области, Краматорска, Харькова и его районов, Чернигова, Николаева – с указанием точных дат и числа погибших и раненых людей, в том числе детей. Также автор сообщает: «300 тысяч украинских детей были похищены и вывезены в Россию за время войны»⁴.

Согласно пресуппозиции заголовка «10 самых кровавых терактов России в Украине», действия ВС РФ являются террористическими актами, а согласно подзаголовочной части «Россия постоянно обстреливает мирные города и села», эти теракты осуществляются в отношении мирного населения Украины постоянно. Слово «постоянно» переводит семантический признак конкретности, временной локализованности действия в признак постоянно-непрерывного действия.

Согласно Большому юридическому словарю, *террористический акт* – преступление против основ конституционного строя и безопасности государства, предусмотренное ст. 277 УК РФ. Заключается в посягательстве на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенном в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность [БЮС: 746]. Кроме того, представленные в тексте обстрелы, – это только 10 самых кровавых терактов, то есть список военных преступлений России ими не ограничивается.

Также автор выдвигает утверждение о том, что за время войны, под которой, исходя из контекста записи, подразумевается специальная военная операция, осуществляемая на Украине Вооруженными силами РФ, было похищено и вывезено в Россию 300 000 украинских детей.

Согласно Новому словарю русского языка, *похитить* – тайно унести, увести или увезти; выкрасть [Ефремова]. То есть утверждается, что в ходе спецоперации Россия массово похищает украинских детей.

Вся информация подается в форме утвердительных повествовательных предложений, используются глаголы изъявительного наклонения несовершенного вида (данная форма подчеркивает актуальность и незавершенность описываемых этими глаголами дей-

ствий [Маслов: 71]), отдельных показателей субъективной модальности нет.

Показательно, что фрагмент перегружен цифрами. С точки зрения жанра новостной заметки это недопустимо и в обычном случае подлежало бы редакторской правке, однако здесь такая перегруженность используется целенаправленно: она не просто создает эффект точности, достоверности, убедительности, но и нагнетает негативные смыслы, подчеркивая и усиливая трагичность сообщаемого. Для максимальной убедительности информация дополнена иллюстративным материалом в виде карты, на которой нанесены условные обозначения описываемых ракетных обстрелов.

Экспертная практика автора показывает, что распространение информации о действиях Вооруженных сил РФ в ходе спецоперации практически всегда включает в себя признаки дискредитации целей использования ВС РФ. Попытка описать коммуникативные тактики и приемы такой дискредитации представлена автором в работе «Проблема ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в контексте лингвистической экспертизы» [Ахунзянова: 170–171]. На наш взгляд, в таком случае эксперт может указать на такие признаки в своем заключении, даже если перед ним не были поставлены соответствующие вопросы, что законодателем вполне допускается. Согласно ст. 204 УПК РФ «Заключение эксперта»: «Если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении»⁵.

Так, в примере, приведенном выше, признаки дискредитации использования ВС РФ усматриваются в высказываниях: «полномасштабное вторжение РФ в Украину», «Россия постоянно обстреливает мирные города и села», которые по своему смыслу идут вразрез с официально объявленными целями специальной военной операции.

Приведем еще пример: «Российские оккупанты утром ударили по Николаю из «Градов». Выпустили 53 ракеты по мирным жилым кварталам!», где в контексте утверждения о действиях ВС РФ в пресуппозиции содержится негативная оценка целей их использования.

Согласно словарной фиксации в Новом словаре русского языка, *оккупант* – участник оккупации, захватчик; *оккупация* – насильственный захват чужой государственной территории военной силой [Ефремова].

То есть действия ВС РФ преподнесены так, будто они имеют своей целью насильственный захват чужой государственной территории военной силой. Такие цели, безусловно, не соответствуют целям защи-

ты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, то есть нормативной оценке. Выдвижение такой номинации в качестве констатации может способствовать изменению мнения читателей и формированию нужного автору убеждения. Таким образом, определение «российские оккупанты» совпадает с диагностическим комплексом «Дискредитация использования ВС» [Сакераж, Кузнецов] и позволяет эксперту дать категорические положительные выводы.

Примечания

¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 // Справ. правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (дата обращения 04.01.2023).

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Справ. правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения 04.01.2023).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: (в ред. от 24.09.2022) // Справ. правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 04.01.2023).

⁴ Из материалов уголовного дела.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 07.10.2022) // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 04.01.2023).

Список литературы

Ахунзянова Ф.Т. Проблема ответственности за дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в контексте лингвистической экспертизы // Государство и право. 2022. № 7. С. 168–172.

Большой юридический словарь / авт.-сост. А.Б. Борисов. Москва: Книжный мир, 2010. 848 с.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 04.01.2023).

Ивлев Ю.В. Теория и практика аргументации: учебник для вузов. Москва: Проспект, 2009. 288 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.

Кузнецов В.О. Методическое письмо «Об особенностях судебных лингвистических экспертиз ин-

формационных материалов, связанных с публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной (недостоверной) информации». Москва: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте. URL: https://ceur.ru/library/docs/departmental_regulations (дата обращения: 04.01.2023).

Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян; вступит. ст. А.В. Бондарко [и др.]. Москва: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.

Поварнин С.И. Искусство спора. О теории и практике спора. 2-е изд., испр. и доп. Петроград, 1923. 114 с.

Секераж В.Н., Кузнецов В.О. Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных сил Российской Федерации». Москва: Российский федеральный центр судебной экспертизы при Минюсте, 2022. URL: https://ceur.ru/library/docs/departmental_regulations (дата обращения: 04.01.2023).

Шестерина А.М. Особенности репрезентации фейковой информации в аудиовизуальном медиаконтенте // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2021. Т. 20, № 6: Журналистика. С. 237–246. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-6-237-246>.

References

Akhunzianova F. *Problema otvetstvennosti za diskreditatsiiu ispol'zovaniia Vooruzhennykh Sil Rossiiskoi Federatsii v kontekste lingvisticheskoi ekspertizy* [The problem of responsibility for discrediting the use of the Armed Forces of the Russian Federation in the context of linguistic expertise]. *Gosudarstvo i pravo* [Gosudarstvo i pravo], 2022, No. 7, pp. 168-172. (In Russ.)

Bol'shoi iuridicheskii slovar' [Big legal dictionary], comp. by A.B. Borisov. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2010, 848 p. (In Russ.)

Efremova T. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolko-vo-slovoobrazovatel'nyi* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory derivational]. Moscow, Russian language Publ., 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (access date: 04.01.2023). (In Russ.)

Ivlev Yu. *Teoriia i praktika argumentatsii* [Theory and practice of argumentation]. Moscow, Prospect Publ., 2009, 288 p. (In Russ.)

Issers O. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, LKI Publ., 2008, 288 p. (In Russ.)

Kuznetsov V. *Metodicheskoe pis'mo «Ob osobennostiakh sudebnykh lingvisticheskikh ekspertiz infor-*

matsionnykh materialov, sviazannykh s publichnym rasprostraneniem pod vidom dostovernnykh soobshchenii zavedomo lozhnoi (nedostovernnoi) informatsii [Methodological letter «On the peculiarities of forensic linguistic examinations of information materials related to the public dissemination of deliberately false (inaccurate) information under the guise of reliable messages»]. Moscow, Russian Federal Center for Forensic Science under the Ministry of Justice. URL: https://ceur.ru/library/docs/departmental_regulations (access date: 04.01.2023). (In Russ.)

Maslov Yu. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee iazykoznanie* [Selected Works: Aspectology. General Linguistics], ed. by A.V. Bondarko et al. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2004, 840 p. (In Russ.)

Povarnin S. *Iskusstvo spora. O teorii i praktike spora* [The art of the dispute. On the theory and practice of the dispute]. Petrograd, 1923, 114 p. (In Russ.)

Sekerazh V., Kuznetsov V. *Metodicheskoe pis'mo «Ob osobennostiakh kompleksnykh psikhologo-lingvisticheskikh sudebnykh ekspertiz informatsionnykh materialov, sviazannykh s publichnoi diskreditatsiei*

ispol'zovaniia Vooruzhennykh sil Rossiiskoi Federatsii» [Methodical letter «On the features of complex psychological and linguistic forensic examinations of information materials related to public discrediting of the use of the Armed Forces of the Russian Federation»]. Moscow, Russian Federal Center for Forensic Science under the Ministry of Justice, 2022. URL: https://ceur.ru/library/docs/departmental_regulations (access date: 04.01.2023). (In Russ.)

Shesterina A. *Osobennosti reprezentatsii feikovoi informatsii v audiovizual'nom mediakontente* [Features of representation of fake information in audiovisual media content]. *Vestnik NGU. Ser.: Istorii, filologiya* [Bulletin of NGU. Ser.: History, philology], 2021, vol. 20, No. 6: Journalism, pp. 237-246. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2021-20-6-237-246> (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 13.01.23; одобрена после рецензирования 08.02.23; принята к публикации 08.02.23.

The article was submitted 13.01.23; approved after reviewing 08.02.23; accepted for publication 08.02.23.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 211–214. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2023, vol. 29, № 1, pp. 211–214. ISSN 1998-0817

Рецензия на книгу

УДК 821.161.1.09"20"

EDN BWVVKZ

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-1-211-214>

МАРИЙСКИЙ РАССКАЗ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ЖАНРОВОЙ ПОЭТИКИ

Рец. на кн.: Калашникова Л.В. Типологические разновидности марийского рассказа второй половины XX века (поэтика композиции). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2022. 180 с.

Хабибуллина Флёра Яхиятовна, кандидат педагогических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Иванова Ираида Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Россия, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Book Review

MARI STORY OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY IN THE MIRROR OF GENRE POETICS

Review of the book: Larisa V. Kalashnikova (2022) Typological varieties of the Mari story of the second half of the twentieth century (poetics of composition). Yoshkar-Ola, 180 p.

Flera Ya. Khabibullina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Iraida G. Ivanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

В современном финно-угорском и урало-поволжском литературоведении заметно повысился интерес к малой повествовательной прозе национальных литератур, в том числе к жанровой поэтике. Монография Л.В. Калашниковой «Типологические разновидности марийского рассказа второй половины XX века (поэтика композиции)» значительно восполнила эту область филологического знания в марийской литературной науке, которая лишь в начале XXI века изменила парадигматику исследований, направив своё внимание на изучение поэтики жанров, в первую очередь жанров прозы на разных этапах её развития. Рассказ, представляя одну из основных жанровых форм индивидуально-художественного мышления марийского народа, продолжает сохранять свою актуальность во второй половине XX века и становится востребованным жанром художественной словесности нации. Первые публикации большинства рассказов марийских писателей появились в 60-е годы XX века после открытия литературно-художественного и общественно-политического журнала на лугово-марийском языке «Ончыко» (с 1954 г.), а также журнала «У сем» на горно-марийском языке. Малоформатный рассказ размещался авторами на страницах марийскоязыч-

ных республиканских газет «Марий коммуна» / «Марий Эл» (с 1992 года), «Кугарня» (с 1991 г.) и «Ямдэлий» (возобновлен с 1967 г.).

Новизна монографического исследования заключается в том, что внутрижанровая типология марийского рассказа второй половины XX века с опорой на доминирующие приемы, организующие композицию произведения, в региональном литературоведении раскрывается впервые. Оно связано с определением принципов ее выстраивания, исторической периодизации, анализом жанров и актуального уровня поэтики национальной литературы, поэтики творчества марийских писателей и других литературных явлений. В качестве принципа типологии рассказа исследователь выдвигает архитектуру текста (поэтику композиции) и описывает специфику трех основных типологических разновидностей марийского рассказа второй половины XX века (именно в этот период рассказ достигает высокого уровня развития, предстает в богатой внутрижанровой дифференциации) – лирического, бытового и психологического, – связывая динамику их поэтики с общими закономерностями жанрового развития марийского рассказа в рассматриваемый период. Книга встраивается в ряд

работ Л.В. Калашниковой, в которых объектом описания оказывается марийский рассказ второй половины XX века.

Определив целью своего исследования выявление композиционных особенностей типологических разновидностей марийского рассказа второй половины XX века, Л.В. Калашникова предлагает вполне рациональную структуру монографии. Историко-литературные главы исследования предваряются теоретической главой, представляющей направления исследования типологических разновидностей малоформатного жанра художественно-повествовательного прозаического произведения в региональном литературоведении.

В первой главе, посвященной вопросам изучения типологических разновидностей рассказа в отечественном и региональном литературоведении, проанализировав обширный теоретический материал, автор полагает, что в марийском литературоведении поэтика композиции не рассматривается как доминирующий типологический принцип, в то время как именно композиционность выступает классифицирующей основой марийского рассказа и объединяет в единое целое разнообразные части произведения на разных уровнях художественного текста.

Л.В. Калашникова видит в типологии рассказа его поэтологическую направленность, так как специфика жанрового содержания и жанровой поэтики ориентируются именно на данный вектор. В отечественной литературной науке исследователь выявляет наличие определенной системы классификации рассказа, базируясь на творчестве Э. Шубина, М. Макиной, А. Огнева, Г. Бондаренко, И. Крамова, М. Кудриной и др. В главе автором справедливо подмечено, что в литературной науке Урало-Поволжья активно изучается история и поэтика национального рассказа на определенных этапах развития и в конкретном литературном опыте писателей. Однако, несмотря на актуализацию проблемы типологического описания жанрового развития рассказа, его классификация продолжает оставаться преимущественно традиционно проблемно-тематической либо без всякого обоснования принципов типологии. Учитывая лакунарность исследуемой проблемы, Л.В. Калашникова предлагает отнести поэтику композиции к доминирующему типологическому признаку в описании рассказа второй половины XX века. Согласно её точке зрения, именно «композиционная структура, особенности связей и «сцеплений» композиционных элементов и принципов в рассказе во многом определяет жанровые типы – как универсальные, так и актуальные для того или иного периода развития национальной литературы». Исходя из этого методологического принципа, в основу авторской типологии марийского рассказа второй половины XX века Л.В. Калашнико-

вой положена поэтика композиции. Полагаясь на художественную доминанту, в монографии предложена следующая типология марийского рассказа в национальной литературе второй половины XX века с характеристикой каждого вида:

- лирический рассказ (субъективация, проявляющаяся в высокой доле авторского присутствия в организации повествования, в актуализации композиционных форм автобиографического повествования, в востребованности адинамической композиции сюжета – описательных элементов композиции, например пейзажа, в открытости жанровых границ);

- бытовой рассказ (повествовательная композиция, бытовой содержательный материал, субъектная организация текста, разные типы повествователей, сложный тип композиции, расширенная повествовательная структура, преобладание социокультурной проблематики, циклизация рассказов, актуализация композиционных приемов комического);

- психологический рассказ (концентрическая композиция, психологизм как художественная доминанта повествования, многократное возвращение к месту действия, повторный переход от одного явления к другому с использованием разных композиционных вариаций и подтипов рассказа, идейно-стилевая доминанта текста).

Во второй главе «Художественная структура марийского лирического рассказа второй половины XX века» проанализирован лирический рассказ, выявлены свойственные ему субъектно-объектная организация повествования и роль пейзажа в его композиции. Лирический рассказ, как и лирическая проза, были наиболее востребованными в 1950-е – 1970-е годы. В указанный период приобретают актуальность приоритет авторского голоса, писательская активность и индивидуальность. Рассмотрены тенденции развития лирического рассказа обозначенного периода, а также жанрово-композиционные формы, развивающиеся в русле лирического рассказа. Повествовательная структура лирического рассказа характеризовалась: авторской субъективностью, суггестивностью и вытекающей из этого первостепенной ролью или повествователя от первого лица, близкого к автору, или тождественного с ним повествователя-персонажа; ослаблением событийного сюжета; потребностью в развернутых описаниях, рассуждениях, комментариях; повышенно-эмоциональным строем речи говорящего.

Большое распространение в марийской литературе получили лирические автобиографические рассказы. Они позволяли писателям воспроизводить не только их внутреннюю биографию и состояние – мировоззренческие ориентиры, миропонимание, эмоциональный мир, но и моменты – события и факты их внешней биографии, которые зачастую становятся

в произведении источником психологического сюжета. Художественная структура марийского автобиографического рассказа отличается разнообразием. Каждый автор пользуется собственными приемами композиции, соотносящимися с их творческими задачами, спецификой идейного мира произведения, конфликта и-характеров. Общей чертой в выборе приемов композиции являются перволичная форма повествования и персонифицированный / бифокальный повествователь, соотносимый с автором, мемуарность и ретроспекция, лиризм и документальность, событийно-хронологическая фрагментарность.

В монографии уделено значительное место изучению описательных элементов в лирическом рассказе, в первую очередь пейзажа. Подобный подход продиктован спецификой биографического стиля и объектом описания. Например, в рассказах Ю. Артамонова пейзаж либо статический, либо динамический. В ряде рассказов А. Мичурина-Азмекея природа является как предметом изображения, так и действующим лицом произведения.

К особенностям марийских лирических рассказов автор монографии относит фольклорный интертекст (включение в текст пословиц и поговорок, фрагментов народных песен и сказок), который придает их поэтике черты национальной самобытности. Они проявляются как в предметном мире произведений, так и в образе повествователя. Писатель-повествователь пытается изложить в малой форме исключительно реальные факты, актуальные социальные проблемы и т. п. Это придает рассказу признаки публицистичности и способствует сближению рассказа с очерком. Их устремленность к объемному содержанию произведения, расширение хронологических границ повествования в рассказовых жанровых рамках приводит в отдельных случаях к созданию рассказов-повестей.

Третья глава «Бытовой рассказ в марийской литературе второй половины XX века (поэтика композиции)» посвящена проблемам, связанным с повествовательной композицией этого жанра, с расширением содержания и повествовательной структуры благодаря циклизации произведений и актуализации композиционных приемов комического. В главе акцентируется связь типов повествования с определенными периодами развития бытового рассказа. Среди ключевых типов повествования отмечаются: нейтральное повествование от третьего лица с персонифицированным повествователем (рассказы Н. Лекайна, В. Микишкина, В. Александрова, Ю. Артамонова и др.), экспрессивное повествование от первого лица, чаще всего с повествователем-наблюдателем (рассказы В. Орлова) и повествование-стилизация (рассказы В. Бояриновой). Последний вид имеет важное значение в марийской литературе для развития худо-

жественной структуры жанра. Типы повествования, как отмечает автор монографии, по интенсивности распространения коррелируются с определенными периодами развития бытового рассказа с их культурно-эстетическим контекстом. Так, в 1950–70-е годы – перволичное с элементами экспрессивности, в последние два десятилетия XX века – аукториальное, в 1960-е годы – сказовое повествование с рассказчиком (персонажем или наблюдателем, свидетелем). Бытовое повествование четко фиксирует динамику поэтики марийского рассказа обозначенного периода от простого типа композиции к сложному, многослойному повествованию, переплетению различных композиционных приемов. С целью воссоздания реальных конфликтов жизни, часто имеющих трагический финал и новеллистическую концовку, как указывает Л.В. Калашникова, авторы стремятся сгладить конфликты, придать произведению оптимистическую тональность (1950–70-е годы) с тенденцией глубокого анализа индивидуального и общественного быта.

Автор монографии выявил в рассказах В. Абукаева-Эмгака усложнение композиции в сторону многослойности повествования, выражением которой является нарративная конструкция. Поэпизодный анализ произведений писателя позволил увидеть Л.В. Калашниковой их сложную повествовательную конструкцию: нейтральное / аукториальное повествование, включая точки зрения главных персонажей (приближенные к авторским благодаря несобственно-прямой речи), с интеграцией нарративных фигур, нарушающих временную последовательность, описания и рассуждения автора. Для воспроизведения более обширной и сложной картины сельской жизни, рассказчики, как справедливо отмечено в рецензируемой работе, писатели прибегают к сложному типу композиции (с множеством структурно-логически связанных эпизодов, как в повести) и к циклизации – объединению рассказов в циклы. Рассказы в цикле объединены как местом действия, повторяющимися персонажами и такими общими композиционными решениями, как «малый штрих из жизни», так и проблематикой и авторской коннотацией по отношению к жизни. Таким образом, рассказовый цикл, получивший наибольшее распространение в последние десятилетия XX века, воспроизводил сложную и противоречивую руральную действительность описываемых десятилетий. Наиболее часто употребляемыми приемами развития композиционного решения комического, в частности юмора, относятся комическая ситуация, игра слов, гипербола, гротеск и др. Об этом свидетельствует описанный автором книги творческий опыт Ю. Галютина, в бытовом рассказе которого юмор сочетается с элементами иронии.

В четвертой главе «Композиция марийского психологического рассказа второй половины XX века» де-

тальному анализу подвергаются три подтипа психологического рассказа: лирико-психологический («Моя любимая, хорошая» В. Любимова, «Кокшага ты моя, синеокая» Ю. Артамонова), нравственно-психологический («Чужой» и «Ради любви» З. Катковой, «Черная грядка» и «Гармония души» М. Илибаевой, «Тебя помнят, Македон!» В. Микишкина) и социально-психологический («Ночное окно» и «День рождения» Г. Алексева, «О, боже...» и «Месть» В. Бердинского). Автор справедливо отмечает корреляцию и превалирование указанных разновидностей рассказа с изменениями в жизни общества: в конце XX века психологизм предстанет стилевой доминантой всей марийской прозы. Основными разновидностями психологического рассказа становятся: лирико-психологический, нравственно-психологический и социально-психологический. Каждый из них отмечен содержательно-композиционной спецификой и получил развитие как яркий художественный феномен в разные литературные эпохи: в 1960–70-е годы преобладали лирико-психологические и нравственно-психологические рассказы, направленные на исследование нравственной природы человека. Нравственно-психологические рассказы сохраняют востребованность и в последующие десятилетия XX века. Развитие социально-психологического рассказа приходится главным образом на конец XX века. Рассказчики в психологическом сюжете акцентируют внимание на нравственном росте персонажей. В социально-психологическом рассказе внутренние состояния и внутренняя динамика характера (основа психологического сюжета) детерминированы в значительной степени внешними событиями их жизни, недостатками общества, окружающей среды. Драматизм обстоятельств, активно подчеркиваемый писателями в конце XX века, вызывает в рассказах этой эпохи драматизм внутреннего состояния персонажей.

В приложении к монографии представлен перечень рассказов более 130 марийских писателей, изданных в период 1950–90-х годов. Среди авторов Абукаев-Эмгак В. (Абукаев Вячеслав Александрович), Александров-Арсак А. (Александров Николай Иванович), Каткова Зинаида Федоровна, Любимов Алексей Александрович, Анисимов Эврик Васильевич, Артамонов Юрий Михайлович, Бердинский Валерий Николаевич, Васин Ким Кириллович, Гордеев Геннадий Филимонович, Дмитриев Валентин Дмитриевич, Казаков Миклай (Казаков Владимир Николаевич), Майоров Феликс Васильевич, Макс Майн (Степанов Максим Степанович), Мардан Рая (Николаева Раиса Ивановна), Мичурин-Азмекей А. (Ятманов Александр Степанович), Макартук Геня (Пирогов Геннадий Михайлович), Регеж-Горохов Василий (Горохов Василий Михайлович), Рыбаков Миклай (Рыбаков Николай Федорович), Ты-

ныш Осып (Борисов Иосиф Алексеевич), Чемяков Геннадий Александрович, Элексейн Яков (Алексеев Яков Алексеевич), Эрыкан Алексей (Семёнов Алексей Николаевич), Юзыкайн Александр (Михайлов Александр Михайлович), Юксерн Василий (Столяров Василий Степанович), Якимов Валерий (Валериан) Александрович и др.

Для анализируемой монографии характерен единый стиль научного изложения, ясность и логическая последовательность мысли, тесная композиционная связь глав и параграфов. Содержание монографии Л.В. Калашниковой позволяет утверждать, что работа является актуальным и востребованным исследованием в современном региональном литературоведении. Автор вводит в научный оборот целый ряд марийских рассказов второй половины XX века, которые ранее не были объектом специального исследования, и приводит их систематизированный перечень, что представляет практическую значимость для образовательного процесса и ведения научно-исследовательской практики, связанной с изучением марийской и финно-угорской литературы, литературы Урало-Поволжья и других народов России.

Таким образом, обращаясь к актуальной – поэтологической – научной парадигме отечественного финно-угорского, урало-поволжского, марийского литературоведения, выстраивающего научную картину развития национальной художественной словесности на основе важнейших вопросов теоретической поэтики, Л.В. Калашникова рассматривает во взаимосвязи и динамике две важнейшие составляющие поэтики марийского рассказа второй половины XX века, а именно композицию и внутрижанровую типологию. В таком аспекте и в таких хронологических границах марийский рассказ в монографической работе ранее не исследовался. Рецензируемая монография впервые представляет внутрижанровую типологию марийского рассказа второй половины XX века с ориентацией на поэтику композиции в качестве типологического принципа. В ней в динамике и с учетом творческого опыта разных писателей рассмотрены уровни художественной организации рассказов, определены актуальные аспекты композиции жанра, выявлена специфика художественной структуры рассказов разных типов, уточнены закономерности развития поэтики рассказа в марийской литературе второй половины XX века.

Книга адресована научным работникам, преподавателям вузов, докторантам, аспирантам, студентам и всем интересующимся вопросами марийской прозы. Монографическая работа открывает широкие перспективы для дальнейших научных изысканий по типологической проблематике, ассоциированной с изучением поэтики композиции и типологии рассказа в литературах сравнительно-сопоставительной филологии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Направляемый в редакцию материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других изданиях. Статьи, оформленные не по требованиям, не принимаются к рассмотрению!

Все материалы следует представлять в редакцию по электронной почте:

e-mail: vestnik@ksu.edu.ru

Научные статьи принимаются в редакцию в течение всего года, публикуются в порядке живой очереди по мере наполнения портфеля редакции. Особые случаи с очередностью публикации статей решаются главным редактором.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе **Microsoft Word**. Статью в редакцию необходимо прислать в форматах: *.doc, *.docx, *.rtf. Обязательно прикладывается файл статьи в формате *.pdf. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович).

Все статьи проходят проверку на обнаружение текстовых заимствований в системе «Антиплагиат». Редакция принимает статьи, оригинальность которых составляет не менее **80%**.

Компьютерный набор статьи должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

Минимальный объем текста статьи с – **не менее 10 000 знаков**. Максимальный объем текста не должен превышать **30 000 знаков (не более 16 страниц)**, включая все сведения об авторе, аннотацию и список литературы с references. Ограничения не распространяются на научные публикации, объем которых, превышающий требования, мотивирован логикой доказательств и количественными показателями публикуемых источников.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК

© **Инициалы и фамилия, 2019**

Аффилиация(и) автора: организация, где проводилось исследование,
г. Город, Страна

Название (жирным шрифтом, строчные буквы)

*Информация о финансировании (ссылки на гранты и пр.)
указывается после названия статьи курсивом*

Аннотация: 150–200 слов.

Аннотация к научной статье представляет собой краткую характеристику текста с точки зрения его назначения, содержания, вида, формы и других особенностей. Она передает главную, ключевую идею текста до ознакомления с его полным содержанием. Научная аннотация условно делится на три части:

- 1. Презентация вопроса или проблемы, которым посвящена статья.*
- 2. Описание хода исследования.*
- 3. Выводы: итоги, которых удалось достичь в результате проведенного исследования.*

В аннотации не допускается привлечение дополнительной информации (биографические данные, историческая справка, отступления, рассуждения и т.д.). В тексте аннотации не должны использоваться очень сложные предложения, изложение строится в научном стиле.

Ключевые слова: 7–10 слов, разделенных запятой.

Информация об авторе: Фамилия Имя Отчество, ORCID автора, ученая степень, ученое звание, место работы полностью: название организации, улица, дом, индекс, город, страна.

E-mail:

Дата поступления статьи: указывается дата отправки статьи в формате: 08.08.2008.

Дата приема статьи к публикации: заполняется в редакции.

Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. XX–XX (страницы будут указаны в редакции). DOI:

Далее вся информация должна быть представлена на английском языке:

© Vladimir A. Smirnov, 2019.

Affiliation(s), Moscow, Russia

Name of the article

Information about financing (links to grants, etc.) is indicated after the title of the article in italics

Abstract: 150–200 word.

Keywords: 7–10 word, separated by a comma.

Information about the author:

E-mail:

Article received: August 08, 2019.

Published:

For citation: Smirnov V.A. Name of the article. Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. XX–XX (In Russ.). DOI:

Текст статьи¹ Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи Текст статьи
статьи Текст статьи... [Анненков: 467].

Примечания (следуют после текста статьи)

¹ К сожалению, современное переиздание перевода Перцова книги Тэна лишено того изобилия фотоснимков и иллюстраций, которыми было богато снабжено его первое издание 1913, 1916 гг.

² О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642. URL: <http://www.consultant.ru/document/cons/> (дата обращения: 11.04.2019).

³ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (Архив ВИМАИВ и ВС). Ф. 2. Оп. 2. Д. 253.

Список литературы

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

References

Annenkov P.V. *Zamechatel'noe desiatiletie. 1838–1848. Iz literaturnykh vospominanii* [A wonderful decade. 1838–1848. From literary memories]. *Vestnik Evropy*, 1880, vol. 2, № 4, pp. 457–506. (In Russ)

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's There Was Not a Penny, But Suddenly Altyn and Plautus' Aulularia. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ПРИМЕЧАНИЙ, БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК, СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ И REFERENCES

Примечания

В статье допустимы примечания, которые приводятся после текста, нумеруются арабскими цифрами (в виде верхних индексов) и представляют собой разъяснения, указания на переводы и пр.

Просьба не путать примечания со списком литературы!

Архивные материалы и законодательные материалы также оформляются в виде примечаний.

Архивные материалы:

Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 198. Оп. 7. Д. 68. Л. 22.

Законодательные материалы:

Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 нояб. 1992 г: (в ред. от 21 июля 2005 г. № 104-ФЗ) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1307 (дата обращения: 28.10.2019).

Библиографические ссылки

Ссылки в тексте статьи оформляются *квадратными скобками* с указанием фамилии автора и страниц. После фамилии автора ставится знак «:» (двоеточие), а далее номер страницы [Коровин: 187].

Книга или статья одного автора: [Лебедев: 28], двух и трех авторов: [Шмидт, Князьков: 52]. Если в книге четыре, пять и более авторов, то она описывается под заглавием [Методика: 34].

Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [Толстой, 12: 415]; [СРНГ, 44: 170].

Для описания книги под заглавием в тексте приводится первое слово или словосочетание (если первое слово определение) названия книги: [Необъявленная война: 102].

В том случае, если в списке литературы есть несколько авторов с одной фамилией, в квадратных скобках необходимо указать фамилию и инициалы автора [Мережковский Д.С. 1990, 3: 256].

Если в списке литературы приводятся две и более публикации одного автора, после фамилии автора указывается год издания, а уже далее страницы [Коровин 2019: 187].

Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Андреева 2019а: 10]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы: *Андреева В.Г.* Личные интересы героев и мотив ожидания в романе-эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019а. № 1 (178). С. 8–12.

Список литературы

После статьи следует список литературы. Он должен быть представлен *в алфавитном порядке*.

Сначала приводятся все русскоязычные источники в алфавитном порядке, после – все источники на иностранных языках.

Фамилия и инициалы автора в списке литературы выделяются *курсивом*.

Между фамилией и инициалами на протяжении всей статьи, в том числе в списке литературы, ставится неразрывный пробел (инициалы при этом пробелом не разделяются). К примеру: Смирнов (**н.п.**) В.А.

Книга одного автора

Хазова С.А. Ментальные ресурсы субъекта: феноменология и динамика. Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2013. 386 с.

Книга двух и трех авторов

Если в книге два или три автора, то указывают всех.

Божиллов И., Тотоманова А., Билярски И. Бориллов синодик. София: Паблшинг компани, 2010. 386 с.

Книга четырех или более авторов

Если у издания четыре, пять и более авторов, то оно описывается под заглавием, за косой чертой указывают фамилии первых трех авторов с добавлением «и др.»

Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студентов / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева и др.; под ред. Е.С. Полат. М.: Академия, 2002. 272 с.

Книга, описанная под заглавием

Жизнь и приключения Максима Горького / сост. И. Груздев. М.; Л.: ГИЗ, 1926. 164 с.

Многотомное издание

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худ. лит, 1928–1958.

Один том из многотомного издания

Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. 596 с.

Статьи из сборников

Панкратова Т.М. Образ семьи как механизм ее успешного функционирования // Психологическое благополучие современной семьи. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2016. С. 119–122.

Королева Е.М., Крюкова Т.Л. Роль диадического копинга в супружеских отношениях // Семья, брак и родительство в современной России; под ред. А.В. Махнач, К.Б. Зуева. М.: Институт психологии РАН, 2015. Вып. 2. С. 105–113.

Статьи из журналов

Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838–1848. Из литературных воспоминаний // Вестник Европы. 1880. Т. 2, № 4. С. 457–506.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. 1993. 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 336–337.

Диссертации и авторефераты диссертаций

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Иностранные источники

New K.A. Roman Comedy on the Russian Stage: Alexander N. Ostrovsky's *There Was Not a Penny, But Suddenly* Altyn and Plautus' *Aulularia*. *Studia Litterarum*, 2019, vol. 4, № 1, pp. 138–159. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-1-138-159

Материалы из сети Интернет

Симонова И.А. Ф.В. Чижов и А.А. Иванов. URL: http://ruskline.ru/analitika/2008/03/12/f_v_chizhov_i_a_a_ivanov (дата обращения: 20.06.2019).

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре XVI–XVIII вв. // Образовательный портал «Слово». Филология. [Б. г.]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Список литературы должен содержать не менее 10 источников по теме исследования, желательно присутствие в нем источников на иностранных языках.

Редакция рекомендует включение в список литературы новых научных исследований (за последние пять лет). Все художественные тексты, воспоминания и пр. также включаются в список литературы.

References

После списка литературы на русском языке в статье должен быть представлен транслитерированный список литературы: References.

Транслитерируются только источники, написанные кириллицей; французские, немецкие, итальянские, польские и пр. источники не переводятся, а остаются в references неизменными.

Для выполнения транслитерации необходимо использовать специальную программу.

✓ Зайти на сайт <https://translit.ru> и выбрать в верхнем правом разделе в появляющемся списке под ▼ позицию LC. Вставить в специальное поле весь текст библиографии на русском языке и нажать кнопку «В транслит».

✓ Затем копировать транслитерированный текст в готовящийся список References.

✓ Далее необходимо отредактировать полученное и добавить переводы на английский язык:

– перевести на английский язык название статьи, книги, журнала и др. и вставить его в квадратных скобках [] после соответствующих названий;

– заменить знак «//» на точку;

– заменить знак «/» на запятую;

– перевести на английский язык место издания (например, было М. – после редактирования: Moscow);

– заменить знак «:» (двоеточие) после названия места издания на запятую;

– после транслитерации названия издательства добавить Publ.;

– при необходимости исправить обозначение страниц: вместо 235 с. – 235 p., вместо S. 45–47 – pp. 45–47;

– курсивом выделить название источника и название журнала;

– в конце транслитерированной библиографической ссылки необходимо добавить указание на оригинальный язык статьи (In Russ.)

Примеры транслитерации источников

Проскурина В.Ю. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: НЛО, 2006. 332 с
Proskurina V.Iu. *Mify imperii. Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* [The myths of the empire. Literature and power in the era of Catherine II]. Moscow, NLO Publ., 2006, 332 p. (In Russ.)

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: Прогресс, Универс, 1994. 2030 стб. (Репринт. изд. 1903–1909 гг.)

Dal' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka*: v 4 t. [Dictionary of the living Russian language: in 4 vols.], ed. by I.A. Boduena de Kurtene. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1994, 2030 col. (In Russ.)

Морозов И.Л. «Горестная профанация» (Неопубликованные письма П.В. Анненкова о революции 1848 г. в Париже) // Исторический сборник, 1935, № 4. С. 223–258.

Morozov I.L. "Gorestnaja profanacija" (*Neopublikovannye pis'ma P.V. Annenkova o revoljucii 1848 g. v Parizhe*) ["Woeful profanation" (unpublished letters of P.V. Annenkov about the 1848 revolution in Paris)]. *Istoričeskij sbornik* [Historical collection], 1935, № 4, pp. 223–258. (In Russ.)

Непомнящий В.С. Пушкин в свете очевидностей // Новый мир. 1998. № 6. С. 190–216.

Непомнящий В.С. *Pushkin v svete očevidnosti* [Pushkin in the light of evident facts]. *Novyi mir*, 1998, № 6, pp. 190–216. (In Russ.)

Методика воспитательной работы / Л.А. Байбородова, Л.К. Гребенкина, О.В. Еремкина и др.; под ред. В.А. Слостенина. М.: Академия, 2002. 144 с.

Metodika vospitatel'noi raboty [Methodology of educational work], L.A. Baiborodova, L.K. Grebenkina, O.V. Ermkina and etc., ed. by V.A. Slastenin. Moscow, Akademia Publ., 2002, 144 p. (In Russ.)

Андреева В.Г. Национальное своеобразие русского романа второй половины XIX века: дис. ... докт. филол. наук. М., 2017. 497 с.

Andreeva V.G. *Natsional'noe svoeobrazie russkogo romana vtoroi poloviny XIX veka*: dis. ... dokt. filol. nauk [National identity of the Russian novel of the second half of the XIX century: DSc thesis]. Moscow, 2017, 497 p. (In Russ.)

Шеметова Т.Г. Биографический миф о Пушкине в русской литературе советского и постсоветского периодов: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2011. 47 с.

Shemetova T.G. *Biograficheskiy mifo Pushkine v russkoi literature sovetskogo i postsovetskogo periodov*: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk [Biographical myth of Pushkin in Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods: DSc thesis, summary]. Moscow, 2011, 47 p. (In Russ.)

Ранчин А.М. Теория «Москва – Третий Рим» и ее место в русской культуре // Образовательный портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (дата обращения: 27.08.2017).

Ranchin A.M. *Teoriya «Moskva – Tretij Rim» i ee mesto v russkoj kul'ture* [The theory "Moscow – Third Rome" and its place in Russian culture]. *Obrazovatel'nyj portal «Slovo»*. *Filologiya* [Educational portal "Word"]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/44938.php> (access date: 27.08.2017). (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Единицы измерения приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).
2. В указании дат используются сокращения типа г., гг., в., вв. (полностью слова «год», «годы» не пишутся). *Эти сокращения отделяются от даты неразрывным пробелом!*
3. Кавычки в тексте – елочки « », если появляются кавычки внутри кавычек, то используются лапки “ ”.
4. При первом упоминании автора в тексте приводятся инициалы, далее представляется только фамилия. *Инициалы с фамилией разделяются неразрывным пробелом.*
5. В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например: (рис. 2).
Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).
6. Таблицы. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например: (табл. 2). Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование меньшего кегля, чем основной, но не менее 10.)
7. Формулы выполняются только в редакторе **MS Equation**.
8. Десятичные дроби имеют в виде разделительного знака запятую (0,78), при перечислении каждая из десятичных дробей отделяется от другой точкой с запятой (0,12; 0,087).

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

Костромского государственного университета

2023 – Т. 29 – № 1

Учредитель и издатель

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Костромской государственный университет»

Главный редактор

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ

доктор юридических наук, доцент,
проректор по научной работе КГУ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Реестровая запись: ПИ № ФС 77-75265 от 07.03.2019 г.

Подписано в печать 12.05.2023.
Дата выхода в свет 24.08.2023.
Формат 60×90 1/8. Усл. печ. л. 27,5.
Уч.-изд. 28,6 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 99.

Подписной индекс: **18902**

Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, Костромская обл., г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 31-13-22.**
Адрес электронной почты: **vestnik@ksu.edu.ru**
Сайт журнала: **<https://vestnik.ksu.edu.ru>**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна